

ГАЙ МАКЛИН РОДЖЕРС

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

ФИЛОСОФ, ЦАРЬ И ВОИН

ЭКСМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГАЙ МАКЛИН РОДЖЕРС

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(4Вел)
Р 60

Guy MacLean Rogers
ALEXANDER
The Ambiguity of Greatness

Перевод с английского *К. Савельева*

Художественное оформление *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Роджерс Г.М.

Р 60 Александр Македонский. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 384 с.: ил.

ISBN 5-699-14478-1

Звезда македонского царя Александра III лишь на краткий миг вспыхнула на небосклоне человеческой истории, однако слава его пережила века. Непревзойденный полководец и завоеватель не проиграл ни одной битвы, разгромил непобедимую персидскую державу и дошел со своим войском до Индии. Огромная империя Александра Македонского, которая рухнула почти сразу после его смерти, охватывала огромный массив земель, включая территории современных Египта, Турции, Сирии, Ирана, Афганистана и Ирака. Его учителем был знаменитый философ Аристотель. В его жилах текла кровь величайших героев Греции — реальных и мифических. Одни называют его платоновским царем-философом, военным гением и мессианской фигурой, подобной Иисусу и посланной с божественной миссией, чтобы облагородить человечество и стать величайшим миротворцем, другие считают его кровожадным и психически неуравновешенным тираном.

Основываясь на античных источниках, автор этой книги открывает перед читателем истинный облик великого воителя и царя, заложившего политическую, культурную и религиозную основу для будущего западной цивилизации.

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(4Вел)

© 2004 by Guy MacLean Rogers.
This translations published by
arrangement with Random House,
an imprint of Random House Publishing
Group, a division of Random House, Inc.
Illustrations and maps
© by David Lindroth, 2004
© Перевод. К. Савельев, 2005
© Издание на русском языке. Оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-14478-1

Предисловие

Я написал эту книгу, чтобы дать читателям четкое и взвешенное представление о жизни и наследии Александра Великого. Повествование о его жизни и деяниях в целом основано на античных источниках.

Почти все историки считали Александра III из Македонии военным гением. Довольно странно, однако, что лишь немногие из них объясняли причины такого мнения — по крайней мере с достаточной убедительностью. Я попытался сделать именно это. Фактически я надеюсь показать, почему Александра следует считать величайшим полководцем в истории.

В идеальном мире без войн военная тактика, материально-техническое обеспечение войск и стратегическое видение Александра могли бы представлять интерес главным образом для историков античности, но мы не живем в таком мире. Александр не проиграл ни одной битвы и создал величайшую империю Древнего мира менее чем за десять лет. Его несравненный перечень военных успехов имеет особую актуальность в наши дни.

Я также собираюсь показать, что Александр был своеобразным, хотя и не признанным «прото-феминистом», поборником сосуществования разных культур и религиозным визионером, собиравшимся основать всемирную империю «лучших людей». Его имперская идея была основана на вере в то, что, хотя все люди являются детьми Зевса, властитель Олимпа питает особую склонность к «лучшим» представителям человечества. Хотя попытка Александра

основать всемирную империю закончилась неудачей, я покажу, что он тем не менее заложил основы западной цивилизации и продолжает оказывать влияние на религиозные убеждения бесчисленного количества людей в современном мире, иногда самым неожиданным образом. Мы знаем Александра в основном как великого завоевателя, но, возможно, именно благодаря ему, а не Сыну плотника из Назарета «величайшая история из всех» стала господствующим мифом в нашем мире.

Хотя эта биография Александра предназначена для широкого круга читателей, в ней рассматривается ряд сложных и спорных научных вопросов, связанных с жизнью Александра и его влиянием на мировую историю. При этом автор косвенно или прямо обращался к аргументам многих других исследователей. Мне приятно выразить глубокую благодарность ученым, повлиявшим на мое собственное представление об Александре, особенно Э. Бадиану, Э. Босуорту, П. Брайанту, Э. Девайну, Д. Энгельсу, П. Фрейзеру, П. Грину, У. Геккелю, Ф. Хольту, А. Курту, Р. Лейнфоксу и У. Тарну. Особенно важно высказать мое глубочайшее восхищение эрудицией этих великих историков в свете того факта, что в этой книге моя точка зрения часто отличается от их толкования поступков Александра. Читателей, которых заморозит личность Александра, как это произошло со мной буквально с шести лет, я призываю обратиться непосредственно к трудам этих историков и ученых.

В Греции Димитрос Грамменос, директор археологического музея в Фессалониках, любезно разрешил мне воспроизвести резные портреты голов Александра и Филипа на слоновой кости, найденные при раскопках царских гробниц в Вергине. За содействие в этом я благодарен Анастасии Каракасиду из колледжа Уэлсли.

Во время работы над этой книгой мои соратники Гарри Кладухос, Константин Калоидис и Пьеро Антинори оказывали мне бесценную поддержку и помощь своими советами. В колледже Уэлсли мне хотелось бы поблагодарить Томаса Кашмена, Барбару Геллер, Джонатана Имбера, Френ Малино и Рода Моррисона.

Эта книга выросла из интернет-курса об Александре Великом, который я создал несколько лет назад вместе с Александром Паркером и Джеффом Канкеном из организации Global Education Network в Нью-Йорке. Тех, кто заинтересуется вариантом курса, преподаваемого мною в колледже Уэлсли в течение последних 20 лет, прошу обращаться по адресу Gen.com.

Этот проект никогда не увидел бы дневного света без помощи и поддержки Катарины Шпринкель, Линн Чу и Глена Хартли из агентства Writer's Representatives в Нью-Йорке. От подачи предложения о публикации до завершения проекта Линн и Глен прислушивались к моим идеям и помогали мне прояснить их. Я уверен, что узнал от них больше, чем они от меня. Когда дела шли не лучшим образом, они всегда оказывались на моей стороне, надея меня терпением и доброй толикой здравого смысла.

Я с удовольствием выражаю благодарность моему редактору Уиллу Мерфи из издательства Random House за то, что он вообще принял эту книгу и потратил много часов в попытках усмирить бурные волны моей прозы; в наши дни редко, вернее, почти невозможно найти такого прилежного и конструктивного критика сочинений на античные темы, особенно обладающего замечательным чувством юмора. Я также хочу поблагодарить Эвелин О'Хара, помощницу Уилла, за ее неизменную вежливость и помощь во всех технических вопросах, несмотря на мой неразборчивый почерк и загадочные послания по электронной почте. Всем хорошим в оформлении этой книги я обязан таланту Даны Бланшетт. И наконец, лишь Деннис Амброс знает, сколь многим я ему обязан за усилия по фактическому производству этой книги; пожалуй, это лучший выпускающий редактор, с которым мне когда-либо приходилось работать над издательским проектом.

Как всегда, мои братья и сестра (Марк, Кристофер и Сара) выказали большой интерес к очередной моей книге и помогли мне не забывать о том, почему эта тема должна представлять интерес для всех, а не только для нескольких историков античности.

Наверное, решающее влияние на выход этой книги оказала моя коллега, доктор Нэнси Томпсон из музея искусств Метрополитен. Наследница целой династии выдающихся редакторов из штата Айова, д-р Томпсон усовершенствовала книгу на каждом этапе ее создания и производства.

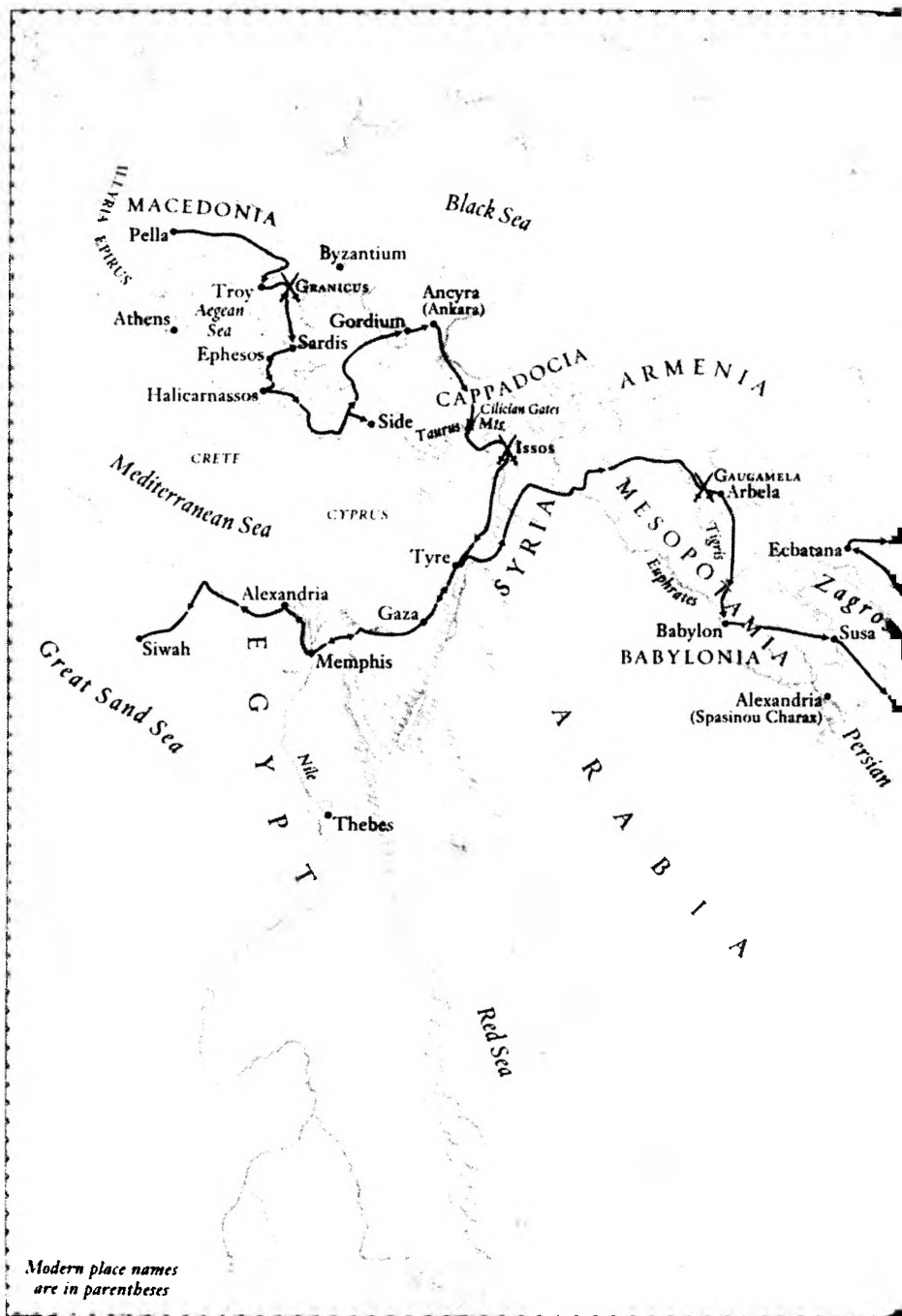
Эта книга посвящена памяти моего отца Орриса Бака Роджерса, скончавшегося от болезни Альцгеймера в марте 1996 года. Как отмечается в нескольких воспоминаниях о жизни в графстве Личфилд (штат Коннектикут), в 1960-е годы Бак Роджерс попросту был уж слишком талантливым и обаятельным. Болезнь украла у Бака его внешность и творческие таланты, но не смогла лишить его чувства юмора.

Незадолго перед смертью Бака я навестил его в доме престарелых, где он провел последние несколько лет своей жизни. Поскольку он больше не мог ясно говорить, но ему все ещё нравилось слушать музыку, я принес компакт-диск с записью лучших композиций Глена Миллера. Наряду с прочими артистическими талантами, Бак был превосходным барабанщиком и особенно любил оркестровую музыку 1940-х годов. Когда из моего CD-плеера донесли первые ноты знаменитой композиции «Настроение», Бак неожиданно вскочил с инвалидного кресла и начал пританцовывать в ритме музыки.

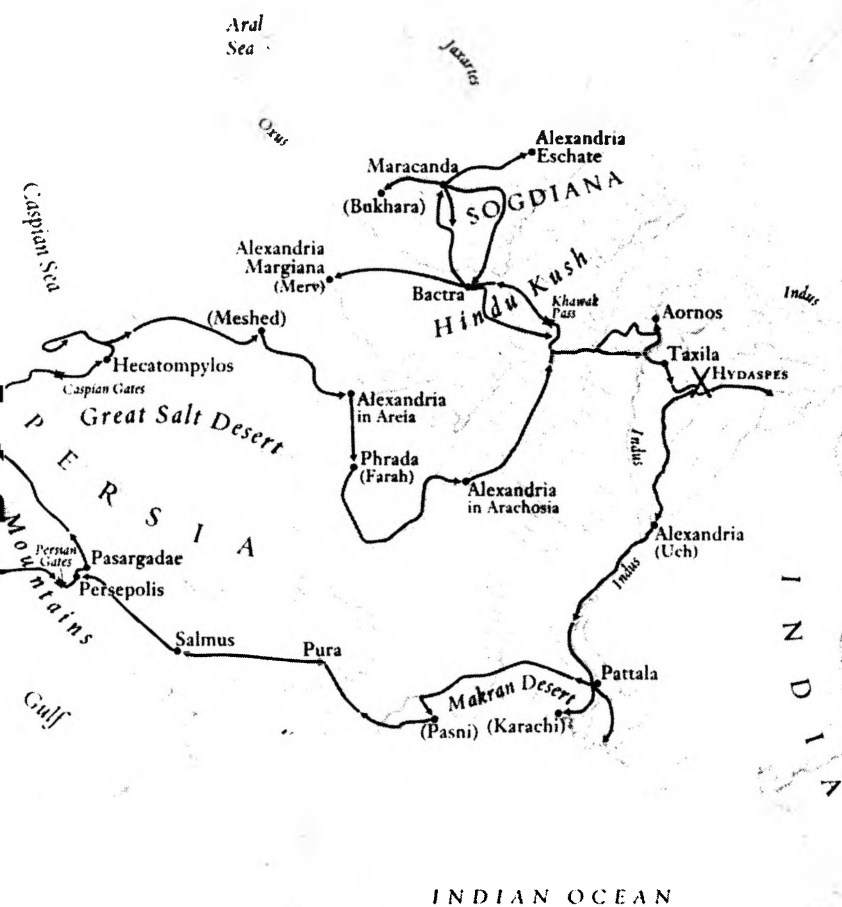
— Послушай, Бак, — сказал я, — у тебя получается!

— У меня всегда получалось, — ответил он.

*Гай Маклин Роджерс
Толл-корт
28 сентября 2004 г.*

ALEXANDER'S CAMPAIGN ROUTE

Введение

Настоящий Александр

На протяжении большей части письменной истории человечества Александра III из Македонии считали героем или даже больше чем героем. В первой половине XX века один ученый высказал мнение, что он был кем-то вроде платоновского царя-философа или даже мессианской фигуры, подобной Иисусу и посланной с «божественной миссией, чтобы облагородить человечество в целом и стать величайшим миротворцем».

Однако современные историки рисуют гораздо менее лестный портрет Александра. Некоторые изображают его психически неуравновешенным алкоголиком, подверженным вспышкам пьяного гнева и насилия, другие намекают, что он был эгоманьяком и предшественником политического террориста Сталина или массового убийцы Гитлера. Историки также отрицают, что Александр оказал какое-либо долговечное влияние на Древний мир, или же сравнивают последствия его деятельности с последствиями военной кампании Эрнана Кортеса и конкистадоров против мексиканских ацтеков в 1519 — 1522 годах.

Хотя общее мнение об Александре остается в значительной степени доброжелательным, во второй половине XX века возникла новая научно-историческая тенденция, видным представителем которой является Фрэнк Холт. По его мнению, Александра Великого следует переименовать в Александра «Ужасного» или Александра «Незначительного». Призванный к ответу суровыми историками более чем через 2300 лет после его смерти, Александр был

задним числом лишен своей репутации и звучного эпитета.

Этот новый образ Александра отчасти возник в результате более критического и скептического отношения к древнегреческим и римским источникам, повествующим о его жизни. По мере того как ученые анализировали методы исследований древних авторов и сравнивали разные тексты, они реконструировали гораздо менее героическую картину деяний, а следовательно, и самой личности Александра.

Многие поборники новой ортодоксии писали свои сочинения в зловещей тени современных тиранов прошлого века. Глядя на хаос и разрушения, оставленные такими фигурами, как Гитлер, Сталин, Муссолини и Милошевич, эти историки перенесли на Александра свое глубоко негативное отношение к национализму, завоеваниям и имперскому мышлению.

Разумеется, мы должны критически подходить к оценке всех исторических источников. Более того, современные историки не должны становиться глашатаями победителей или адвокатами побежденных. Тем не менее сама новая ортодоксия основана на довольно выборочном использовании античных источников, и общая историческая канва, на фоне которой действовал Александр, никогда не была представлена должным образом.

В этой книге будет показано, что поступки Александра следует понимать прежде всего в контексте долгой исторической борьбы между Персией и Грецией, которую обе стороны рассматривали как религиозный конфликт. Личность «настоящего» Александра вырисовывается в результате взвешенного и точного хронологического описания его деяний, основанного на анализе всех главных древних источников. Рассматриваемый в таком историческом контексте, Александр предстает в первую очередь как военный гений — возможно, величайший воин в мировой истории. Но Александр также был благочестивым религиозным традиционалистом, чье стремление основать всемирную империю «лучших людей» было санкционирова-

но богами, которых он чтит всю свою жизнь. Хотя он не достиг своей цели из-за преждевременной смерти, мы постараемся доказать, что именно Александр заложил политическую, культурную и религиозную основу для будущего рождения западной цивилизации.

КАКАЯ РАЗНИЦА?

Менее чем за десять лет Александр завоевал Персидскую империю — самую крупную и наиболее успешную в истории древнего Ближнего Востока. Во времена своего расцвета Персидская империя полностью или частично охватывала территорию таких современных государств, как Турция, Сирия, Ливан, Израиль, Египет, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Индия. Вопрос о том, каким образом Александру удалось завоевать территорию столь огромного размера и этнического разнообразия за столь короткое время, а затем управлять ей, должен представлять интерес не только для профессиональных историков, но и для всех, кто хочет ясно понимать глубокие исторические корни смертоносных конфликтов, ныне опустошающих земли, которыми он некогда правил, и угрожающих воспламенить весь мир.

В своей империи Александр насадил основополагающую физическую, политическую и общественную организацию греческой цивилизации — *полис*, или город-государство — в стратегических пунктах по всей территории Ближнего Востока от современного Египта до Таджикистана. В основанных им городах и военных поселениях греческий язык стал преобладающим языком государственного управления, торговли, законодательства, литературы и религиозной мысли.

На греческом языке, принесенном Александром из Македонии, были сформулированы некоторые из наиболее влиятельных идей в человеческой истории, распространившиеся вплоть до Индии. В свою очередь в городах-государствах, основанных Александром и его преемника-

ми, идеи и религиозные сочинения народов за пределами греческой цивилизации были переведены на греческий, а затем распространились по всему Средиземноморью. Это перекрестное оплодотворение продолжалось даже после того, как римляне покорили отдельные царства империи Александра в Греции, Македонии и на Ближнем Востоке.

На востоке завоевания Рима привели к созданию своеобразной греко-римской цивилизации, существовавшей до VII века н. э. В рамках этой цивилизации развивались или были созданы три великих мировых религии: раввинистический иудаизм, христианство и ранний ислам. Эти религиозные системы развивались вместе с греко-римской цивилизацией и часто противостояли ей.

Хотя Александр рисовал в своем воображении мировую империю совершенно иного рода, он в итоге заложил основы западной цивилизации, выросшей из греко-римской античной культуры. Политическим, культурным и религиозным наследникам его империи важно знать, кем на самом деле был Александр III из Македонии.

Личность Александра по-прежнему имеет значение, поскольку он, в определенном смысле, является собирательным образом для многих наших устремлений и опасений. Возможно, по этой причине ученые создали такой противоречивый исторический портрет Александра. Этот портрет — неотъемлемая часть представления западного общества о самом себе. Мы создаем «Александров» по образу и подобию цивилизации, к которой мы стремимся или которой хотим избежать.

Вместе с тем Александра нельзя представить как гомосексуалиста или бисексуала, как ультранационалиста или поборника этнического разнообразия, как массового убийцу или мессию. Александр был неоднозначным гением, не вписывающимся в современные поляризованные категории. Подобно персидскому царю Дарию, мы сражаемся изо всех сил, но, как предсказал Дельфийский оракул, Александр остается *aniketos* — неуязвимым. Его роль в истории нельзя опровергнуть никакими упрощениями.

Но хотя неоднозначную природу личности Александ-

ра нельзя раскрыть без искажения исторической хроники его поступков, это не должно влиять на нашу оценку его «величия». На всем протяжении человеческой истории великие личности часто обладали богоподобными способностями наряду со слабостями и изъянами простых смертных. На самом деле ошибки и недостатки великих людей позволяют нам оценить их таланты, а их неудачи являются лишь подтверждением их человеческой природы. Несмотря на свое величие, в конце концов Александр оказался таким же смертным, как и все мы. Если мы примем этот факт, как оказался вынужден сделать сам Александр, то, возможно, сумеем простить его за неоднозначность его величия.

Главные действующие лица

АБРЕЙ-«ДВУДОЛЬНИК»: македонский солдат, получавший двойное жалованье за примерную службу; погиб, защищая Александра в крепости маллов.

АГИС III: царь Спарты; поднял мятеж против Македонии в 331 г. до н. э.; был разбит Антипатром, регентом Александра в Македонии.

АДА: царица из рода Гекатомна; сдала Александру город Алинды; назначена правительницей Карики в 334 г. до н. э.; назвала Александра своим сыном.

АКУФИС: правитель Нисы, индийского города, названного в честь кормилицы Диониса.

АЛЕКСАНДР ИЗ ЛИНКЕСТИДЫ, СЫН АЕРОПА: сопровождал Александра Македонского во дворец после убийства Филиппа II; братья Аррабей и Геромен были казнены за участие в заговоре против Филиппа; казнен по обвинению в причастности к измене Филота.

АЛЕКСАНДР ИЗ ЭПИРА: царь Молоссы в Эпире (342 — 330/29 гг. до н. э.). Брат Олимпиады; женился на Клеопатре, дочери Филиппа, в 336 г. до н. э.

АЛКИМАХ, СЫН АГАФОКЛА: брат Лисимаха, телохранителя Александра; летом 334 г. до н. э. был отправлен в эолий-

ские и ионийские города, еще подвластные персам, для низложения правящих фракций и их замены на демократические правительства.

АНДРОНИК, СЫН АГЕРРА: был отправлен для подавления мятежа Сатибарзана; муж Ланики, кормилицы Александра; вероятно, был убит в бою на р. Политимет.

АНКСАРХ ИЗ АБДЕРЫ: философ, утешавший Александра после убийства Клита; поддержал предложение о введении обряда *проскинезы* (коленипреклонения) перед царем.

АНТИПАТР, СЫН АСКЛЕПИОДОРА: отец был сатрапом Сирии; присоединился к «заговору пажей» с целью убийства Александра (из-за наказания Гермояла или гонений на своего отца); казнен вместе с остальными заговорщиками.

АНТИПАТР, СЫН ИОЛАЯ: примкнул к Александру после убийства Филипа; занимал должность «регента», или царского наместника, в Европе на время отсутствия Александра; часто вступал в пререкания с Олимпиадой; в 324 г. до н. э. Кратер был отправлен в Македонию, чтобы сменить его;

АРИСТАНДР ИЗ ТЕЛМЕССА: прорицатель Александра; предсказал падение Тира, грядущее величие Александрии Египетской и победу в битве при Гавгамелах (на основании лунного затмения 20 сентября 331 г. до н. э.).

АРИСТОБУЛ ИЗ КАССАНДРЕИ: служил инженером и строителем в армии Александра; написал историю царствования Александра после 301 г. до н. э.).

АРИСТОТЕЛЬ ИЗ СТАГИРЫ: великий античный философ (родился ок. 384 г. до н. э., умер в 322 г. до н. э.). Был приглашен в Пеллу, чтобы служить наставником молодого Александра; его племянник Каллисфен был официальным историком Александра.

АРТАБАЗ, СЫН ФАРНАБАЗА: жил в Пелле; сдался Александру после смерти Дария; был назначен сатрапом Бактрии.

АТЕНЕЙ ИЗ НАВКРАТИСА (ЕГИПЕТ): написал труд под названием *Deipnosophistae* («Пир софистов»), заверченный после смерти римского императора Коммода (ок. 192 г. н. э.). Действующими лицами являются гости на многодневном пиру, беседующие о философии, литературе, законах, медицине и других предметах, включая события из жизни Александра.

АТТАЛ: родился ок. 390 г. до н. э.; его племянница Клеопатра вышла замуж за Филипа в 337 г. до н. э. На свадебном пиру Аттал молился о законном наследнике македонского трона; в 336 г. до н. э. был назначен одним из командующих экспедиционным корпусом в Азии. После убийства Филипа был казнен при соучастии Пармениона.

БАГОЙ: молодой персидский евнух, подаренный Александру Набарзаном в Гиркании; возможно, был связан с Александром интимными отношениями.

БАЛАКР: македонский командир, командовавший отрядом метателей дротиков в битве при Гавгамелах, успешно нейтрализовавшим атаку боевых колесниц Дария.

БАРСАЕНТ: сатрап Арахосии и Дрангены, убийца Дария; впоследствии казнен Александром.

БАРСИНА (СТАТИРА): старшая дочь Дария; Александр женился на ней по персидскому обычаю в Сузах в 324 г. до н. э.

БАРСИНА: дочь персидского вельможи Артабаза, бывшая жена Мемнона Родосского; стала наложницей Александра и родила ему сына Геракла.

БАТИС: евнух, правитель Газы, назначенный персами; командовал арабскими наемниками, отбившими три штурма македонской армии; схвачен и казнен после падения Газы.

БЕСС: сатрап Бактрии, стоявший за убийством Дария; схвачен в 329 г. до н. э. и впоследствии казнен.

БОЛОН: один из младших командиров в македонской армии; произнес обвинительную речь против Филота на суде в Дрангене в октябре 330 г. до н. э.

БРАНХИДЫ: потомки жрецов и сторожей оракула Аполлона в греческом городе Милеты в Малой Азии; передали Ксерксу сокровища оракула в 479 г. до н. э. Поселились на берегу реки Окс, спасаясь от мести соотечественников; впоследствии были истреблены Александром.

БУЦЕФАЛ: любимый конь Александра, первоначально подаренный Филипу Филоником из Фессалии; молодой Александр объездил Буцефала и выиграл его в споре с отцом. Дошел со своим хозяином до Индии, где умер в возрасте 30 лет; Александр назвал город в его честь.

ГАРПАЛ, СЫН МАХАТА: один из друзей детства Александра, изгнанный Филипом из Македонии весной 336 г. до н. э.; впоследствии был назначен царским казначеем; дважды бежал от Александра; был убит на Крите в 324 г. до н. э.

ГЕГЕЛОХ, СЫН ГИППОСТРАТА: командир конницы, внучатый племянник Аттала; вероятно, злоумышлял против Александра в Египте вместе с Парменионом; отвергал притязания Александра на божественное происхождение; погиб в битве при Гавгамелах.

ГЕРАКОН: македонский командир, первоначально оправданный Александром на суде в Кармании в 324 г. до н. э.; впоследствии был повторно осужден по жалобе жителей Суз и казнен.

ГЕРМОЛАЙ, СЫН СОПОЛИДА: ученик Каллисфена; планировал заговор с целью убийства Александра в отместку за своего отца; был забит камнями до смерти.

ГЕФЕСТИОН, СЫН АМИНТОРА: ближайший друг, возможно, любовник Александра; был ранен в битве при Гавгамелах, где командовал агемой щитоносцев; после смерти Филота разделил командование конницей «товарищей царя» с Клитом Черным; умер в Экбатанах в октябре 324 г. до н. э.

ГИЕРОН ИЗ КАРДИИ: автор исторического сочинения, начинающегося со смерти Александра в 322 г. до н. э. и заканчивающегося смертью царя Пирра из Эпира в 272 г. до н. э.

ГЛАВК: личный врач Гефестиона; повешен или распят после того, как не смог спасти жизнь Гефестиона в Экбатанах в октябре 324 г. до н. э.

ГЛИКЕРА: афинская гетера, вторая наложница/любовница Гарпала в Вавилоне, где она вела роскошный образ жизни.

ДАНДАМИД: индийский философ, спросивший Александра, зачем тот пришел в Индию.

ДАРИЙ I: царь Персии (правил с 522 г. до н. э. по 486 г. до н. э.), узурпатор персидского трона. Основал царские резиденции в Сузах и Персеполе; подавил ионийский мятеж (499 — 494 г. до н. э.); его полководец Дат потерпел поражение от афинян в битве при Марафоне (490 г. до н. э.).

ДЕМЕТРИЙ: телохранитель Александра; принимал участие в заговоре Лимна с целью убийства царя; казнен македонскими солдатами в октябре 330 г. до н. э. Впоследствии на место Деметрия был назначен Птолемей.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ: римский автор; в 17-й и 18-й книгах его «Исторической библиотеки», завершённой около 30 г. до н. э., повествуется о жизни Александра от восхождения на престол до смерти в Вавилоне.

ИСОКРАТ: афинский оратор, автор «Панегирика» (380 г. до н. э.) и «Писем Филипу» (346/45 г. до н. э.), в которых он побуждал Филипа II Македонского к военной кампании против Персии.

КАЛАН: индийский философ-аскет, пытавшийся научить Александра доктрине государственного управления; сопровождал царя в пути на запад и покончил с собой в Персии.

КАЛЛИН: македонский ветеран из конных «товарищей царя»; во время мятежа в Опиде попросил Александра от лица солдат о праве целовать царя и называть себя его родственниками.

КАЛЛИСФЕН ИЗ ОЛИНТА: официальный историк военной кампании Александра, написавший труд под названием «Деяния Александра»; нарушил планы царя ввести обычай *проскинезы* при дворе; был обвинен вместе с группой царских «пажей» в заговоре против Александра; попал в опалу и вскоре умер.

КАМБИЗ: царь Персии (правил с 530 г. до н. э. по 522 г. до н. э.), сын Кира Великого; завоевал Египет и сделал его персидской сатрапией с помощью местной знати.

КВИНТ КУРЦИЙ РУФ: написал историю Александра в 10 книгах (*Historiae Alexandri Magni*) во время правления римского императора Клавдия (41 — 54 г. н. э.).

КЕБАЛИН: брат Никомаха; раскрыл Александру заговор Лимна в октябре 330 г. до н. э.

КЕН, СЫН ПОЛЕМОКРАТА: командир конницы из Элиотида в Верхней Македонии; сражался во всех главных битвах Александра, был ранен при Гавгамелах; выступил против Филота на суде в 330 г. до н. э.; на реке Гифас посоветовал Александру повернуть назад; умер от естественных причин в 326 г. до н. э.

КИР ВЕЛИКИЙ: царь Персии (правил с 557 г. до н. э. по 530 г. до н. э.), основатель Персидской империи. Построил царскую столицу Пасарагды, где впоследствии был похоронен; пересек пустыню Гадросии, где якобы потерял всю армию, кроме семи человек.

КЛЕАНДР, СЫН ПОЛЕМОКРАТА: брат Кена, командир наемников в Экбатанах; сыграл ключевую роль в убийстве Пармениона осенью 330 г. до н. э. Казнен в Кармании в 324 г. до н. э. за плохое управление и бесчинства над местным населением.

КЛЕОПАТРА: племянница Аттала, ставшая его женой в 337 г. до н. э.; тост Аттала за ее будущего сына и наследника привел к ссоре между Филипом и Александром; в результате Олимпиада отправилась в ссылку в Эпир, а Александр в Иллирию.

КЛИТ «ЧЕРНЫЙ», СЫН ДРОПИДА: брат Ланики, кормилицы Александра; командовал царской агемой в коннице «товарищей царя»; спас жизнь Александра в битве при Гранике; убит Александром в пьяной ссоре в 328 г. до н. э.

КЛИТАРХ ИЗ АЛЕКСАНДРИИ: написал историю царствования Александра в 12 книгах, датируемую примерно 310 г. до н. э.

КРАТЕР, СЫН АЛЕКСАНДРА (НЕ ЦАРЯ МАКЕДОНИИ): родом из Орестиды в Верхней Македонии; командовал левым крылом фаланги в битвах при Иссе и Гавгамелах; самый надежный полководец Александра во время кампаний в Согдиане и Индии; в 324 г. до н. э. был направлен в Македонию, чтобы сменить Антипатра на посту регента Александра.

КСЕРКС: царь Персии (правил с 486 по 465 г. до н. э.); построил дворцы в Персеполе; руководил захватом и разграблением Афин в 480 г. до н. э., включая разрушение храмов на афинском акрополе; был вытеснен из Греции после поражения его флота в битве при Саламине.

ЛАОМЕДОН, СЫН ЛАРИХА: младший брат Эригия; был изгнан Филипом за участие в «сватовстве Пиксодара»; впоследствии командир одного из судов во флоте Александра.

ЛЕОНИД: родственник Олимпиады, поставленный старшим над кормилицами, педагогами и наставниками юного Александра; считался сторонником жесткой дисциплины.

ЛЕОННАТ: родственник матери Филипа II; в 321 году стал одним из семи личных телохранителей Александра; защищал царя в крепости маллов; нанес поражение оритам; был удостоен золотого венка в Сузах.

ЛИМН: глава заговорщиков против Александра в октябре 330 г. до н. э.; совершил самоубийство или был убит стражей при аресте.

ЛИСИМАХ: один из наставников Александра, добившийся его расположения тем, что называл Филипа «Пелеем», Александра «Ахиллом», а себя «Фениксом», старым учителем Ахилла. Впоследствии спасен Александром во время набега на арабов, живших в окрестностях горы Антиливан.

ЛИСИПП: любимый скульптор Александра, создавший несколько бронзовых статуй царя в образе героя-воина с благородной внешностью, ставших прототипами для позднейших изображений Александра.

ЛУЦИЙ ФЛАВИЙ АРРИАН: римский автор (ок. 86 — 160 г. до н. э.). Его «Анабасис» в семи книгах начинается с восхождения Александра на престол и заканчивается смертью в Вавилоне в 323 г. до н. э. В более коротком сочинении под названием «Индика» повествуется о плавании Нearchа от устья Инда до Суз.

МАЗЕЙ: командующий сирийскими и месопотамскими войсками в битве при Гавгамелах, пытавшийся помешать переправе Александра через Евфрат.

МАРК ЮНИЙ ЮСТИН: римский историк III или IV века до н. э., автор латинской *эпитомы* (конспекта) ныне утраченной «Филиппической истории» (*Historiae Philippicae*) Помпея Трога, жившего в конце I века до н. э. и написавшего о Македонии в 7 — 12-й книгах своих сочинений.

МЕДИЙ ИЗ ЛАРИССЫ: хозяин пирушки с участием Александра, где царь заболел лихорадкой или был отравлен, что стало причиной его смерти.

МЕМНОН ИЗ РОДОСА: командующий греческими наемниками на службе у персидского царя; рекомендовал проводить политику выжженной земли перед битвой при Гранике; организовал оборону Галикарнаса в 334 г. до н. э. Его смерть летом 333 г. до н. э. привела к краху персидской военно-морской стратегии в Средиземном море.

МЕНИД: македонский военачальник, командовавший наемной конницей в битве при Гавгамелах; остался в Экбатанах с Парменионом в 330 г. до н. э.; был причастен к убийству Пармениона; находился в Вавилоне, когда умер Александр.

МУСИКАН: правитель богатейшего царства в долине Инда; капитулировал перед Александром и преподнес роскошные дары; был утвержден вассальным правителем, но вскоре поднял мятеж и погиб.

НАБАРЗАН: командующий персидской конницей; подстрекал соратников к убийству Дария, впоследствии сдался Александру; евнух Багой способствовал тому, чтобы его приняли доброжелательно.

НЕАРХ: критянин, командовавший флотом Александра, проплывшим вниз по Инду и от устья Инда вдоль побережья до устья Евфрата; оставил воспоминания о военной кампании.

НИКАНОР, СЫН ПАРМЕНИОНА: младший брат Филота; командовал пешими «товарищами царя» (гипаспистами) в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах; умер от болезни в 331 или 330 г. до н. э.

НИКОМАХ: друг Лимна, узнавший о заговоре с целью убийства Александра в октябре 330 г. до н. э.

ОКСИАРТ: знатный бактриец, попавший в плен при штурме Согдийской Скалы; Александр взял в жены его дочь Роксану весной 327 г. до н. э.

ОЛИМПИАДА ИЗ МОЛОССЫ: дочь эпирского царя Неоптолема; вышла замуж за Филипа II Македонского в 357 г. до н. э. и родила Александра III Македонского в июле 356 г. до н. э. Была служительницей дионисийского культа.

ОНЕСИКРИТ ИЗ АСТИПАЛЕИ: кормчий царской галеры Александра; впоследствии написал историческое сочинение под названием «Образование Александра».

ОРКСИН: персидский вельможа, возводивший свою родословную к царю Киру Великому; был сатрапом Персии во время индийского похода Александра; впоследствии осужден за разграбление царских гробниц и бесчинства над персидским населением и казнен по приказу Александра.

ПАВСАНИЙ, СЫН КЕРАСТА: убийца Филипа II, отомстивший ему за групповое изнасилование погонщиками Аттала.

ПАРИСАТИДА: младшая дочь персидского царя Артаксеркса III Оха (359 — 338 г. до н. э.). Александр женился на ней в Сузах в 324 г. до н. э.

ПАРМЕНИОН: лучший полководец Александра; возглавил экспедиционный корпус в Малой Азии в 336 г. до н. э. Командовал левым флангом армии в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах; убит в 330 г. до н. э. по приказу Александра после того, как его сына Филота сочли виновным в государственной измене.

ПЕВКЕСТ, СЫН АЛЕКСАНДРА (НЕ АЛЕКСАНДРА III): воин, защищавший Александра после того, как царь был ранен при штурме крепости маллов; стал телохранителем Александра; впоследствии был назначен сатрапом Персии.

ПЕРДИККА, СЫН ОРОНТА: командир пехотной фаланги; был назначен одним из телохранителей Александра в 330 г. до н. э. После смерти Гефестиона стал командующим первой гиппархии в коннице «товарищей царя»; после смерти Александра получил кольцо с царской печатью.

ПИКСОДАР: персидский сатрап Карики (341 — 336 г. до н. э.), предложивший свою дочь в жены Арридею, сыну Филипа II и Филинны из Лариссы. Александр сорвал это сватовство, предложив себя в качестве жениха.

ПИФОНИКА: афинская гетера, одна из первых красавиц своего времени; любовница Гарпала, жившая с ним в Вавилоне; после ее смерти он поставил ей памятник.

ПЛУТАРХ: греческий историк, гражданин Римской империи (ок. 50 — 120 н. э.); составил двадцать три сравнительных жизнеописания знаменитых греков и римлян (биография Александра сравнивалась с биографией Юлия Цезаря).

ПОЛИДАМ: гонец Пармениона в битве при Гавгамелах; впоследствии сыграл ключевую роль в убийстве Пармениона.

ПОЛИПЕРХОН, СЫН СИММИЯ: пехотный командир в армии Александра; насмеялся над персами, простиравшимися ниц перед царем.

ПОР: индийский царь, противник Александра в битве при Гидаспе (май или июнь 326 г. до н. э.). После поражения стал одним из стратегических союзников Александра.

ПРОТЕЙ: родственник Клита «Черного», известный пьяница; вероятно, присутствовал на последнем пиру Александра.

ПРОТЕСИЛАЙ: греческий герой, возглавлявший фессалийцев при осаде Трои. Во второй книге «Илиады» Гомер сообщает, что Протесилай пал первым от дарданского копья. Александр принес жертву над его гробницей в Элеунте.

ПСАММОН: мемфисский жрец, с которым у Александра состоялась философская беседа о том, что Зевс является «отцом всех людей», но особо приближает к себе лучших из них.

ПТОЛЕМЕЙ I: телохранитель Александра, впоследствии сатрап Египта и основатель династии Птолемеев в Египте; в старости написал историю царствования Александра.

РОКСАНА: дочь бактрийского вельможи Оксиарта, первая жена Александра (327 г. до н. э.). Ее сын Александр IV родился после смерти Александра Великого.

САТИБАРЗАН: знатный перс, назначенный Александром сатрапом ариев; впоследствии поднял мятеж и был убит Эригием весной 329 г. до н. э.

СЕМИРАМИДА: легендарная ассирийская царица, якобы пересекшая пустыню Гадросии после своего завоевательного похода в Индию.

СИСИГАМБИЯ: мать Дария III, попавшая в плен после битвы при Иссе; Александр относился к ней с большим уважением, называл ее своей матерью и учил греческому языку.

СИТАЛК: царевич царского дома Одрисии, командовавший фракийскими копейщиками; сыграл ключевую роль в убийстве Пармениона в 330 г. до н. э. В 324 г. до н. э. был казнен за плохое управление и бесчинства над местным населением.

СПИТАМЕН: согдийский вождь, выдавший Александру Бесса, но затем поднявший мятеж; разбил Андромаха, Менедема и Карана в бою на реке Политимет; был убит своей женой либо своими союзниками-массагетами.

СТРАБОН: античный автор (ок. 64 г. до н. э. — ок. 21 г. н. э.). В 15-й книге его «Географии» дана ценная географическая и этнографическая информация о военных кампаниях Александра, особенно в Индии, основанная на сочинениях Нearchа, Мегасфена и Онесикрита.

ТАКСИЛ/МОФИС: правитель Таксилы, осыпавший Александра подарками в начале индийской кампании. В благодарность получил щедрые дары от царя и был поставлен сатрапом над своими землями.

ФАИДА/ТАИС: афинская гетера, предположительно подсказавшая Александру мысль о поджоге царского дворцового комплекса в Персеполе; впоследствии наложница Птолемея.

ФАЛЕСТРИДА: царица амазонок, которая якобы тридцать пять дней провела в лагере Александра, чтобы зачать от него ребенка.

ФИЛИП ИЗ АКАРНАНИИ: врач Александра, вылечивший царя, когда тот заболел после купания в реке Кидн.

ФИЛИП II МАКЕДОНСКИЙ: отец Александра III (Великого); родился ок. 392 г. до н. э.; нанес поражение грекам в битве при Херонее в 338 г. до н. э.; был провозглашен предводителем военного союза против Персии, учрежденного в Коринфе летом 337 г. до н. э.; убит осенью 336 г. до н. э.

ФИЛОТ: сын Пармениона, командовавший конницей «товарищей царя» в начале азиатского похода; был казнен в 330 г. до н. э. по обвинению в государственной измене.

ХАРЕС ИЗ МИТИЛЕН: распорядитель церемоний при дворе Александра; написал «Историю Александра».

ЭВМЕН (ЕВМЕН) ИЗ КАРДИИ: секретарь Александра; вел «Царские дневники» вместе с Диодотом из Эритреи.

ЭПАМИНОНД: фиванский полководец, дважды наносивший поражение спартанской армии, при Левктре (371 г. до н. э.) и при Мантинее (362 г. до н. э.). Изобрел новую тактику гоплитского строя, вероятно, послужившую примером для Филипа II.

ЭРИГИЙ ИЗ МИТИЛЕНЫ: родился ок. 380 г. до н. э.; вместе с друзьями Александра был изгнан из Македонии весной 336 г. до н. э.; впоследствии командовал союзной конницей и убил мятежника Сатибарзана в рукопашной схватке.

Правители Персии и Македонии

Персидские цари от VII века до нашей эры до смерти Дария III (все даты до нашей эры).

Чишпиш	650 — 620
Кир I	620 — 590
Камбиз I	590— 559
Кир II (Великий)	559 — 530
Камбиз II	530— 522
Бардия	522
Дарий I	522— 486
Ксеркс	486— 465
Артаксеркс I	465— 423
Дарий II	423 — 405
Артаксеркс II	405— 359
Артаксеркс III Ох	359 — 338
Артаксеркс IV	338 — 336
Дарий III	336 — 330

Македонские цари из династии Аргеадов от начала V века до нашей эры до царствования Александра III (Великого).

Аминта I	498/97
Александр I	498/97 — 454
Пердикка II	454 — 413
Архелай	413 — 399
Орест	399 — 398/97
Аероп II	398/97 — 395/94

Аминта II	395/94
Павсаний	394/93
Аминта III	393 — 370/69
Александр II	370/69 — 367
Птолемей	367 — 365
Пердикка III	365 — 360/59
Филип II	360/59 — 336
Александр III	336 — 323

Хронология

(все даты до нашей эры)

1187		Падение Трои
559 — 530		Годы правления Кира II (Великого)
499— 494		Восстание ионийских греков
490	<i>сентябрь</i>	Поражение персов при Марафоне
480	<i>сентябрь</i>	Разрушение храмов в Афинах, поражение персов при Саламине
479		Поражение персов при Платее
450		Мирный договор Каллиада
431— 404		Пелопоннесская война
387/86		«Царский мир»
382		Рождение Филипа II
380		«Панегирик» Исократы
371	<i>июль</i>	Битва при Левкре
369 — 367		Филип II — заложник в Фивах
362		Битва при Мантинее
360/59		Смерть Пердикки III (брата Филипа II)
356	<i>20 июля</i>	Рождение Александра
346		«Письмо Филипу» Исократы
338	<i>август</i>	Битва при Херонее
336	<i>весна</i>	Македонский экспедиционный корпус переправляется через Геллеспонт
336	<i>октябрь</i>	Убийство Филипа II
334	<i>конец весны</i>	Битва при Гранике
334	<i>начало лета</i>	Александр в Эфесе
334	<i>лето</i>	Взятие Милет
334	<i>лето</i>	Осада Галикарнаса

<i>зима</i>	Кампании Александра в Карию, Ликию, Памфилию и Фригию
<i>весна</i>	Военно-морская кампания Мемнона
<i>весна/лето</i>	Александр в Гордии
<i>конец лета</i>	Александр в Киликии
<i>конец лета</i>	Александр в Тарсе
<i>сентябрь</i>	Дарий на Амикской равнине
<i>ноябрь</i>	Битва при Иссе
<i>январь—июль</i>	Осада Тира
<i>сентябрь—ноябрь</i>	Осада Газы
<i>конец зимы</i>	Визит Александра в оазис Сива
<i>7 апреля</i>	Основание Александрии
<i>апрель</i>	Александр в Мемфисе
<i>апрель</i>	Александр покидает Мемфис
<i>20 сентября</i>	Лунное затмение после переправы Александра через Тигр
<i>1 октября</i>	Битва при Гавгамелах
<i>конец ноября</i>	Александр покидает Вавилон
<i>конец декабря</i>	Александр покидает Сузы
<i>январь—май</i>	Александр в Персеполе
<i>июль</i>	Смерть Дария
<i>август</i>	Александр в Задракартах
<i>октябрь</i>	Заговор Лимна
<i>осень</i>	Смерть Филота и Пармениона
<i>март</i>	Александр в долине Гелманд (Афганистан)
<i>весна</i>	Смерть Сатибарзана
<i>весна</i>	Александр переправляется через Гиндукуш
<i>лето</i>	Пленение Бесса
<i>осень</i>	Мятежи в Бактрии и Согдиане
<i>зима</i>	Александр в Бактрах
<i>весна—лето</i>	Кампании в Бактрии и Согдиане
<i>лето</i>	Захват Согдийской скалы
<i>осень</i>	Смерть Клита в Мараканде
<i>зима</i>	Армия отдыхает в Навтаках (Карши)
<i>весна</i>	Окончание мятежа в Согдиане
<i>весна</i>	Александр женится на Роксане
<i>конец весны</i>	Александр вводит <i>проскинезу</i>

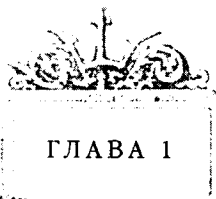

327	<i>конец весны</i>	«Заговор пажей»
327	<i>весна—лето</i>	Македоняне переправляются через Гиндукуш
327/26	<i>зима</i>	Гефестион выступает к Инду
326	<i>конец зимы</i>	Захват Аорнской скалы
326	<i>весна</i>	Армия воссоединяется у Инда
326	<i>май—июнь</i>	Битва при Гидаспе
326	<i>конец июня</i>	Александр на реке Ченаб
326	<i>лето</i>	Мятеж на реке Гифас
326	<i>конец лета</i>	Александр возвращается к Гидаспу
326	<i>август</i>	Смерть Кена
326	<i>начало ноября</i>	Александр выступает вниз по Гидаспу
326/25	<i>зима</i>	Александр ранен в крепости маллов
325	<i>июль</i>	Александр в Паттале
325	<i>конец августа</i>	Александр покидает Патталу
325	<i>начало октября</i>	Александр покидает землю оритов
325	<i>начало ноября</i>	Неарх отплывает вдоль южного побережья
325	<i>декабрь</i>	Неарх прибывает в Салмунт
325	<i>конец декабря</i>	Александр покидает Карманию
324	<i>март</i>	Александр возвращается в Сузы; массовая брачная церемония; выплата долгов; прибытие «эпигонов»
324	<i>середина лета</i>	Александр в Опиде
324	<i>лето</i>	Мятеж и пир в Опиде
324	<i>4 августа</i>	Указ о возвращении изгнанников, объявленный в Олимпии
324	<i>октябрь</i>	Смерть Гефестиона в Экбатанах
323	<i>начало года</i>	Александр покидает Экбатаны
323	<i>весна</i>	Александр возвращается в Вавилон
323	<i>конец мая</i>	Болезнь Александра
323	<i>10 июня</i>	Смерть Александра

Ч А С Т Ь I

*«Александр, сын Филипа,
и греки»*

ГЛАВА 1

Кровь героев

ЗНАМЕНИЕ РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ

Когда Людвигу ван Бетховену было одиннадцать лет, он сочинил этюд для фортепиано, слишком трудный для исполнения в его возрасте. Учитель музыки якобы сказал ему: «Но ты же не можешь сыграть это, Людвиг», — на что мальчик ответил: «Смогу, когда вырасту».

До нас дошло много замечательных цитат и историй о подвигах юных гениев. Красной нитью через эти истории проходит мысль о предзнаменовании еще более великих свершений. Разумеется, маленький Бетховен знал, что однажды он сможет сыграть самые сложные сочинения для фортепиано; в конце концов, он был Бетховеном!

Существует много таких историй об Александре Великом. Большинство из них можно обнаружить в первых десяти главах биографического сочинения Плутарха. Плутарх пересказывает их с намеком на будущую неуязвимость Александра; в них выявляется страстный нрав Александра (с трудом контролируемый его самодисциплиной), его одержимость собой, его уверенность и находчивость. Все эти качества прославили Александра в зрелом возрасте. Однако было бы ошибкой забывать о некоторых фактах происхождения и воспитания Александра,

знакомясь с перечнем его ранних заслуг в изложении Плутарха.

Александр был царевичем, в чьих жилах текла кровь некоторых величайших героев Греции (реальных и мифических) как по отцовской, так и по материнской линии. Более того, этот юный царевич рос не среди «варваров», как полагали некоторые античные авторы, но при богатом и утонченном царском дворе, наполненном великими художниками, писателями, дипломатами и полководцами. Он получил самое лучшее образование. Если мы не примем во внимание эти факты, то никогда не поймем, каким образом Александр, наследный царевич из Македонии, в конце концов стал царем Азии и живым богом.

КРОВЬ ГЕРОЕВ

Олимпиада, мать Александра, была царевной из царского дома Молоссы в Эпире (северо-западная Греция). Молосс, имя которого носил царский дом, предположительно был сыном Андромахи и Неоптолема. Именно Неоптолем убил царя Приама на алтаре Зевса Геркейоса (Зевса «домашнего очага») во время разграбления Трои. Он также был сыном Ахилла. Таким образом, по материнской линии Александр был потомком неистового героя Илиады и его необузданного сына. Для Александра смысл его происхождения от героев эпического прошлого Греции заключался не в пассивном отождествлении с древней историей; прошлое было ощутимо живым, и Александр был частью продолжавшегося эпического цикла.

Отец Александра, Филип II Македонский, влюбился в Олимпиаду, когда оба проходили посвящение в мистерии *кабиров* (земных богов) на острове Самофракия. Известно, что впоследствии Олимпиада пристрастилась к экстатическим дионисийским культам. Во время этих церемоний она впадала в состояние одержимости и на процессиях в честь божества носила больших ручных змей, наводивших страх на мужчин, наблюдавших за представлением.

Своевольная, умная и безраздельно преданная интересам Александра (так, как она их представляла), Олимпиада, по всей видимости, никогда не читала ту главу в учебнике по греческой культуре, где женщинам запрещалось вмешиваться в политику. Она также внушила Александру непоколебимую веру в его особую связь с богами и возвышенную участь. Александр, возможно, был единственным человеком в Македонии, не боявшимся этой грозной, а по мнению некоторых, даже ужасной женщины.

Судя по всему, Олимпиада вышла замуж за Филипа в 357 году до н. э. По свидетельству Плутарха, перед рождением Александра ей приснилось, что она услышала удар грома и в ее чрево ударила молния. От этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем погасли.

У Филипа тоже был пророческий сон. Ему приснилось, что он запечатал чрево жены, а на печати была вырезана фигура льва. Толкователь его сна, Аристандр из Телмесса, который впоследствии служил прорицателем Александра во время его военных кампаний, объявил, что Олимпиада беременна, «ибо ничто пустое не запечатывают», и что ее сын «будет обладать отважным, львиным характером».

Этот сын, по всей вероятности, родился 20 июля 356 года до н. э., в тот самый день, когда великий храм Артемиды в Эфесе, одно из семи чудес Древнего мира, сгорел дотла. Некий Гегесий из Магнезии объявил, что это совпадение не было случайностью, так как Артемида отсутствовала в своем храме, помогая Александру появиться на свет.

Филип получил известие о рождении сына сразу же после того, как он завоевал важный город Потидею. Фактически в тот день он получил три радостных известия: во-первых, что его полководец Парменион победил иллирийцев в важной битве, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и наконец — о рождении Александра. Прорицатели Филипа объявили, что сын, чье рождение совпало с тремя победами, будет непобедим.

Прорицатели были правы, но, разумеется, они знали о

том, что в жилах младенца течет кровь некоторых почти непобедимых героев. Олимпиада всячески поддерживала веру Александра в его происхождение от героев и божеств. Так, например, мы узнаем, что провожая Александра в поход, она открыла ему тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения. (К сожалению, Александр так никому и не рассказал, что он узнал от матери.)

Согласно Плутарху, честолюбивый характер Александра проявился еще в ранней юности. Он был прекрасным бегуном, и когда приближенные спросили его, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!» Он также поразил персидских послов, расспрашивая их о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, о характере и военном опыте самого царя и о том, каковы силы и могущество персов. Впоследствии этим подробным расспросам было придано особое значение.

Еще до того, как Александр достиг совершеннолетия, он строил планы на будущее. Каждый раз, когда приходило известие о том, что его отец завоевал какой-либо известный город или одержал громкую победу, он мрачнел и жаловался своим друзьям: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего».

ПРИРУЧЕНИЕ БУЦЕФАЛА

Раннюю зрелость и огромное честолюбие Александра, наверное, лучше всего иллюстрирует замечательная история о коне по имени Буцефал («Бычья голова») из-за формы отметины на его лбу. Фессалиец Филоник привел царю Филипу Буцефала, предлагая продать коня за огромную сумму в тринадцать талантов. Когда Филип с членами своей свиты отправился посмотреть на Буцефала, конь оказался диким и неуправляемым. Он не позволял никому оседлать себя и не слушался команд конюхов Филипа; он вставал на дыбы перед каждым, кто приближался к нему.

Рассерженный тем, что ему предложили буйного и необъезженного скакуна, Филип приказал увести Буцефала.

Александр вмешался и предложил пари: если он не сможет оседлать Буцефала и объездить его, то выплатит требуемую цену. Друзья Филипа только посмеялись над его предложением, но Александр заметил нечто ускользнувшее от внимания остальных — Буцефал пугался собственной тени. Поэтому Александр повернул коня в сторону солнца, так что тень падала ему за спину. Некоторое время он бежал вместе к конем, поглаживая его рукой, а потом легко вскочил ему на спину. Когда Александр увидел, что Буцефал больше не боится и хочет показать быстроту своего бега, он стал понукать коня и пустился в галоп. Филип и его свита застыли в тревоге, но Александр, по всем правилам повернув коня, вернулся к ним гордый и ликующий и был встречен приветственными криками. Сам Филип якобы прослезился от радости и сказал: «Сын мой, ищи царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»

Разумеется, Филип был прав, но на самом деле это событие показало не столько честолюбие Александра, сколько наблюдательность молодого царевича и его способность делать правильные выводы из того, что он видел. Еще в юности Александр применял эти способности в бою. Он наблюдал, а затем действовал на основании полученной информации — к примеру, особенностей местности — с несравненной четкостью и быстротой.

ДОСТОЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Во главе наставников и педагогов, выбранных для просвещения усмирителя Буцефала, стоял некий Леонид, родственник Олимпиады, известный как строгий поборник дисциплины. Педагогом Александра (или воспитателем, обычно выбираемым из рабов) был акарнарец Лисимах, радовавший своего подопечного тем, что называл Филипа «Пелеем», Александра «Ахиллом», а самого себя «Фениксом» по имени престарелого наставника Ахиллеса.

Однажды, когда Александр совершал жертвоприношения богам и собирался бросать благовония в огонь целыми пригоршнями, Леонид остановил его и сказал: «Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие». Впоследствии, когда Александр действительно завоевал эти страны, он послал Леониду 500 талантов ладана и 100 талантов мирры, сопроводив этот дар сообщением: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтоб ты впредь не скупился во время жертвоприношений!» Эта концовка всегда нравилась тем, кому пришлось иметь дело со строгими учителями, однако мы хотим обратить внимание на первую часть исторического анекдота, дающую представление о характере Александра. Еще до того, как Александру понадобилась благосклонность богов для завоевания мира, он был чрезвычайно благочестивым и щедрым в отношениях с ними.

Когда Александру исполнилось четырнадцать лет, Филип призвал ему в наставники великого философа Ари-

Роща в Миезе (Македония), где Аристотель учил Александра, когда царевичу было около четырнадцати лет. (Фото из коллекции автора.)

стотеля. В священной роще около Миезы, посвященной нимфам, Аристотель учил молодого царевича нравственности, государственной политике и так называемым «устным знаниям», не придаваемым широкой огласке.

Аристотель также вручил Александру список гомеровской «Илиады» со своими исправлениями и комментариями. Александр держал эту рукопись при себе во время военных кампаний на Востоке; по-видимому, это была одна из очень немногих вещей, которыми он дорожил. По свидетельству современника, он хранил список «Илиады» под подушкой вместе с кинжалом.

Влияние «Илиады» на Александра нельзя переоценить. В первую очередь, она служила образцом «войны возмездия» против государств Азии. Александр был глубоко тронут героическим примером своего предка Ахилла; весной 334 г. до н. э., когда он посетил руины Трои, то почтил Ахилла и других греческих героев обильными жертвами и сказал, что считает Ахилла счастливецом, потому что при жизни он имел подлинного друга, а после смерти — великого глашатая своей славы.

Но больше всего в Ахилле его вдохновляло спокойное осознание неизбежности собственной смерти. Согласно Гомеру, и Фетида (мать Ахилла), и он сам знали, что после того, как он отомстит за смерть Патрокла, убив Гектора, срок его собственной жизни подойдет к концу. Но отомстив за друга, он обрел единственное бессмертие, доступное для смертных людей: вечную славу.

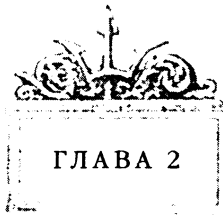
Александр также был готов принять свою смерть, когда это будет угодно богам, в обмен на вечную славу за великие воинские подвиги. Эта готовность лучше всего объясняет принцип действий Александра на всем протяжении его жизни. Подобно Ахиллу, он был готов рискнуть всем, чтобы получить все. В бою это было огромным преимуществом над теми, кто хотел прожить дольше, а значит, был обречен на более краткую и менее славную жизнь.

Гомер мог дать Александру некоторое представление о ведении боевых действий; известно, что он называл

«Илиаду» «хорошим средством для достижения военной доблести». Поскольку в гомеровском эпосе нет убедительных примеров действия гоплитской фаланги, типичной для Греции в IV веке до н. э., мы можем лишь предположить, что Александр имел в виду героические единоборства перед строем двух армий. Именно так он и поступал. Нам известно, что Александр оправдывал некоторые из своих спорных поступков, такие как брак с женщиной из «варварского рода», ссылаясь на «Илиаду».

Что касается самого Аристотеля, его влияние на образ мыслей Александра остается предметом дискуссий. Согласно некоторым источникам, он советовал Александру обращаться с покоренными народами своей империи, как с растениями или животными. У нас нет веских оснований сомневаться в этом; основная мысль совета вполне согласуется с известными теориями Аристотеля о естественном и желательном подчинении рабов своим хозяевам, а побежденных — победителям. К счастью для покоренных народов Азии, Александр пренебрег советом своего наставника и предпочел обращаться как с людьми, по крайней мере, с некоторыми из них.

Между строк истории Плутарха о ранних годах жизни Александра начинает вырисовываться образ молодого царевича: волевой и честолюбивый юноша, подталкиваемый с разных сторон своими властными родителями, одаренный острым разумом, благочестивый на традиционный манер, чувствительный и хорошо образованный, но имеющий независимые суждения и, самое главное, воодушевленный своей связью с героическим прошлым Греции. Значительная часть этого прошлого происходила в жесткой борьбе с Персией, могущественным восточным соседом Греции.

План Ахурамазды

РАСПЛАТА ЗА СВЯТОТАТСТВО

Племена северной Греции сдались без боя в 480 г. до н. э. Фиванцы и беотийцы предложили землю и воду — древнее изъявление покорности. Спартанский царь Леонид и 300 его храбрейших воинов лежали бездыханными в Фермопильском ущелье. Теперь, когда огромное войско персидского царя Ксеркса приблизилось к Афинам, жители оставили свой город.

Лишь горстка храмовых зрителей и немощных стариков, оставшихся на акрополе, собралась в храме Афины Паллады. Они забаррикадировали ворота акрополя досками и бревнами, доверившись Дельфийскому оракулу, пообещавшему, что «деревянная стена не будет взята».

Но некоторые персы обнаружили путь наверх по крутым скалам акрополя, пролегавший возле святилища Агравры, дочери Кекропа. Они ворвались внутрь и раскрыли ворота. Все, кто искал убежище на акрополе, были убиты. Персы разграбили храм Афины, а потом дотла сожгли сам акрополь.

По воле мудрого бога Ахурамазды Ксеркс покарал афинян за помощь, оказанную ионийским мятежникам около двадцати лет назад. Правда восторжествовала над ложью. Мир вернулся к порядку.

Афиняне и их греческие союзники придерживались совершенно иного мнения о разрушении своих храмов. Персы совершили едва ли не величайшее святотатство в истории. Такая непочтительность взывала к отмщению, и греки торжественно поклялись богам, что не будут перестраивать святилища, но оставят их в неизменном виде как напоминание о бесчестье «варваров» для грядущих поколений. Верные клятве, афиняне не приступили к восстановлению храма Афины до 447 года до н. э., когда война с Персией продолжалась уже около полувека. Даже тогда многие считали, что персы еще не расплатились за содеянное. Почти через 150 лет после того, как Ксеркс разрушил храмы на акрополе в Афинах, молодой македонский царь сжег дворцы богоизбранных правителей Ахурамазды, сполна воздав за святотатство. Царя звали Александром.

ПЛАН АХУРАМАЗДЫ

С точки зрения персов, разрушение греческих храмов было частью планов расширения их империи, осуществлявшегося с помощью Ахурамазды. Основатель империи Кир II «Великий» (559— 530) подчинил персидскому владычеству сначала Мидию (550), потом Лидию и греческие города Малой Азии (540-е годы), потом Вавилонию (539) и наконец Бактрию и Согдиану.

После смерти Кира и его похорон в новой царской столице Пасаргадах его сын Камбиз II (530 — 522) присоединил Египет к Персидской империи. После смерти Камбиза наступил конституционный кризис, закончившийся воцарением узурпатора Дария I (522 — 486). Теперь, по мере того как Дарий укреплял границы империи, под власть Персии попала северо-западная Индия, несколько греческих островов, включая Самос, и западная часть Фракии (ок. 513 г. до н. э.).

К концу VI века до н. э. Персия стала самой крупной и процветающей империей в долгой истории Древнего Ближнего Востока. Успех ее царей приписывали воле и

могуществу великого божества персов. В надписи на трех языках, высеченной на скале Бехистан в горах Загрос, на главной дороге, ведущей из древнего Вавилона в Экбатаны, Дарий хвалится тем, что под покровительством Ахурамазды за один год провел девятнадцать битв и пленил девять царей.

Персы верили, что Ахурамазда решил сделать персидских царей властителями всех стран и народов на земле, чтобы осуществить свой план построения совершенного порядка и всеобщего счастья. Обязанностью персидских царей было поддерживать этот порядок на благо всего человечества. Те, кто нарушал установленный порядок, были мятежниками, восстававшими против божественного плана Ахурамазды, и их следовало «усмирять».

В 499 г. до н. э. ионийские греки, жившие на побережье Малой Азии, нарушили план Ахурамазды и восстали против персидского владычества. Возглавляемые жителями Милет и пользуясь ограниченной военно-морской поддержкой со стороны Эритреи и Афин, в самой Греции мятежники сумели сжечь Сарды, местный центр персидской власти, и храм богини Кибелы. Однако в 494 г. до н. э. персы «усмирили» как острова, так и города на Азиатском побережье. Милеты были захвачены; мужчин истребили, женщин и детей увели в рабство, а святилище Дидимы, где находился оракул Аполлона, было разграблено и сожжено. Аполлон заплатил цену за разрушение святилища Кибелы.

Потом Дарий выслал карательную экспедицию против Эритреи и Афин за помощь, оказанную ионийцам. Несмотря на численное превосходство противника, афиняне и платейне разгромили эту персидскую армию в битве при Марэфоне в конце сентября 490 года до н. э.

Однако десять лет спустя Ксеркс, сын и преемник Дария, вернулся в Грецию с гораздо более многочисленным войском; именно тогда был сожжен афинский акрополь. Но, по-видимому, Ахурамазда не пожелал, чтобы Ксеркс включил континентальную Грецию в свой план божественного порядка: в сентябре 480 г. до н. э. греческий флот

нанес сокрушительное поражение персам и их союзникам в битве при Саламине. Вскоре сам Ксеркс отступил к Геллеспонту, оставив своего полководца Мардония воевать с греческой армией на суше, но армия Мардония потерпела поражение от союзных греческих сил, возглавляемых спартанцами в битве при Платее в 479 г. до н. э., а сам он был убит.

ПЕРСИЯ И ГРЕЦИЯ, 479 — 346

Несмотря на эти победы греков, Персия сохранила свою власть на многих островах Эгейского моря, а также во Фракии и на побережье Малой Азии. Афиняне, возглавлявшие Дельфийскую лигу (военно-морской союз городов-государств), в течение почти тридцати лет пытались вытеснить персов из Эгейского моря и Малой Азии. В 450 г. до н. э. военные действия были прекращены с заключением мирного договора, по условиям которого греческие города в Азии получали право жить по собственным законам. Но хотя персидские цари временно отказались от планов покорения Греции, в течение следующего столетия сами греки предоставили преемникам Ксеркса массу возможностей для влияния на греческую политику, поскольку города-государства истощили свои силы в бесплодной борьбе друг с другом.

Поэтому, когда пелопоннесцы под руководством спартанцев наконец одержали верх над афинянами в конце так называемой Пелопоннесской войны 431 — 404 г. до н. э., это в значительной степени стало результатом финансовых субсидий, полученных ими от Кира, сына персидского царя Дария II. Вследствие этой войны бывшие члены Афинского союза были поставлены под контроль лояльных спартанцам олигархических группировок. Хотя многие греческие города сохранили самоуправление, власть над ионийцами в Малой Азии вернулась к персам. После 387 года эта ситуация была формально признана в так называемом «царском» мире персидского правителя Артаксеркса II (405 — 359 г. до н. э.).

В начале IV века до н. э. персидский царь выступал в качестве гаранта автономии главных городов Греции, однако эта гарантия обернулась лицензией на вмешательство Спарты в дела других греческих городов-государств, особенно великого старинного города Фивы.

Захват Фив, а затем попытка захвата афинского порта Пирей спартанским губернатором привела к образованию афино-фиванского союза против Спарты. Затем афиняне создали второй военно-морской союз, получивший название Второй афинской конфедерации. Военные действия начались после того, как мирное совещание, проведенное в 371 г. до н. э., отказалось удовлетворить требования фиванцев.

В том году фиванская армия, состоявшая из 6000 тяжелооруженных гоплитов и 1000 конников под предводительством Эпаминонда и Пелопида, нанесла поражение спартанской армии, насчитывавшей примерно 9000 гоплитов с небольшим количеством кавалерии, в битве при Лектре. Ключом к победе фиванцев было сосредоточение их гоплитов на левом фланге боевого строя на глубину в 50 щитов. Другими факторами, внесшими вклад в победу, была атака под острым углом и смятение в рядах противника, произведенное так называемым Священным отрядом — элитным подразделением из 150 пар избранных гоплитов, живших вместе как любовники и сражавшихся не на жизнь, а на смерть, как единое целое. В битве было убито более 1000 граждан Спарты, включая 400 человек командного состава.

Это было сокрушительное поражение, и пелопоннесские союзники (или, вернее, подчиненные) Спарты устремились к свободе. В 362 году на Мантинейской равнине Эпаминонд встретил другую армию, возглавляемую спартанцами, но включавшую воинов из Ахайи, Элиды и Афин. Пользуясь той же тактикой, что и в битве при Лектре, Эпаминонд снова нанес поражение спартанцам, но сам погиб в бою. Хотя его победы навсегда сокрушили мощь Спарты как военной державы, его гибель оставила Фивы и Грецию в целом без опытного полководца.

Во втором афинском военно-морском союзе тоже начались неурядицы. Стратегически важный город Византия был выведен из союза Эпаминондом еще до его смерти, а острова Родос, Кос и Хиос восстали в 357 г. до н. э.

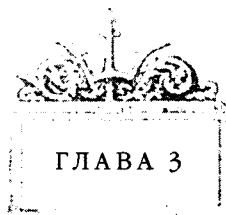
В 355 или в начале 354 г. до н. э., когда новый персидский царь Артаксеркс III Ох (359 — 338 г. до н. э.) стал угрожать Афинам, афиняне заключили мирный договор с признанием независимости Византии, Хиоса, Родоса и Коса. Вскоре Лесбос и другие города-государства тоже вышли из состава союза.

УГРОЗА С СЕВЕРА

К середине IV века до н. э. главные города-государства Греции — Спарта, Фивы и Афины — были истощены попытками добиться превосходства друг над другом, а Персия оставалась арбитром в греческих делах, особенно по отношению к греческим городам в Малой Азии. Персидскому царю не было необходимости «усмирять» греков; они сами делали это. В 346 г. до н. э. имперские перспективы Персии на западе были более светлыми, чем когда-либо до битвы при Саламине.

Лишь одно обстоятельство ставило под угрозу осуществление божественного плана Ахурамазды. После десятилетий политической нестабильности царство Македония на западных рубежах Греции выказывало зловещие признаки силы и агрессивности под руководством своего харизматического правителя Филиппа II. Если бы ему удалось объединить собственное разделенное царство и вместе с тем разделить греков, установленный порядок вещей был бы серьезно нарушен. Македония становилась страной, с которой следовало считаться.

Возникновение сверхдержавы

НИЖНЯЯ И ВЕРХНЯЯ МАКЕДОНИЯ

Большую часть своей древней истории Македония представляла собой «дремлющую» сверхдержаву. Для того чтобы проснуться и занять ведущую роль в греческом мире, требовалась лишь сильная и умелая рука опытного царя, который мог бы объединить независимые племена и поставить себе на службу богатые ресурсы своей страны. Филип II, отец Александра Великого, был таким царем.

Даже размер македонского царства, значительно превышавший территорию любого отдельного греческого города-государства, потенциально делал его доминирующей державой в греческом мире. Древняя Македония состояла из двух географических регионов. К Нижней Македонии относилась главным образом территория аллювиальной равнины между реками Галиакмон и Аксий, впадавшими в Фермский залив. Верхняя Македония состояла из гор и возвышенностей, простиравшихся на северо-запад к Иллирии и Эпиру.

Климат Нижней Македонии был преимущественно средиземноморским, с короткой дождливой зимой и долгим сухим летом. Он хорошо подходил для выращивания зерновых и оливковых деревьев — по крайней мере, вдоль

Река Галиакмон в Нижней Македонии, одна из немногих круглогодичных рек в Греции. (Фото из коллекции автора.)

побережья. В Нижней Македонии также процветало виноградарство, и македонцы были изрядными любителями пьянящего напитка. Хорошо увлажняемые Аксием и Галиакмоном плодородные равнины Нижней Македонии могли прокормить значительное население. Здесь также находилась Пелла, крупнейший город Македонии и ее столица в IV веке до н. э., и город Эги (современная Вергина), где хоронили царей из династии Теменидов.

Темениды предположительно происходили от легендарного Темена из Аргоса, а через него от Геракла. Один из потомков Темена — Пердикка или его сын Архелай — основали царский дом Македонии.

Гористые возвышенности Верхней Македонии покрыты густым лиственным и вечнозеленым лесом и богаты рудными минералами. Сосновая древесина использовалась в кораблестроении и градостроительстве, а из дуба изготавливали кили для кораблей.

В восточной Македонии имелись месторождения се-

ребра и золота, разрабатываемые во время царствования Филипа II в районе горы Пангейон. Горы также служили идеальным местом для летнего выпаса стад. Здесь климат был ярко выраженным континентальным, с холодными зимами и теплыми летними месяцами. Здесь жили племена, около 200 лет сопротивлявшиеся владычеству потомков Аргея (Аргеадов), правителей Нижней Македонии.

Македонские цари находились в двойном кольце внешних врагов и потенциальных противников. В первом, ближнем кольце находилась Фессалия (на юге), Фракия и Халкидийская лига (на востоке), Пеония (на севере) и Иллирия и Эпир (на западе). К внешнему кольцу относились греческие города-государства южной и центральной Греции, а также могущественная Персидская империя на востоке. До тех пор, пока македонские цари не могли подчинить конкурирующих правителей из Нижней и Верхней Македонии и дать отпор агрессивным соседям, они не могли питать более широких и честолюбивых территориальных устремлений. Завоевательный потенциал Македонии был высвобожден в результате двухсотлетней войны и развития общества, которое многие греки IV века до н. э. считали сильно отличающимся от собственного.

МАКЕДОНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Фактически многие греки не считали македонцев «настоящими греками». Хотя македонские правители, такие как Александр, могли разговаривать и читать по-гречески, греки не понимали македонского диалекта. В сущности, современные ученые до сих пор спорят о том, был ли он разновидностью греческого языка или нет.

Македония IV века до н. э. резко отличалась от греческих городов-государств и в других отношениях. Хотя в некоторых городах-государствах по-прежнему правили цари, в большинстве из них народные ассамблеи или советы граждан избирали своих политических лидеров обычно на небольшой срок. Властные полномочия избранных чиновников были ограничены законом.

В Македонии царь по сути дела *олицетворял* закон и не имел конституционных ограничений своей власти. Хотя армия могла провозгласить нового царя и имела право судить вельмож, обвиняемых в государственной измене, царь назначал своего преемника, играл роль прокурора в судах над изменниками, назначал всех армейских офицеров, даровал все земельные наделы и лично отвечал на все прошения. Могущественное положение, занимаемое македонскими правителями, поможет нам понять определенные поступки Александра, которые в ином случае могут показаться своевольными или деспотическими.

В Македонии не было никакой бюрократии. Цари жили в окружении своих высокородных друзей и соратников; они сражались с внутренними и внешними врагами, обычно лицом к лицу на поле боя, охотились, много пили и брали в жены столько женщин, сколько желали (часто для скрепления политических союзов с соседями). Их распущенные нравы и буйные оргии вошли в поговорку. Лишь немногие македонские правители до Филипа II умерли в своей постели. Многие погибли в бою, другие пали от рук заговорщиков. Древняя Македония на самом деле была автократией, где существовало лишь право сильного. В ней господствовала атмосфера племенного приграничного общества.

За двести лет перед царствованием Филипа потомки Аргея постепенно смогли укрепить свою власть, иногда за счет своих греческих соседей. К примеру, во время персидского вторжения в Грецию в 480 г. до н. э. Александр I Македонский (ок. 498 — 454 до н. э.) лично возглавил македонскую армию в союзе с персами против греков. После изгнания персов из Греции в 470-х годах до н. э. македонские цари присоединили к своим землям возвышенности Верхней Македонии и установили контроль над регионом серебряных рудников между реками Аксий и Стримон. Преемники Александра I, особенно Архелай (413 — 399 до н. э.), воспользовались своим возросшим материальным благополучием и открыли македонский двор для культурного влияния сопредельных стран. Гре-

ческие мастера и ремесленники были приглашены для строительства новой столицы Архелая в Пелле, и в Македонии чаще стали появляться греческие художники и писатели. К примеру, афинский драматург Еврипид написал здесь свою последнюю и наиболее глубокую трагедию «Вакханки» в период с 408 по 406 г. до н. э. Несмотря на утверждения афинских ораторов, Пелла в конце V века до н. э. не являлась интеллектуальными или культурными задворками. Александр Великий вырос при царском дворе, в течение десятилетий привлекавшем ведущих греческих авторов, скульпторов и музыкантов.

Несмотря на растущую мощь и эллинизацию македонского двора, оставалась угроза политической нестабильности. В период с 400 по 360 г. до н. э. в Македонии правили девять царей. В 360 — 359 гг. один из этих царей, Пердикка III, был убит в битве с иллирийцами вместе с 4000 воинов и многими представителями македонской знати. После этого несчастья иллирийцы и пеонийцы стали готовиться к вторжению, а афиняне и фракийцы предъявили притязания на трон. Аминта IV, сын Пердикки, был слишком мал для того, чтобы ходить, не говоря уже о том, чтобы противостоять такой угрозе. Оставался брат Пердикки, Филип II, единственный взрослый мужчина из рода Аргеадов, способный возглавить царство... или увидеть, как оно распадается на части. С учетом обстоятельств последний итог был более вероятным.

Филип II Македонский, родившийся, вероятно, в 382 г. до н. э., энергично взялся за решение проблемы и в конце концов возоблада над греками, уже торжествовавшими победу. Утвердившись на троне после разгрома афинян в довольно незначительном сражении, больше напоминавшем приграничную стычку, а затем откупившись от пеонийцев и фракийцев, Филип приступил к военным реформам, которые привели к созданию первой действительно профессиональной армии в истории Греции. За короткое время он построил улучшенные натяжные катапульты для осадной войны и реорганизовал македонскую пехоту и конницу.

НОВАЯ ПЕХОТА ФИЛИПА

Греческие гоплиты получили свое название от защитных доспехов, которые они носили в бою, и в частности, от характерного щита по аргивскому образцу (*гоплон*). Традиционно в армиях греческих городов-государств гоплиты сражались плечом к плечу в шеренге, держа в одной руке щит, а в другой — семифутовое копье. В зависимости от количества гоплитов шеренги выстраивались в несколько рядов глубиной обычно от восьми до десяти человек. Боевая единица пехоты, сражавшаяся копьями в плотном строю, называлась фалангой.

В Македонии тяжеловооруженные пехотинцы, составлявшие фалангу, были известны как «пешие товарищи царя» (*педзэтайры*) по аналогии с названием знатных всадников, или «товарищей царя» (*гетайров*). Такие почетные титулы укрепляли солидарность, которая всегда являлась важным элементом в создании эффективной армии.

В IV веке до н. э. пехотинцы в передних рядах македонской фаланги обычно носили ту или иную разновидность металлического шлема — либо *пилос* (конический), либо

Тяжеловооруженные македонские пехотинцы (*педзэтайры*) образовывали ядро армии, с которой Александр завоевал Персидскую империю. Изображенный здесь пехотинец носит фракийский шлем, кирасу и наголенники. Хотя македонские пехотинцы носили мечи для ближнего боя, их главным оружием была *сарисса*, тяжелая шестнадцатифутовая пика.

фракийского типа; воины в задних рядах носили *кавсии*, широкополые соломенные шляпы.

Кирасы гоплитов изготавливались из плотно прилегающих слоев льняного полотна. К полотняной кирасе крепилась короткая сборчатая юбка, защищавшая пах и нижнюю часть живота. В ножнах на поясе, крепившемся к кирасе или юбке, македонский пехотинец носил короткий меч, предназначенный для рубящих ударов в ближнем бою.

Каждый пехотинец был снабжен слегка выпуклым круглым бронзовым щитом (*астис*) диаметром около двух футов; его держали за ручку у локтевого сгиба в сочетании с ременной перевязью через левое плечо. Щит был без обода, что позволило свободно пользоваться *сариссой* — новым оружием, которое Филипп предоставил своим воинам.

Сарисса представляла собой длинную тяжелую пику, удерживаемую двумя руками. Ее длина (16 футов или еще больше) как минимум вдвое превышала длину семифутового копья, которое традиционные греческие гоплиты держали одной рукой. Пика такой длины весила около 14 фунтов (6,5 кг); для эффективного сражения этим оружием в боевом строю требовался высокий уровень физической подготовки. Пехотная *сарисса* не предназначалась для солдат из числа простых горожан, так как владение ею требовало специальной подготовки.

Сарисса повлияла и на тактическую организацию строя македонской фаланги; она была такой длинной, что воины, стоявшие в первых пяти рядах, выставляли концы своих пик перед строем, как отметил греческий историк Полибий, живший во II веке до н. э.

Задача пехотинцев, стоявших позади пятого ряда, заключалась в том, чтобы держать свои пики либо под углом над воинами в передних шеренгах, либо вертикально. Гоплиты в задних шеренгах пользовались своими пиками для отражения вражеских стрел и дротиков и давили своим весом на передние шеренги, придавая им дополнительный импульс движения.

Филип не только снабдил македонских гоплитов устарающим и эффективным новым оружием, но также, что более важно, произвел реорганизацию македонского пехотного строя.

В 334 г. до н. э. в македонской армии насчитывалось около 24 000 гетайров, собранных в тактические подразделения численностью как минимум 1500 человек, каждое из которых называлось *таксисом*. Как минимум три (а возможно, и все) из шести македонских пехотных бригад, отправившихся с Александром в азиатский поход, были укомплектованы на региональной основе в самой Македонии. Общность происхождения тоже укрепляла чувство боевой солидарности; такой же принцип впоследствии был применен для комплектования шотландских полков в британской армии.

В дополнение к бригадам *педзэтайров* Филип (а впоследствии и Александр) использовал корпус тяжеловооруженных пехотинцев, называвшихся *гипаспистами*, или щитоносцами. Гипасписты происходили от старой личной стражи македонских царей; элитный отряд этой стражи, *агема*, защищал царя, когда он сражался в пешем строю. При Филипе *гипасписты* были разделены на три *хилиархии*, или отряда по 1000 пехотинцев. Они действовали в координации с *педзэтайрами* в бою с гоплитскими фалангами и легковооруженной пехотой противника. Корпус *гипаспистов* был высокопрофессиональным и многоцелевым боевым подразделением. Армия Филипа состояла не только из двух видов македонской тяжеловооруженной пехоты, но и из крупных контингентов союзной греческой пехоты, а также из фракийцев, трибаллов и иллирийцев.

Филип, как и Александр после него, часто и эффективно пользовался легкими пехотными соединениями. Один отряд метателей дротиков при Александре под командованием Балакра, вероятно, состоял из македонян. Существовали также легковооруженные фракийские и аргеанские *таксии* метателей дротиков; агриан набирали из верховий реки Стримон и использовали для действий, требую-

щих быстрого движения по пересеченной местности. Вместе с ними часто действовали лучники из Македонии или с острова Крит, тоже разделенные на хилиархии.

Традиционная греческая фаланга, состоявшая из восьми шеренг, при Филипе (а впоследствии при Александре) увеличилась до шестнадцати, а иногда даже до тридцати двух шеренг, что давало македонской пехоте дополнительное преимущество, когда она врзалась в ряды противника. Македонские пехотинцы располагались в более или менее плотном строю в зависимости от тактических требований. К примеру, строй под названием «сомкнутые щиты» (*синасписмос*), где расстояние между пехотинцами составляло не более одного фута, использовался для отражения атак или для нанесения решающего удара. Александр воспользовался им в битве на реке Гидасп для того, чтобы разорвать казавшийся несокрушимым строй боевых слонов.

Дисциплина имела жизненно важное значение для успеха македонской пехоты. Главной задачей каждого пехотинца было сохранять свою позицию в строю и не терять контакта со своими соседями слева и справа. Любой разрыв в шеренге мог иметь катастрофические последствия для всего подразделения; после того как строй был прорван, пехотинцам было трудно сохранять боевой порядок и сражаться как одно целое.

Если обычные сражения между греческими гоплитами в IV веке до н. э. больше напоминали схватку двух регбийных команд, чем современный пехотный бой, военные реформы Филипа дали македонской пехоте огромное преимущество перед частями других армий. Те, кто осмеливался вступить в бой с новой пехотой Филипа, сталкивались с подобием огромного дикобраза с шестнадцатифутовыми иглами. Более того, даже если пехотинцы Филипа не могли прорвать вражеский строй, они могли дожидаться сокрушительной атаки своей кавалерии. Хотя Македония всегда славилась своей превосходной конницей, Филипу и здесь удалось добиться впечатляющих успехов.

МАКЕДОНСКАЯ И СОЮЗНАЯ КОННИЦА

Сражения между греческими конниками в IV веке до н. э. трудно сравнивать с кавалерийскими схватками Средневековья или ранней современной эпохи. Во-первых, лошади греков и македонян были меньше (от 52 до 55 дюймов в холке), чем современные скакуны. Во-вторых, древние конники не знали современных седел или стремян, которые не вошли в обиход до Средневековья; вместо этого они пользовались жесткой уздечкой и мундштуком для управления лошадью. Мужчины, с малолетства привыкшие к лошадям (такие как Александр Македонский), имели огромное преимущество перед теми, кому не приходилось ездить верхом каждый день.

При Филипе II традиционная македонская конница, всегда пополнявшаяся за счет богатых землевладельцев, была расширена и превращена в грозную боевую силу численностью около 3300 всадников. Как уже упоминалось, это были *гетайры*, или «товарищи царя». Они были разделены на восемь эскадронов (*илы*), один из которых, царская ила, составлял личную стражу царя, когда он сражался верхом. За исключением 300 членов царской илы, которые были придворными и приближенными правителя, остальные подразделения гетайров формировались на региональной основе.

Гетайры были вооружены девятифутовыми копьями, изготовленными из твердой кизиловой древесины. Копье имело листовидный наконечник с обоих концов и удерживалось ременной петлей, прикрепленной в центральной точке равновесия. Его можно было бросать или использовать как эффективное колющее оружие. Обычно гетайры также имели при себе запас дротиков и небольшой щит, но не носили тяжелых доспехов. В отличие от пехотинцев, стоявших в передних рядах фаланги, конники носили кавсии, македонские шляпы из плетеной соломы. Их главной защитой была скорость и маневренность.

В греческих городах-государствах кавалерия, как правило, располагалась на флангах гоплитских пехотных под-

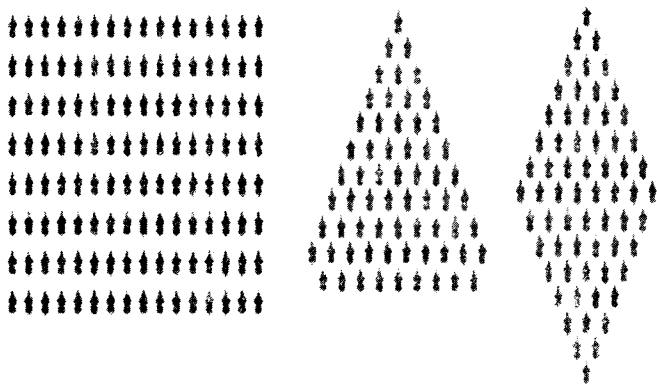

Конный «товарищ царя» (гетайр). Всадник вооружен мечом и копьем и защищен бронзовой кирасой и поножами. Важно отметить, что он не пользуется седлом и стремянами, которые не вошли в обиход до раннего Средневековья. Всадники в македонской армии управляли своими скакунами с помощью узды или мундштука. Для того чтобы хорошо сражаться в таких условиях, нужно было быть превосходным наездником.

разделений и использовалась для охвата вражеских флангов или для того, чтобы прикрывать отступление. Филип научил своих гетайров сражаться в клиновидном строю (похожем на греческую букву *дельта*) с полководцем впереди, так что конницу можно было направлять, словно копье, в слабые места вражеского строя.

Вместе с конницей гетайров действовал авангард конных разведчиков, или *продромов*. Эти разведчики, разделенные на четыре эскадрона по 150 всадников, набравшихся из самой Македонии, выполняли рекогносцировочные миссии, но также могли быть направлены в схватку перед основными силами конницы во время ближнего боя. Легковооруженные во время рекогносцировки, в других случаях *продромы* (в отличие от гетайров) носили более короткий и легкий вариант пехотной сариссы, используемый против отрядов легкой конницы противника. Бок о бок с ними действовали легковооруженные конные разведчики из Пеонии и Фракии.

Македонская армия также включала союзную конницу из Фессалии под командованием македонского офицера. Ее численность приближалась к численности гетайров, и она обычно располагалась на левом фланге македонского строя. Ее главная задача заключалась в защите левого фланга от вражеской пехоты. Фессалийская конница, разделенная на *илы*, сражалась в ромбовидном строю, кото-

Конница греческих городов-государств сражалась в квадратном строю (слева). Филип II и Александр пользовались эскадронами македонской конницы в качестве ударной силы; для этой цели наиболее эффективно подходило дельтовидное, или клиновидное построение, возможно, позаимствованное у скифов (в центре). Фессалийская конница обычно сражалась в ромбовидном строю (справа), так как это позволяло фессалийцам быстро разворачиваться и вступать в бой в любом направлении. Это построение было идеальным для оборонительных действий.

рый мог отражать атаки с любого направления и поэтому был особо подходящим для оборонительного боя. Трудно сказать, какая конница в то время была лучшей в мире — гетайры или фессалийские эскадроны. Другие отряды союзной конницы из центральной Греции и Пелопоннеса играли гораздо менее значительную роль. Наемная конница занимала более важное положение, чем союзная. Ряды наемников возрастали по мере того, как македонские цари увеличивали свое состояние, чтобы платить им.

В общем и целом, Филип создал устрашающую армию, хорошо обученную и пригодную для ведения боевых действий в любой тактической ситуации, в любое время года и в любой местности. В 350-х и 340-х годах до н. э. Филип, возглавивший свою реорганизованную армию, смог разгромить сначала фокейцев, затем фессалийцев, традиционных соперников македонян (чья замечательная кон-

ница впоследствии служила им), и снова фокейцев в 346 г. до н. э., в конце так называемой третьей Священной войны. Эти победы столкнули Филипа лицом к лицу со вторым кольцом противников Македонии: греческими городами-государствами.

БИТВА ПРИ ХЕРОНЕЕ

В течение нескольких лет Филип и Афины — главный город государства — вступили в конфликт по ряду вопросов, включая нападение афинян на союзников Филипа в Кардии и на его территории во Фракии. Во время осады Византии в 340 г. до н. э. Филип захватил флот, перевозивший зерно в Афины. Афины, зависевшие от морских поставок пшеницы с плодородных крымских полей через Византию, не имели другого выбора, кроме объявления войны. В конце 338 г. до н. э. афиняне, фиванцы и их союзники собрались на равнине Херонеи для битвы с новой профессиональной армией Филипа. Греки храбро сражались, но они не могли сравниться с македонскими копейщиками, представлявшими образец боевой выучки и дисциплины. В решающий момент битвы Александр, восемнадцатилетний сын Филипа, возглавил атаку, прорвавшую строй союзников. Погибло более 1000 афинян и весь фиванский «священный отряд».

Эта битва ознаменовала поворотный момент в истории. Филип не только пробудил Македонию; он погрузил

Голова Александра III Македонского, вырезанная из слоновой кости, из царских гробниц в Вергине.
(Публикуется с разрешения Фессалоникского музея.)

Грецию в состояние глубокого военного и политического «сна». Хотя греки получили военнопленных назад без выкупа, афиняне были вынуждены заключить договор о дружбе и союзничестве с Македонией. Фиванцы утратили контроль над богатым сельскохозяйственным регионом Беотии, и им было навязано олигархическое управление. Спарта не принимала участие в битве, но отказалась стать союзницей Македонии, поэтому ее территория впоследствии была оккупирована. Македонские гарнизоны расположились в Фивах, в главном торговом городе Коринфе, в Амбрахии и других стратегических пунктах. Эти гарнизоны превратились в цепи, которыми Филип опутал Грецию.

ОБЩИЙ СОЮЗ И ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Осенью 338 г. до н. э. Филип объявил о создании общегреческого (панэллинистического) союза. Съезд представителей союза состоялся весной 337 г. до н. э. Решения, принятые на съезде, предназначались не для обсуждения, а для осуществления.

В том же году новые союзники заключили оборонительный и наступательный договор, прочно скрепивший их с Македонией, затем все обратились к вопросу об объявлении войны Персии. Еще до голосования Филип дал понять, что он хочет отправиться на войну от лица всех греков, чтобы покарать персов за уничтожение греческих храмов во время вторжения 480 г. до н. э.

Неудивительно, что союзники проголосовали за войну и избрали Филипа предводителем объединенной армии. Весной 336 г. войско под командованием трех македонских военачальников, включая Пармениона, лучшего полководца Филипа, вступило в Малую Азию для проведения предварительных операций. Парменион, родившийся около 400 г. до н. э., уже занимал видный пост при царском дворе Пеллы, когда Филип стал регентом. Впоследствии Филип заметил, что если афиняне ежегодно изби-

рают по десять полководцев, то он за многие годы нашел лишь одного, зато Пармениона.

Сам Филип должен был последовать за Парменионом с главной армией осенью того же года. Остается неясным, планировал ли он взять с собой Александра в этот азиатский поход. Однако, как мы вскоре убедимся, с учетом отношений, существовавших между отцом и сыном в годы перед битвой при Херонее, участие Александра в этом решающем сражении казалось маловероятным лишь за несколько лет до этого.

ГЛАВА 4

Убийство Филипа II

СМЕРТЬ НА РАССВЕТЕ

Греция еще не видела человека, подобного Филипу II. Жесткий, способный, хитроумный, закаленный многими битвами Филип своими руками спас Македонию от распада и за двадцать лет привел ее к владычеству над Грецией. Филип, которого претенциозные афинские ораторы рисовали обаятельным, но безжалостным авантюристом, на самом деле мог пересилить, перепить и перехитрить любого человека от Эпира до Босфора. Филип был идеальным «государем» в представлении Макиавелли — за исключением, пожалуй, одного фатального заблуждения относительно природы человека. Филип считал, что честь каждого человека имеет цену, и если заплатить эту цену, то все счета будут закрыты. Эта ошибка стоила ему жизни.

Прохладным октябрьским утром 336 г. до н. э. еще до восхода солнца Филип вошел в театр, наполненный гостями, которые пришли отпраздновать бракосочетание его дочери с эпирским царем Александром. В этот момент человек, чью честь он не смог купить, вышел из тени за спиной Филипа и глубоко вонзил нож в бок царя, убив его на месте. Через несколько секунд стража Филипа заколола убийцу копьями при попытке к бегству. Потря-

Голова Филипа II Македонского, вырезанная из слоновой кости, из царских гробниц в Вергине, ок. 350 — 325 г. до н. э.
(Публикуется с разрешения Фессалоникского музея.)

сенные зрители терялись в догадках. Кем был убийца? Почему он убил Филипа? И самый главный вопрос: был ли он частью более обширного заговора?

История убийства Филипа остается довольно темной. Древние авторы сходятся в том, что более обширный заговор все же существовал, но до сих пор горячо обсуждается вопрос причастности к нему Олимпиады и ее сына. Ясно, что смерть Филипа была поражением для тех, кто хотел, чтобы его преемник был «законным» македонцем. После убийства могущественные лица, поддерживавшие такую линию преемственности, подверглись систематическому уничтожению. Казалось, это событие должно было отодвинуть Александра на обочину, но в итоге оно способствовало его возвышению. В истории редко бывали случаи, когда смерть отца предоставляла сыну более грандиозную или своевременную возможность.

ЗАКОННЫЙ НАСЛЕДНИК

В 337 г. до н. э. Филип решил снова жениться, уже в восьмой раз. Большинство предыдущих браков Филипа было заключено с целью обеспечить союз с соседями Македонии, но на этот раз Филип влюбился в молодую македонскую женщину по имени Клеопатра, племянницу Аттала, знатного гражданина и командира македонской армии. Такой брак с перспективой рождения другого потенциального наследника престола неизбежно создавал трения

между Филипом и Олимпиадой, безусловно хотевшей видеть Александра преемником своего отца, а также между Филипом и Александром.

Ссора разразилась еще до бракосочетания. Аттал, опьяневший на свадебном пиру, стал призывать македонян «молить богов о том, чтобы у Филипа и Клеопатры родился законный наследник престола». Это был намек не на незаконное положение Александра (Филип был женат на Олимпиаде), а на его этническую принадлежность. Олимпиада была молосской царевной, так что ее сын был лишь наполовину македонянином — важный факт для древних греков, не получивший должного освещения в античных и современных биографиях Александра. Аттал предложил тост в честь наследника, который будет македонянином как по отцовской, так и по материнской линии и, что немаловажно, его родственником.

Однако Александр истолковал тост Аттала как прямое оскорбление в свой адрес. «Так что же, негодяй, я, по-твоему, незаконнорожденный?» — вскричал он и швырнул в Аттала чашу.

Разъяренный Филип обнажил меч и убил бы своего сына на месте, но он был так пьян, что споткнулся и упал. Александр с издевкой воскликнул: «Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу».

После этого скандального случая Олимпиада обвинила Филипа в попытке убить Александра. Вскоре разрыв между ними стал окончательным. Александр, естественно занявший сторону матери, отвез Олимпиаду на ее родину в Эпир, а сам отбыл в Иллирию.

Вскоре Филип одумался. Прислушавшись к увещаниям своего друга Демарата из Коринфа, он предложил помириться с сыном, который был его наиболее многообещающим отпрыском, но вскоре между отцом и сыном снова начались распри. Филип надеялся скрепить союз с Пиксодаром, персидским сатрапом в Карии, стратегически важным гористом регионе на юго-западном побережье Малой Азии, который играл ключевую роль в его за-

воевательных планах. Поэтому Филип предложил Арридея (слабоумного сводного брата Александра) в мужья для старшей дочери сатрапа. Узнав об этом предложении, Олимпиада и ее друзья сообщили Александру, что Филип замышляет сделать его брата наследником престола. Тогда Александр послал к Пиксодару трагического актера Фессала с предложением отвергнуть незаконнорожденного Арридея и вместо этого породниться с ним самим.

Узнав об этом, Филип стал укорять Александра, называя его «человеком низменным, недостойным своего высокого положения, раз он хочет стать зятем карийца, подвластного царю варваров» (персидскому царю). Затем он выместил свой гнев на Фессале, которого приказал заковать в цепи, и на ближайших друзьях Александра: Гарпале, Неархе, Эригии и Птолемее. Все они отправились в ссылку.

Такой высокой ценой Александр добился своего. Увидев распри при дворе царя Македонии, Пиксодар благо разумно отозвал свое предложение. Дипломатические усилия Филипа пропали впустую.

За всеми историями о разрыве между отцом и сыном, который, как настаивает Плутарх, расширялся благодаря усилиям Олимпиады, стоит неопровержимый факт, что Александр был лишь наполовину македонянином. Его притязания на трон, несмотря на блестящие задатки, проявившиеся уже в ранней юности, всегда могли быть оспорены. И действительно, следующие поступки Филипа лишь усиливали изоляцию Александра.

Весной 336 г. до н. э. Филип послал экспедиционный корпус под командованием Аттала (дяди своей новой жены) и Пармениона через Геллеспонт, поставив перед ними задачу освободить греческие города в Малой Азии и таким образом приступить к началу карательной операции против персов. Филип собирался возглавить завоевательный поход в Азию в следующем году, но, желая убедиться в благосклонности богов, задержался в Греции, чтобы спросить Пифию (жрицу Аполлона в Дельфах), сможет ли он победить царя Персии. Пифия дала нижеследующий ответ:

«Бык увенчан, и все готово. Придет тот, кто сразит его».

Филип счел этот ответ двусмысленным, но в конце концов истолковал его благоприятно для себя: царь Персии будет убит как жертва, преподнесенная в дар богам. Подобно многим греческим царям до него, Филип неправильно истолковал высказывание божества с гибельными последствиями для себя.

Летом 336 г. до н. э., в канун своего отбытия в Азию с главной армией, Филип организовал бракосочетание между своей дочерью Клеопатрой, чьей матерью была Олимпиада, и Александром, царем Эпира (который был братом Олимпиады и таким образом дядей невесты). Место Олимпиады в постели Филипа было уже занято другой Клеопатрой, племянницей Аттала. Теперь ее брат Александр — новый зять Филипа — должен был заменить ее в качестве политика, скрепляющего союз Филипа с Эпиром. Свадьба брата Олимпиады была равнозначна политической смерти для нее.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ КЛЕОПАТРЫ И АЛЕКСАНДРА ИЗ ЭПИРА

Филип разослал личные приглашения по всему греческому миру на свадьбу своей дочери в городе Эги и приказал членам своего двора созвать как можно больше своих друзей из-за границы. Он также планировал блестящие музыкальные состязания и роскошные пиры и был полон решимости показать себя гостеприимным человеком, достойным чести, предложенной ему, когда он был назначен главнокомандующим в войне с Персией.

Толпы людей стеклись отовсюду на празднество в Эги. Знатные персоны и представители главных городов-государств привозили с собой золотые короны, чтобы почтить Филипа. Глашатай, выступивший от Афин, объявил, что если любой человек, злоумышлявший против Филипа, станет искать убежища в Афинах, он будет выдан для суда над ним.

На официальном пиру актер Неоптолем исполнил оду

в честь предстоявшей переправы Филипа через Геллес-понт в Азию. В оде высмеивалось богатство и кичливость персидского царя и содержался намек на то, что вскоре удача изменит ему. Обратившись непосредственно к Дарию, Неоптолем пропел:

«Мыслями ты достигаешь высокого неба,
Грезишь об урожаях полей плодородных,
Дом, что задумал ты, будет превыше всех прочих,
Ведомых людям; но и тебе суждено заблуждаться.
Есть догоняющая самых быстрых и смелых,
Та, что путями, незримыми взору, проходит
И неожиданно сходит, незримая, враз сокрушая
Наши надежды и горние дум устремленья, —
Смерть, породительница многих печалей».

Наконец пиршества окончились; начало игр было назначено на следующий день. В предутренних сумерках зрители поспешили в небольшой театр Эги, где должна была состояться церемония открытия. Театр был расположен под царским дворцом, и со зрительских мест открывался прекрасный вид на поля и равнины Нижней Македонии. На рассвете была сформирована торжественная процессия, включавшая статуи двенадцати главных олимпийских божеств и статую самого Филипа.

Филип появился у входа на площадку для оркестра, одетый в белый плащ. Когда театр наполнился, телохранитель отступил от него по его приказу и следовал за ним на расстоянии: предводитель союза элинов хотел показать, что он находится под божественным покровительством и не нуждается в личной страже. Филип прошел между своим сыном Александром III (будущим Александром Великим) и своим новым зятем, Александром из Эпира.

Когда Филип направился к своим ближайшим друзьям, чтобы занять места в театре, один из стражников, некий Павсаний из Ореста, воспользовавшись моментом, рванулся вперед и вонзил ему между ребер кельтский кинжал. Филип умер на месте.

Павсаний побежал к воротам, где для его побега уже были подготовлены лошади. Одна группа стражников по-

Руины театра в Эгах, где Филипп II Македонский был убит своим телохранителем Павсанием в октябре 336 г. до н. э. (Фото из коллекции автора.)

спешила к телу царя, а трое других — Леоннат, Пердикка и Аттал — погнались за убийцей. Когда Павсаний попытался вскочить на коня, то зацепился за виноградную лозу и упал. Преследователи закололи его копьями. Тем временем Александр III был спешно препровожден в безопасный покой царского дворца другим Александром, сыном человека по имени Аероп из Линкеста в Верхней Македонии.

УБИЙЦА ПАВСАНИЙ

Вскоре после того, как личность убийцы была установлена, появилось и объяснение мотива преступления. Некогда Павсаний был фаворитом Филиппа благодаря своей красоте, но потом Филипп воспылил нежными чувствами к другому Павсанию. Отвергнутый стражник оскорбил того, кто пришел ему на смену, назвав его гермафродитом, «готовым любезничать с каждым встречным».

Не в силах стерпеть такое оскорбление, второй Павсаний решил уйти из жизни так, чтобы это запомнилось на-

долго, и сообщил своему другу Атталу, что он собирается сделать. Несколько дней спустя, когда Филип сражался в бою с Плевром, царем иллирийцев, Павсаний выступил перед своим господином и принял смертельный удар, предназначенный для него.

Аттал, друг погибшего Павсания, был дядей Клеопатры, жены Филипа Македонского (и полководцем, впоследствии возглавившим авангард македонской армии в Азии). Узнав о смерти своего друга, Аттал пригласил первого Павсания отобедать у него. Когда гость напился до бесчувствия, Аттал передал его своим погонщикам «на поношение», то есть для группового изнасилования. Таким образом Аттал отомстил за своего друга.

Павсаний выступил перед Филипом с обвинениями против Аттала, но царь, нуждавшийся в услугах своего полководца, не стал наказывать его. Вместо этого он щедро одарил Павсания и дал ему почетное место в своей страже. Павсаний принял дары и повышение по службе, но, подстрекаемый софистом Гермократом, по-прежнему жаждал совершить возмездие над человеком, причинившим ему зло, а также над тем, кто не стал мстить за него.

На первый взгляд, история бесчестья и мести Павсания выглядит натянутой. Изнасилование произошло в 344 г. до н. э., за восемь лет до того, как Павсаний убил Филипа. Если он замышлял месть, то определенно не торопился с осуществлением своих планов.

Тем не менее следует учитывать свидетельство Аристотеля. В своем труде «Политика» Аристотель называет нападение Павсания на Филипа примером мести за *hubris*, что в данном случае означает тяжкое оскорбление, насилие или изнасилование. Хотя неясно, был ли Аристотель свидетелем убийства Филипа, он безусловно хорошо знал самого Филипа, его сына Александра и нравы, существовавшие при дворе царя Македонии. Аристотель, будучи осведомленным человеком, считал, что групповое изнасилование, даже произошедшее восемь лет назад, служило достаточно веским мотивом для Павсания. Но если мыслящие люди считали этот мотив вполне вероятным,

они также верили в существование более широкого заговора. Кем были предполагаемые заговорщики?

Одним из них был Александр из Линкестиды, который увел Александра Македонского во дворец после убийства. Он был братом двух других мужчин (Геромена и Аррабея), «причастных к убийству Филипа», которые вместе с тремя сыновьями Павсания были казнены на могильном кургане Филипа (в Македонии были принято казнить не только людей, злоумышлявших против царя, но и их ближайших родственников мужского пола). Возможно, Александр из Линкеста, первым провозгласивший Александра Македонского царем, избежал участи своих братьев именно благодаря этому поступку.

По крайней мере еще одного человека сочли причастным к смерти Филипа. В сохранившемся фрагменте папируса из Оксиринах в Египте есть указание на то, что некий человек — возможно, гадатель (*мантис*) — был распят сразу же после убийства. Гадатель мог понести наказание за свой вердикт, что Филипу не будет угрожать никакая опасность, когда он войдет в театр в то роковое октябрьское утро, но, к сожалению, сохранившийся текст папируса слишком неясный и двусмысленный для четкой интерпретации причин казни этого человека.

Несмотря на скудость достоверной информации, вполне ясно, что македонцы верили в существование более широкого заговора. Мы не имеем точных сведений о мотивах заговорщиков. Вместе с тем нельзя исключать возможность, что братья из рода Линкестидов замыслили государственный переворот либо по своей инициативе, либо в интересах Персии.

ПЕРСИДСКАЯ ТЕОРИЯ

Так или иначе, в письме Дарию после битвы при Иссе в 333 г. до н. э. Александр обвинил персидского царя в убийстве его отца. По утверждению Александра, «отец мой умер от руки заговорщиков, которых сплотили вы, о чем хвастаетесь всем в своих письмах».

Хотя историки обычно пренебрегали письмом Александра как пропагандистской уловкой, обвинение выглядит не таким уж натянутым, особенно с учетом того, что весной 336 г. до н. э. персы уже ощущали военно-политические последствия македонского вторжения под командованием Пармениона и Аттала. Дарий имел веские причины для того, чтобы желать смерти Филипу II, но у нас нет независимых доказательств, поддерживающих обвинение Александра.

ОЛИМПИАДА И АЛЕКСАНДР?

Другие подозревали, что идея заговора созрела в непосредственной близости от царского дома Македонии. По сообщению Плутарха, большая часть вины лежала на Олимпиаде, так как она поощряла Павсания и подстрекала его к мести. При этом подразумевалось, что Александр знал о подстрекательстве или участвовал в нем. Когда Павсаний встретился с Александром и пожаловался на несправедливость, которую ему пришлось претерпеть, Александр процитировал строки из «Медеи» Еврипида, где Медея угрожала «всем отомстить — отцу, невесте, жениху». Античные читатели Плутарха понимали, что имел в виду Александр: Павсаний должен последовать примеру Медеи.

Историк Юстин поддерживает и развивает обвинение против Олимпиады и Александра. Олимпиада была раздражена своим разводом и озлоблена на Клеопатру, которую предпочли ей, сильнее, чем Павсаний был озлоблен своим бесчестьем. Александр также опасался, что его брат, пользуясь поддержкой матери, имеет виды на царский трон; это и стало причиной ссоры на свадебном пиру у Филипа.

Более того, по утверждению Юстина, Олимпиада побуждала своего брата Александра, царя Эпира, идти войной против Филипа; ей бы это удалось, если бы Филипп не выдал за него свою дочь и таким образом не приобрел власть над своим зятем. Именно Олимпиада, по словам

Юстина, заранее подготовила лошадей для побега убийцы, а когда она поспешила на похороны под предлогом того, что хочет отдать последние почести покойному, то возложила золотой венок на голову распятого Павсания. Через несколько дней она кремировала тело убийцы и насыпала над ним могильный курган, за которым ежегодно ухаживала. Более того, Олимпиада вынудила молодую вдову Филипа покончить с собой, но лишь после того, как приказала убить маленькую дочь Клеопатры на коленях матери. Кинжал, которым закололи царя, она посвятила Аполлону под именем Мерталы, которое сама носила в юности. По словам Юстина, все это делалось так открыто, как будто Олимпиада боялась, что ее признают невиновной.

Но помимо голословных утверждений Юстина нет никаких доказательств, что Олимпиада когда-либо подстрекала Павсания к убийству или оказывала ему помощь в подготовке к бегству. То обстоятельство, что Павсаний был убит, когда он бежал к «лошадям» (множественное число в греческом тексте у Диодора), подразумевает наличие сообщника или, что более вероятно, сменную лошадь. Во всяком случае это доказывает, что Павсаний собирался бежать, а не погибнуть рядом с трупом своей жертвы.

Но Юстин не приводит доказательств того, что именно Олимпиада распорядилась подготовить лошадей для побега, и ни один другой источник не подтверждает его мнение. Точно так же ни один поступок Олимпиады после смерти Филипа не позволяет обвинить ее в преступлении. Она имела все основания радоваться гибели Филипа, но ее радость, хотя и неподобающая, не может быть использована как доказательство ее вины.

Во многом то же самое относится и к Александру; на самом деле он едва ли знал о существовании заговора. Александр должен был хорошо понимать, что они с матерью окажутся под подозрением, с учетом их напряженных отношений с царем в последние годы перед гибелью Филипа. Если бы существовали веские доказательства при-

частности Александра, то он, безусловно, разделил бы участь братьев из рода Линкестидов. Хотя Александр, как и многие другие, получил огромную выгоду от смерти Филипа, подавляющее большинство исследователей считают его невиновным.

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Армия в Эгах провозгласила Александра царем на следующий день после гибели Филипа. Как это часто случалось в македонской истории, передача власти привела к дальнейшему кровопролитию и созданию нового политического режима. Олимпиада, как известно, имела удовольствие наблюдать за гибелью Клеопатры и ее маленькой дочери. Аттала убили по распоряжению Александра; единственный тост на пиру стоил ему жизни. Парменион, которому пришлось выбирать между защитой своего зятя и товарища по оружию в Азии (Аттала) и риском для собственной жизни, если бы он стал противодействовать убийцам, посланным Александром, выбрал жизнь. Спустя годы он погиб при обстоятельствах, имевших зловещее сходство с обстоятельствами смерти Аттала. Аминта, законный наследник трона, вскоре исчез, и больше о нем ничего не было слышно. При содействии своего знатного покровителя Антипатра, одного из самых опытных македонских военных, Александр явился в октябре 336 г. до н. э. как единственный наследник Аргеадов, физически и психически способный возглавить союз против Персии.

Убийство Филипа предоставило Александру возможность показать всему миру нечто великое и значительное — то самое, о чем он раньше говорил своим сверстникам. Теперь уже в качестве правителя Александр немедленно послал за своими близкими друзьями, отправленными Филипом в изгнание после провала переговоров с Пиксодаром. Среди них был Птолемей, сын Лагоса, родом из Эордеи в Македонии, Гарпал, сын Махата, возможно, из Элиниотиды в Македонии, Эригий, сын Лариха, родом из Митилены, Лаомедон, сын Лариха, тоже из

Митилены, и Неарх, сын Андروتима, родом с Крита. Впоследствии Александр продвинул их на некоторые самые высокие посты в македонской армии и структуре управления. Разумеется, этих людей объединяла не приверженность Александра к созданию многоэтнического правящего класса, а их личная преданность Александру. Тем не менее в ближний круг Александра всегда входили люди, не являвшиеся чистокровными македонцами. В конечном счете такое доброжелательное отношение к «варварам» привело его к дальнейшим конфликтам с идеологически наследниками Аттала.

ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА И РАЗРУШЕНИЕ ФИВ

В Афинах весть об убийстве Филипа была встречена всеобщим ликованием. Этолийцы вспоминали своих сородичей, отправленных Филипом в изгнание. Жители Фив и Амбракии изгнали македонские гарнизоны. На Пелопоннесе аргосцы, элейцы и спартанцы «стремились к независимости». Что касается нового царя Македонии, которому исполнилось двадцать лет, о нем большей частью отзывались пренебрежительно.

Первая реакция Александра на сложившуюся ситуацию была дипломатичной. Он завоевал расположение фессалийцев, амбракиотов и амфикиононов напоминаниями о древнем родстве и «широкими обещаниями». В Афинах готовились к войне, но отправили послов к Александру с просьбой простить их, «если они замедлили с представлением ему гегемонии».

Затем Александр созвал греческих послов и делегатов на другую встречу в Коринфе, где убедил их назначить его «военачальником Эллады» и организовать военную экспедицию против Персии. Таким образом, Александр официально возглавил панэллинистическую кампанию возмездия, задуманную еще его отцом.

Во время своего пребывания в Коринфе Александр также встретился с философом Диогеном из Синопы. Дио-

ген славился в Греции тем, что жил в соответствии с предполагаемыми принципами первобытных людей или даже животных. «Естественный» образ жизни Диогена заключался в том, что он одевался в рубище, просил подавание и мочился на глазах у людей. Именно благодаря такому поведению, его последователей, которые не брезговали даже публичным совокуплением, стали называть «киниками» от греческого слова «собака» (*кион*).

Большинство греков шокировало поведение Диогена, Александр же испытывал к нему любопытство, особенно потому, что, когда многие философы и политики пришли поздравить его с назначением на пост главы общегреческого союза, Диоген не вышел из своего уединения. Поэтому Александр решил нанести визит «собачьему» философу.

Александр вместе с группой своих друзей нашел Диогена в окрестностях Коринфа, где тот лежал и грелся на солнце. Встав перед философом, Александр спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы к нему. «Отступи чуть в сторону, — ответил тот, — не заслоняй мне солнца». Говорят, что слова Диогена произвели на Александра большое впечатление, и на обратном пути он сказал своим спутникам, насмехавшимся над философом: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Некоторые воспринимали реакцию Александра на слова Диогена как признак его глубокой проницательности. Хотя он был царем Македонии и теперь возглавлял панэллинистический союз, будучи учеником самого знаменитого греческого философа, он понимал, что простой и безыскусный образ жизни более предпочтителен, чем сложное и опасное существование великого царя-воина. Но если эта встреча произошла на самом деле, то знаменитое высказывание Александра скорее всего отражает его восхищение перед псом-одиночкой, который не следует за стаей, невзирая на удобства. В этой встрече одна гордая и независимая душа признала другую.

В то время, когда Александр наносил свой памятный

визит Диогену, мятежные трибаллы и иллирийцы на севере подняли восстание, и вскоре Александру пришлось покинуть Коринф, чтобы уладить дела во Фракии. Пока он был занят усмирением мятежников, восстали фиванцы, подстрекаемые вернувшимися изгнанниками, утверждавшими, что Александр погиб в Иллирии. Через тринадцать дней с характерной для него быстротой Александр вернулся в Беотию со своей армией, проделав путь в 250 миль. Несмотря на это, организаторы мятежа продолжали твердить о его гибели и утверждали, что в Беотию прибыл некий другой Александр. Но, как гласит турецкая поговорка, ни в чем нельзя быть уверенным, особенно если ты совершенно уверен: настоящий Александр внезапно появился перед стенами Фив, словно некий злой демон в повторяющемся ночном кошмаре. Фиванцы должны были усвоить урок, преподанный им при Херонее.

Александр окружил город, но не стал штурмовать его. Он лишь потребовал выдать подстрекателей мятежа и взамен обещал помиловать их. В ответ он получил безрассудное оскорбление: фиванцы в свою очередь потребовали от Александра выдать им Филота и Антипатра. Филот был сыном Пармениона, величайшего македонского полководца, а Антипатр, как нам известно, был главным сторонником и покровителем Александра в старой гвардии македонской знати. Требовать от Александра их выдачи было все равно, что требовать от спартанцев, чтобы они стали пацифистами, и фиванцы хорошо понимали это.

Поэтому еще до того, как Александр отдал приказ, македонцы под руководством Пердикки, одного из доверенных военачальников царя, ворвались в город и убили более 6000 фиванцев. Еще примерно 30 000 горожан были взяты в плен и проданы в рабство. Александр пощадил только жрецов и жриц, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков поэта Пиндара, чьим творчеством он восхищался, а также тех, кто голосовал против восстания. Даже в кровавых анналах греческой истории редко встречались случаи, когда целый город под-

вергался истреблению вместе со своими жителями с такой систематической беспощадностью.

Александр распространил свое чувство нравственной справедливости на одну фиванскую семью. Во время боя предводитель фракийцев, сражавшихся на стороне македонцев, изнасиловал знатную фиванку по имени Тимоклея. Потом фракиец пожелал узнать, не спрятала ли она где-нибудь золото или серебро. Тимоклея повела его к колодцу в своем саду, и когда он наклонился, чтобы заглянуть туда, столкнула его вниз и бросала в него камни до тех пор, пока он не умер. Разъяренные фракийцы привели ее к Александру.

Тимоклея сообщила царю, что она сестра полководца Теагена, который командовал фиванской армией в битве с Филипом при Херонее и пал за свободу Греции. Восхищенный мужеством Тимоклеи, Александр немедленно распорядился отпустить женщину и ее детей на свободу и позволил ей покинуть Фивы.

Что касается самого города, то, в соответствии с решением панэллинистического совета, Александр уничтожил его до основания, за исключением дома Пиндара. Страшная участь Фив должна была послужить предупреждением для других, кто мог вынашивать мятежные планы, пока Александр находился в Азии.

ГЛАВА 5

Бросок копья и азиатский приз

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И СБОР АРМИИ

Вернувшись в Македонию весной 334 г. до н. э., Александр принес жертвы богам в Дионе и устроил девятидневные театральные представления в честь Зевса и муз. В своих следующих кампаниях до и после каждого важного события Александр совершал такие же жертвоприношения и проводил торжественные состязания. Вероятно, некоторые интеллектуалы того времени сомневались в существовании греческих богов и богинь, но Александр не разделял эти сомнения.

По завершении торжеств Александр покинул Македонию, оставив Антипатра с 12 000 пехотинцев и 1500 всадников для сохранения мира в Греции. За двадцать дней Александр со своей армией прошел более 300 миль от Македонии до города Сест, находившегося на европейской стороне Геллеспонта и выбранного в качестве сборного пункта перед отбытием войск в Азию. По наиболее надежным сведениям Диодора Сицилийского, численность армии вторжения составляла 32 000 пехотинцев и примерно 5100 конников. Среди пехотинцев насчитывалось 9000 македонских педзэтайров и 3000 гипаспистов. Кроме того, несколько тысяч македонцев уже находились

в Азии вместе с авангардом армии. Флот был сравнительно небольшим: 160 боевых судов и флотилия грузовых кораблей для обеспечения тыловой поддержки.

Это войско, безусловно, было одной из крупнейших греческих или македонских армий, когда-либо собиравшихся для вторжения на чужую территорию. Александр унаследовал от Филипа нечто гораздо более ценное, чем дворцовые сокровища: самую боеспособную армию в истории Греции, отлично подготовленную и снаряженную. Но по другую сторону Босфора, от Сард до Самарканда, со всей Азии постепенно собирались войска, готовившиеся сокрушить завоевателей. Они выпивали реки досуха, а огни их лагерных костров превращали ночь в день. Какой пророк мог предсказать победу македонян в бою с таким неприятелем?

ПРОТЕСИЛАЙ И ТРОЯ

В то время как главная македонская армия переправлялась через Геллеспонт из Сеста в Абидос на азиатском побережье, Александр отправился дальше на юг, в Элеунт. Из этого городка на европейской стороне Босфора ахейцы некогда отправились в Трою. В Элеунте также находилась гробница несчастного Протесилая. В знаменитом «перечне кораблей» во второй книге «Илиады» Гомер говорит:

Сих ополчение Протесилай предводил браноносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.
В Филаке он и супругу с душою растерзанной бросил,
Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
Первый из всех аргивян, с корабля соскочивший на берег.

Как и храм Афины на акрополе в Афинах, гробница Протесилая, очевидно, была разграблена персами в 480 г. до н. э. Здесь Александр принес жертву богам, чтобы при переправе через Геллеспонт ему выпала более счастливая участь, чем Протесилаю. Этим поступком Александр устанавливал символическую связь между своей войной против персов и Троянской войной, а также с персидским

вторжением в Грецию в 480 г. до н. э. Вскоре последовали новые символические действия, связывавшие прошлое и настоящее.

Отплыв из Элеунта, Александр переправился через Гелеспонт и высадился в так называемой «Ахейской гавани». Он сам правил флагманским кораблем и, проплыв половину пути, заколол быка в жертву Посейдону и nereидам и совершил возлияние в море из золотой чаши. Александр, несомненно, имел в виду, что эти благочестивые поступки следует рассматривать как противоположные бесславному деяниям персов. В 480 г. до н. э. Ксеркс построил мост через Гелеспонт для вторжения в Грецию, но налетевшая буря разрушила его. Ксеркс наказал непокорные воды 300 ударами бича, а затем велел погрузить в море пару оков.

Перед тем как сойти на азиатский берег, Александр метнул с борта корабля копье, которое вонзилось в землю, и заявил, что боги вручают ему завоеванную им Азию. Таким образом он подчеркнул, что собирается стать властелином Азии по воле богов. На протяжении всех своих азиатских кампаний Александр верил в то, что боги направляют его действия и одобряют их.

Там, где Александр отплыл из Европы и высадился в Азии, он также поставил алтари Зевсу — «покровителю высадок», Афине и Гераклу. Таким образом его переправа в Азию была подчеркнута целым рядом церемониальных актов, предназначенных для того, чтобы обеспечить благосклонность божеств, самых дорогих его сердцу: Зевса, чьим сыном он себя называл, Афины, богини мудрости и войны, чей храм персы разрушили в 480 г. до н. э., и Геракла, одного из своих предков, который сначала стал героем, а потом был возвышен до божественного статуса благодаря своим великим подвигам.

Высадившись на берег, Александр проследовал по суше до Илиона (Троя), где гнев Ахиллеса некогда «ахейнам тысячи бедствий соделал, / многие души могучие славных героев низринул / в мрачный Аид». В этом месте, насыщенном историческим и литературным значением для

всех греков, Александр принес жертву Афине и совершил возлияние в честь героев. У колонны над могилой Ахилла он, согласно обычаю, умастился маслом и обнаженный состязался в беге вокруг памятника, а затем возложил венок на надгробие. Его товарищ Гефестион возложил другой венок на могилу Патрокла.

Родившийся примерно в том же году, что и Александр, Гефестион, сын Аминтора из Пеллы, рос вместе с будущим царем и был одним из придворных пажей Филипа. Хотя он не отправился в изгнание после провала сватовства к Пиксодару, они с Александром стали довольно близки в начале азиатского похода. Благодаря милостям Александра, Гефестион, который был выше царя и, судя по всему, довольно красивым мужчиной, в конце концов достиг высоких постов в имперской иерархии. Это произошло, несмотря на его склочный характер, раздражавший самого Александра. В Индии, после того как Гефестион повздорил с Пердиккой, одним из лучших военачальников царя, Александр при всех обругал Гефестиона и назвал его глупцом и безумцем, «не желающим понять, что он был бы ничем, если бы кто-нибудь отнял у него Александра». Тем не менее Гефестион был известен как «дражайший» из всех товарищей Александра; в отличие от других, любивших царя, он якобы любил своего повелителя просто как человека.

Во время того же визита в Трою Александр взял из храма Афины часть священного оружия, остававшегося там со времен Троянской войны. Впоследствии гипасписты носили это оружие в бою перед царем. Когда Александр был тяжело ранен в бою с индийским племенем маллов, его вынесли с поля битвы на щите, взятом из храма.

Наконец Александр принес жертву Приаму во искупление святотатства Неоптолема, убившего троянского царя на алтаре Зевса — «покровителя домашнего очага»; он молил о том, чтобы дух Приама больше не гневался на род Неоптолема, из которого происходил и он сам. В канун своего первого столкновения с персами в Азии Алек-

сандр не хотел, чтобы неупокоенный дух троянского царя зывал к богам об отмщении.

Некоторые исследователи считают визит в Трою сравнительно незначительным событием в жизни и карьере Александра, но отождествление царя с персонажами и событиями из героического прошлого Греции выходило далеко за рамки циничного ритуального повторения, призванного стать оправданием для его азиатской кампании. Александр воплотил в себе, по крайней мере, некоторые ценности этих древних героев и старался действовать в соответствии с их принципами. Как мы убедимся впоследствии, когда Александр достиг высот, беспрецедентных в истории Греции, он начал вытеснять некоторые ценности и схемы поведения этих ролевых моделей, заменяя их новыми. Можно предположить, что именно эта готовность расширить горизонты эпического сценария, написанного Гомером, привела его к конфликту с современниками.

ПРЕЛЮДИЯ К БИТВЕ ПРИ ГРАНИКЕ

Пока Александр находился в Трое, вести о его переправе достигли местных персидских военачальников, которые собрались около Зелеи, греческого городка, расположенного примерно в восьми милях от устья реки Эзеп. Этими военачальниками были Арсам, Реомифр, Петин и Нифат. С ними находился Спитридат, сатрап Ионии и Лидии, и Арсит, сатрап северной Фригии (у Геллеспонта). Под их командованием находилось около 20 000 конников, набранных в Малой Азии, примерно 20 000 греческих наемников-пехотинцев, а также местные рекруты. Таким образом, персидская пехота заметно уступала по численности закаленным в боях македонцам, однако персы располагали более многочисленной конницей.

С учетом пехотного превосходства македонян, Мемнон из Родоса, опытный греческий военачальник, служивший персидскому царю, посоветовал сатрапам и военачальникам не вступать в сражение с ними. Вместо этого,

по его словам, надо было отступать, вытаптывать подножный корм конницей, жечь урожай и не щадить даже своих городов; отсутствие провианта вынудит Александра покинуть Азию быстрее и с меньшим риском, чем военное противостояние. Мемнон даже не знал, насколько обоснованным был его совет: Александр прибыл в Азию с запасом продовольствия только на 30 дней. Он должен был как можно скорее вступить в бой с персами — в случае отсрочки ему оставалось либо найти средства, либо отправляться домой.

Но Арсит, который был персидским правителем этой области, заявил, что он не допустит разрушения хотя бы одного дома, принадлежащего его подданным. Остальные персидские военачальники, подозревавшие Мемнона из-за его греческого происхождения и, возможно, ободренные своими победами над авангардом армии под командованием Пармениона в прошлом году, поддержали Арсита. Они проголосовали за то, чтобы скрестить мечи с македонянами.

Когда разведчики Александра определили расположение персидской армии, она заняла выгодную оборонительную позицию на восточном берегу реки Граник (современный Кокабас-Чай), вероятно, поблизости от современного турецкого города Диметока. Персидская конница сосредоточилась вдоль крутого берега реки, но достаточно далеко от края, чтобы конники могли атаковать македонцев сразу же после того, как они переправятся через реку и начнут подниматься по восточному берегу. За конницей на возвышении располагалась наемная греческая пехота.

Александр со своими македонянами приблизился к реке во второй половине дня. Увидев выгодное расположение персидских позиций, Парменион посоветовал Александру подождать и переправиться через реку на рассвете, до того как персы успеют построиться, чтобы встретить их.

Александр отклонил совет Пармениона. Он сказал, что ему будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправив-

шись через пролив, он убоится «крохотного ручья», как он назвал Граник. Впрочем, несмотря на это гордое заявление, Александр должен был понимать, что общая численность его войск превосходит силы противника, поэтому он немедленно отрядил Пармениона для командования левым флангом армии, а сам переместился на правый фланг македонского строя.

Затем Александр расположил пехотную фалангу между отрядами конницы на флангах. На левом фланге македонской армии стояла фессалийская, греческая и фракийская конница под командованием Пармениона, на правом крыле стоял Филот, сын Пармениона, вместе с гетайрами, лучниками и незаменимыми в бою агрианами-копейщиками. За ним стоял Аминта, сын Аррабея, со всадниками-сариссоносцами, а также пэоны и эскадрон (*ила*) Сократа из Аполлонии. Слева от них находились гипасписты под командованием Пармениона, сына Никанора, а дальше располагались пехотные отряды Пердикки, Кена, Аминты и Филипа, сына Аминты. Таким образом, Парменион со своими ближайшими родственниками возглавлял три ключевых позиции в македонской армии в битве при Гранике.

Наступательную позицию правого крыла македонян возглавляла фессалийская конница под командованием Калата при поддержке союзной конницы и фракийцев. Справа от них располагались несколько пехотных батальонов.

БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ

Александр выделялся среди македонян своими сияющими доспехами и большим белым султаном на гребне шлема. Заметив это украшение, персы сосредоточили напротив него конные отряды.

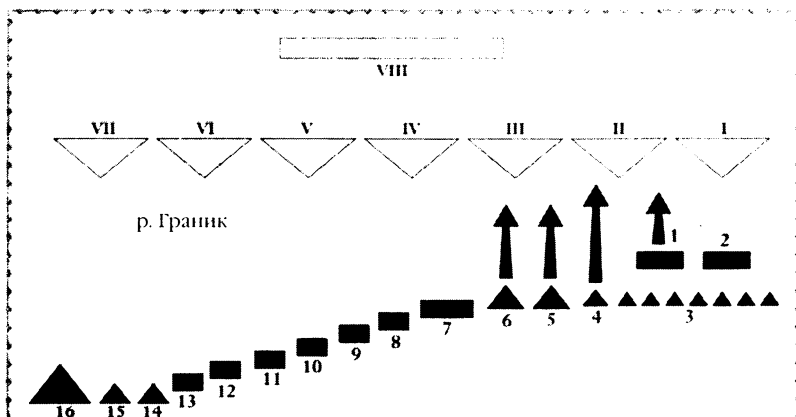
В течение какого-то времени войска по обе стороны реки оставались неподвижными, и стояла тишина, словно обе армии страшились преждевременно вступить в бой.

Тогда Александр взял на себя роль агрессора, что было характерно для него. Он послал вперед конных разведчиков и пэонов под начальством Аминты и один отряд пехоты, а перед ними конную *илу* Сократа во главе с Птоломеем, сыном Филипа. Глубина реки в конце весны, когда произошло сражение, составляла около трех футов. Мы можем предположить, что Аминта и его воины вошли в реку, а затем попытались подняться на противоположный берег в наиболее легких местах — вероятно, по гравийным склонам, отмечаемым современными историками, а не по крутым берегам, упомянутым у Арриана.

Задачей Аминты было форсировать Граник, принять на себя первый удар персов и таким образом дать Александру время на переправу левого фланга армии через реку в боевом порядке, готовом сражаться в традиционном для македонцев клинообразном строю. Таким образом, первый отряд нападавших играл роль пешки, которой жертвуют для достижения более важной тактической цели — то есть втягивания левого фланга персидской армии в бой на речной пойме, где македоняне могли эффективно атаковать противника. Сходная операция имела место и на левом крыле, возглавляемом фессалийской конницей.

Как и предполагалось, штурмовой отряд Аминты был оттеснен к реке, где вступил в тяжелую рукопашную схватку. Отборные части персидской конницы и Мемнон со своими сыновьями нанесли здесь тяжкий урон македонянам. Жертва, принесенная воинами Аминты, позволила остальным «товарищам царя», успешно переправившимся через реку, направить острие контратаки на стан персидских военачальников, где стояли самые плотные ряды ошестинившейся копьями конницы.

Митридат, зять персидского царя, возглавил вторую атаку персов, на этот раз направленную на самого Александра, который к тому времени уже находился на восточном берегу реки. Александр выехал навстречу Митридату и поразил его в лицо копьем. Тогда на Александра

БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ, ПОЗДНЯЯ ВЕСНА 334 Г. ДО Н. Э.

Первоначальное построение, по Арриану 1.14.1— 4

Македоняне

- 1 Агриане-копейщики
- 2 Лучники с Крита
- 3 Конница «товарищей царя» под командованием Филота
- 4 Конный эскадрон (*ила*) Сократа
- 5 Легкая конница пэонов
- 6 Конные копейщики под командованием Аминты
- 7 Гипасисты под командованием Никанора
- 8 Пехотная фаланга (*педэтайры*) Пердикки
- 9 Пехотная фаланга (*педэтайры*) Кена
- 10 Пехотная фаланга (*педэтайры*) Кратера
- 11 Пехотная фаланга (*педэтайры*) Аминты
- 12 Пехотная фаланга (*педэтайры*) Филипа
- 13 Пехотная фаланга (*педэтайры*) Мелсагра
- 14 Фракийская конница под командованием Агафона
- 15 Греческая союзная конница под командованием Филипа
- 16 Фессалийская конница под командованием Калата

Персы

- I Конница под командованием Мемнона и Арсама
- II Пафлагонийская конница под командованием Ариста
- III Гирканская конница под командованием Спитридата
- IV Конница под командованием Митридата и Ресака (?)
- V Бактрийская конница
- VI Конница под командованием Рсомифра
- VII Мидийская конница
- VIII Греческая наемная пехота

- Македонская пехота
- Македонская конница
- Персидская пехота
- Персидская конница

помчались братья Ресак и Спитридат. Ресак отрубил ему саблей гребень шлема и легко ранил царя; Александр убил его, пронзив копьем через кирасу. Теперь уже Спитридат замахнулся саблей, готовый нанести Александру смертельный удар со спины, но Клит, сын Дропида, по прозвищу «Черный», командовавший элитным царским эскадронном гетайров (*агема*), одним ударом отсек ему руку от плеча. Ход мировой истории мог бы быть совсем иным, если бы рука Клита, как нос Клеопатры, оказалась немного короче.

Под давлением новых македонских эскадронов, следовавших за Александром через реку, персидская конница была вынуждена отступить. Не менее восьми персидских военачальников пали в бою. Это показывает, чего стоили более поздние утверждения греков об «азиатской трусости»; персидские полководцы при Гранике пали смертью храбрых, отстаивая то, что они завоевали и по праву считали своим.

Но после ожесточенного сражения центр персидской армии был прорван. Македоняне устремились на греческих наемников-пехотинцев, до сих пор принимавших лишь незначительное участие в бою из-за их расположения на возвышенности и на некотором расстоянии за персидской конницей. В совместной атаке конницы и пехоты Александр и македоняне уничтожили на месте до 90% наемников — возможно, уже после того, как противник запросил пощады. Лишь около 2000 человек были взяты в плен.

Некоторые, особенно те, кто считают, что наемники просили пощады, осуждали Александра за этот поступок, но греческие наемники, павшие в тот день, были именно наемными солдатами, получавшими жалованье от персидского царя. Они хорошо знали, что могут либо убивать за него, либо погибнуть за него. Александр не имел никаких нравственных обязательств для удовлетворения их просьбы, даже если она была высказана, что нельзя считать доказанным.

Так или иначе, у Александра были и практические причины для того, чтобы не щадить наемников. С самого начала долгой и опасной кампании у него не было никаких гарантий, что если он отпустит греческих наемников в битве при Гранике, то македонцы не столкнутся с ними на поле боя в следующий раз. И наконец, эта резня несомненно предназначалась в качестве предупреждения для других греков, подумывавших о выступлении на стороне персидского царя: они не могли ожидать пощады.

С другой стороны, массовое убийство все же было ошибкой, хотя и допущенной молодым человеком в пылу битвы, где он едва не расстался с жизнью. Те, кто впоследствии брали плату от Дария, сражались упорнее, зная, что им нельзя надеяться на снисхождение. Александр, быстро обучавшийся всему, больше не повторял эту ошибку.

Потери с македонской стороны были гораздо меньшими. При первой атаке под командованием Аминты погиб-

Место на реке Граник в современной Турции, где Александр дал первое генеральное сражение персам поздней весной 334 г. до н. э.
(Фото из коллекции автора.)

ли 25 «товарищей царя». Еще более 60 других конников и примерно 30 пехотинцев расстались с жизнью. Бронзовые статуи двадцати пяти гетайров, погибших при Гранике, впоследствии были изготовлены Лисиппом, любимым скульптором Александра, и поставлены в городе Дион в Македонии.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Сразу же по окончании битвы при Гранике Александр позаботился о том, чтобы почтить павших, восстановить узы товарищества с выжившими и разослать тщательно составленные послания своим друзьям, недругам и колеблющимся.

По приказу Александра все павшие македонцы на следующий день были похоронены вместе с их оружием и снаряжением; их дети и родители «освобождались от поземельных, имущественных и прочих налогов, а также от обязательных работ». Присвоение этих льгот многое говорит о политическом сознании Александра, если не о его нравственном облике. В долгой истории войн гораздо более опытные полководцы и даже государства делали гораздо меньше для семей тех, кто жертвовал всем ради своей страны. Александр также посетил раненых, выслушал их рассказы о том, как они получили свои ранения. Уже в этом возрасте он понимал потребность людей, испытавших шок кровопролитного боя, высвободить свои эмоции, поделившись ими.

Александр также похоронил персидских военачальников и павших греческих наемников. Некоторые ученые утверждали, что таким образом он нарушил религиозные верования персов, но Арриан не уточняет, каким образом проводились похоронные ритуалы, и трудно представить, что еще мог сделать Александр в таких обстоятельствах. Он не выказал бы большей почтительности к персидским религиозным обычаям, если бы оставил тела гнить на поле боя. Александр не мог выдать мертвых персов их соотечественникам, так как последних не было поблизости,

Мемнон с остатками персидской армии бежал в дружественный город Милеты.

Выжившие греческие пленники были отправлены в Македонию в кандалах, где их приговорили к каторжным работам за то, что они «пошли наперекор общему решению и сражались за варваров против Эллады».

«ВАРВАРЫ, ОБИТАЮЩИЕ В АЗИИ»

Александр отправил в Афины 300 комплектов персидского воинского снаряжения в дар Афине Палладе с сопроводительной надписью «Александр, сын Филипа, и все эллины, кроме лакедемонян [спартанцев], взяли от варваров, обитающих в Азии».

Доспехи были посвящены Афине, богине войны, за услугу, которую она оказала в бою Александру и грекам. Военные трофеи отправились в Афины, поскольку сожжение афинских храмов персами в 480 г. до н. э. служило главным оправданием для нынешней войны. Отправка персидских доспехов в город, сражавшийся против него и его отца, а теперь вынужденно ставший его союзником, должна была доставить Александру некоторое удовольствие.

Поскольку Александр должен был лично одобрить текст надписи, она является важным свидетельством того, что он с самого начала хотел убедить людей в успехе своей кампании. Примечательно, что Александр представляется не как царь, а как «сын Филипа». Причина этого становится ясной из следующих нескольких слов, образующих подлежащее этого предложения: «Александр... и все эллины». В данном контексте Александр предстает не только как сын царя, но и как соратник посвящения трофеев, добытых вместе с греками, за исключением спартанцев, отказавшихся присоединиться к походу, если им не будет предоставлено право возглавить его. Александр хотел показать себя равным партнером в союзе с греками.

Отсутствие спартанцев подрывало официальное мнение о том, что поход в Грецию осуществляется от лица

всех эллинов. Именно по этой причине после своей первой победы Александр исключил их из числа победителей, причастных к добыче военных трофеев.

Вторая часть надписи относится к статусу персов, «варваров, обитающих в Азии» (а не правящих ею). Хотя первоначально слово «варвар» в греческом языке означало лишь человека, разговаривающего на непонятном языке, в 334 г. до н. э. Александр вложил в него иной смысл. Таким образом он хотел лишить легитимности персидское владычество в Азии с точки зрения греков. С учетом того обстоятельства, что после битвы при Гранике персы сохраняли свою власть над большими азиатскими территориями, утверждение о том, что они *жили* в Азии, а не *правили* там, было в лучшем случае полуправдой.

Это сочетание пропаганды, сарказма и презрительной бравады должно было послужить для жителей Греции идеологическим подтверждением военной кампании и обещанием достигнуть ее целей. Те, кто отказался от участия в ней, остались на обочине.

РИСКОВАННЫЕ МЕЧТЫ ГЕНИЯ

Рассмотрев битву при Гранике, мы начинаем понимать, почему Александра считают военным гением. Одним из признаков такого гения является глубокая проницательность — в данном случае способность видеть тактическую проблему и найти ее решение.

Прибыв к реке и увидев, что вражеская конница занимает сильную оборонительную позицию на противоположном берегу, Александр правильно оценил тактическую проблему, с которой он столкнулся. Ему нужно было подманить численно превосходящего противника по меньшей мере к самому краю речного берега, чтобы ликвидировать главную угрозу для македонской конницы: атакующего напора кавалерии.

Тактическим решением была жертва, принесенная штурмовым отрядом Аминты. Когда персы клюнули на эту приманку, Александр со своими гетайрами смог контр-

атаковать и завязать ближний бой с персидской конницей, где превосходная выучка и бойцовские качества македонян давали им решающее преимущество.

Александр оставил без внимания совет Пармениона, так как видел то, что осталось недоступным более опытному полководцу, и имел мужество предпринять рискованный шаг. Александр пошел на этот риск потому, что не был заинтересован в тактическом состязании с персами. В отличие от Пармениона и многих других он пришел в Азию не просто для того, чтобы покарать персов; он пришел для того, чтобы править Азией или умереть здесь. И та, и другая участь устраивала потомка Ахилла.

Греческие города в Малой Азии

ОБУЧЕНИЕ ИСКУССТВУ МИРА

Александр показал свой военный гений и огромное личное мужество, однако теперь двадцатидвухлетний царь неожиданно получил в свое распоряжение огромную территорию на западе Малой Азии. Эта проблема отличалась от той, с которой он столкнулся во время битвы при Гранике, и требовала совершенно иных навыков. Тактические жертвы и конные атаки здесь не могли принести никакой пользы. Александр, едва не погибший во время своей первой битвы в Азии, теперь нуждался в умелой государственной политике. Его обращение со своими новыми подданными помогает нам понять его стиль правления и отношение к покоренным народам его империи.

МИССИЯ АЛКИМАХА

Сразу же после битвы при Гранике Александр назначил Калата сатрапом над теми, кем раньше правил Арсит, и дал ему распоряжение сохранить налоги на том же уровне, что и раньше. Этими налогами облагалось как греческое, так и не греческое население. Жителей греческого

городка Зелеи он простил, рассудив, что их сотрудничество с персами происходило не добровольно, а по принуждению. С другой стороны, им не было предоставлено никаких особых привилегий. Парменион получил приказ взять Даскилий, столицу сатрапии.

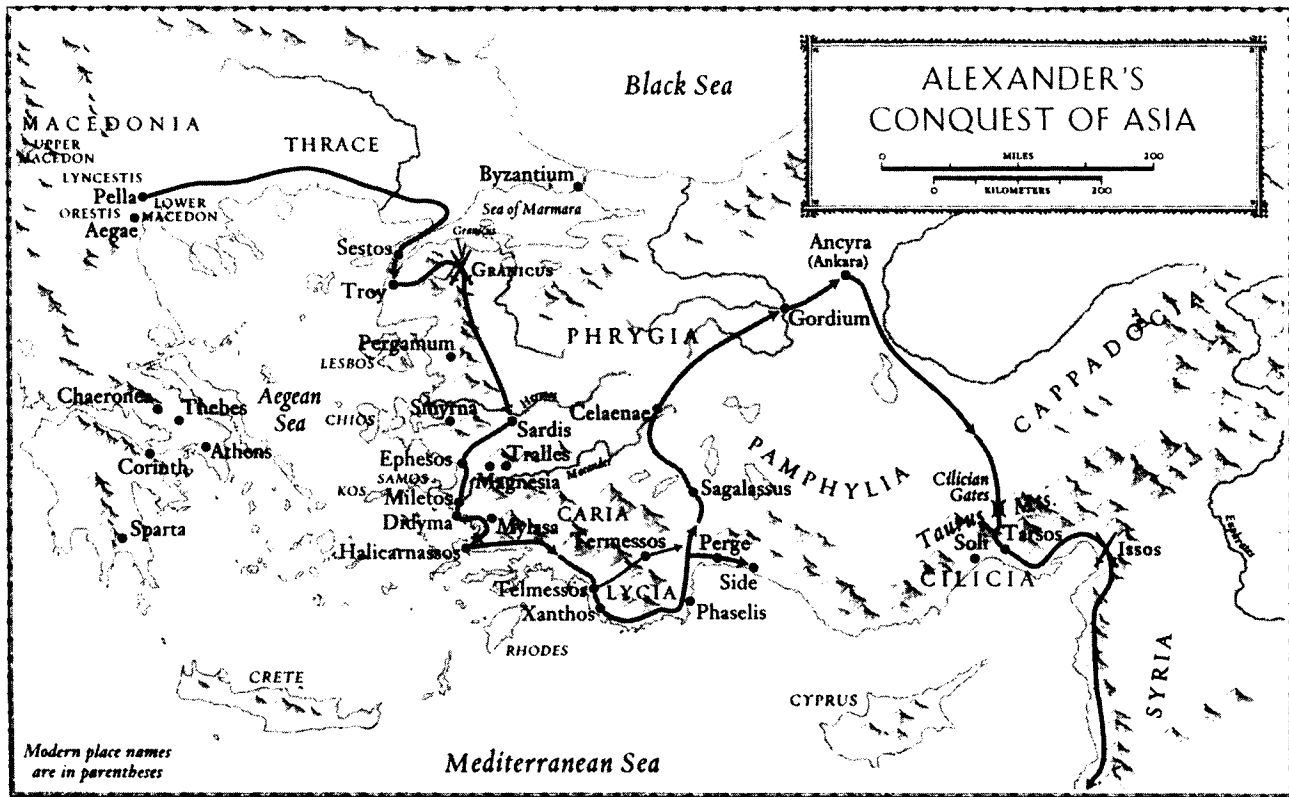
Следующей целью Александра был знаменитый город Сарды, расположенный у подножия крутого укрепленного холма в долине Герма. Этот город был политическим центром лидийской династии при царе Крезе до его захвата Киrom Великим в 546 г. до н. э., а впоследствии стал столицей наиболее важной провинции северо-западной части империи Ахеменидов.

Мифрен, персидский военачальник, командовавший внутренней крепостью Сард, и видные горожане довольно неожиданно сдали город без борьбы; Александр оставил Павсания «начальником крепости». Затем царь назначил Никия ответственным за организацию и сбор дани. Правителем Лидии он назначил македонянина Асандра, сына Филота. Отряд аргивян остался в крепости в качестве гарнизона. В область Мемнона (Троада) отправились Калат и Александр, сын Аеропа, вместе с пелопоннесцами и большей частью других союзных войск.

Таким образом, Александр разрешил лидийцам соблюдать обычаи их страны и дал им свободу — то есть свободу платить дань, содержать гарнизон и находиться под властью нового сатрапа. Лидийцы поменяли хозяев, но не систему управления.

Затем Александр прибыл в Эфес, крупнейший и наиболее важный греческий *полис* в Малой Азии, где находился огромный храм Артемиды, сгоревший в ночь перед рождением молодого царя. Здесь он столкнулся с гораздо более сложной дипломатической проблемой. При приближении Пармениона во главе авангарда македонской армии в 336 г. до н. э. народная партия этого древнего ионийского города-государства восстала и свергла проперсидски настроенного тирана, правившего городом, а затем признала власть македонян. После этого сторонники Фи-

липа II воздвигли статую македонского царя в храме Артемиды.

Но в 335 г. до н. э. Парменион потерпел определенные неудачи в Малой Азии; Эфес был снова захвачен сторонниками персов, и статуя Филипа была разрушена. Аминта, сын Антиоха (друг другого Аминты, претендента на македонский престол, устраненного в начале 334 г. до н. э.), командовал гарнизоном наемников в Эфесе и выступил против Александра, узнав о его приближении, но когда весть о разгроме при Гранике достигла Эфеса, наемники бежали.

Триумфально вступив в город, Александр вернул всех, кто был изгнан оттуда за его поддержку, лишил власти правящую клику и восстановил демократические учреждения. Все «взносы», которые эфесяне раньше платили персам, он велел платить в храм Артемиды. Горожане пылали желанием предать смерти тех, кто призвал Мемнона и разбил статую Филипа. Сирфака, его сына Пелагона и их родственников вытащили из храма и забили камнями. Лишь прямое вмешательство Александра предотвратило дальнейшее кровопролитие.

Потом Александр захотел освятить заново построенный храм Артемиды, но эфесяне (или храмовые жрецы) отказались; по их словам, богу не подобало приносить жертвы другим богам.

Пока Александр находился в Эфесе, посланцы от Магнесии и Тралл (находившихся на границе гористого региона на юге, известного под названием Кария) пришли с предложением сдать ему свои города. Александр послал туда Пармениона, дав ему 2500 пехотинцев из числа союзников, столько же македонцев и 200 конников-гетайров. Примерно такая же армия под командованием македонского военачальника и дипломата Алкимаха, брата впоследствии знаменитого телохранителя и царя Лисимаха, была отправлена в эолийские и ионийские города, все еще находившиеся под властью персов. По всей стране он лишал власти правящие фракции и учреждал демократиче-

ские правительства, позволяя каждому городу соблюдать свои законы и обычаи и отменяя дань, ранее выплачиваемую персам.

Таким образом, в Эфесе Александр установил свою политику по отношению к греческим городам в Азии. Основы этой политики были заложены с прибытием посланцев из Магнезии и Тралл. Эти города освободились от персидских гарнизонов и учредили демократическое управление. Демократия и автономия греческих городов теперь были возведены Александром до статуса общих принципов. Судя по всему, причиной такой политики Александра было самостоятельное желание демократических партий двух городов (Магнезия и Траллы) избавиться от персов.

До миссии Алкимаха не было никаких признаков того, что Александр намеревался дать демократию и автономию грекам, жившим в Азии. Он пришел в Азию, чтобы покарать (или покорить) персов, а не освободить греков. В сущности, до начала кампании он, вероятно, вообще не думал о том, какую позицию следует занять по отношению к грекам в Малой Азии. Новая политика выросла из оценки политической ситуации, с которой столкнулся Александр. Как и в военном деле, где Александр сначала изучал топографию будущего поля боя, а затем планировал свою тактику, так и в политике он приспособливал свои действия к имеющемуся политическому ландшафту.

После принесения жертв Артемиде и блестящего военного парада Александр выступил по направлению к важному греческому порту Милеты, который в 499 г. до н. э. был центром безуспешного мятежа против персидского владычества. Однако к середине IV века до н. э. прославленная непокорность Милет превратилась в туманное воспоминание: город находился под жестким контролем персов, и среди его жителей было много людей, сочувственно относившихся к Персии. Милеты, с трех сторон окруженные морем, служили превосходной базой для персидского флота, более чем вдвое превосходившего

флот Александра (400 боевых судов против 160), чьи галеры находились под управлением опытных финикийских и киприотских моряков. Но Александр захватил прибрежный остров Лада до того, как персидский флот успел прибыть на помощь городскому гарнизону.

Тем не менее сопротивление было ожесточенным; Александр смог взять город лишь с помощью осадных машин, использованных для разрушения части городской стены. Милеты капитулировали в последний момент. Александр пощадил гражданское население в память о героической борьбе города с греками во время ионийского мятежа, но большая часть военного гарнизона была уничтожена, кроме 300 наемников, которых Александр взял себе на службу, наученный опытом в битве при Гранике. Из-за стратегического положения города и сочувственного отношения к персам многих жителей Милеты были обложены данью, а в крепости был поставлен македонский гарнизон.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ФЛОТА

Доказав, что он может штурмом взять прибрежную цитадель с суши, Александр решил распустить свой флот, за исключением небольшого количества транспортных судов. Для этого он имел три причины: во-первых, ему не хватало денег для платы морякам, во-вторых, он знал, что его флот не может тягаться с военно-морскими силами персов, а в-третьих, он не хотел подвергать свои корабли и людей риску в открытом море.

Кабинетные стратеги долго обсуждали целесообразность этого решения, благодаря которому персидский флот получил свободу действий против греческих островов, континентальной Греции и побережья Малой Азии (в начале 333 г. до н. э. Александр был вынужден собрать новый флот для противодействия военно-морским угрозам в тылу своей армии). Но со стратегической точки зрения решение Александра представляется оправданным как рассчитанный риск. Он мог рассчитывать, что Анти-

патр и войска, оставшиеся в Македонии, позаботятся о том, чтобы континентальная Греция осталась мирной и по крайней мере пассивно лояльной, что бы ни происходило на островах (которые так или иначе не играли решающей роли). Что касается непосредственного театра военных действий, то, пока Александр мог отрезать персидский флот от прибрежных баз, он не представлял угрозы для его армии. Иными словами, Александр планировал разгромить численно превосходящий персидский флот своими действиями на суше. Это была блестящая и смелая игра, очень характерная для него.

Это согласуется и с целью войны в том смысле, в каком он мог быть первоначально определен самим Александром. Уже после первой битвы в Азии стало ясно, что он хочет не только покарать персов, но и покончить с персидским владычеством в Азии, о чем свидетельствует надпись на захваченных персидских доспехах, отправленных в Грецию.

Для достижения этой цели Александр в конце концов должен был сразиться с самим царем Персии и одержать победу, но до этого он хотел лишить Дария всех ресурсов на средиземноморском побережье. Александр распустил свой флот и отправился на юг по прибрежной дороге, чтобы нанести упреждающий удар и окончательно переломить ход событий в свою пользу. Лучше, чем его критики, он понимал все достоинства и недостатки войск, находившихся в его распоряжении, и был исполнен решимости выиграть *свою* войну с помощью своего главного достоинства: несравненной македонской армии.

НАЗНАЧЕНИЕ АДЫ

Покорив Милеты, Александр отправился на юг вдоль побережья Малой Азии к Галикарнасу, столице Карики — персидской сатрапии, где родился историк Геродот. Примерно в 370 г. до н. э. Мавсол, сатрап Карики, сделал город своей столицей и построил там много впечатляющих сооружений, включая собственную гробницу (мавзолей), назва-

ние которой стало нарицательным. Галикарнас был хорошо укреплен и мог получать снабжение от персидского флота со стороны моря. Его обороной командовал Мемнон с острова Родос, чья рекомендация прибегнуть к тактике выжженной земли, обращенная к персидским сатрапам, была оставлена без внимания перед битвой при Гранике. Штурм Галикарнаса представлял серьезную проблему даже для опытных и решительных осаждающих.

После кровавых стычек (с большой подробностью описанных Диодором Сицилийским), когда чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону, македоняне захватили большую часть города, за исключением почти неприступных цитаделей Салмах и Зефирий, остававшихся в руках персов до 332 г. до н. э. Александр, решивший сохранить свои силы ради предстоящего сражения с Дарием, двинулся на восток, оставив гарнизон из 3000 пехотинцев и 200 конников, чтобы сковать силы защитников крепости.

Правительницей Карики Александр назначил Аду, которая сдала ему близлежащий сильно укрепленный город Алинды. Ада была изгнана из Галикарнаса своим братом Пиксодаром, персидским сатрапом, предложившим свою дочь в жены умственно неполноценному брату Александра. Александр имел причины для благорасположения к Аде, так как сдача города избавила его от необходимости очередной осады. Ада даже объявила, что он для нее как сын, и когда последние твердыни Галикарнаса оказались в руках македонцев, Александр дал ей власть над всей страной. Назначение женщины правительницей такого стратегически важного региона, к тому же в ходе военной кампании, было беспрецедентным в греко-македонской истории.

АЛЕКСАНДР ИЗ ЛИНКЕСТИДЫ

Осенью 334 г. Александр продолжил свой стратегический бросок на восток из Галикарнаса в регион, известный под названием Ликия, и к середине зимы подошел к городу

Фаселиде (Фаселис). Здесь к нему доставили шпиона Дария по имени Сисин, захваченного Парменионом по пути на встречу с Александром из Линкестиды. Сисин должен был пообещать Линкестиду трон Македонии и 1000 золотых талантов, если тот сможет убить Александра.

Как известно, после покушения на Филипа II обнаружилось веские улики против Александра из Линкестиды, но Александр Македонский не наказал его, так как Линкестид был в числе первых, провозгласивших его царем. Впоследствии царь назначил его на ключевой пост командующего фессалийской конницей. Однако после доклада, полученного в 334 г. до н. э., Александру оставалось лишь арестовать изменника из рода Линкестидов. Александр из Линкестиды оставался под стражей до конца 330 г. до н. э., а потом его осудили за участие в другом заговоре против Александра. В этот раз последний из братьев Линкестидов не избежал казни.

ОТ ФАСЕЛИДЫ ДО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ

После Фаселиды Александр продолжил свое путешествие по прибрежной дороге через Памфилию. Когда он проходил по узкой береговой линии, северный ветер нагонял волны на побережье, что побудило Каллисфена, официального историка военной кампании, создать живописный образ моря, простирающегося ниц перед завоевателем. Спустя годы Каллисфену пришлось пожалеть об этой лести.

Воспользовавшись городом Перги как своей оперативной базой в регионе, Александр вынудил крупный город Аспенду, ранее заключивший соглашение с ним, передать ему лошадей, выращенных в качестве дани для царя Дария, а также выплатить 100 талантов. Он потребовал выдать влиятельных горожан в качестве заложников, а сам город должен был подчиниться сатрапу, назначенному Александром, платить ежегодную дань Македонии и

решить судебным путем вопрос о земле, которую они силой отобрали у соседей, в чем их обвиняли.

Портовый город Сида, впоследствии ставший центром работоторговли в Анатолии, тоже был оккупирован, а соседний Силлий взят в кольцо осады. В начале весны 333 г. до н. э. Александр двинулся на север через Термесс, подвергшийся нападению с помощью селгов, которые были старинными врагами термессцев. Сагалас, чьи воины считались лучшими из лучших среди псидов (воинственных и независимых жителей горного региона, простирающегося от Памфилийской равнины до озер, которые теперь носят название Бордур, Эгридир и Бейшехир), тоже не смог противостоять натиску тяжеловооруженной пехоты Александра, а другие персидские города и поселения были взяты штурмом или капитулировали.

Город Келены, крепость которого стояла на горе с отвесными склонами, отправил к Александру послов с сообщением, что если к ним в условленный день не придет подмога, то они сдадутся. Оставив там около полутора тысяч солдат под командованием Антигона, Александр поспешил в Гордий, где воссоединился с Парменионом и его войсками (отправленными в центральную Фригию, пока Александр воевал в Ликийи), а также с новыми рекрутами из Македонии, включая 3000 пехотинцев, 300 всадников, 200 фессалийских конников и 150 элейцев. Гордий (современный Яссы-Хююк), столица древней Фригии, был расположен в стратегическом пункте, где реку Сангарий пересекала персидская Царская дорога, идущая от Анатолийского плато к побережью.

Когда Александр находился в Гордии, к нему прибыли посланцы из Афин, попросившие освободить афинян, захваченных в плен в битве при Гранике, но они получили отказ; война продолжалась, и Александр считал, что будет опасно проявлять снисхождение к грекам, сражавшимся на стороне «варваров».

Более тревожной была весть о том, что Мемнон из Родоса, получивший деньги от Дария и назначенный глав-

нокомандующим персидского флота и правителем всего побережья, захватил несколько городов на островах в северной части Эгейского моря. Очевидно, впоследствии он намеревался перенести военные действия на территорию континентальной Греции, начиная со стратегически расположенного острова Евбея, изгибающегося вокруг восточного и северного побережья Аттики и Беотии, словно огромный серп. Возможность нападения Мемнона тревожила жителей городов Евбеи и вселяла в тех, кто симпатизировал персам (особенно спартанцев), «надежды на переворот».

Таким образом, Александр был вынужден возобновить свою военно-морскую политику. Он послал Амфотера в район Геллеспонта, а военачальника Эгелоха отправил для освобождения островов, захваченных персами. Кроме того, Протей по приказу Антипатра начал собирать флот на Евбее и Пелопоннесе для защиты греческого побережья и островов от вероятного нападения персов.

Но богиня удачи снова улыбнулась Александру — или, возможно, некое злонамеренное божество лишило Дария разума. Проигнорировав увещания своего полководца, афинского стратега Харидема, Дарий последовал совету своих приближенных и начал собирать армию в Вавилоне, состоявшую главным образом из наемников. Летом он собирался выступить оттуда и разгромить македонскую армию в одной решающей битве. По утверждению Диодора, в Вавилоне собралось до 400 000 пехотинцев и не менее 100 000 конников. В сущности, именно этого и хотел Александр.

Военные ресурсы, особенно наемные войска, были отвлечены от персидской морской кампании в Эгейском море. Удача сопутствовала Александру и с гибелью Мемнона — вероятно, во время осады Митилены. Его смерть была самым тяжким ударом для Персии на этом этапе войны; он был самым энергичным и дальновидным полководцем Дария. Без его проницательности и стратегического видения военно-морские действия Персии в Эгейском море были обречены на провал.

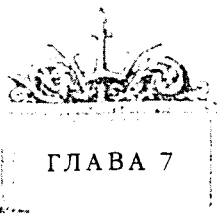
ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Когда Александр еще разрабатывал планы противодействия военно-морской угрозе для Греции, у него возникло непреодолимое искушение посетить дворец царя Гордия и его сына Мидаса, чтобы осмотреть узел, скреплявший ярмо знаменитой повозки Гордия. По преданию, именно на этой повозке Мидас приехал во Фригию во исполнение пророчества, данного фригийцам: «...на повозке приедет царь, который прекратит междоусобицу». Узел был завязан из лыка дикой вишни и так хитроумно сплетен, что в нем не было видно ни начала, ни конца. Говорили, что тому, кто развяжет узел на ярме этой повозки, суждено править Азией.

Существует два варианта дальнейшего развития событий. В одном из них Александр, как и все остальные, не смог развязать узел, но, не желая уходить, в конце концов достал свой меч и разрубил узел со словами «вот он и развязан». С другой стороны, Аристокбул пишет, что он вынул из дышла колышек, на котором держался узел, и снял ярмо. Так или иначе, все сходятся во мнении, что он исполнил предсказание оракула, тем более что следующей ночью разразилась гроза с громом и молниями, истолкованная как небесное знамение. На следующий день Александр принес жертву богам, явившим знамение и указавшим ему, как развязать узел.

Далее, после короткой остановки в Анкире (современная Анкара) для наведения порядка в Галатии, Александр продолжил свой путь через скалистый ландшафт Каппадокии с причудливыми каменными столбами и пещерами. Он поставил Сабикта сатрапом Каппадокии и подошел к Киликийским Вратам, главному проходу через величественный горный хребет Таурус. Возглавив штурмовой отряд, состоявший из щитоносцев (гипаспистов) и агриан, он так напугал персидских стражников, что они бежали, бросив свои посты. Персидский сатрап Арсам покинул Тарс, столицу Киликии (где через 300 с лишним лет родил-

ся апостол Павел), встревоженный приближением Александра. В конце лета 333 г. до н. э. Александр повернул к побережью, надеясь, как и сам Дарий, на решающее сражение. Дарий полагал, что по воле Ахурамазды он близок к наведению порядка в своей империи. С другой стороны, Александр недавно получил от богов знамение, что вскоре он станет владыкой Азии. В недалеком будущем Дарию и Александру предстояло узнать, каким образом их божества намеревались осуществить свои планы.

ГЛАВА 7

Битва при Иссе

БОЛЕЗНЬ

Александр достиг Тарса в конце лета 333 г. до н. э. То ли от усталости, то ли из-за летнего зноя Александр решил искупаться в протекавшей поблизости реке Кидн. К несчастью для него, воды Кидна вытекали прямо из-под снеговых шапок на вершинах хребта Таурус и были очень холодными даже летом. После короткого купания у Александра начались судороги, за которыми последовала сильная лихорадка, сопровождавшаяся бессонницей.

Врачи отчаялись спасти его жизнь, за исключением Филипа, уроженца Акарнана в северо-западной Греции, который прописал ему слабительное. Пока Филип готовил лекарство, Парменион передал Александру письмо, гласившее: «Остерегайся Филипа. Я слышал, что Дарий подкупил его, чтобы отравить тебя».

Александр передал письмо Филипу и без колебаний осушил чашу с лекарством. Филип прочитал письмо без каких-либо признаков беспокойства и посоветовал Александру следовать его наставлениям; если он будет слушаться, то выздоровеет. Пациент сделал, как ему было сказано, и быстро пошел на поправку. Впоследствии Александр щедро одарил своего врача и причислил его к сво-

им самым верным друзьям. Что касается Пармениона, нет никаких признаков, что этот инцидент повредил его отношениям с Александром или поколебал доверие царя к нему. Вскоре после этого Парменион был отправлен вместе с союзной пехотой, греческими наемниками, фракийцами и фессалийской конницей для захвата и охраны других проходов между Киликией и Ассирией (в первую очередь Белийского прохода в Аманских горах).

ПРЕЛЮДИЯ К БИТВЕ ПРИ ИССЕ

Сам Александр двинулся на юг, к городу Анхиалу, якобы построенному в один день с Тарсом легендарным ассирийским царем, которого греки называли Сарданапалом. В Анхеале Александр мог посетить знаменитую гробницу со статуей царя, хлопающего в ладоши, и клинописной надписью внизу:

«Сарданапал, сын Анакиндаракса, в один день построил Анхиал и Тарс. Ты же, путник, ешь, пей и забавляйся; все остальное в жизни не стоит и этого».

Под «этим» подразумевался хлопок в ладоши. Арриан также сообщает, что греческое слово «забавляться» в ассирийском языке имело гораздо более легкомысленное значение.

Вероятно, примерно в это же время произошел инцидент, широко обсуждавшийся впоследствии. Гарпал, друг детства и казначей Александра, бежал из лагеря. Как мы помним, Гарпал подвергся изгнанию вместе с другими друзьями Александра из-за неудачного «сватовства к Пиксодару». Некий авантюрист по имени Тавриск убедил его в необходимости такого поступка. Вероятно, Гарпал невысоко оценивал шансы Александра на выздоровление от тяжелой болезни или на выживание после предстоящей битвы с Дарием. Какими бы ни были его побуждения, он провел один год в Греции, а потом вернулся к Александру и снова занял пост казначея весной 331 г. до н. э. Бытовало мнение, что он совершил измену или украл казну Александра, но в таком случае трудно представить, что по воз-

вращении ему был бы оказан радушный прием. Другие утверждали, что Александр отправил его с некой тайной миссией в Элладу. Этот эпизод до сих пор окутан тайной.

Пока македоняне обсуждали загадочное исчезновение друга Александра, царь Дарий в Вавилоне наконец собрал свою огромную армию. По сообщению Арриана, общая численность его войск насчитывала 600 000 человек. Плутарх согласен с ним, в то время как Диодор и Юстин дают цифру 400 000. Курций Руф утверждает, что количество только греческих наемников достигало 30 000.

Эти цифры, вероятно, были преувеличены, чтобы триумф Александра выглядел еще более впечатляющим, но есть указания, что Дарий действительно собрал очень большую армию. Арриан подтверждает, что в рядах тяжелооруженной пехоты Дария насчитывалось 30 000 греческих наемников и 60 000 персидских гоплитов (так называемых кардаков).

Так или иначе, ясно, что Дарий обладал численным превосходством, возможно, очень большим, и на этот раз он лично возглавлял персов. Отвергнув совет своего полководца Харидема, который просил его разделить силы и позволить Харидему атаковать македонян с меньшим войском, Дарий решил двинуть всю свою армию против Александра. Персидский царь бросил свой жребий.

С тех пор историки много спорили о том, насколько оправданным для Дария было рисковать своей армией и самой жизнью в одной большой битве. Исход оказался неблагоприятным для него, но о справедливости его решения нельзя судить по результату. Почему же Дарий сделал это? Несомненно, это имело важное значение для престижа и даже для легитимности его власти (которую он обрел в результате кровавой династической борьбы), чтобы в нем могли видеть истинного правителя, возглавившего персов и сражающегося за свою империю. Великий царь Персии, любимец Ахурамазды просто не мог прятаться от двадцатитрехлетнего выскочки, предводителя бывших рабов, некогда плативших дань землей и водой Дарию I. Поэтому в сентябре 333 г. до н. э. Дарий со своей

армией выдвинулся в Сохи — небольшой город на Амикской равнине, расположенной на краю Аманских гор, готовый к встрече с Александром. Для того чтобы придать армии большую мобильность, ее громадный обоз был отправлен на юг, в Дамаск.

Тем временем Александр двигался сначала на восток к городу Магарсу, потом на север к Маллу (где он узнал, что Дарий находится в Сохах), потом на северо-восток к Кастабулу и, наконец, к Иссу. Оставив здесь больных и раненых, Александр прошел через так называемые Ассирийские, или Львиные, Ворота вплоть до Мириандра — вероятно, в поисках Дария или для того, чтобы вынудить персидского царя дать бой на узкой прибрежной равнине между морем и Аманским хребтом. С учетом численного превосходства персов, о котором он догадывался, сражение в стесненной местности, где Дарий испытывал бы затруднения с маневрированием, явно было в его интересах.

С другой стороны, Дарий, судя по всему, хотел сойтись с Александром где-то на Амикской равнине, где местность была открытой и ровной и хорошо подходила для конных атак и маневрирования больших пехотных соединений. Если бы персы, выступив из Сох, прошли через Байланский перевал и встретились с Александром в окрестностях Мириандра, то поле битвы имело бы значительно более скромные размеры и предоставляло большую свободу действий Александру.

После двухнедельной задержки, когда каждый ожидал первого хода противника, Дарий наконец взял инициативу на себя. Он решил покинуть Сохи и таким образом потерял потенциальное преимущество встречи с Александром на Амикской равнине, что озадачивало некоторых историков. Но персы отослали большую часть своего провианта в Дамаск и не могли кормить армию, стоявшую на равнине в течение долгого времени. Поэтому Дарий не мог ждать вечно, в то время как Александр при необходимости мог наладить снабжение со стороны моря.

Однако Дарий выступил не в том направлении, кото-

рое, скорее всего, ожидалось македонянами. Вместо того чтобы провести свою армию через расположенный поблизости Байланский проход, он отклонился на север по меньшей мере на 100 миль, а затем прошел через так называемые Аманикские Ворота, миновал теснину Топрак-Кале и наконец оказался на прибрежной равнине к северу от Исса.

В Иссе Дарий совершил первую серьезную ошибку за время своей военной кампании: он замучил, а затем предал смерти всех раненых и больных македонян, которых там оставил Александр. Странно, что те, кто подвергал Александра жесткой критике за его решение не давать пощады греческим наемникам в битве при Гранике, обошли молчанием эту постыдную резню. Однако рядовые македоняне, безусловно, должны были знать о том, что произошло с их беззащитными товарищами, и вспылать ненавистью к Дарию. На протяжении всей истории войны пытки или казни военнопленных часто оборачивались против тех, кто их совершал.

Теперь персы находились к северу от Александра, отрезав его от недавно приобретенных сухопутных баз в Киликии. Александр, которому это известие показалось невероятным, послал кое-кого из «товарищей царя» на тридцативесельной галере обратно к Иссу посмотреть, соответствует ли оно действительности. Дарий действительно находился в тылу у македонян. Александр мог быть неуязвимым, как провозгласил Дельфийский оракул, но Пифия не называла его всезнающим. Теперь необходимость избавила Александра от трудного выбора; оказавшись отрезанным от своих баз на суше, он должен был как можно быстрее сразиться с Дарием.

Оставив пехоту союзников сторожить южные проходы, Александр с остальной армией двинулся на север и провел ночь перед битвой на безопасной возвышенности у Аманикских Ворот. К югу от реки Пинар персы заняли оборонительные позиции, так что Дарий без труда мог выстроить основную часть своей армии в боевой порядок. Каллисфен, официальный историк Александра, впослед-

ствии записал, что поле битвы отстояло на 2,59 км от моря и находилось у подножия Аманского хребта; это значит, что его ширина составляла примерно 1,75 мили. Сравнительно узкое поле боя давало Александру с его меньшей армией некоторое преимущество, значительно уменьшая вероятность флангового обхода персов. Тем не менее Александр должен был удостовериться в том, что персы не обойдут правое крыло его армии или не прорвут строй на его левом крыле, обращенном к морю. Сложные перемещения пехоты и конницы, о которых он распорядился перед тем, как македоняне выдвинулись на свои позиции, свидетельствуют о его понимании топографии поля битвы и тактических тонкостей предстоящего сражения.

БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ

Когда Дарий узнал, что Александр наконец выступил ему навстречу, он отправил 30 000 конников и 20 000 легковооруженных пехотинцев на другую сторону Пинара, чтобы беспрепятственно выстроить свое главное войско. В центре персидского строя стояли греческие наемники-пехотинцы; с каждого фланга их поддерживали по 30 000 кардаков. Еще одна дивизия численностью 20 000 человек была отправлена в холмы с целью зайти в тыл Александру. Огромная масса легкой и тяжеловооруженной пехоты поддерживала главную армию сзади. Они были выстроены по родам и племенам, но глубина построения делала их в значительной степени бесполезными для битвы, что было неизбежным с учетом их численности.

Тем временем Александр обратился со страстной речью к своим полководцам и предводителям союзных войск. По словам Арриана, он подчеркнул различие между греками и персами: «Македоняне, с давних пор закаленные в военных трудах и опасностях, столкнутся с персами и мидянами, давным-давно погрязшими в роскоши; свободные люди сойдутся с рабами». Далее он напомнил своим воинам, что персы сражаются за деньги, а они сражаются за Грецию. Потом Александр распорядился дать воинам

поесть и выспаться тут же на скалах, но выставил сильные сторожевые посты. Много битв было проиграно из-за того, что воины одной из сторон сражались на пустой желудок или не спали предыдущую ночь. Александр всегда заботился о том, чтобы македоняне шли в бой накормленными и отдохнувшими.

Незадолго до рассвета македоняне прошли через теснину большой колонной; сначала пехота, потом конница. Пехота выстроилась по 32 человека в глубину, но когда фаланга вышла на равнину, она перестроилась до восьми человек в глубину.

Оказавшись на открытой местности, Александр отрядил три батальона тяжеловооруженной пехоты под командованием Никанора на правый фланг, располагавшийся на небольшой возвышенности. Слева от них стоял отряд Кена, а сразу за ним воины Пердикки. На крайнем левом фланге расположились войска под командованием Аминты, а далее, ближе к центру — отряд Птолемея и отряд Мелеагра. Командование пехотой на левом крыле было поручено Кратеру, а общее командование левым флангом — Пармениону. Последний получил приказ не отходить от моря, чтобы персы не смогли обойти левый фланг македонской армии.

Построив свою пехоту, Дарий отозвал конные отряды, которые он выслал на другой берег реки, и поставил их на свой правый фланг, против Пармениона и в сторону моря, потому что там открывался большой простор для конницы. Сам Дарий занял место в центре строя, где традиционно находились персидские цари во время сражения.

Александр выслал фессалийскую конницу для противодействия угрозе на своем левом фланге, но сделал это скрытно, приказав пройти в тылу пехотных отрядов. На другом конце строя он выдвинул вперед «бегунов» под командованием Протомаха, пэонов под командованием Аристора и лучников под командованием Антиоха. Затем агрианам под руководством Аттала было приказано занять тыловую возвышенность, расположенную под углом к ли-

нии фронта, где они могли вступить в бой с персами, пытавшимися совершить фланговый обход.

Заметив слабость в своем построении, Александр отозвал два эскадрона македонской конницы из центра и послал их направо, снова скрыв этот маневр. Он также укрепил свой правый фланг контингентом агриан и греческих наемников и таким образом получил превосходство над левым флангом персидской армии. Отряд лучников и агриан отбросил персов, заходивших с тыла на вершину холма, что позволило Александру вернуть в состав главного войска те части, которые он намеревался выставить в тыловое охранение.

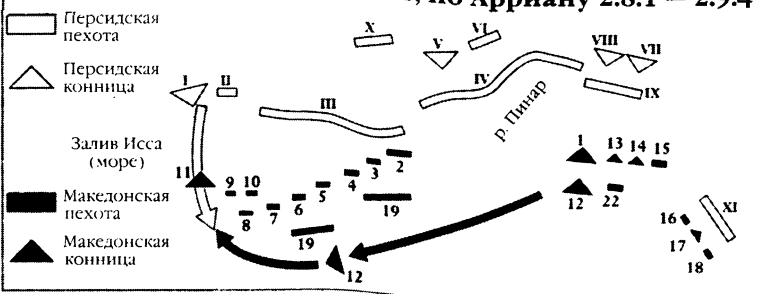
Завершив все эти перестроения, македоняне медленно двинулись вперед, время от времени останавливаясь по приказу Александра, чтобы создать у персов впечатление, что время работает на них. Дарий со своей армией ожидал на противоположном берегу реки, частью обрывистом, а в более легких для прохода местах укрепленном частоколами.

БИТВА ПРИ ИССЕ

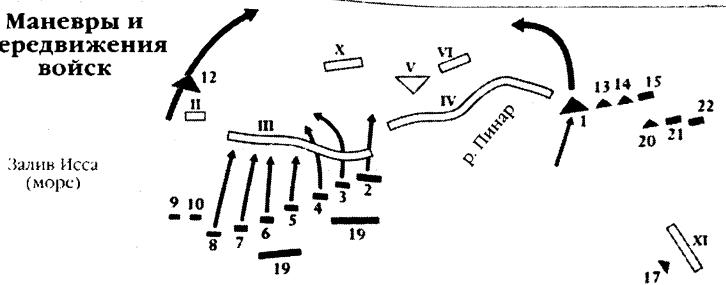
Когда сражение началось, бой был яростным и завершился сравнительно быстро. Как только Александр оказался на расстоянии полета стрелы, он устремился к реке во главе правого крыла своих войск. Левое крыло персидского строя было смято и обратилось в бегство, как только дело дошло до рукопашной — верный признак того, что персы еще никогда не сталкивались с такой сокрушительной атакой.

В центре сражения бой шел не так успешно для македонян. Пехотная фаланга достигла своей цели гораздо позже, чем Александр, сражавшийся верхом. Часть македонской пехоты подалась вправо, оставив брешь в строю. В ряде мест обрывистые берега реки помешали фаланге сохранить сплошной фронт атаки. Греческие наемники Дария нанесли удар как раз в то место, где в македонских порядках образовалась наиболее широкая брешь, и началась кровавая рубка.

Первоначальное построение, по Арриану 2.8.1 – 2.9.4

Маневры и передвижения войск

БИТВА ПРИ ИССЕ, 333 ГОД ДО Н. Э.

Македоняне

- 1 Конница «товарищей царя» под командованием Филота
- 2 Гипасписты под командованием Никанора
- 3 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Ксена
- 4 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Пердикки
- 5 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Мелеагра
- 6 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Птолемся
- 7 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Аминты (Симвия)
- 8 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Кратера
- 9 Лучники с Крита
- 10 Фракийские копейщники под командованием Ситалка
- 11 Греческая союзная конница
- 12 Фессалийская конница
- 13 Конные разведчики (*продрема*) под командованием Протомаха
- 14 Конница пэонов под командованием Аристона

- 15 Македонские лучники под командованием Антиоха
- 16 Агриане-копейщники под командованием Атгала
- 17 Конный отряд
- 18 Македонские лучники
- 19 Греческая наемная пехота
- 20 Два эскадрона «товарищей царя»
- 21 Агриане
- 22 Греческая наемная пехота

Персы

- I Конница Набарзана
- II Пращники и лучники
- III Греческая наемная пехота
- IV Кардаки (тяжеловооруженная пехота)
- V Персидский царь Дарий с личной стражей
- VI Персидская пехота
- VII Гирканская и мидийская конница
- VIII Персидская конница
- IX Пращники и копейщники
- X Пехотная масса (рекруты)
- XI Конная «дивизия» численностью 20 000 всадников

Арриан пишет, что греческие наемники, воевавшие на стороне персов, старались столкнуть македонян в реку и вырвать победу для своих уже бегущих соратников на левом фланге, а македоняне — не отстать от Александра с его явным успехом и не поступиться боевой славой фаланги. Жестокий бой пехотных соединений подпитывало старое этническое соперничество между греками и македонянами. На этом этапе сражения около 120 прославленных воинов из числа македонян расстались с жизнью.

Но Александр с конницей гетайров, подавивший сопротивление на левом крыле персидской армии, затем повернул к центру, вынудив наемников Дария отступить от реки. Обойдя левый фланг персов, Александр обрушил стремительную фланговую атаку на персидскую наемную пехоту, вскоре гетайры порубили своих противников на куски.

Тем временем на левом фланге македонского строя персидская конница не стала ждать на дальней стороне реки, а переправилась через нее и смело устремилась на фессалийскую конницу. Завязалась жаркая схватка, но персы дрогнули, когда узнали, что сам Дарий обратился в бегство, а отряд греческих наемников был перебит пехотой Александра. Атака персидской конницы в этом месте, оттянувшая ее от центра персидского строя, вероятно, была главной тактической ошибкой в сражении, или (если посмотреть на дело с другой стороны) это был успешный оборонительный бой, проведенный Парменионом и фессалийцами, который дал Александру время, чтобы разгромить левый фланг персидской армии, а затем смять и центр неприятеля.

Арриан сообщает, что Дарий бежал в панике в тот момент, когда левое крыло персов дрогнуло и рассыпалось под напором Александра, но Диодор и Курций рассказывают совсем другую историю. Согласно Диодору Сицилийскому, после разгрома левого фланга персидской армии Александр со своей конницей устремился прямо к Дарию. К сражению присоединилась остальная конница с обеих сторон, и многие погибли, так как победа склонялась то в одну, то в другую сторону. Одна из самых яростных схва-

ток произошла вокруг царской колесницы Дария. Многие из его прославленных полководцев пали на глазах у царя; все их раны были получены спереди. Гибель этих людей в бою снова подтверждает храбрость наместников и военачальников Дария, а также косвенно поддерживает предположение, что Дарий не бежал с поля боя в самом начале битвы. Вокруг персидского царя один за другим погибали его командиры. По сообщению Диодора, даже кони Дария были покрыты ранами, а сам Александр был ранен кинжалом в бедро. Лишь когда кони Дария, обезумев от боли, закусил удила и едва не сбросили царя с колесницы, Дарий, испугавшись попасть в руки врага, спрыгнул на землю и ускакал на чужой лошади.

Большинство литературных источников не поддерживает утверждение Арриана, что Дарий бежал сразу же после разгрома левого фланга персов. Более того, описания Диодора и Курция подтверждаются сценой, изображенной на знаменитой «мозаике Александра», ныне выставленной в Национальном археологическом музее Неаполя.

Принято считать, что эта замечательная мозаика была создана около 120 — 100 г. до н. э., но источником вдохновения для нее послужила картина битвы при Иссе, написанная современником — вероятно, знаменитым художником Филоксеном из Эритреи. Сюжет его картины был основан на рассказах очевидцев. Хотя это, разумеется, была не фотография, а художественная интерпретация одного из моментов битвы, но если «мозаика Александра» в Неаполе более или менее точно отражает суть картины IV века до н. э., можно сказать, что ее композиция совпадает скорее с повествованием Диодора и Курция Руфа, а не Арриана.

Если Арриан правильно описывает ход битвы, у Александра и Дария так и не было возможности приблизиться друг к другу на достаточное расстояние, чтобы их взгляды встретились, как на «мозаике Александра». Здесь Александр и Дарий изображены на расстоянии нескольких шагов друг от друга, как сказано у Курция Руфа и Диодора. Таким образом, Дарий не мог бежать в тот момент, когда левое

крыло персидского строя рассыпалось перед атакой Александра. Атака, безусловно, произошла задолго до того, как Александр смог приблизиться к персидскому царю, расположенному, как нам известно, в центре своего боевого построения.

Из более поздних греческих источников нам также известно, что Дарий славился среди персов своей личной храбростью, поэтому весьма вероятно, что он оставил поле боя при Иссе лишь после того, как исход битвы был решен, чтобы не прервать основополагающую связь между божественным и человеческим миром, воплощенную в личности персидского царя. Для божественного избранника Ахурамазды и его представителя на Земле было неприемлемо оказаться убитым на поле боя.

Когда бы ни произошел уход Дария со сцены сражения, он привел к общему бегству. Десятки тысяч персов пытались спастись через узкие горные проходы, и вскоре вся местность была покрыта мертвыми телами. Птолемей, как очевидец событий, писал, что македоняне пересекли овраг, шагая по трупам персов. Некоторые считают описание Птолемея литературным преувеличением, но оно не выглядит неправдоподобным. В битве при Иссе со стороны персов было убито около 100 000 воинов, в том числе не менее 10 000 конников.

Сообщения о потерях македонян сильно различаются. Самая небольшая цифра (504 раненых, 32 погибших пехотинца и 150 конников) фигурирует у Курция. Диодор приводит сходные цифры: 300 погибших пехотинцев и 150 македонских и союзных конников. Эти цифры могут быть занижены, но поскольку мы явно видим огромную диспропорцию сравнительных потерь обеих армий, следует помнить о том, что битва при Иссе была не продолжительным и более или менее равным сражением, но короткой яростной схваткой, за которой последовало всеобщее бегство одной из сторон. Солдаты наиболее беззащитны именно в тот момент, когда поворачиваются спиной к противнику и бегут.

Персы разбежались во всех направлениях, и так быст-

ро, как только могли. Это было не организованное тактическое отступление, а полный разгром. Дарий, сначала лишь с несколькими воинами из своей личной стражи, а затем постепенно собравший около 4000 персов и наемников, спешно продвигался к городу Фапсаку, а затем к Евфрату. Уцелевшие остатки персидской конницы добрались до Каппадокии, где предприняли безуспешную попытку вернуть Фригию в состав Персидской империи. Еще одна группа, возглавляемая македонцами или греками, дезертировавшими к Дарию, бежала в холмы с наемниками общей численностью до 8000 человек. И наконец другие наемники, по всей видимости, отплыли на Крит, где нанялись к спартанскому царю Агису, чтобы помочь ему вести войну с македонянами и их союзниками в Греции.

Весть о победе Александра в битве при Иссе сломила боевой дух персидского флота, находившегося в окрестностях Хиоса; ранней весной 332 г. он прекратил существование как стратегическая ударная группировка. Эгейское побережье освободилось от персидского владычества. Как и на побережье Малой Азии, македоняне учредили здесь демократические государственные структуры.

ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Несмотря на неудачную работу разведки, которая поставила македонян в уязвимое положение на юго-востоке от персидской армии, тщательная тыловая подготовка, проведенная Александром, передвижение и расположение войск, а также героический личный пример на поле боя при Иссе имели решающее значение в выборе между победой и поражением. Не следует недооценивать и тот вклад в победу, который был внесен фессалийской конницей. Если бы персидская конница прорвалась через ее строй, то Александр вполне мог бы быть изображен бегущим с поля боя на «мозаике Дария», но неустрашимые фессалийцы под командованием Пармениона сдержали атаку противника, и Александр получил возможность отвечат плоды победы.

Хотя персы направили большую часть своего обоза в Дамаск (вскоре захваченный Парменионом), в персидском лагере македоняне обнаружили, что мать Дария, его жена, маленький сын и двое дочерей, а также 3000 талантов золотом остались брошенными при отступлении. Кроме того, в лагере осталось огромное количество разнообразного имущества, которые македонские воины принялись грабить с большим энтузиазмом.

Посетив раненых на следующий день после битвы, Александр устроил пышные военные похороны погибших перед всей армией. Он также похоронил тех персов, кто отличился своим мужеством на поле боя. Были принесены жертвы богам в честь победы. Балакра назначили сатрапом Киликии, а Полиперхонта назначили командующим полком Птолемя, сына Селевка, погибшего в бою.

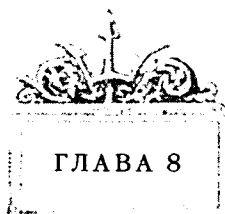
Исполнив свои обязанности перед богами и людьми, Александр подготовился к отдыху. Воины предназначили для него личный шатер Дария и купальню персидского царя. Когда Александр вошел в купальню, он увидел, что кувшины, тазы и флаконы для притираний были искусно отлиты из чистого золота, а само помещение было наполнено ароматами душистых трав и благовоний. Пройдя из купальни в высокий и просторный шатер, он осмотрел пышное убранство лож и столов, потом повернулся к своим соратникам и заметил: «Вот это, по-видимому, и значит быть царем!» Победитель пока еще не принадлежал своим трофеям.

В тот же вечер, услышав голоса матери Дария, его жены и детей, оплакивающих смерть царя, Александр послал одного из своих командиров (Леонната) и велел ему сообщить им, что Дарий жив, а им будет предоставлено все то, чем они пользовались прежде, включая их титулы и привилегии.

Арриан рассказывает несколько иную историю. На следующий день, когда Александр и Гефестион посетили палатку, где жили женщины, Сисигамбия, мать Дария, простерлась ниц перед Гефестионом, предполагая, что более высокий из двух посетителей является царем. Когда один

из ее слуг молча указал на Александра, тот заметил, что эта ошибка не имеет значения, поскольку Гефестион тоже был Александром, т.е. «защитником людей». По этому поводу Арриан пишет: «Если это произошло в действительности, то я хвалю Александра и за сострадание к женщинам, и за почет и доверие к другу».

К членам семьи персидского царя, попавшим в руки Александра после битвы при Иссе, относились с величайшим почтением на всем протяжении военной кампании. Хотя Александр отказался от выкупа, предложенного Дарием в обмен на женщин, он впоследствии говорил о Сисгамбии как о своей матери, а в 331 г. до н. э., когда умерла Статира, жена Дария, ей устроили царские похороны.

Мастер осадного дела

ПЕРВАЯ МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА ДАРИЯ

Оставив Киликию и северную (низменную) Сирию в руках Балакра и Менона, Александр двинулся к северной Финикии, где Стратон, наследник престола островного города-государства Арада, с готовностью признал его своим царем. Оттуда Александр проследовал в город Мараф, где принял послов с письмом и устным сообщением от Дария.

В письме Дарий обвинял Александра в неспровоцированной агрессии и утверждал, что он, Дарий, выступил на защиту своей страны и дома своих предков. По его словам, какому-то божеству — по всей видимости, не Ахурамазде — было угодно решить исход битвы при Иссе таким образом, как это произошло. Затем Дарий просил вернуть его жену, мать и детей в обмен на гарантии своей дружбы и союза.

В своем ответе Александр напомнил о персидском вторжении в Грецию и Македонию; он вторгся в Азию, поскольку хотел покарать Персию за это злодеяние, как было провозглашено на панэллинистическом конгрессе в Коринфе. Он обвинил Дария в найме убийц Филипа, в убийстве Арса, законного царя Персии, с помощью Багоя,

в несправедливом захвате трона и в денежном подкупе для греков, на который польстились только лакедемоняне (спартанцы). Это объясняло их нежелание присоединиться к остальным грекам в азиатской кампании.

Но, как говорилось далее в письме, лишь когда послы Дария стали подкупать сторонников Александра и попытались разрушить мир, который он водворил в Греции, он пошел войной на персов. Теперь с помощью Зевса он овладел землей Дария, поэтому отныне Дарий должен обращаться к Александру как к царю всей Азии.

Дарий может прийти к Александру и по своей просьбе получить от него свою мать, жену, детей и все остальное, что он еще пожелает, но в дальнейшей переписке он должен обращаться к Александру как к царю Азии, а не как к равному. Все, чем владел Дарий, теперь принадлежало Александру; если ему что-то нужно, он должен сказать об этом Александру как своему господину, иначе с ним будут обращаться как с преступником. С другой стороны, если Дарий хочет оспаривать свой трон, он должен встать и бороться за него, а не убегать, потому что иначе «я все равно дойду до тебя, где бы ты ни был».

В письме Александра перечислялись те же основания для войны с Персией, что были выдвинуты в Коринфе, но появилось и новое утверждение: Дарий был узурпатором. Если кому-то было непонятно раньше, то становилось ясно теперь — Александр, с его точки зрения, являлся законным царем всей Азии. Он не намеревался вести переговоры с Дарием на равной основе и не был заинтересован в союзе с ним. Таким образом, первая мирная инициатива Дария была жестко отвергнута.

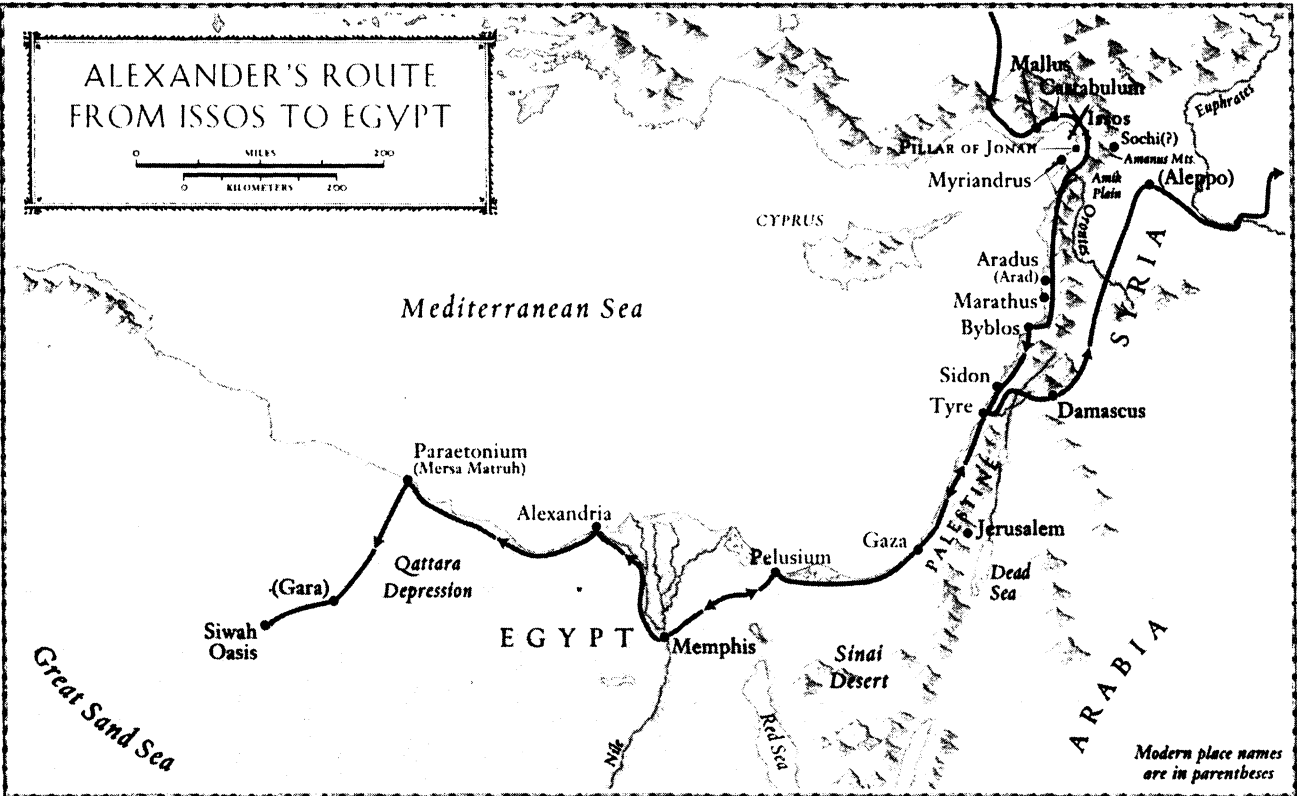
Оставив в стороне риторику обоих царей, мы должны оценить их реальное положение. Александр теперь владел всеми деньгами и богатствами, оставленными Дарием в Иссе и Дамаске, а также держал у себя мать Дария, его жену, детей и многих других знатных женщин. Он командовал превосходной македонской армией, которая до сих пор понесла лишь очень небольшие потери. Он также стал

правителем большей части земель, ранее составлявших западную половину Персидской империи.

С другой стороны, Дарий возглавлял разрозненные остатки своей армии. Огромные запасы денег и провианта оставались нетронутыми в персидской столице Персеполе, где десятилетиями накапливалась дань, поступавшая со всех концов империи. Он по-прежнему правил центральной Персией и восточной частью империи, простиравшейся (с точки зрения эффективного политического контроля) почти до реки Инд. Для пополнения своих ресурсов он теперь мог опираться на саму Персию и на ее восточные провинции.

Хотя Дарий потерпел тяжкое поражение, у него имелись некоторые основания для оптимизма; возможно, поэтому его мирное предложение, направленное Александру, было выдержано не совсем в примирительных тонах. Более того, решение Александра идти дальше на юг вдоль финикийского побережья, а не преследовать Дария на востоке, давало персидскому царю двухлетнюю передышку, за время которой он мог собрать и обучить новую армию, чтобы встретиться со своим противником на новом поле боя, которое бы устраивало его.

Решение Александра не преследовать Дария в Персии, чтобы в кратчайшие сроки нанести смертельный удар его деморализованной армии, широко обсуждалось историками. Но преследование Дария на его исконных землях в то время, как в тылу оставались непокоренные союзники Персии и нейтральные страны на побережье восточного Средиземноморья, означало ведение стратегически опасной войны на два фронта. В широком смысле Александр и его полководцы оценивали свое положение гораздо лучше, чем большинство их современных критиков. Если Александр собирался стать царем всей Азии, он сначала должен был покорить все восточные владения Персии. Тогда и только тогда он мог бы без опаски нанести удар в самое сердце Персидской империи.

Modern place names are in parentheses

ОСАДА ТИРА

Отправившись дальше на юг, Александр принял капитуляцию Библа и Сидона, низложив Стратона II, проперсидски настроенного царя Сидона, и назначив на его место Абдалонима. Из Тира вышла делегация послов, состоявшая из представителей самых знатных семейств города, включая и сына царя, Аземилка. Александру сообщили, что город решил подчиниться любым указаниям, полученным от него.

Однако когда Александр сообщил послам, что он хочет войти в город и принести жертву Гераклу, они воспротивились. Это требование подразумевало, что Александр принесет жертву в государственном храме главного городского божества Мелькарта, которого он отождествлял со своим божественным предком Гераклом. Такая жертва, принесенная в феврале 332 г. до н. э., совпала бы с главным ежегодным празднеством в честь Мелькарта. Если бы жители Тира позволили Александру принести жертву в храме, к тому же в день праздника, это означало бы, что они признают его верховную власть над ними.

Горожане были готовы позволить Александру принести жертву на побережье, в старинном городе Тире, но не в островном святилище, куда они не допускали «никого из персов или македонцев». Фактически это было объявлением нейтралитета. Диодор утверждает, что на самом деле жители Тира просто хотели вовлечь Александра в длительную осаду, чтобы дать Дарику побольше времени для военных приготовлений.

Какими бы побуждениями ни руководствовались жители Тира, Александр определенно не собирался принимать декларации о нейтралитете. Он не хотел оставлять нейтральный город у себя в тылу при наступлении на Египет — особенно город, имевший морской порт и державший у себя остатки персидского флота.

Таким образом, была подготовлена сцена для одной из самых знаменитых осад в истории войн. Она продолжалась семь месяцев и дорого обошлась македонянам, од-

нако в конце концов жителям Тира пришлось поплатиться гораздо больше.

Планы Александра, решившего захватить мощно укрепленный финикийский город, были подкреплены божественным знаменем, данным ему ночью, после того как он убедил своих друзей и командиров, что Тир должен быть взят. В ту ночь ему приснилось, что, когда он приблизился к городским стенам, его предок Геракл протянул ему руку и пригласил его внутрь. Прорицатель Аристандр истолковал сон следующим образом: «Тир будет взят с трудом; ведь и подвиги свои Геракл совершал с большим трудом».

Аристандр оказался настоящим провидцем, но, как и большинство известных пророчеств, его предсказание было осведомленной догадкой, основанной на известных фактах. В данном случае имелось в виду, что Тир (во всяком случае отчасти) был островным городом, расположенным примерно в полумиле от побережья и защищенным мощными и высокими крепостными стенами. Кроме того, тирский флот был очень силен. Осада города представлялась непростой задачей даже для потомка великого Геракла.

В сущности, даже для того чтобы приступить к началу осады, Александру пришлось соорудить огромный мол шириной около 200 футов от «старого Тира» на побережье до островного города. Пока македонцы трудились над этой задачей возле городских стен, тирские корабли совершали на них морские набеги в разных местах мола. Для противодействия этим набегам македоняне построили на моле две башни, на которых они установили артиллерию и успешно отражали и защищали строителей, трудившихся над сооружением огромной конструкции.

В ответ на это жители Тира нагрузили баржу для перевозки лошадей сухим хворостом, смолой, серой и другими горючими материалами и подвели ее на привязи к башням. Как только башни запылали, защитники высыпали из-за городских стен и разрушили осадные машины.

Не обескураженный этой неудачей, Александр приказал

соорудить более широкий мол, начинающийся от побережья, построить новые башни и осадные машины. Примерно в это время флоты с Кипра и от других финикийских городов присоединились к войску Александра благодаря тому, что морская война с Персией в Эгейском море практически прекратилась. Эти подкрепления оказались решающими для исхода осады. Они позволили Александру установить контроль над морем вокруг города, пока македонцы работали над новой конструкцией.

Пока шли работы по сооружению большого мола, Александр возглавил набег на арабов, живших в окрестностях горы Антиливан. История этого набега помогает объяснить, почему Александра так любили его воины и друзья.

Лисимах, старый акарнийский наставник Александра, сопровождал его. Когда отряд достиг гор, воины спешили и продолжили свой путь. Немоощный и усталый Лисимах не мог поспеть за остальными и остался далеко позади, но Александр не бросил старика, оставшись лишь с несколькими воинами, и «когда стало темно и очень холодно, остановился на ночлег в месте суровом и опасном». Поблизости виднелись костры, разведенные неприятелем.

Желая ободрить македонян в трудном положении, Александр подкрался к ближайшему костру, убил мечом двух арабов, сидевших у огня, и вернулся с горящей головней к Лисимаху и остальным воинам. Он развел огромный костер, испугавший арабов; «тех же, кто отважился приблизиться, они отбросили и остаток ночи провели спокойно». Александр руководствовался лозунгом «не оставлять никого из своих» задолго до того, как он был принят на вооружение в современных элитных армейских подразделениях.

По возвращении из набега Александр обнаружил, что Клеандр привел 4000 греческих наемников в качестве подкрепления. Затем он устроил эффективную морскую блокаду Тира, потопив или загнав в гавань остатки тирского флота. Теперь он мог привести в действие свою армию как с защищенного мола (строительство которого было за-

вершено), так и с морских судов. Хотя стены Тира местами достигали высоты 150 футов и были сложены из прочно скрепленных цементом каменных блоков, артиллерия в конце концов смогла разрушить значительный участок стены.

Пока триеры атаковали тирскую гавань, а другие суда курсировали у городских стен, стараясь подобраться как можно ближе, Александр с одним из своих командиров по имени Адмет подвел два корабля со стражами и тяжелооруженной пехотой к одному из участков стены, расшатанному артиллерийским огнем. При штурме стены Адмет был убит, но Александр завладел частью укреплений и прямо по стене отправился к району царского дворца.

Тем временем финикийские союзники Александра захватили южную гавань, а суда киприотов вошли в незащищенную северную гавань. Большинство жителей Тира, защищавших стену, бежали в святилище Агенора, основателя города, где по ним сразу же ударил Александр со своими щитоносцами. Почти все, кто еще мог сопротивляться, были убиты на месте, а выживших преследовали повсюду.

Другие авторы дают дополнительные подробности и приводят анекдоты, передающие настроение осаждаемых и осаждавших во время этой кампании. Диодор, к примеру, пересказывает замечательную историю о жителе Тира, который рассказывал всем, что ему явился Аполлон и сообщил, что собирается покинуть город. В результате несчастного едва не забили камнями, но при этом горожане также приковали статую Аполлона к ее пьедесталу золотыми цепями в надежде, что благодаря этому бог не оставит их.

Комментируя осаду Тира, некоторые исследователи утверждали, что она свидетельствует о крайней жестокости военной кампании Александра. В данном случае это не подлежит сомнению: когда македоняне наконец вошли во внутренний город, они принялись за дело решительно и беспощадно. По меньшей мере 8000 жителей Тира были убиты. Впоследствии Александр приказал распять

еще около 2000 человек на берегу в знак предупреждения для других, кто еще мог помыслить о сопротивлении потомку Геракла. Еще 30 000 человек, главным образом женщин и детей, были проданы в рабство, за исключением царя Аземилка, нескольких видных горожан и некоторых паломников из Карфагена, пришедших в метрополию по древнему обычаю, чтобы воздать почести Мелькарту/Гераклу. Карфагеняне пообещали жителям Тира помощь еще в начале осады, но не смогли выполнить обещание из-за собственной войны с Сиракузами. Их отправили домой с известием об официальном объявлении войны.

После победы Александр принес жертву Гераклу и преподнес в дар храму осадную машину, которая пробила стену города. С характерным для него благочестием Александр также снял золотые цепи со статуи Аполлона и велел отныне называть этого бога Аполлоном *Филалександром*, или «Аполлоном, другом Александра».

Осада, безусловно, была жестокой, а ее окончание сопровождалось кровавой резней, но поведение самих жителей города, по-видимому, гарантировало беспощадное отношение к ним со стороны победителей. Во время осады моряки из Тира захватили отряд македонян, плывший из Сидона. Их выволокли на городскую стену, перерезали им глотки на виду у македонской армии и сбросили тела в море. Современные историки осуждают Александра за убийство и порабощение жителей Тира, но почему-то забывают упомянуть о жестокости самих горожан, которая, по словам Арриана, вероятно, подхлестнула ярость македонян, уже распалившуюся из-за длительной осады.

Разумеется, объяснить — не значит оправдать. Любой, кто читал описание Арриана о бойне в храме Агенора, может почувствовать лишь жалость к горожанам, как и намеревался историк. По меткому выражению Диодора, «тирийцы, решив выдерживать осаду, обнаружили больше храбрости, чем благоразумия. Они навлекли на себя великие несчастья, просидев в осаде семь месяцев».

Осада Тира, вероятно, служит лучшим примером непреклонной решимости Александра достигнуть полной

победы, невзирая на любые трудности. Здесь Александр доказал всему миру, что когда он принимает решения, то доводит дело до конца. Очень скоро у него снова появилась возможность доказать это.

ОСАДА ГАЗЫ

Захватив Тир, Александр двинулся дальше по побережью к древнему филистимскому городу Газе, единственному очагу потенциального сопротивления перед македонским вторжением в Египет. Его правитель, евнух Бат, собрал войско из наемных арабов и запасся провиантом для длительной осады. Поверив в то, что город невозможно взять приступом, Бат отказал Александру в праве войти внутрь. Так началась осада этого укрепленного города, расположенного примерно в двадцати стадиях от моря (согласно Арриану), продолжавшаяся с сентября по ноябрь 332 г. до н. э.

Осада Газы была памятной по нескольким причинам. Во-первых, здесь македонцы воспользовались шахтами с деревянной крепью для подкопа городских фортификаций. Во-вторых, здесь произошла попытка покушения на Александра, когда арабский наемник, бросившийся в ноги царю, назвал себя дезертиром, но в следующее мгновение вскочил и набросился на Александра с мечом. Александр уклонился от удара, и подоспевшие стражники убили наемника. И наконец, во время осады Александр получил серьезную рану в плечо снарядом из катапульты, от которого он уже не смог уклониться.

Бат поверил, что Александр убит, и начал праздновать свою победу; как и фиванцам, ему предстояло узнать, что празднества были преждевременными. Александр остался жив и по понятным причинам был очень рассержен.

Когда из Тира доставили осадные машины, македоняне пустили их в дело и сумели проломить стену. Жители Газы выдержали три штурма, но в четвертый раз были разбиты. Все защитники города погибли, а женщины и дети были проданы в рабство.

Из трофеев, взятых в Газе, Александр послал своему старому наставнику Леониду шестнадцать тонн мирры и ладана, чтобы тот «впредь не скупился во время жертвоприношений».

Евнух Бат был захвачен живым. Вероятно, в отместку за попытку покушения на него Александр приказал протащить его вокруг стен Газы, прикованного за ноги к колеснице, как Ахилл некогда протащил труп Гектора вокруг стен Трои. Неделю спустя Александр и македонцы прибыли в Пелусий, расположенный в дельте Нила в Египте, который был главной целью его похода на юг.

Дар реки

МЕТАМОРФОЗА

Александр вступил в страну «Двух Земель» (Верхний и Нижний Египет) по стратегическим соображениям, но визит молодого царя в страну, изящно названную Геродотом «даром реки», обозначил и поворотный пункт в развитии его личности.

В качестве предводителя панэллинистического «крестового похода» Александр уже привел греков и македонцев к беспрецедентным военным победам над персами. К началу зимы 332 г. до н. э. Александр фактически был правителем крупнейшей империи в истории Греции или Македонии. Он перевернул историю вверх тормашками. В течение столетий персы властвовали над греками. Теперь македонцы и греки были близки к тому, чтобы властвовать над персами, египтянами, арабами, иудеями, скифами, бактрийцами, индусами и другими народами, ранее находившимися в подчинении Персидской империи.

Но до того как это произошло, Александр претерпел удивительную метаморфозу благодаря визиту в святилище Зевса-Амона, расположенное в уединенном оазисе посреди пустыни между Ливией и Египтом. Разговор с оракулом явно подтвердил его убежденность в том, что он

происходит от величайших богов-олимпийцев и что он явился на землю для выполнения божественной миссии. Как мы убедимся впоследствии, даже после того, как Дарий был убит, а все его возможные преемники на родине были пойманы и казнены, убежденность Александра в своей великой миссии завела его еще дальше в глубь Азии и в конце концов втянула его в конфликт с теми самыми людьми, которые поставили его царем Азии.

Именно в Египте Александр основал Александрию, первый и величайший из его градостроительных проектов. Александр едва ли был основателем семидесяти городов, несмотря на утверждение Плутарха, и многие заложенные им населенные пункты, по сути дела, были военными гарнизонами, но десятки городов, основанных им от Египта до Инда, тем не менее стали аванпостами эллинизма там, где о нем раньше никогда не слышали.

Именно в Египте во время короткой беседы с местным философом Александр высказал свою убежденность в том, что, хотя Зевс является отцом всех людей, владыка Олимпа тем не менее имеет особое предпочтение к «лучшим» людям. Трудно переоценить значение этой убежденности для понимания того, как Александр намеревался обустроить свою всемирную империю.

Вероятно, Александр на самом деле не был официально провозглашен фараоном Верхнего и Нижнего Египта. Но каким-то образом, подобно Лоуренсу Аравийскому в апреле 1917 года, среди финиковых пальм в оазисе, расположенном среди безбрежного песчаного моря, молодой македонский царь начал превращаться из предводителя греков в царя всей Азии и, наконец, в бога, который собирался распространить веру в любовь своего отца к лучшим представителям человечества по всей земле.

ИЗ ПЕЛУСИЯ В МЕМФИС

Египетские ученые эллинистического периода проследили историю тридцати династий египетских фараонов, правивших Египтом примерно с 3100 г. до н. э. до прибытия

Александра. Но в действительности Египет вошел в состав Персидской империи в 526 — 525 г. до н. э. после кровопролитной завоевательной войны, предпринятой персидским царем Камбизом II. За исключением небольшого перерыва, продолжавшегося примерно с 401 по 343 г. до н. э., Египет был персидской провинцией под управлением персидских сатрапов в течение почти двухсот лет.

Мазак, который был персидским наместником в Египте в 332 г. до н. э., не командовал местными войсками. Он слышал известия о победе Александра в битве при Иссе и о бегстве Дария. Кроме того, он недавно узнал, что Финикия, Сирия и значительная часть Аравии уже находятся под властью македонян; ужасная судьба Тира и Газы тоже не могла ускользнуть от его внимания. Поэтому Мазак принял Александра в Пелусии на восточной оконечности устья Нила, выказал ему знаки почтения и не стал чинить препятствий на пути в Египет. В отличие от Наполеона в 1798 году, после почти двухсот лет персидского владычества Александра приветствовали как освободителя.

Оставив гарнизон в Пелусии, Александр прошел около 60 миль по пустыне к Гелиополю, в то время как сопровождавший его флот плыл вверх по течению Нила. Гелиополь — по-гречески «Город Солнца» — располагался к западу от Нила, но был соединен с ним каналом. Здесь Александр переправился через Нил и пошел к Мемфису.

Мемфис, расположенный примерно в 14 милях к югу от современного Каира, был административным центром Египта начиная с эпохи Старого Царства (около 3000 г. до н. э.), а начиная со II тысячелетия до н. э. превратился в очень космополитичный город, привлекавший торговцев и ремесленников со всего Средиземноморья. Здесь Александр провел игры с гимнастическими и драматическими состязаниями, в которых приняли участие самые прославленные исполнители из Греции.

Он также принес особую жертву Апису, «быку Мемфиса», посвященному египетскому богу Птаху. Согласно египетскому преданию, описанному во враждебном по отношению к персам повествовании Геродота, персидский

царь Камбиз II своей рукой заколол земное воплощение Аписа. Таким образом, публичная жертва, принесенная Александром, была проявлением его благочестия и уважения к египетским религиозным традициям по сравнению с предполагаемым святотатством, совершенным персами.

Хотя в «Повести об Александре» (средневековом собрании историй о фантастических приключениях и подвигах Александра) есть история о его официальном воцарении в Мемфисе в качестве египетского фараона, не существует никаких надежных свидетельств об этой церемонии, оставленных современниками Александра. В египетских храмовых надписях того времени Александр действительно носит титулатуру фараонов, а на рельефе в храме Амона в Луксоре он изображен совершающим возлияние богам, но такие титулы и изображения не обязательно подразумевают официальную церемонию воцарения. Даже персидские цари получали такие титулы от своих египетских подданных, не становясь при этом фараонами Египта. По всей вероятности, Александр поступил так же. Для него было достаточно быть царем.

Так или иначе, его пребывание в Мемфисе было кратким. После плавания вверх по течению Нила Александра охватило страстное желание посетить оракула Зевса-Амона в Ливии и обратиться к божеству, обитавшему в этом святилище.

ВИЗИТ К ОРАКУЛУ ЗЕВСА В СИВЕ

Греки на протяжении столетий знали о существовании оракула в Сиве и отождествляли Амона, египетско-ливанского бога этого святилища, со своим Зевсом. Греческие жители города Кирены, расположенного на Ливийском побережье к западу от Сивы, посылали добрые вести о Зевсе-Амоне и его непогрешимых оракулах своим родственникам в континентальной Греции, где святилища Зевса-Амона впоследствии появились в портовом городе Спарте и в Олимпии. Фиванский поэт Пиндар, чей

дом Александр оставил нетронутым при разрушении Фив, тоже чтит Зевса-Амона за 130 лет до визита Александра в Египет, а семья великого спартанского полководца Лисандра имела связи со святилищем и его богом. Более того, лишь за 30 лет до визита Александра храм Зевса-Амона был построен в афинском порту Пиреи. Таким образом, еще до начала своего паломничества Александр обладал обширными познаниями о знаменитом главном святилище и его боге, с которым он ощущал родственную связь.

Нам сообщают, что Александр стремился посетить оракула не только из-за его непогрешимой репутации, но и потому, что Персей и Геракл советовались с Зевсом-Амоном: Персей по пути к Горгоне, а Геракл во время своих путешествий в Ливии и Египте, где он искал Антея и Бусирида. Александр хотел сравняться славой с этими героями, чья кровь текла в его жилах; в мифах их называли потомками Зевса, а сам он верил, что является потомком Амона. Он предпринял экспедицию в оазис Сивы для получения более точных сведений по этому предмету — или в любом случае для того, чтобы заявить об этом.

Некоторые современные исследователи пытались объяснить визит Александра к оракулу чисто политическими или прагматическими соображениями, но путешествие в Сиву подразумевало долгую, трудную и опасную экспедицию, которую Александр никогда бы не предпринял, если бы не был искренне и страстно заинтересован в ее успехе. Благочестие Александра и его вера в собственное происхождение или связь с бессмертными, особенно с Зевсом, было для него мощной движущей силой.

В начале своего путешествия Александр проплыл вниз по Нилу от Мемфиса к озеру Мареотида с отрядом легкой пехоты и конных «товарищей царя». Здесь послы из греческого города Килены на ливийском побережье пришли к нему с дарами; они просили мира и пригласили посетить Ливию. Эти послы были отправлены для укрепления позиций правительства, которое они представляли, недавно столкнувшегося с гражданскими беспорядками. Они

могли неумышленно заронить в душе Александра ростки идей о дальнейших завоеваниях на западе.

Но в то время Александр прошел на запад вдоль побережья через необитаемую, но не безводную землю до города Паретония (современная Мерса Матрух), расположенного примерно в 200 милях от Александрии. Дойдя до селения Апис, Александр со своей свитой повернул на юг в направлении оазиса Сивы, находившегося менее чем в 200 милях от побережья.

Это была действительно трудная и опасная часть экспедиции, и некоторые современники Александра, включая Аристобула, Птолея и Каллисфена, оставили воспоминания о ней. Повествование Каллисфена больше всего критикуют за неприкрытую лесть в адрес Александра, но многие феномены, о которых упоминают Каллисфен и другие авторы, по-видимому, являются приукрашенными описаниями природных явлений пустыни, а не чистой выдумкой.

Во время первого и второго дня пути на юг трудности похода были терпимыми, но потом отряд достиг равнины, занесенной глубокими песками, где у паломников закончилась вода. Перед ними простиралась земля, иссушенная солнцем, и путники жестоко страдали от жажды. Потом небо заволокло облаками, скрывшими солнце, и вскоре пролился обильный дождь. Согласно Арриану, Александр приписал это чудесное явление самому Зевсу-Амону.

Но потом отряд Александра сбился с пути. По словам Птолея, спасение пришло от двух змей, неожиданно появившихся перед ними и с шипением устремившихся в нужную сторону. Александр приказал своим людям следовать за ними и довериться божеству; змеи привели их к оракулу и вывели из пустыни на обратном пути.

Аристобул, поддерживаемый Каллисфеном, сообщает, что проводниками Александра были не змеи, а два ворона, летевшие перед отрядом.

Хотя мы можем скептически относиться к таким чудесным событиям, внезапные ливни, змеи и вороны не яв-

ляются чем-то удивительным в ливийской пустыне. Упоминание Птолемея о змеях можно объяснить в контексте его собственных политических интересов. Повествование Птолемея о визите к оракулу было записано на папирусе уже после того, как он стал сначала сатрапом, а затем и фараоном Египта — страны, где змеи в целом считались священными животными. К примеру, символ кобры, или урей, представленный как глаз солнечного бога Ра, изображался на короне фараонов и являлся магическим защитником царя. Змеи *могли* довести Александра, Птолемея и остальных македонцев до оракула Сивы и обратно, но для Птолемея, писавшего свой текст много лет спустя, чудесное появление змей было удобным знамением божественной благосклонности. Эта история помогала легитимизировать власть фараона, который фактически являлся иностранцем.

Что касается воронов у Аристобула и Каллисфена, эта история, по всей видимости, была по душе самому Александру, который нанял Каллисфена как официального историка своей военной кампании. Возможно, Александру было приятно думать, что боги послали птиц, которые помогли ему добраться до оракула и благополучно вернуться обратно.

Несмотря на все трудности, Александр наконец достиг оазиса Сивы через восемь дней. В то время оазис достигал шести миль в поперечнике, и многочисленные источники обильно увлажняли его пышную растительность. В центре оазиса находился сад оливковых и пальмовых деревьев.

В оазисе также имелся уникальный источник, так называемый источник Солнца — природный феномен, представлявший огромный интерес для историков античности. В полдень его воды были холодными, но на закате они становились теплее, достигая максимальной температуры к полуночи. После полуночи вода начинала остывать и к полудню следующего дня снова становилась холодной как лед.

Достигнув этого цветущего сада с чудесным источни-

ком, Александр отправился на встречу с оракулом в центральном святилище на вершине холма, который ныне носит название Агурми. Когда его ввели в храм и он «увидел Бога», старший жрец, исполнявший обязанности храмового оракула, вышел навстречу и произнес следующие слова: «Привет тебе, сын мой! Так обращается к тебе Бог».

«Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей Землей».

Однако по сведениям Плутарха, жрец совершил лингвистическую ошибку. Желая дружески приветствовать Александра, он обратился к нему по-гречески: «О пайдион!», или «О сын!», но из-за неправильного произношения у него получилось «О пай Диос!», что значит «О сын Зевса!».

Независимо от того, была ли случайной эта оговорка, Александру она пришлась по душе, и он тепло приветствовал оракула. Таким образом, его убежденность в своем божественном происхождении получила дополнительное (пусть даже и ошибочное) подтверждение.

Напоследок Александр спросил у оракула, удалось ли ему покарать всех, кто был виновен в убийстве его отца. Затем жрец предположительно вошел во внутреннее святилище храма и обратился к Богу.

Непогрешимое божество имело форму *омфалоса* — большого яйцеобразного камня, украшенного изумрудами. Около 80 жрецов переносили его в паланкине, изготовленном в форме ладьи. Жрецы с ладьей на плечах ходили вокруг (или раскачивались) не по собственной воле, а следуя указаниям божества. Затем оракул интерпретировал движения паланкина как ответы на вопросы. Для греков, привыкших к антропоморфным изображениям богов, Зевс-Амон, вероятно, был довольно экзотичным и даже странноватым божеством, что отчасти усиливало его притягательность.

В ответ на первый вопрос Александра о том, суждено ли ему править всем миром (в скрытой форме выраженный у Диодора и в открытой — у Плутарха), жрец сооб-

шил, что Бог удовлетворяет его требования. Что касается второго вопроса, о наказании убийц Филипа, по свидетельству Плутарха, жрец предостерег Александра от кощунства, так как *его* отец не был смертным человеком. Но когда царь изменил форму вопроса и осведомился, все ли убийцы Филипа понесли наказание, жрец ответил утвердительно. Согласно этому варианту предания, Бог недвусмысленно намекнул на то, что Олимпиада в конце концов сказала правду: в ту ночь, когда был зачат Александр, в ее постели находился вовсе не Филип II из Македонии.

Вопросы, заданные Александром Зевсу-Амону, и ответы, которые он получил, неизменно вызывали интерес у комментаторов. К сожалению, мы не располагаем какими-либо твердыми свидетельствами того, что два вопроса (о мировом владычестве и об убийцах Филипа) действительно были заданы Александром или услышаны теми, кто в то время находился рядом с ним.

Эти вопросы могли быть выдуманы более поздними авторами, такими как Клитарх, желавшими объяснить неизменную военную удачу, сопутствовавшую Александру, или Каллисфен, который, будучи официальным историком Александра, хотел донести до всех весть о каре, постигшей убийц Филипа, и таким образом обелить Олимпиаду и Александра от любых подозрений по непогрешимому суждению божества. Действительно, если исходить из предположения, что Каллисфен писал лишь вещи, приятные Александру, то он как глашатай воли Александра должен был испытывать *потребность* в подтверждении невиновности царя из уст самого Зевса-Амона.

Вероятность такой интерпретации вопроса об убийцах Филипа также может объяснить, почему Арриан (чь повествование о путешествии к оракулу основано на свидетельствах Птолея и Аристобула, отправившихся в Сиву вместе с Александром) просто сообщает, что Александр задал вопрос оракулу и услышал ответ, который «пришелся ему по душе».

Согласно Арриану, никто на самом деле не слышал, о чем Александр спросил Бога (а если слышал, то впослед-

ствии не сообщил об этом). Если никто не слышал вопросов, то не могло быть и слухов о том, что Бог обещал Александру власть над всем миром или очищал его и Олимпиаду от всяких подозрений, Поэтому, если Арриан прав, это все, что мы можем узнать о знаменитом обращении Александра к Зевсу-Амону.

Но существуют другие, более поздние свидетельства, проливающие свет на вопрошение Александра к оракулу. Спустя годы, когда Александр достиг ведомых ему пределов Земли в устье Инда, он совершил жертвоприношения «другим богам и по другому обряду... по приказанию Амона». Судя по всему, эти жертвоприношения были связаны с тем, что Александр услышал от оракула в Сиве.

В контексте этого обсуждения мы можем прийти к выводу, что вопрос Александра заключался не в том, суждено ли ему править над всеми людьми, а в том, сможет ли он достигнуть пределов самой земли (вероятно, оставшись при этом непобежденным). К сожалению, Арриан оставляет нас в неведении относительно того, что, по мнению самого Александра, ему удалось совершить, когда он достиг Великого моря.

Как бы то ни было, Александр должен был остаться доволен своей встречей с оракулом в оазисе Сивы, так как он почтил Бога богатыми дарами перед возвращением в Египет.

ОСНОВАНИЕ АЛЕКСАНДРИИ

После визита к оракулу Александр вернулся в Египет тем же маршрутом. По пути он основал Александрию, первый и величайший из своих городов. Согласно позднейшему римскому преданию, это произошло 7 апреля 331 г. до н. э.

Все авторы сходятся в том, что Александр лично решил основать в Египте великий город. Он составил общий план города, вдохновленный сновидением, в котором седой старик почтенной внешности, стоявший рядом с ним, процитировал следующие строки из «Одиссеи»:

«На море шумно-широком находится остров, лежащий Против Египта; его именуют там жители Фарос».

На следующее утро Александр посетил Фарос, тогда находившийся на острове возле устья Канопского рукава Нила, но впоследствии соединенный дамбой с побережьем. Поскольку под рукой не оказалось мела, Александр наметил план нового города ячменной мукой, придав ему форму *хламиса*, македонского военного плаща.

По свидетельству Плутарха, вскоре «налетело бесчисленное множество больших и маленьких птиц разных пород и склевало всю муку. Александр был встревожен этим знамением, но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран».

Некоторые исследователи рассматривали это «пророчество» как анахронизм и ретроспекцию последующей истории Александрии как многоязычного и многонационального города на время ее основания, когда она была исключительно греческим поселением. Но историк Курций Руф упоминает о том, что Александр распорядился о переселении жителей окрестных городов в Александрию, чтобы обеспечить новый город многочисленным населением. Безусловно, жители этих городов не могли быть исключительно греками или македонянами, поскольку в то время греческое население в дельте Нила было очень незначительным. Новый большой город не мог быть населен этническими греками. Таким образом, Александрия с самого основания, несомненно, являлась многонациональным городом, как и предполагал Александр.

В то же время архитектурная организация Александрии Египетской была создана по образцу греческих городов: Александр наметил расположение рыночной площади (агора), будущих храмов и определил божества, которым они будут посвящены, включая греческих богов и египетскую Исиду, а также нарисовал обводную стену. Топографический план Александрии и ее главной структуры был характерным для греческого *полиса*, как убедительно по-

казывают недавние подводные археологические работы. То обстоятельство, что Александр включил в свой план храм, посвященный египетской богине Исиде, служит очередным свидетельством его уважения к религиозным традициям чужеземных народов.

Хотя в плане Александрии была предусмотрена обводная стена (как почти во всех греческих городах), ее основная функция не была военной. Она также не была коммерческой, несмотря на позднейшую историю города. Выбор названия говорит сам за себя: с характерной для молодого царя нескромностью первая Александрия была основана для того, чтобы увековечить имя Александра в Египте — на прославленной родине одной из древнейших мировых цивилизаций — и передать его потомкам (т.е. распространить как в пространстве, так и во времени).

Действительно, Александр называл своим именем только те города, которые хотел сделать многолюдными и процветающими. Согласно одному из грамматиков Византийской эпохи, в итоге было основано не менее 18 таких Александрий, усеивающих ландшафт Среднего и Ближнего Востока.

«ОТЕЦ ВСЕХ ЛЮДЕЙ»

Покинув место основания своего первого эпонимического города, царь вернулся в Мемфис, где его посетили послы из Греции. Здесь к нему присоединились еще 400 греческих наемников и 500 фракийских конников. Он снова принес жертвы Зевсу-Царю и провел церемониальный парад своих войск при полном вооружении, после которого состоялись игры с гимнастическими и музыкальными состязаниями.

Возможно, именно в это время Александру довелось услышать лекции философа Псаммона, утверждавшего, что «всеми людьми управляет Бог [Зевс], ибо руководящее начало в каждом человеке — божественного происхождения». По сообщению Плутарха, Александр одобрил этот аргумент, но сам выдвинул еще более мудрое суждение: хо-

тя Зевс — это отец всех людей, но он особо приближает к себе лучших из них. Независимо от того, произнес ли Александр эти слова в Египте, они лучше всего отражают его понимание отношений между Зевсом и человечеством.

Обе части «более мудрого» высказывания Александра на эту тему можно отнести к «Илиаде», его любимому литературному произведению, где о Зевсе неоднократно говорится как об отце богов и людей. Более того, в эпическом мире Гомера лучшие люди, или *aristoi* (например, Ахилл, Гектор и другие герои), особенно дороги богам. Цель Ахилла — показать себя лучшим среди ахейцев, возможно, является центральной темой «Илиады». Таким образом, мысль Александра об отношении Зевса к человечеству и «лучшим людям» уходит корнями в теологическую основу «Илиады».

Александр, безусловно, верил в то, что он принадлежал к «лучшим людям», особо приближенным к Зевсу. С раннего детства Олимпиада приучала его к мысли, что он является потомком богов и героев. Ничто из совершенного Александром до сих пор не могло разубедить его в этом. Наперекор всем обстоятельствам юный правитель, которому еще не исполнилось тридцати лет, разгромил царя великой Персидской империи и забрал половину его владений. Еще ни один грек не совершал подобных подвигов на поле боя. Ахиллу, полубожественному предку Александра, служившему ему примером для подражания, не удалось даже взять Трои. Александр со своими македонцами повернул ход истории в другом направлении. Благодаря своим подвигам он не только вошел в число «лучших», он стал лучшим из лучших. После того, что произошло в битвах при Гранике и при Иссе, кто мог сомневаться, что Александр является любимцем богов, особенно Зевса, властвовавшего над всем миром? Согласно Ксенофану, натурфилософу из Колофона, рыжеволосые и голубоглазые фракийцы утверждали, что у их богов тоже голубые глаза и рыжие волосы. Разумеется, Зевс особо приблизил к себе своего любимца: он стал отцом Александра!

Но в своем высказывании Александр также подразумевал, что среди человечества были и другие *aristoi*, тоже возлюбленные Зевсом и особо приближенные к нему. Александр *не* утверждал, что все лучшие являются греками или македонянами. В сущности, из его ответа Псаммону следует логический вывод, что «лучшие» могли принадлежать к человечеству в целом.

Если Плутарх точно цитирует Александра, то царь имел в виду, что Зевс приближает к себе лучших людей независимо от их происхождения или национальности. Это имеет важное значение, так как дает нам определенное представление о причинах готовности Александра включать «лучших» представителей персов и некоторых других покоренных народов в состав своей армии и систему управления своей империей. Как известно, Аристотель советовал своему ученику относиться к покоренным народам как к растениям или животным; такой совет нелегко примирить с убеждением, что Зевс является отцом *всех* людей. С другой стороны, последующее отношение Александра к «лучшим» из числа покоренных народов полностью согласуется с соображениями, которые он высказывал в Египте.

ПРОЩАНИЕ СО СТРАНОЙ «ДВУХ ЗЕМЕЛЬ»

Преподав местным философам урок о предпочтениях Зевса, Александр также произвел политическую реформу в Египте: он оставил двух египтян в качестве наместников провинций (номархов) и поставил гарнизоны в Мемфисе и Пелусии. Ликид, грек из Этолии, был оставлен командовать наемниками. Один из «товарищей царя» был назначен «писцом» (секретарем) при наемных войсках, а еще двое доверенных людей из Халкидея остались наблюдать за работой Ликида и его подчиненных.

Были также назначены наместники Ливии и части Аравии, примыкающей к Героополю. Командование войсками в Египте было поручено Певкесту, сыну Макартата, и Балакуру, сыну Аминты. Полемон, сын Ферамена, стал ко-

мандующим флотом. Состоялись и другие назначения на военные посты вместо погибших полководцев и офицеров.

Египет с его огромными потенциальными возможностями произвел глубокое впечатление на Александра; именно поэтому он разделил власть над страной между несколькими людьми. Он считал небезопасным доверять управление столь богатой и важной в стратегическом отношении землей одному человеку. Впоследствии римские императоры воспользовались примером Александра; они не посылали в Египет сенаторов в качестве проконсулов, но всегда назначали губернаторов и администраторов, принадлежавших к классу *equites*, или всадников. Римский император резонно опасался того, что может сделать сенатор, получив в свое распоряжение ресурсы целой страны.

Между тем Александр, укрепивший веру в свое божественное предназначение, выступил из Египта весной 331 г. до н. э. вместе с македонской армией, исполненный решимости найти Дария и раз и навсегда решить исход схватки за Азию.

Битва при Гавгамелах

ИЗ МЕМФИСА В ТИР

Первым делом Александра после выхода из Мемфиса по пути в Финикию была краткая карательная кампания в Самарии — регионе, расположенном между Иудеей и Галилеей. Пока Александр находился в Египте, самаритяне заживо сожгли Андромаха, которого он поставил управлять Сирией. Летом 331 г. до н. э. после наказания тех, кого сочли виновным в этом преступлении, армия достигла Тира, где ее ожидал военный флот.

В Тире Александр снова почтил Геракла религиозными празднествами и играми — вероятно, в знак предчувствия своих грядущих великих испытаний. Цари Кипра устроили выступления киклических и трагических хоров с участием некоторых самых известных исполнителей того времени. Во время исполнения одной комедии Ликон Скарфийский добавил к своей роли строку, в которой заключалась просьба о десяти талантах. Александр засмеялся и подарил их актеру.

В Тире снова встал вопрос об участии афинских пленников Александра. Туда прибыла афинская галера «Парал» со свободными гражданами и послами Геофантом и Ахиллом. Целью посольства была просьба о возвращении афи-

нян, взятых в плен в битве при Гранике. Александр уже отклонил сходную просьбу два года назад, но теперь стратегическая ситуация изменилась.

С 332 г. до н. э. на острове Крит велись военные действия между македонцами и наемной армией спартанского царя Агиса. Чтобы отвести эту угрозу, Александр направил Амфотера во главе флота для оказания помощи македонцам и поддержки своих союзников в Пелопоннесе. Обещание вернуть военнопленных гарантировало Александру нейтралитет Афин в этом конфликте.

Амфотера отправили с приказом поддержать все греческие города, которые поступили «разумно» во время войны с Персией и не прислушались к спартанцам. Финикия и Кипр предоставили 100 дополнительных кораблей для войны на Пелопоннесе. Весной 330 г. до н. э. этот флот в союзе с Антипатром нанес поражение царю Спарты.

ВТОРОЕ МИРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДАРИЯ

Летом 331 г. до н. э. поступило второе мирное предложение от Дария. Поблагодарив Александра за великодушное обращение с его матерью и другими высокородными пленниками, Дарий предложил ему все земли к западу от Евфрата, 30 000 талантов серебром и руку одной из своих дочерей в обмен на прекращение враждебных действий. Если Александр согласится, он станет зятем Дария и разделит с ним власть над империей. Судя по выдвинутым условиям, Дарий сделал свое предложение Александру как по стратегическим, так и по личным причинам.

Александр собрал на совет всех «товарищей царя», сообщил о сделанных предложениях и попросил каждого откровенно высказать свое мнение. Никто не отважился дать совет по такому важному вопросу; тогда Парменион выступил и сказал: «Если бы я был Александром, я взял бы то, что предлагается, и заключил бы договор». — «И я, — ответил Александр, — взял бы, если бы был Парменионом».

Затем он дал послам такой ответ: «Как при двух Солнцах Вселенная не может сохранить своего строя и поряд-

ка, так и при двух самодержцах мир не может пребывать в спокойствии. Пусть поэтому они скажут Дарию: если он стремится первенствовать, то Александр будет сражаться с ним за единовластие; если же, презрев славу, он предпочтет свою пользу и легкую удобную жизнь, то пусть он служит Александру, выполняя его приказания, и царствует, получив по его милости свою власть». Таков был ответ Александра.

Дария, получившего этот оскорбительный ответ, ожидали еще более дурные вести. Его жена Статира, взятая в плен после битвы при Иссе, умерла родами. Александр устроил ей пышные похороны. По свидетельству Плутарха, щедрость и великодушие, проявленные Александром по отношению к царственной пленнице, смягчили подозрения Дария и его горе из-за несчастной участи, постигшей его жену.

Разница во мнениях между Парменионом и Александром в 331 г. была реальной и очевидной. Парменион мог считать, что Александр и македоняне уже достаточно наказали персов в соответствии с провозглашенной целью военной кампании. Старший по возрасту и более опытный полководец мог полагать, что лучше заключить мир, пока македоняне находятся в выгодном положении; все еще могло быть потеряно в одной битве с огромной армией, которую Дарий в это самое время собирал в Вавилоне.

Однако Александр занимал совершенно иную личную и стратегическую позицию. Очевидно, что после битвы при Гранике он не был заинтересован в проведении обычной карательной кампании. Его решение распустить свой флот и нанести поражение персидскому флоту на суше оказалось правильным с учетом ресурсов, имевшихся в его распоряжении, но самое главное — его личной цели: покорить всю Персидскую империю. После смерти Мемнона, когда персидский флот перестал существовать как эффективная боевая единица, у Александра почти не было причин принимать предложение Дария и соглашаться на половину желанного трофея.

В делах совета, как и в бою, Александр преследовал свои цели с безжалостной целеустремленностью. В отличие от Пармениона, он охотно делал рискованные ставки, и карты, которые он теперь держал в руках, были лучше тех, которыми он играл раньше. Поэтому в середине лета 331 г. до н. э. Александр подготовился к выступлению из Тира, чтобы вновь испытать благосклонность богов.

БУРЯ СОБИРАЕТСЯ

Тем временем в Вавилоне Дарий собирал свою «великую армию». Хотя он был отрезан от людских ресурсов некоторых своих бывших провинций на западе, но по-прежнему мог набрать огромное количество рекрутов из восточных и северо-восточных регионов империи. После того как Дарий дал приказ своим сатрапам явиться в Вавилон вместе с войсками, длинные вереницы воинов потянулись в Месопотамию. Они принадлежали к разным племенам и народам: здесь были крепкие, закаленные в битвах согдийцы, бактрийцы и горные инды с бактрийской границы, особенно искусные в ведении партизанской войны, отряды саков — азиатских скифов, сражавшихся в пластинчатых доспехах, арахоты и конные парфяне, гирканцы и тапуры. Мидяне пришли сражаться вместе со своими сородичами; за ними следовали войска с побережья Красного моря. За отрядами уксиев и сузиан к «великой армии» присоединились сирийцы с низменностей и из Месопотамии. Даже вавилоняне, лучше известные своими мирными талантами, взяли за оружие.

Перечень народов, сражавшихся на стороне Персидской империи, не такой внушительный, как перечень кораблей во второй книге «Илиады» Гомера, но географическое происхождение войск, собравшихся под командованием Дария, дает некоторое представление о размахе персидского владычества на севере и востоке и о богатом разнообразии культур, находившихся под властью Персии.

Согласно Арриану, общая численность армии Дария составляла не менее 40 000 конницы и 1 000 000 пехоты. Эти цифры могут быть несколько преувеличенными, но нет никаких сомнений в том, что Дарий собрал очень большую армию, значительно превосходящую по численности войско Александра.

Но Дарий не хотел полагаться исключительно на свое огромное численное превосходство. После столкновения с вооруженной *сариссами* македонской фалангой в битве при Иссе Дарий изготовил для своих воинов мечи и копья гораздо большей длины, чем те, которыми они сражались раньше. Дарий также оснастил серпами (или косами) 200 колесниц, с помощью которых рассчитывал разметать вражеские ряды. И наконец, индусы из восточных областей за Индом привели ему около 15 слонов, служивших орудием устрашения, благодаря которому Дарий надеялся остановить неизбежную атаку македонской конницы.

Дарий понимал, что его пехота была относительно слабой по сравнению с македонской фалангой, но его конница была очень сильна. В конце концов конные отряды, стоявшие на правом фланге его строя в битве при Иссе, могли бы одержать тактическую победу, если бы не были вынуждены отступить и прийти на помощь разбитому левому крылу и колеблющемуся центру. Теперь он снабдил свою пехоту более эффективным оружием, а колесницы с серпами должны были нанести тяжкий урон тяжеловооруженной пехоте Александра. Но Дарий собирался выиграть битву благодаря своей коннице, которая, если дать ей достаточно свободного места, могла обойти македонский строй с одного или обоих флангов.

В намерения Дария явно не входило дать бой Александру из-за стен Вавилона. В Тире Александр показал, что он может сделать, если противник предпочитает оставаться за городскими стенами, даже если это высокие и мощные крепостные стены доблестно обороняемого островного города. Поэтому Дарий благоразумно решил вы-

ступить на север к открытым равнинам Ассирии (современный северный Ирак). Его план заключался в том, чтобы дать битву в районе Ниневии (современный Куянджик и Неби-Юнус), где местность благоприятствовала ему, предоставляя свободу маневра для огромных сил, находившихся в его распоряжении.

Чтобы выиграть время для подхода к выбранному месту битвы, Дарий послал вперед сатрапа Мазея с целью узнать о продвижении Александра и остановить или (что более вероятно) замедлить его переправу через Евфрат. Тем временем Дарий с основной массой войск двигался через Месопотамскую равнину от реки Тигр к городу Арбел и наконец к Гавгамелам. Здесь его воины в буквальном смысле окопались на равнине между рекой Бумел (Гомил) и холмом Джебель-Маклуб — самым высоким в цепи холмов, пересекающих местность между рекой Тигр и подножием гор Загрос.

Персы сразу же принялись выравнивать поле будущего сражения, чтобы никакие препятствия не могли помешать маневрам их конницы. Дисциплина поддерживалась непрерывной муштрой и воинскими упражнениями. После всех приготовлений Дария больше всего тревожило, что в бою может возникнуть неразбериха из-за того, что его воины говорили на разных языках. С учетом того, что они были собраны со всех концов Персидской империи, эта тревога была вполне обоснованной. К сожалению, мы не знаем, какие меры предпринял Дарий для решения этой существенной проблемы. Но другие его поступки показывают, что он был прилежным командиром и ничего не оставлял на волю случая.

ОТ ТИРА К ГАВГАМЕЛАМ

Тем временем Александр выступил из Тира и достиг Фапсака (в верхнем течении Евфрата) в августе 331 г. Македонцы почти завершили сооружение двух мостов через Евфрат, но не довели их до противоположного берега, где

ждал Мазей с 3000 всадников, однако при приближении Александра Мазей ретировался, и македонские инженеры закончили работу. Таким образом Александр смог переправиться через реку.

Из Фапсака Александр со своей армией, вероятно, двинулся к Харрану (ассирийский город в северо-западной Месопотамии), а затем пошел на восток по маршруту от Ресены в Нисибис (современный Нусайбин) в северо-восточной Месопотамии и наконец вышел к реке Тигру. Единственным препятствием при переправе через Тигр для его войск было быстрое течение.

Пока люди отдыхали после переправы, наступило почти полное лунное затмение, датируемое 20 сентября 331 г. до н. э. (21.00). Александр принес жертвы Луне, Солнцу и Земле, от которых, как считалось, зависело это явление. Его верный прорицатель Аристандр счел лунное затмение благоприятным знаком для македонян и Александра: по его словам, сражение должно произойти до конца месяца, а внутренности жертвы предвещают победу.

На четвертый день после переправы македонские разведчики заметили авангард вражеской конницы на открытой местности, но не смогли точно подсчитать численность противника. Тогда сам Александр возглавил летучий отряд, взяв с собой один эскадрон гетайров и конных разведчиков из Пэонии (*продраму*); ему противостояло около 1000 персидских всадников. Некоторые из них были захвачены в плен и рассказали, что Дарий находится неподалеку с многочисленным войском.

Александр разбил лагерь и устроил четырехдневный отдых для своей армии, затем он повел армию к базовому лагерю у северного подножия Джебель-Маклуба. Оттуда, оставив вьючных животных и воинов, не годных для службы, он пошел через холмы на возвышенность, где открывался вид на Гавгамелы. Здесь Александр увидел громадное вражеское войско и немедленно созвал своих полководцев на совет.

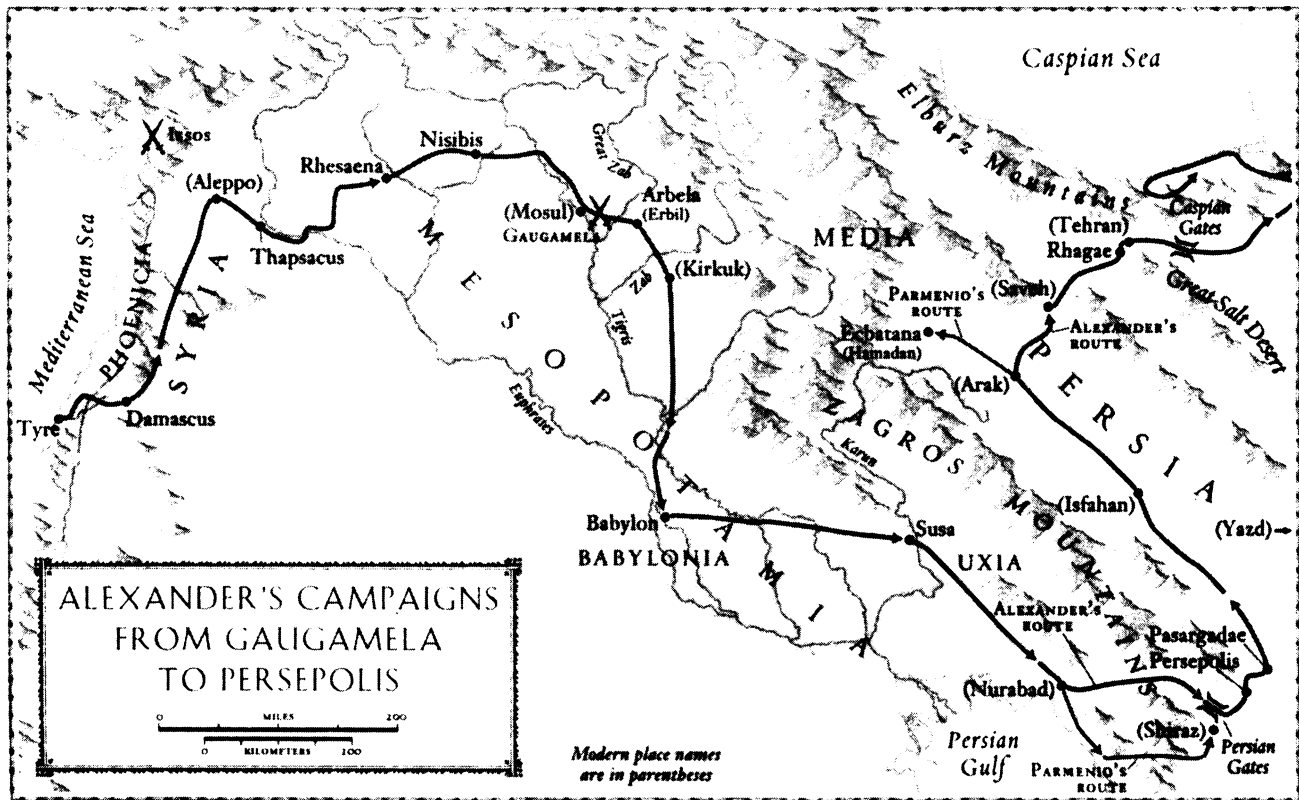
ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

Александр призвал к себе «товарищей царя», полководцев, эскадронных командиров и предводителей союзных и наемных отрядов. Он задал им вопрос: следует ли наступать сразу же или встать лагерем на месте и произвести тщательный осмотр поля боя? Большинство побуждало Александра немедленно перейти в наступление с главными силами конницы, но Парменион советовал произвести рекогносцировку местности, и на этот раз Александр согласился с ним. Он послал вперед легкую пехоту и конницу гетайров и лично осмотрел место будущего сражения.

После завершения рекогносцировки был собран второй совет полководцев. Александр обратился к ним с просьбой ободрить своих подчиненных: в этом сражении решится, кто будет править всей Азией. Нужно внушить им, «чтобы каждый в опасности помнил о порядке в строю, соблюдал строгое молчание, когда надо продвигаться молча, звонко кричал, когда понадобится кричать; издал самый грозный клич, когда придет время». Но самое главное, каждый должен помнить, что пренебрежение собственным долгом подвергает опасности всех остальных, а действенное выполнение приказов будет вкладом в общий успех.

Если Арриан верно передает суть сказанного, интересно отметить, что в своей речи Александр не стал заострять внимание на прошлых военных успехах македонян, а сосредоточился на том, что должен делать каждый солдат для успеха всей армии в предстоящей битве. Проще говоря, Александр сказал своим воинам, что если они будут делать свою работу, все будет хорошо. В героизме не было никакой необходимости. Как всегда, роль героя должна была достаться кому-то еще — в данном случае Александру. С помощью такого «простонародного» языка талантливые полководцы традиционно помогали своим подчиненным укрепить боевой дух перед схваткой.

В ответ на речь Александра собравшиеся военачаль-

ники заверили его, что он может на них положиться. Александр распорядился, чтобы солдаты поели и отдохнули. Через некоторое время Парменион зашел в палатку Александра и посоветовал ему напасть на персов ночью; по его мнению, враг будет застигнут врасплох, растерян и более подвержен панике во время ночной атаки. Поскольку другие тоже слышали этот разговор, Александр величественно ответил, что будет бесчестно (*aischron*) украсть победу ночью. Александр хотел «победить в открытую и без хитростей».

Хотя эта трактовка ответа Александра на предложение Пармениона, вероятно, принадлежит к враждебной литературной традиции, заложенной критиками Александра после того, как царь поссорился с пожилым полководцем, за возвышенной риторикой скрывается здравое стратегическое мышление. Александр, прилежно изучавший военное дело от Троянской войны до собственной эпохи, хорошо знал, что ночной бой может иметь непредсказуемые последствия. Вопреки ожиданиям, многочисленные отряды нападающих оказывались разгромленными менее сильным противником. С утратой элемента внезапности могло произойти все что угодно.

Александр также понимал, что для того, чтобы стать царем всей Азии, он должен захватить в плен или убить самого Дария. Он не мог согласиться на меньшее. Если бы Дарию удалось бежать, что было более чем вероятно с учетом общей сумятицы во время ночного сражения, Александр не удержал бы решительную и окончательную победу, и если бы дела для македонян обернулись не лучшим образом, они оказались бы одни на враждебной территории. Но самое главное, при твердой убежденности Александра в том, что македоняне могут и должны разгромить персов при свете дня, у него не было причин рисковать и ввязываться в ночное сражение с неопределенным исходом.

Александр отклонил совет Пармениона потому, что верил толкованию Аристандра о лунном затмении: македоняне победят, и они должны победить до конца месяца.

Александр полагался на божественное вдохновение своего прорицателя, а не на благоразумный совет своего лучшего и самого опытного полководца. В решающий момент своей жизни Александр доверился воле богов.

В самом деле, Александр провел ночь перед битвой перед своей палаткой не с военачальниками, а с Аристандром, вместе с которым он исполнил священные обряды и принес жертвы божеству Страха (Фобос) первый и единственный раз в своей жизни. Некоторые комментаторы интерпретировали это жертвоприношение как признак страха или сомнения. Такая интерпретация свидетельствует о глубоком непонимании принципов греческой религии. Жертвоприношение Александра было способом воздать должное богу, чтобы он не посетил македонян во время боя и не собрал с них свою дань. Александр был убежден, что единственное, чего могут бояться македоняне, — это сам Страх. Если они будут бесстрашно выполнять свою работу и оставят героизм на долю героя, то победят, как и предсказал Александр.

Тем временем персы всю ночь стояли в полном вооружении, и Дарий объезжал свое войско при свете факелов. У них не было укрепленного лагеря, и они опасались ночного нападения — в точности, как предполагал Парменион. У них не было ни еды, ни сна. Это долгое стояние в полном вооружении с неизбежной нервозностью и беспокойством впоследствии сказалось на боевом духе персов хуже, чем все остальное.

Наутро персы по-прежнему стояли при оружии, зато Александр проспал. Пармениону с трудом удалось разбудить его; ему пришлось войти в палатку царя, встать у его ложа и два или три раза выкрикнуть его имя.

Когда Александр наконец проснулся, изумленный полководец спросил у царя, почему он спит сном победителя. Александр с улыбкой ответил: «А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?»

БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ

Нам точно известен боевой порядок персов, так как их план войскового расположения, составленный Дарием, впоследствии попал в руки македонян. На левом крыле персидского строя располагалась бактрийская конница вместе с даями и арахотами. Рядом с ними (от края к центру) располагалась смешанная конница и пехота персов и воинские контингенты сузиев и кадусиев. Таково было расположение войск от левого фланга до центра фаланги.

Справа располагались воинские контингенты из Келесирии (низменная Сирия) и Месопотамии, а затем мидяне. Далее к центру строя располагались парфяне и саки, затем тапуры и гирканы и, наконец, албаны и сакесины.

В центре армии находился сам Дарий с тысячью своих родственников, «носители айвы» — царская стража с изображением золотой айвы на древках копий, — затем инды, карийские «выселенцы» (жители Карики, насильственно переселенные со своей родины) и марды-лучники. В глубоком строю за ними стояли уксии, вавилоняне, войска с побережья Персидского залива и ситтакены.

Кроме того, в переднем строю на левом фланге персидской армии (напротив правого фланга Александра) стояла скифская конница, около 1000 бактрийцев и 100 колесниц, оснащенных косами. Слоны и еще 50 колесниц стояли около царского конного эскадрона (*илы*) Дария.

Еще 50 колесниц были расположены перед правым крылом персов вместе с армянской и каппадокийской конницей. Греческая наемная пехота была выставлена напротив македонской пехотной фаланги в двух местах, по обе стороны от Дария и его персидской стражи. Эти греческие наемники считались единственным пехотным соединением на стороне персов, способным выдержать натиск македонской фаланги.

Вернувшись к своей армии, Александр перестроил ее в один из самых сложных боевых порядков, использованных до сих пор. Он постарался учесть все требования тактической ситуации.

На правом крыле располагалась конница «товарищей царя», возглавляемая царским эскадром (илой) под командованием Клита «Черного». Филот, сын Пармениона, командовал всей конницей гетайров. Штурмовой отряд (агема) гипаспистов стоял рядом с конницей при поддержке остальных щитоносцев под командованием Никанора, другого сына Пармениона. Далее шли пехотные батальоны под командованием Кена, Пердикки, Мелеагра, Полиперхонта и Симмия.

Левый край македонского строя удерживал пехотный батальон Кратера, который также командовал всей фалангой. Рядом с ним стояла союзная конница под командованием Эригия, а дальше на левом крыле фессалийская конница под командованием Филипа. Общее командование левым флангом македонской армии было поручено Пармениону. Вокруг него собрались всадники Фарсала, лучшие и наиболее многочисленные из фессалийской конницы. За передним строем располагалась резервная фаланга, командиры которой получили приказ отражать любые возможные атаки с тыла.

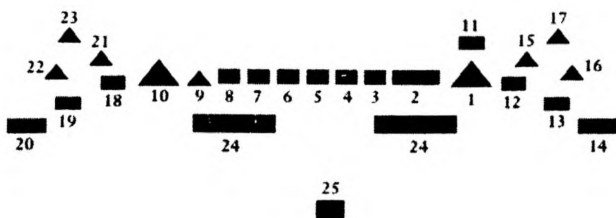
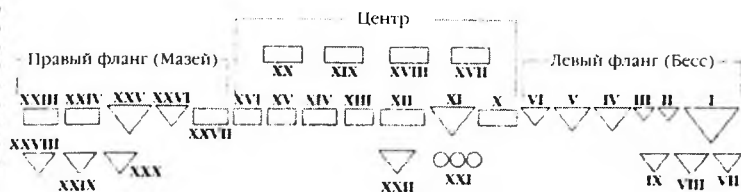
Половина агриан под командованием Аттала и македонские лучники под командованием Брисона были выдвинуты вперед под углом к правому флангу рядом с царской илой и гетайрами на тот случай, если будет необходимо сомкнуть или развернуть пехотную фалангу. Рядом с лучниками находились так называемые «чужестранцы-ветераны» под командованием Клеандра.

Перед этими подразделениями стояли всадники: *продрамы* и пэоны под командованием Ареты и Аристона. Впереди всех в этом косом строю на правом фланге находилась конница греческих наемников под командованием Менида. Им было приказано, если вражеская конница начнет объезжать их крыло, повернуть и напасть на них сбоку.

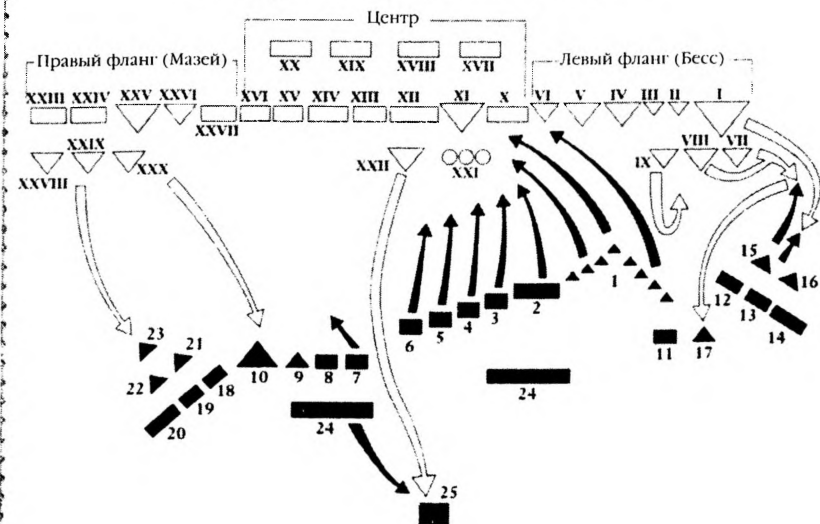
Перед царской илой находилась другая половина агриан и лучники, подкрепленные копейщиками Балакра и расположенные напротив персидских колесниц с боевыми косами.

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ, 1 ОКТЯБРЯ 331 Г. ДО Н. Э.

Первоначальное построение, по Арриану 3.11.3 – 3.12.5

Маневры и передвижения войск

Македоняне

- 1 Конница «товарищей царя» под командованием Филота
- 2 Гиацинты под командованием Никанора
- 3 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Кеса
- 4 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Пердикки
- 5 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Мелсагра
- 6 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Полиперхонта
- 7 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Аминты (Симмия)
- 8 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Кратера
- 9 Греческая союзная конница под командованием Эригия
- 10 Фессалийская конница под командованием Филипа
- 11 Агриане, лучники и копейщики под командованием Балакра
- 12 Агриане под командованием Атгала
- 13 Македонские лучники под командованием Брисона
- 14 Старая наемная пехота под командованием Клеандра
- 15 *Продром* под командованием Арета
- 16 Конница пэолов под командованием Аристора
- 17 Наемная пехота под командованием Менида
- 18 Фракийские копейщики под командованием Ситалка
- 19 Лучники с Крита
- 20 Греческая наемная пехота
- 21 Союзная греческая конница под командованием Койрана
- 22 Фракийская конница под командованием Агафона
- 23 Наемная конница под командованием Андромаха
- 24 Греческая пехота
- 25 Фракийская пехота и конюхи

Персы

Левый фланг

- I Бактрийская конница под командованием Бееса
  - II Конница даев
  - III Конница арахов под командованием Барсаента
  - IV Персидская конница и пехота
  - V Конница сузиев
  - VI Конница кадусиев
  - VII Скифская конница
  - VIII Бактрийская конница
  - IX Босвые колесницы
- Центр
- X Греческая наемная пехота
  - XI Конница вместе с Дарием
  - XII «Носители айвы»
  - XIII Греческая наемная пехота
  - XIV Инды
  - XV Карийцы под командованием Бупара
  - XVI Лучники-марды
  - XVII Уксии под командованием Оксатра
  - XVIII Вавилоняне под командованием Бупара
  - XIX Отряды с побережья Красного моря под командованием Окондобата, Ариобарзана и Орксина
  - XX Ситтакены под командованием Бупара
  - XXI Слоны
  - XXII Босвые колесницы
- Правый фланг
- XXIII Сирийская и месопотамская конница под командованием Мазея
  - XXIV Мидийская конница под командованием Атропата
  - XXV Конные отряды парфян и саков
  - XXVI Тапурская и гирканская конница под командованием Фратаферна
  - XXVII Албаны и сакесины
  - XXVIII Армянская конница под командованием Оронга
  - XXIX Каппадокийская конница под командованием Ариака
  - XXX Босвые колесницы

 Македонская пехота

 Македонская конница

 Персидская пехота

 Персидская конница

 Персидские слоны

На дальнем левом фланге армии Александра, образуя еще один косой фронт по отношению к переднему строю, стояли фракийские копейщики под командованием Ситалка, а рядом с ними — союзная конница под командованием Койрана и всадники-одрисы под командованием Агафона. На переднем крае этой части войска располагалась наемная конница под командованием Андромаха. Фракийские пехотинцы охраняли вьючных животных. В целом армия Александра насчитывала около 7000 конницы и 40 000 пехоты.

Его боевой порядок был выстроен с учетом численного превосходства персов и возможности флангового обхода на одном или обоих крыльях. Таким образом, Александр и его военачальники противопоставили Дарию и персидской армии нечто вроде тактического прямоугольника, предназначенного для отражения атак со всех четырех сторон. Это было блестящее решение для ситуации, в которой оказались македоняне.

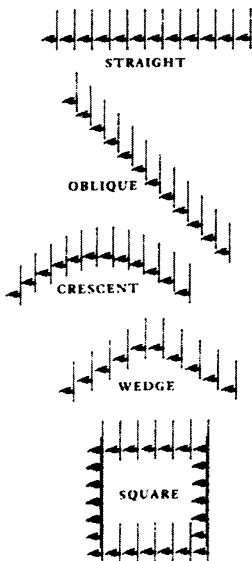
БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

Прежде чем обе армии двинулись навстречу друг другу, Александр обратился с длинной речью к фессалийцам и другим грекам, которые «с громким криком призывали его вести их на варваров». Александр понимал, что фессалийцы должны сыграть ключевую роль в предстоящем сражении. Если они дрогнут или потерпят поражение на левом фланге его строя, все будет потеряно, если они устоят под напором неизбежной конной атаки персов, то пророчество Аристандра может сбыться.

Александр носил *гипенгиму* (сицилийский камзол с поясом), а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из трофеев, захваченных в битве при Иссе. Он надел железный шлем работы Теофила, блестевший так, словно был сделан из чистого серебра. К шлему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. По свидетельству Плутарха, богаче всего был плащ, который царь надел поверх доспехов. Это одея-

ние работы Геликона ему подарили в знак уважения жители Родоса. Он носил удивительно легкий меч прекрасной закалки, подаренный царем китийцев. В отличие от многих македонских конников, меч обычно был его главным оружием в бою.

Как и в битве при Гранике, Александр не скрывался от противника, разъезжая перед строем и воодушевляя своих солдат и командиров. Не могло быть никаких сомнений в том, кто он такой и что собирается делать. Подготовившись к атаке, Александр пересел на Буцефала, взял копьё в левую руку и поднял правую. Затем царь воззвал к богам с мольбой, чтобы они — если он действительно происходит от Зевса — защитили греков и вдохнули в них мужество. Прорицатель Аристандр в белом плаще и золотом венке, также скакавший рядом с царем, указал на орла, который парил над головой Александра, а затем полетел в сторону персидского войска. Утверждается, что это событие очень воодушевило македонян, они не могли представить лучшего знамения: ведь орел был любимой птицей Зевса.

Хотя «пешие товарищи царя» (*педзэтайры*) могли быть использованы в любом строю (прямая или косая линия, клин или полумесяц) в зависимости от тактической ситуации, в битве при Гавгамелах Александр впервые использовал квадратное построение, позволившее македонянам одержать победу, несмотря на огромное численное превосходство персов.

Получив все необходимые знамения, Александр устремился в бой во главе царской илы. Он сразу же был обойден с правого фланга и уклонился дальше в эту сторону. Персы ответили на этот маневр далеким фланговым охватом правого крыла македонян. Тем временем персидские колесницы оставались на ровной подготовленной местности. Однако по мере того как Александр поворачивал все дальше направо, персидские конные соединения двигались вместе с ним в левую сторону от себя.

Первоначальная атака Александра в битве при Гавгамелах, проведенная под косым углом, пока его правый фланг не вступил в контакт с левым флангом персидской армии, была тактическим новшеством, на два тысячелетия предвосхитившим военную тактику, которая сделала Фридриха Великого самым прославленным полководцем своего времени. Атака под косым углом позволила Александру «сэкономить силы» — то есть придержать в резерве остальные войска до тех пор, пока он не будет готов нанести решительный удар во главе гетайров.

Затем Александр бросил в атаку Менида и наемную кавалерию против персидской конницы. Вероятно, это была еще одна его тактическая задумка, предназначенная для того, чтобы втянуть в бой конные отряды персов, готовившиеся к сокрушительной контратаке. Александр использовал сходную тактику «отвлечения» в битве при Гранике, когда послал Сократа с конным отрядом через реку, чтобы выманить персидскую конницу с высокой позиции и втянуть ее в бой в речной пойме. Но при Гавгамелах этот тактический замысел не сработал. Численно превосходящая скифская и бактрийская конница нанесла контрудар в очень хорошем порядке и оттеснила небольшой эскадрон Менида, но не сумела рассеять его. Тогда Александр ввел в бой пэонов и наемников. Завязалось конное сражение, в котором македонянам в конце концов удалось прорвать вражеский строй.

Тем временем, прежде чем Александр успел уйти с ровной, подготовленной местности, Дарий послал в бой свои

колесницы, оснащенные косами. Их встретили агриане и копьеносцы Балакра, которые стаскивали возниц на землю и убивали лошадей. Македоняне пропустили другие колесницы через свои боевые порядки, где их встречали царские щитоносцы (гипасписты) и конюхи Александра. Спокойствие, с которым агриане и метатели дротиков уничтожили эти устрашающие боевые машины, может объяснить, почему македонская армия не проиграла ни одной битвы, пока ее возглавлял Александр.

Однако на дальнем левом фланге дела у македонцев обстояли хуже. Мазей, командовавший отборной персидской конницей на правом крыле персидского строя, уничтожил многих воинов Александра при первой атаке. Он также послал 2000 кадусиев и 1000 отборных скифских всадников в обход фланга Пармениона к македонскому лагерю, чтобы захватить обоз. Когда скифы ворвались в лагерь, большинство пленных персидских женщин устремились им навстречу, однако мать Дария, Сисигамбия, осталась в своем шатре. По свидетельству Диодора, «может быть, она не доверяла счастливой перемене судьбы, а может быть, не хотела запятнать себя неблагодарностью по отношению к Александру». Тем временем Мазей, пользуясь своим численным преимуществом, усилил натиск, и македоняне на левом фланге начали отступать.

Гипасписты (чьё название в буквальном переводе с греческого означало «под щитом») были тяжеловооруженными пехотинцами под командованием Никанора, сына Пармениона, в битве при Гавгамелах. Их элитное подразделение, *агема*, защищало царя, когда он сражался в пешем строю.

Но решающие события битвы при Гавгамелах разворачивались на правом фланге македонской армии. По мере того как все больше персидских конников направлялись на помощь своим товарищам, пытавшимся окружить македонян справа, в персидском строю открывалась брешь. Именно в эту брешь с громким боевым кличем устремился Александр вместе с гетайрами, построившимися знаменитым клиновидным строем, в то время как часть пехотной фаланги выступила в направлении самого Дария. Это была та капля, которая переполнила чашу — момент сражения, когда, по меткому замечанию Наполеона, единственный маневр оказывается решающим и отдает победу одной из сторон. Последовал ближний бой, в котором македонская конница наседала на врага, поражая персов в лицо своими копьями, а фаланга, оцетинившаяся сариссами, придавала атаке непреодолимую силу. В какой-то момент этой жестокой схватки Дарий, уже охваченный ужасом, обратился в бегство. Тем временем отряд Ареты отбросил и рассеял персов, обходивших правое крыло македонян.

Однако пехотный батальон под командованием Симмия не смог присоединиться к Александру в преследовании бегущих персов; он был вынужден стоять и сражаться на месте еще и потому, что левый фланг македонской армии по-прежнему испытывал затруднения. В македонском строю возникла брешь между отрядом Симмия и войском Александра, и в этот прорыв устремилась часть индов и персидской конницы, которым удалось пробиться к обозу македонян. Тогда в действие вступила резервная фаланга, которая зашла в тыл персам и нанесла им сокрушительный удар, пока те сражались с обозниками. «Тактический квадрат» Александра точно исполнил свое предназначение.

Однако на дальнем левом фланге македонской армии персы продолжали наступать на войска Пармениона. В конце концов Парменион был вынужден отослать к Александру гонца (или гонцов) с сообщением о своем стесненном положении и просьбой о помощи.

Согласно Диодору, гонцы Пармениона обнаружили, что Александр далеко оторвался от основного войска в преследовании Дария, и вернулись ни с чем. Пармениону и фессалийцам пришлось в одиночку продолжить сражение с конницей Мазея. Отважно сражаясь, они в конце концов одержали победу, в том числе и потому, что враги были обескуражены бегством Дария. Впоследствии Парменион захватил персидский лагерь, включая весь обоз, слонов и верблюдов. Тем временем Александр преследовал Дария вплоть до Арбелы, но не смог догнать его. Он снова захватил колесницу Дария, его щит, лук и стрелы, однако самому персидскому царю удалось ускользнуть.

Но по свидетельству Арриана, Александр получил сообщение Пармениона; он сразу же прекратил преследовать Дария и поспешил на помощь фессалийцам. Сначала он напал на уже бегущую вражескую конницу, затем на парфян, индов и самые многочисленные и лучшие персидские конные отряды. Здесь «начался конный бой, самое жаркое дело во всей этой битве. Варвары, построены в глубину отрядами, повернулись и напали на воинов Александра, стоя против них лицом к лицу; они не брались за дротики, не кружились, как это обычно бывает в конном бою: каждый поражал того, кто был прямо перед ним, видя в этом единственное спасение для себя. Жалости не было ни у тех, ни у других, сражались уже не ради чужой победы, а ради собственной жизни». Здесь пало около 60 «товарищей царя» и было ранено несколько командиров, но Александр снова одержал победу.

Какая из этих историй является наиболее правдивой?

Первый вариант согласуется с тем, что сообщают большинство авторов об обстоятельствах момента, когда были отправлены гонцы. Диодор говорит, что из-за многочисленности персов и густой пыли, поднявшейся в воздух, Александр не видел, в каком направлении бежал Дарий. Суматоха и пыль на поле боя помешали гонцам Пармениона доставить свое послание. Если Александр все же пришел на помощь к Пармениону и фессалийцам, это случилось уже после окончания главной битвы на левом кры-

ле македонской армии, а возможно, и после того, как царь вообще отказался от преследования Дария.

С другой стороны, второй вариант был создан Каллисфеном, придворным историком Александра, подчеркивавшим медлительность и нерешительность Пармениона не только в этом, но и в других сражениях. Поэтому историю о том, как Александр прекратил преследовать Дария, чтобы помочь Пармениону, оказавшемуся в бедственном положении, следует рассматривать как пропагандистскую уловку, изобретенную позднее с целью оправдать неудачу Александра в достижении его главной цели: пленении Дария. История о спасении Пармениона Александром была большим фиговым листком, прикрывающим истину о том, что Александр не смог захватить в плен или убить Дария в битве при Гавгамелах и таким образом довести до конца свою военную кампанию.

Тем не менее прорицатель Аристандр был прав: до окончания месяца, когда произошло лунное затмение, состоялась битва, в которой Александр одержал победу.

ЦЕНА БИТВЫ

За исполнение пророчества пришлось заплатить ужасную цену человеческими жизнями. По сообщению Пармениона, около 500 македонян были убиты и очень многие ранены, в том числе Гефестион, Пердикка, Кен и Менид — некоторые из самых видных македонских командиров. Диодор также оценивает общие потери персидской конницы и пехоты в 90 000 человек.

Нельзя переоценить риск, которому подвергались Александр и македонская армия в битве при Гавгамелах. Македоняне значительно уступали противнику в численности и подвергались угрозе флангового обхода с обеих сторон. Более того, если бы они проиграли битву, им было бы негде спрятаться; для них выбор был между победой и смертью.

Александр снова проявил блестящее понимание тактических опасностей, с которыми столкнулась македон-

ская армия, и придумал революционный боевой порядок для того, чтобы эти опасности были сведены к минимуму. От македонян он благоразумно потребовал лишь того, чтобы каждый спокойно выполнял свое дело и оставался на своем месте. В бою македоняне сражались так, словно завтрашнего дня для них не существовало. Хотя первоначальный гамбит (отвлекающая атака Менида) оказался проигранным, Александр лично возглавил решающую атаку на ряды противника. Несмотря на последующие утверждения официальных историков Александра, Парменион сумел отстоять жизненно важную позицию в схватке с лучшими силами персидской конницы. Хотя бегство Дария было крупной неудачей для Александра, победа при Гавгамелах вопреки всем невздам открывала дорогу на Вавилон и в Персию. В возрасте 26 лет Александр привел македонян и их союзников к величайшей военной победе в греческой истории.

ГЛАВА 11

Разграбление Персеполя

ВАВИЛОН

Для греков и македонян битва при Гавгамелах была моментом беспрецедентной славы. Со времен битвы при Платее в 479 г. до н. э. греки не наносили такого сокрушительного поражения персидской армии. Однако даже та славная победа была одержана лишь над одним экспедиционным корпусом, возглавляемым одним из полководцев «великого царя». Теперь Александр со своими военачальниками наголову разбил огромную имперскую армию под командованием самого Дария. После трех лет войны Александр был единственным правителем западной половины Персидской империи. Дарий, все еще остававшийся правителем ее восточных провинций, пережил битву при Гавгамелах, но надолго ли?

После битвы Дарий бежал сначала в Арбелу, а оттуда на восток, к Армянским горам и в Мидию вместе с бактрийской конницей, царскими родственниками и немногочисленными оставшимися в живых «носителями айвы». Мидия, родина Мидаса, включала Керманшах-Хамаданский регион в центральной части горы Загрос вдоль дороги на Хорасан. Во время бегства к монарху присоединилось около 2000 иностранных наемников.

Александр, как нам известно, преследовал Дария вплоть до Арбелы, но опоздал и не успел захватить его в плен. Тем не менее в Арбеле Александр был впервые провозглашен царем всей Азии, несмотря на тот факт, что Дарий был еще жив. В соответствии с пропагандистской целью военной кампании Александр написал грекам, что «власть тиранов должна быть повсюду уничтожена, и все государства становятся свободными и независимыми».

Он также направил послание платейцам и обещал заново отстроить их город, «ибо предки их некогда предоставили свою землю для сражения за свободу Греции» (в войне с персами в 479 г. до н. э.). Он также послал некоторую часть добычи, взятой при Гавгамелах, в город Кротон в Италии. В 480 г., когда остальные греки, жившие в Италии, отказались помочь своим собратьям элинам в борьбе с персидскими захватчиками, некий житель Кротона, атлет по имени Фаилл, за свой счет снарядил корабль и поплыл к Саламину, «желая разделить опасность со всеми». Такими жестами Александр показывал грекам, что по крайней мере некоторые цели, поставленные перед началом кампании, были достигнуты.

Через три недели после выхода из Арбелы Александр вступил в Вавилон (расположенный к востоку от реки Евфрат). Там его приветствовал Мазей, командир правого крыла персидской армии в битве при Гавгамелах, бежавший в Вавилон после сражения. Мазей вышел как проситель вместе со своими взрослыми сыновьями, желая сдать ему самого себя и весь город. За ним следовал Багофан, отвечавший за цитадель и сокровищницу Вавилона; он устелил для Александра дорогу в город цветами и гирляндами и расставил вдоль нее серебряные алтари с ладаном и другими благовониями. В дар Александру также преподнесли стада скота, табуны лошадей, а также львов и леопардов в клетках. Вслед за подобострастным казначеем выступали маги, халдейские и вавилонские жрецы и музыканты и наконец церемониальный отряд вавилонской конницы. Вавилоняне, не раз подвергавшиеся завое-

ваниям, хорошо знали, как нужно устраивать представления для новых покорителей мира.

Устроившись в городе, Александр приказал вавилонянам восстановить храмы, предположительно разрушенные персидским царем Ксерксом, в первую очередь храм могущественного бога грозы Бела (Ваала). Сам Александр принес жертву Белу в соответствии с указаниями халдейских жрецов. Мазея назначили сатрапом Вавилона, придав ему греческого войскового командира и сборщика налогов.

Александр оставался в Вавилоне в течение одного месяца, так как в городе было много еды, а местное население доброжелательно относилось к пришельцам. Курций Руф утверждает, что это была самая долгая его стоянка за время военной кампании и что в Вавилоне он ослабил дисциплину в армии, воспользовавшись тем обстоятельством, что вавилоняне разрешали своим дочерям и женам сожительствовать с чужеземцами, если им платили за это. Вавилоняне тоже имели склонность к пьянству, поэтому у них с македонянами нашлись общие интересы.

Из денег, полученных Александром в Вавилоне, он выдал каждому македонскому всаднику по шесть мин (в греческих деньгах), в то время как иностранные всадники получили по пять мин. Размер этой премии был равен военному жалованью примерно за 300 дней. Македонские пехотинцы получили по две мины, а наемники — жалованье за два месяца и обещание гораздо большей награды.

В конце ноября 331 г. до н. э., после того как Александр выступил из Вавилона, к нему присоединились воины, посланные Антипатром: 500 всадников и 6000 пехотинцев из Македонии, 600 всадников-фракийцев, 3500 пехотинцев-траллов и 4000 наемных пехотинцев и 380 конников из Пелопоннеса. Всадники были прикреплены к отрядам гетайров, а пехотинцы распределены по разным частям в соответствии с их происхождением. В каждом конном эскадроне было сформировано по две роты под командованием «товарищей царя», назначаемых лично

Александром с учетом их боевой доблести. Такая реорганизация командной структуры отражала желание Александра получить более непосредственный контроль над всей конницей «товарищей царя». Примерно в это же время Аминта доставил из Македонии 50 молодых сыновей македонских вельмож, которым было предназначено стать царскими пажими. Эти юноши обслуживали царя за столом, приводили ему лошадей, когда он отправлялся в бой, и помогали ему во время охоты, они также охраняли его ложе, пока он спал. Достаточно скоро некоторые из этих «пажей» сильно невзлюбили Александра и его нравы.

СУЗЫ

Далее Александр пошел на восток по древней дороге через Элам (ныне на территории юго-западного Ирана) в Сузы, преодолев 225 миль за 20 дней. Сузы (современный Хузистан) были заново отстроены Дарием в качестве одного из столичных городов Персии, так как отсюда открывался доступ к западным регионам империи. Сатрап города по имени Абулит приветствовал Александра на реке Хоасп с дарами, включая дромадеров и десять слонов. В городе с Александром произошел один показательный случай. Когда он сел на трон Дария, оказалось, что сиденье расположено слишком высоко для него. Кто-то из прислужников, увидевший, что ноги царя не достают до подножия трона, пододвинул стол в качестве подставки.

В Сузах Александр вступил во владение 40 000 талантов в золотых и серебряных слитках и 9000 талантов чеканной золотой монетой (персидские дарики). Это была самая крупная сумма, когда-либо достававшаяся в качестве добычи греческому или македонскому правителю. 3000 талантов серебром немедленно были отправлены вместе с Менесом на побережье, чтобы Антипатр мог получить средства, необходимые для войны со Спартой.

Александр также вернул бронзовые статуи Гармония и

Аристокритона, так называемых убийц-тиранов из Афин. Эти знаменитые статуи были вывезены Ксерксом во время разграбления Афин в 480 г. до н. э. и доставлены в Сузы. Александр вернул их афинянам, которые поставили их на кладбище в Керамике. Дар был своевременным напоминанием о необходимости продолжения войны с персами, поскольку именно в это время спартанский царь Агис побуждал афинян к выходу из панэллиннистического союза.

В Сузах Александр также совершил жертвоприношения по обычаю предков, устроил бег с факелами и учредил гимнастическое состязание. Жертвы, несомненно, были принесены в благодарность богам за особую милость, которую они оказали Александру и македонянам. Само присутствие Александра в Сузах было свидетельством особой благосклонности Зевса. Ни один грек или македонянин раньше не имел возможности совершить такое жертвоприношение в самом сердце Персии.

Абулит был назначен сатрапом Сузианы. Мазара, одного из «товарищей царя», сделали командиром гарнизона, расположенного в сузской цитадели, а Архелая поставили главным военачальником, или стратегом города. В Сузах осталась и Сисигамбия, мать Дария, с ее детьми, которым назначили греческих наставников. Этот факт указывает на то, что Александр собирался сделать греческий язык одним из главных в Персидской империи в обозримом будущем.

Перед отъездом Александр решил сделать персидской королеве-матери еще один подарок. Он преподнес ей пурпурную ткань, македонские парадные одеяния и оставил женщин, которые должны были обучить царицу и ее внучек изготавливать шерстяную одежду. К сожалению, как Александр узнал впоследствии, для персидской знатной женщины не было более позорного занятия, чем работа с шерстью. Узнав об этом, царь поспешил извиниться за свое невежество и заодно напомнил Сисигамбии, что отныне решил называть ее своей матерью.

УКСИИ

В конце декабря 331 г. Александр находился на пути в Персеполь, столицу Персидской империи, невзирая на снег, часто закрывавший перевалы через горы Загрос, а также на кочевников-уксиев, стороживших эти перевалы. Эти свирепые горцы взимали плату за проход со всех путешественников, включая персидских царей. Они написали Александру послание, в котором уведомили царя, что не пропустят его в Персию, если не получат своей обычной платы. В ответ Александр предложил им встретиться в ущелье, где он даст им то, что они требуют.

Затем Александр разграбил соседние деревни уксиев и занял ущелье до прибытия горцев. Кратера он еще раньше отправил занять горные высоты, куда, по его мнению, должны были отступить его противники. Когда уксии обнаружили Александра с отрядом воинов, они бежали без борьбы. Те из них, кто попытался спастись на высотах, были перебиты Кратером. Александр заплатил уксиям их собственной монетой. Лишь после того как мать Дария заступилась за них, он позволил выжившим уксиям поселиться на прежнем месте в обмен на ежегодную дань в размере 100 лошадей, 500 мулов и 30 000 овец.

После усмирения уксиев Парменион пошел на юг по более легкой главной дороге — возможно, через современный Казеран до Фирузабада, а затем в Шираз и Персеполь — вместе с фессалийской конницей, тяжеловооруженными союзниками и наемниками, а также с обозом. Александр выбрал более живописный и опасный маршрут — через холмы от современного Фахлиана — с македонской пехотой, конницей гетайров, агрианами, лучниками и разведчиками.

Возле так называемых Персидских Ворот (вероятно, ущелье, известное под названием Тан-и-Мохаммед Реза) путь Александру преградил сатрап Ариобарзан, который укрепил проход и теперь поджидал своего противника с войском, насчитывавшим до 40 000 пехоты и 700 всадников. Это было существенное препятствие, развеивавшее

миф о том, что Александр был желанным гостем в Персии. Первая атака на стену была отражена с потерями для македонцев, но потом Александр нашел другой путь вокруг прохода и напал на противников одновременно сверху и с тыла. Лишь немногим персидским конникам, включая самого Ариобарзана, удалось спастись.

Затем Александр двинулся на Персеполь, маршируя с такой скоростью, что у городского гарнизона даже не нашлось времени, чтобы разграбить сокровищницу при его приближении. Впервые в истории греки и македоняне собирались вступить в столицу великой Персидской империи не в цепях, а при оружии.

РАЗГРАБЛЕНИЕ ПЕРСЕПОЛЯ

Незадолго до вступления в Персеполь Александр получил письмо от наместника Тиридата, где говорилось, что если он придет раньше тех, кто собирался защищать город от лица Дария, то Тиридат откроет ворота Александру. Поэтому Александр повел свое войско к столице Персии форсированным маршем.

Но после того, как македоняне переправились через реку Аракс, их остановило ужасное зрелище. Около 800 греков, в основном пожилых, вышло навстречу Александру с «ветвями умоляющих». Эти греки были захвачены в плен предыдущими персидскими царями и увезены в рабство, где их учили различным искусствам и ремеслам. После этого персы изувечили их, отрубив конечности, которые им были не нужны для выполнения назначенной работы. У некоторых не было рук, у других ног, носов или ушей. Закаленные ветераны македонской армии преисполнились сострадания к этим несчастным калек; говорят, что сам Александр не удержался от слез.

Александр «обещал всячески позаботиться об их возвращении домой», но они решили остаться на месте вместо того, чтобы рассеяться по греческим городам, где они будут подвергнуты насмешкам за свои увечья. Каждому из этих калек Александр выдал по 3000 драм, по пять одежд,

по две пары волов, пятьдесят овец и пятьдесят бушелей пшеницы. Он также «освободил их от всех царских пода-тей и приказал правителям следить за тем, чтобы их никто не обижал». Диодор отмечает, что Александр смягчил участь этих несчастных в соответствии со своей природной добротой. Исследователи, вдумчиво изучавшие античные источники в поисках всевозможных примеров жестокости Александра, предпочитают обходить молча-нием этот его гуманный жест и вообще не обращаются к персидскому обычаю уродовать военнопленных.

Возможно, этот эпизод разгневал Александра, и перед вступлением в Персеполь он вернулся к мстительной риторике военной кампании. Обратившись к своим коман-дирам, он назвал Персеполь самым враждебным из азиат-ских городов. Отсюда, из династической столицы Персии, со времен Дария I выходили бессчетные армии; отсюда персидские цари начинали свои завоевательные войны в Европе. По словам Александра, Персеполь должен быть стерт с лица земли для умиротворения духов предков.

Так Александр отдал персидскую столицу (за исклю-чением царских дворцов) своей армии, до сих пор не по-лучавшей богатой поживы, если не считать жалованья, выданного в Вавилоне. Имущество горожан было расхи-щено, мужчины убиты, а женщины обращены в рабство. Александр действительно отдал город «на позор и полное уничтожение», хотя и приказал солдатам не глумиться над женщинами и запретил им насиловать их.

Согласно одному историку, разграбление Персеполя было «хладнокровным и расчетливым бесчинством над беспомощным мирным населением», но при этом следу-ет помнить о том, что граждане Персеполя столетиями пожинали плоды военных поражений, страданий и экс-плуатации миллионов людей, включая множество греков. Символическая роль Персеполя как центра Персидской империи не оправдывает убийство мирных граждан или уничтожение личной собственности, но помогает объяс-нить жестокость возмездия. Кроме того, недавняя встреча

македонян с сотнями искалеченных греков едва ли могла пробудить в них милосердие к их противникам.

Пасарагды, прежняя столица Персии, где находилась гробница Кира Великого, избежала разрушения, хотя ее сокровища общей стоимостью 6000 талантов были конфискованы. Между тем Александр завладел сокровищницей Персеполя, оцениваемой в громадную сумму 120 000 талантов. Часть добычи была перевезена в Сузы, а часть осталась при армии. Некоторые богатства в конце концов оказались вместе с Парменионом в Экбатанах (современный Хамадан).

Теперь Александр был не просто богатым, а богатейшим человеком в истории Греции, богаче самого Креза. Вместе со своими людьми он отдыхал в Персеполе до тех пор, пока не подошло войско Пармениона. Значительная часть города лежала в руинах, но предстоял еще один, финальный, акт разрушения.

СОЖЖЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ДВОРЦОВ

В апреле 330 г. до н. э. после короткого карательного рейда против мардов Александр сжег дворцы персидских царей.

Парменион возражал против этого на том основании, что неразумно уничтожать собственное имущество. Александр ответил, что он хочет наказать персов за разрушение Афин, сожжение храмов и все другие преступления против греков. Таким образом, сожжение дворцового комплекса в Персеполе было политическим актом, прямо связанным с оправданием панэллинистической военной кампании.

Но некоторые античные авторы рассказывают более скандальную историю. Здесь Александр после проведения состязаний в честь своей победы и совершения «роскошных жертвоприношений» устроил пиршество с обильными возлияниями. Одна из присутствовавших куртизанок, уроженка Афин по имени Таис (Таида у Плутарха, Фаида у Диодора), сказала, что «из всех дел, совершенных Алек-

сандром в Азии, самым прекрасным будет сожжение царского дворца: пусть он отправится веселой компанией вместе с ними, и женские руки заставят в один миг исчезнуть знаменитое сооружение персов».

Александрю понравилась эта идея: после царя куртизанка была первой, кто бросил во дворец пылающий факел. Вскоре весь дворцовый комплекс был объят пламенем. По словам Диодора, «самое удивительное, что за кощунство, совершенное Ксерксом, царем персидским, на афинском акрополе, отплатила той же монетой много лет спустя женщина, согражданка тех, кто был обижен еще в детстве».

Современные историки расходятся во мнениях по вопросу о том, было ли сожжение персидских дворцов политическим актом или следствием пьяного кутежа, но македоняне провели в Персеполе как минимум четыре месяца, и очень трудно поверить, что за все это время Александр не задумывался об участии царских дворцов. История о Парменионе, советуящем Александру не разрушать дворцы, звучит как отголосок реальной дискуссии (хотя и приукрашенной в результате позднейшей кампании по дискредитации Пармениона). Это позволяет считать, что дворцы были сожжены в результате политического решения. Как недвусмысленно намекает Арриан, сожжение дворцов персидских царей было прямым возмездием за сожжение храма Афины на афинском акрополе.

Однако впоследствии, когда Александр действительно стал царем всей Азии, политическое решение, принятое в 330 г. до н. э., предстало в ином свете. История о Таис, спровоцировавшей поджог, по всей вероятности, принадлежит к тому периоду, когда Александр вернулся из Индии и объявил себя царем известного мира. Таким образом вина за досадный инцидент была возложена на афинскую куртизанку. Интересно отметить, что Арриан не упоминает о Таис и о пьяном пиршестве, которое привело к поджогу, — возможно, потому, что впоследствии она стала наложницей Птолемея, одного из очевидцев событий,

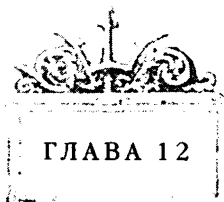
на воспоминаниях которого во многом было основано его собственное повествование.

Так или иначе, Александр пожалел о своем решении почти сразу же, как начался пожар, и дал приказ потушить его. В конце концов Парменион оказался прав: уничтожение собственного имущества было неразумным. Это был поступок завоевателя, а не правителя. Но было уже слишком поздно. Дворцы лежали в руинах, а Дарий по-прежнему находился на свободе. Узнав о том, что его противник организует сопротивление в Мидии, Александр сделал поход в эту гористую страну своей следующей целью после назначения сатрапа в Персии.

Ч А С Т Ь І І

Царь всей Азии

ГЛАВА 12

Смерть Дария

ОХОТА

Маги учили персидских князей искусству охоты с очень юного возраста, но многие из них выступали с оружием в руках против самых опасных хищников уже после того, как занимали высокое положение в Персидской империи. На лестничном барельефе из Персеполя изображен вельможа или сам персидский царь, пронзающий льва, когда тот пытается дотянуться когтями до охотника. Однако после битвы при Гавгамелах сам Дарий превратился в добычу.

В Македонии знатных юношей тоже учили выслеживать, травить и убивать диких животных, обитавших в этой гористой стране. Отправившись в погоню за Дарием, Александр показал, что он хорошо усвоил эти уроки; он преследовал Дария с неустанным рвением, быстротой и безжалостностью. Но когда Дарий наконец оказался зажатым в угол, Александр был лишен удовольствия убить его своими руками. С персидским царем жестоко расправились члены его собственной стаи.

Лишившись главного трофея, Александр сразу же изменил цель охоты, решив догнать и покарать убийц сво-

его врага. Независимо от того, охотился ли он на людей или на зверей, Александр никому не позволял нанести смертельный удар, прежде чем он сам не использует свой шанс.

СМЕРТЬ ДАРИЯ

Когда осела пыль после битвы при Гавгамелах, Дарий бежал в Экбатаны, столицу Мидии, где находилась одна из резиденций персидских царей из династии Ахеменидов. Экбатаны были включены в состав Персидского царства после того, как Кир Великий разгромил и захватил в плен Астиага в 550 г. до н. э., и с тех пор долго были столицей Мидийской сатрапии. Среди греков Экбатаны славились своим богатством и величественными сооружениями; говорили, что колонны его галерей и колоннады царского дворца облицованы золотом и даже черепицей, сделанной из серебра.

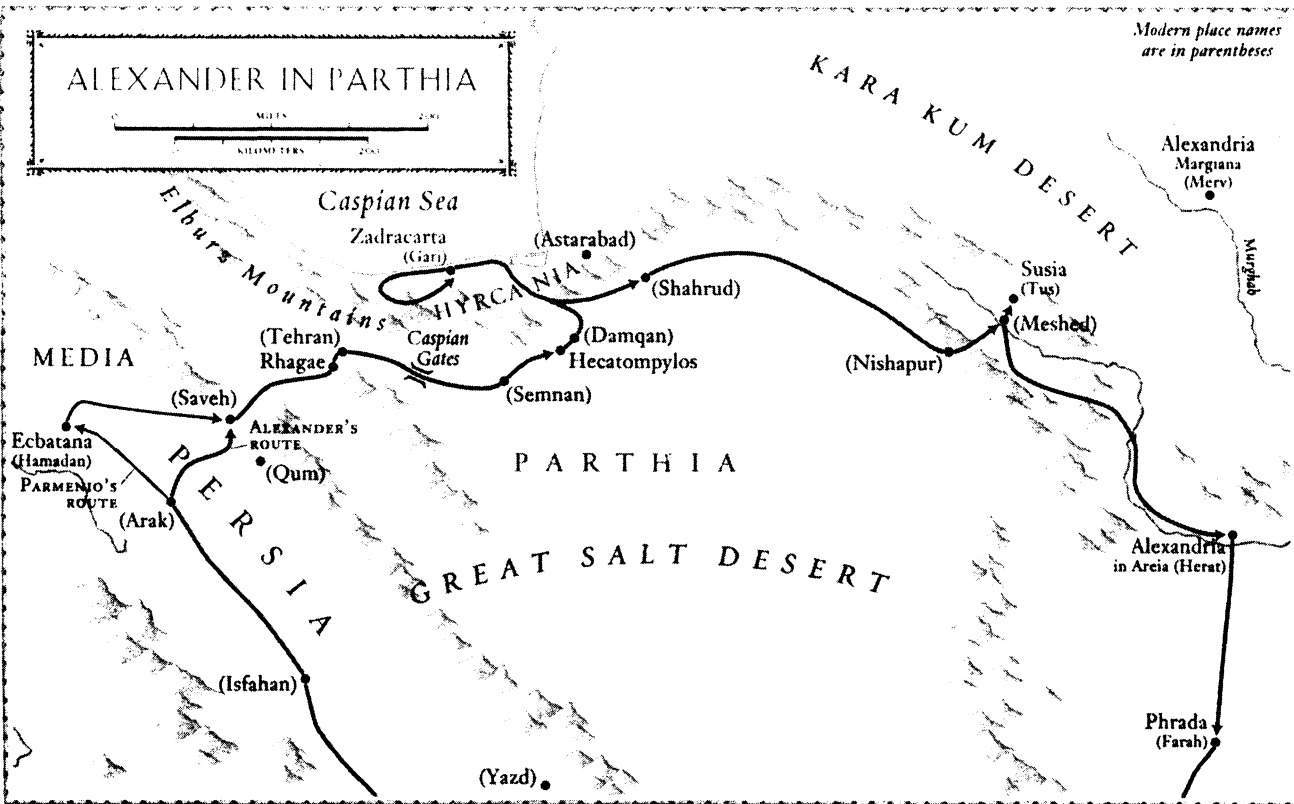
Если бы подкрепления из Скифии (возможно, из области современного Крыма) и Кадусии из северной Мидии вовремя подошли к Дарию, он бы не побоялся сойтись с Александром в очередной битве; но в том случае, если Александр выступит против него в Мидии до прибытия союзников, Дарий был исполнен решимости идти дальше в гористую местность — через Эльбрус на территорию Парфии и Гиркании вдоль южного побережья Каспийского моря. Его женщины и имущество были уже отправлены к Каспийским Воротам, ущелью на границе между Мидией и Парфией.

К несчастью для Дария, Александр оказался быстрее, чем подкрепления, которые он ожидал. Выступив из Персеполя в мае, он по пути покорил народ паретаков и поставил над ними сатрапа Оксафра. На расстоянии трех дней пути от Экбатан его встретил Бисфан, сын Оха, предыдущего царя Персии, который сообщил ему, что Дарий бежал четыре дня назад, взяв с собой 7000 талантов и войско, в котором насчитывалось до 3000 конницы и 6000 пехоты.

ALEXANDER IN PARTHIA

Modern place names
are in parentheses

Теперь развернулась настоящая погоня. Чтобы двинуться налегке, Александр отпустил фессалийскую конницу и других союзников, выдав им 2000 талантов сверх установленной платы. С собой он взял гетайров, «разведчиков-бегунов», наемную конницу, македонскую тяжеловооруженную пехоту (за исключением тех частей, которые остались охранять сокровищницу), агриан и лучников. Парменион получил приказ отправить персидскую сокровищницу в Экбатаны и передать ее на хранение Гарпалу, другу детства Александра. Гарпал был оставлен охранять его с 6000 македонцев и небольшим количеством всадников и легковооруженной пехоты.

На одиннадцатый день Александр вступил в город Раги (современный Рей), но Дарий уже прошел через Каспийские Ворота. Здесь Александр дал своим воинам отдохнуть в течение пяти дней. После того как Александр сам миновал Каспийские Ворота, он узнал от знатного вавилонянина Багистана и Антибела (один из сыновей Мазея), что Дарий был схвачен и посажен под арест Набарзаном, командиром собственной конницы. В заговоре против него также участвовал Бесс, сатрап Бактрии, и Барсаент, сатрап арахотов и дранганов.

Узнав об этом, Александр оставил при себе лишь «товарищей царя», конных разведчиков и самых закаленных пехотинцев и поспешил вслед за несчастным Дарием и его пленителями. За три марш-броска, включая два ночных перехода, Александр преодолел около 130 миль, но обнаружил лишь заброшенный лагерь, Дария увезли в крытой повозке. Бесс объявил себя новым царем и получил признание от всех, кроме Артабаза и греческих наемников. Измученные воины Александра продолжали путь; на следующий день они достигли селения, где днем раньше держали пленного Дария.

Никанору, сыну Пармениона, и его воинам было приказано следовать за Бессом и Дарием по прежнему пути. Александр, сопровождаемый местными проводниками и лучшими своими пехотинцами, пересевшими на коней для последнего броска, решил срезать путь. После пятидеся-

тимильной скачки под покровом ночи Александр настиг беглецов у города Гекатомфилы (современный Шахр-и-Кумис).

Когда Набарзан и Барсаент поняли, что Александр настигает их, они «нанесли Дарию множество ран» и бежали с 6000 конников. Дарий умер от потери крови еще до того, как Александр увидел его. В момент смерти персидскому царю было около 50 лет. По свидетельству Арриана, Александр устроил своему мертвому недругу, которого многократно оскорблял при жизни, настоящие царские похороны. Тело Дария отправили в Персеполь для захоронения в царской усыпальнице рядом с его предками.

Арриан считал Дария малодушным и некомпетентным правителем, хотя и способным на достойные поступки. Это слишком резкая оценка: Дарий явно не был невеждой в военном деле. Когда враг вторгся на его землю, он возглавил решительную и гибкую, хотя и не всегда поспевавшую за тактикой противника, оборону своего царства.

К несчастью для Дария, судьба вывела его на историческую сцену в то время, когда над ней взошла звезда гениального полководца, сокрушавшего все на своем пути и не щадившего врагов, а иногда и друзей. Таким образом, хотя Дарий заслужил место в гробнице рядом со своими предками, гордыми царями Персидской империи, но в понимании Александра он не заслуживал своей участи. Если обратиться к словам самого Дария после битвы при Иссе, все случилось так, как если бы некое божество пожелало этого.

НОВАЯ «ВОЙНА ВОЗМЕЗДИЯ»

После убийства Дария, последнего царя династии Ахеменидов, Александр назначил парфянина Амминапа сатрапом Парфии и Гиркании и сделал его соправителем одного из «товарищей царя» по имени Глептолем. Александр не изменил своему обычаю назначать верного македонского командира для надзора над наместниками, выбираемого из числа местных жителей.

Узнав о смерти Дария, воины Александра ожидали скорого возвращения домой. Мысленно они уже обнимали жен и детей, давно оставленных на родине. Македонский «крестовый поход» закончился и все его цели были достигнуты.

Однако их предводитель, как обычно, придерживался иного мнения. Собрав своих воинов, Александр указал на то, что Набарзан до сих пор удерживает Гирканию, что убийца Бесс не только оккупирует Бактрию, но и угрожает македонянам, и что большая часть восточных сатрапий и союзников Персии остаются независимыми. Если македоняне повернут назад, то им нанесут удар в спину. Насколько более покорными будут персы, когда они поймут, что македоняне вели справедливую войну и что их гнев обрушился на убийцу и клятвопреступника Бесса, а не на весь персидский народ?

Иными словами, война больше не была кампанией национального возмездия за историческую несправедливость. Александр и македоняне собирались отомстить за Дария, чтобы Александр по праву мог стать царем всех народов, над которыми некогда властвовал Дарий.

Воодушевленные этой речью солдаты с энтузиазмом приветствовали Александра и прокричали, что готовы повсюду следовать за царем. Когда Александр сплотил своих людей, он вознаграждал за службу союзные войска из городов Греции и освободил их от военных обязанностей. Каждому всаднику выдали по одному таланту, а каждый пехотинец получил по 10 мин. Эта награда означает, что цель панэллинистического военного союза, с точки зрения Александра, была достигнута, но воинам, которым предстояло остаться с ним отомстить за Дария и завоевать все его прежние владения, Александр также дополнительно выплатил по три таланта.

В сущности, Александр отпустил своих греческих союзников лишь для того, чтобы снова завербовать значительную их часть себе на службу в новой войне возмездия и завоевания, но сомнительно, чтобы кто-либо из солдат, последовавших его призыву, мог представить, что следую-

щий этап военной кампании продлится шесть долгих лет и что Александр собирается привести их на самый край введомой земли.

ЦАРИЦА АМАЗОНОК

Примерно в это время Александра предположительно посетила Фалестрида, царица амазонок. В сопровождении 300 других женщин она провела в пути более месяца, чтобы встретиться с молодым царем. Утверждается, что ее необычный вид и цель визита вызвали общее изумление; она была очень странно одета для женщины и объявила, что хочет иметь ребенка от царя. По разным сведениям, Александр отложил свой поход на срок от 13 до 30 дней, чтобы удовлетворить желание царицы, и расстался с ней лишь после того, как она решила, что забеременела.

Большинство современных историков отвергают эту историю как вымысел, но ее главные элементы имеются в повествованиях Диодора, Курция, Юстина и Плутарха. Даже обычно скептический Арриан сообщает, что скифский царь предложил Александру руку своей дочери. Возможно, что где-то на границе Гиркании Александр оставил своего курчавого отпрыска среди одногрудых скифских воительниц.

ПЕРВЫЕ МАНЕВРЫ

Хорошо отдохнув и расставшись с мифологической царицей, Александр повел македонцев по следу убийц Дария. Разделив свое войско на три части, он повел главный отряд самой трудной дорогой, через отроги горы Эльбрус к гирканской столице Задракартам (возможно, современный Сари).

По пути к нему явился Набарзан, командир конницы Дария, и Фратаферн, бывший сатрап Парфии и Гиркании, вместе с другими знатными персами из свиты Дария. Все они сдались на милость Александра. Автофардат, сатрап Тапурии, также предпочел сдаться и был возвращен на

свой пост. Артабаз, отказавшийся предать Дария, позднее тоже явился к Александру с тремя сыновьями, и его встретили почетом и уважением. Представителям греческих наемников, которые пришли к нему торговаться об условиях капитуляции, Александр дал резкий ответ: «Он не заключит с ними никакого соглашения, потому что, воюя вместе с варварами против Эллады, они нанесли ей великую обиду и нарушили постановление эллинов». Им было приказано сдаться на милость Александра или искать спасения. Всего этих греческих наемников насчитывалось около 1500 человек, и Александр послал к ним Артабаза и Андроника, чтобы сообщить свои условия.

Затем Александр предпринял пятидневную карательную экспедицию против воинственных мардов, быстро отступивших из ущелий в свои гористые твердыни. Тех, кто сдался, назначили под власть Автофрадата, сатрапа Тапурии.

ПОХИЩЕНИЕ БУЦЕФАЛА

Пока Александр опустошал горные селения, некоторые из местных жителей предприняли внезапную атаку на царских конюхов, отделившись от остального войска, и увели Буцефала, любимого коня Александра. Завоеванный и прирученный Александром после знаменитого спора с его отцом, Буцефал сопровождал Александра во всех его главных сражениях, и когда его накрывали чепраком, не позволял никому, кроме хозяина, оседлывать себя. Конь и всадник были почти неразлучны.

После Гефестиона и, может быть, его матери, у Александра на земле не было живого существа, которое он любил бы больше, чем своего фессалийского коня. Он был так разъярен похищением Буцефала, что приказал рубить леса и через переводчиков объявил местным жителям, что если коня не вернут, то они «увидят свою землю вконец опустошенной, население же будет перебито до одного человека». Когда он начал исполнять эти угрозы, ему немедленно вернули Буцефала вместе с богатыми дарами и еще отправили 50 человек просить прощения. Впо-

следствии, когда Буцефал умер от старости и изнеможения после битвы при Гидаспе, Александр назвал в его честь целый город.

НАЕМНИКИ, ПОСЛЫ И МЯТЕЖНИКИ

Вернувшись в свой лагерь, Александр обнаружил, что наемники, которым он велел сдать ся или искать спасения, ждут его указаний. Тех, кто поступил на службу к Дарию до учреждения панэллинистического союза в 337 г. до н. э., распустили по домам. Тем, кто перешел на сторону Дария после ассамблеи в Коринфе, приказали служить Александру за такое же жалованье. Кажущееся противоречие между сравнительно мягким отношением Александра к этим наемникам и его отказом принять капитуляцию большинства греческих наемников в битве при Гранике легко объяснить. Сражение при Гранике произошло в начале войны, когда ее руководящий принцип действовал в полную силу. После смерти Дария в нем уже не было необходимости, зато Александр нуждался в опытных солдатах для своей новой военной кампании. Его решение принять на службу некоторых из уцелевших греческих наемников Дария не было ни предательством принцепа, ни следствием внезапного порыва. Он руководствовался исключительно собственными интересами и насущными потребностями.

Личный интерес также объясняет отношение Александра к некоторым послам, направленным к Дарию из Спарты и Афин, которые теперь попали в его руки. Они слишком поздно узнали о смерти Дария и теперь расплачивались за свою неосторожность. Эти представители главного противника Александра в Греции и его наименее энергичного союзника были помещены под арест, что представляется вполне благоразумной мерой в то время, когда Александр считал, что война со Спартой все еще находится в полном разгаре. Послы из небольшого города Синопа на побережье Черного моря (не являвшегося членом Коринфского союза), тоже захваченные в плен по пути к Дарию, были отпущены, потому что Си-

ноп, «находясь под властью персов, не совершил ничего неподобающего, послав посольство к своему царю». Разобравшись с этими делами, Александр вернулся в Задракарты, крупнейший город Гиркании, где оставался в течение пятнадцати дней августа 330 г. до н. э. Там он принес жертвы богам и устроил празднества с атлетическими состязаниями. В течение какого-то времени казалось, что он получил признание в качестве нового правителя как от тех, кто участвовал в убийстве Дария, так и от тех, кто отказался принимать участие в этом, но на свободе еще оставался Бесс, представлявший значительную угрозу для нового порядка, поэтому Александр сначала направился в Парфию, а оттуда к границам Арии. В городе Сузия (около современного Мешхеда) к нему явился Сатибарзан, получивший подтверждение своей должности сатрапа ариев. Александр послал вместе с ним Анаксиппа, одного из «товарищей царя», которому дал 40 всадников копейщиков.

Вскоре к Александру пришли некие персы, сообщившие ему, что Бесс носит «высокую тиару и царскую столу», называет себя Артаксерксом, а не Бессом, и провозгласил себя царем Азии. К нему примкнули персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он ожидает прибытия союзников из Скифии. Это был открытый вызов.

ПОВОРОТ К ВОСТОЧНЫМ ОБЫЧАЯМ

Александр немедленно выступил в Бактрию со всем своим войском, к которому присоединилась конница наемников, фессалийские добровольцы и союзные отряды. Незадолго до этого, согласно некоторым античным авторам, его вкусы изменились, и «ему начала нравиться персидская изнеженность и роскошь азиатских царей».

Сначала Александр завел во дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал наиболее знатных персов своими телохранителями, включая Оксафра, брата Дария. Потом он надел персидскую диадему и белый хитон, подпоясался персидским кушаком и обзавелся прочими принадлежностями персидско-

го наряда, за исключением штанов и верхней одежды с длинными рукавами. Он дал «товарищам царя» плащи с багряной каймой и надел на их лошадей персидскую сбрую. По примеру Дария он окружил себя наложницами, которых было не меньше, чем дней в году, отличавшихся своей красотой, так как они были выбраны из всех азиатских женщин. Каждую ночь они становились вокруг царского ложа, чтобы он мог выбрать ту, которая проведет с ним ночь.

Курций Руф и другие античные авторы представляют эту новую склонность Александра к персидским нарядам и обычаям как понятную склонность к роскоши и излишествам. Но поступки Александра могут иметь и другое объяснение.

Известие о том, что Бесс носит тиару персидских цариц и объявил себя царем Азии, создавало сложные военные, политические и культурные проблемы для Александра. Самым простым представлялось решение военной проблемы: Бесса нужно было найти и убить.

Политические и культурные проблемы были гораздо более сложными. Если Александр действительно являлся царем Азии, которым он себя объявил, то он должен был поступать в соответствии с азиатскими традициями царствования. Он должен был одеваться как персидский царь и перенять по крайней мере некоторые обычаи, принятые при персидском дворе. Это помогало ему легитимизировать свою власть над Персидской империей. Иными словами, для того чтобы быть царем, Александр должен был играть роль царя.

К сожалению, чем более реалистичным было его представление, тем больше становился риск отчуждения от македонских ветеранов, которых он убеждал сражаться с персами, уничижительно называя последних «варварами», а также женственными и изнеженными людьми. Теперь Александр неожиданно стал предметом собственных насмешек. Он становился «варваром».

Хотя ветераны, служившие еще при Филипе, проявляли неприкрытое отвращение к персидским излишествам и усвоению чужеземных обычаев, на этом этапе Алек-

сандр не столкнулся с открытым противодействием. Сопротивление его политике началось позже, после ряда неудач, отрицательно сказавшихся на боевом духе солдат. Армия вторглась в Бактрию, преследуя Бесса и умиротворяя все территории, которые по крайней мере формально находились под персидским владычеством. В это время скоропостижно скончался Никанор, сын Пармениона и командир гипаспистов. Из-за недостатка провианта Александр не мог задержать главную армию и лично устроить похороны. Филот, брат Никанора, с отрядом в 2600 воинов остался для того, чтобы по всем правилам провести обряд погребения, в то время как Александр поспешил вслед за Бессом.

Когда Александр находился в пути, пришли новые плохие вести: Сатибарзан убил Анаксиппа и 40 копейщиков, оставшихся вместе с ним. Он вооружал ариев, сосредоточивавших силы в Артакоане (на границе современного Афганистана), и решил присоединиться к Бессу, чтобы напасть на македонцев при любой удобной возможности. Стан мятежников получил неожиданное пополнение.

Александр, оставивший Кратера командовать войсками на месте, за два дня прошел 75 миль до Артакоаны вместе с гетайрами, всадниками-копейщиками, агрианами и отрядами Кена и Аминты. Однако к тому времени, когда они достигли Артакоаны, Сатибарзан уже бежал отсюда. Убив и обратив в рабство всех тех, кого он счел причастными к мятежу, Александр назначил нового наместника в Арии.

Кратер со своими войсками присоединился к Александру, который пошел на дранганскую столицу Фраду (современный Фарах в западном Афганистане). Этот регион находился под властью Барсаента, одного из заговорщиков, смертельно ранивших Дария. Когда Барсаент узнал о приближении Александра, он бежал к индам, жившим к западу от реки Инд, но они арестовали его и вернули Александру, который казнил его за предательство Дария. Одна проблема была решена, но вскоре Александру предстояло встретиться с гораздо более губительной угрозой.

Упреждающий удар

ЗАГОВОР ЛИМНА

В октябре 330 г. до н. э. Александр узнал о заговоре с целью покушения на его жизнь. Раскрытие заговора и его расследование привело к смерти нескольких самых высокопоставленных полководцев македонской армии, включая Филота, командовавшего конницей «товарищей царя», и его отца Пармениона. До сих пор историки обсуждают, принимал ли Филот непосредственное участие в заговоре. Некоторые полагают, что сам Александр устроил заговор против Филота и Пармениона, чтобы избавиться от могущественных военачальников, тесно связанных с его отцом Филипом.

Хотя об этом эпизоде сообщают все главные источники, Курций Руф, живший в эпоху ранней Римской империи, дает наиболее полное описание, вместе с речами Кратера (командовавшего левым крылом фаланги в битве при Иссе и Гавгамелах), Александра, Филота и Аминты. При чтении Курция не следует забывать о том, что он писал свою историю жизни Александра в то время, когда на римской политической сцене часто происходили жестокие судилища над «изменниками».

Согласно Курцию, некий Лимн, человек знатного происхождения, но не имевший заметного влияния в армии, сообщил своему молодому другу Никомаху о заговоре с целью убийства Александра. Убийство должно было состояться через два дня. Лимн также раскрыл собственное участие в заговоре наряду с «храбрыми и достойными людьми».

Под давлением Никомаха Лимн назвал имена заговорщиков: Деметрий, один из личных телохранителей Александра, Певколай, Никанор (не сын Пармениона), Афробет, Иолай, Диоксен, Архепол и Аминта (не тот Аминта, который командовал фалангой).

Вскоре Никомах передал эти сведения своему брату Кебалину. Встревоженный, тот немедленно решил поставить царя в известность о происходящем, однако его не допустили к царю. Тогда Кебалин рассказал свою историю Филоту и настоятельно попросил без отсрочки передать ее Александру.

Но Филот ничего не сказал Александру. На следующий день Кебалин обратился к нему с такой же просьбой. Филот ответил, что позаботится об этом, но так и не сообщил царю о заговоре против него. Потеряв терпение, Кебалин рассказал о заговоре молодому вельможе по имени Метрон, который заведовал царской оружейной. Метрон спрятал его среди щитов и мечей. Когда Александр зашел в оружейную, Кебалин предстал перед ним и наконец поведал царю о заговоре. Сразу же были отправлены стражники для того, чтобы арестовать Лимна, но он покончил жизнь самоубийством или, по другим источникам, был убит при аресте.

Затем Александр вызвал Филота в свою палатку и спросил, почему тот не сообщил о том, что узнал от Кебалина. По словам Филота, он боялся, что, сообщив о слухах, распространяемых незрелым юнцом (Никомахом) и его любовником (Лимном), он станет предметом насмешек.

Александр провел совещание со своими ближайшими соратниками, включая Кратера, которому Никомах был вынужден повторить свою историю. Кратер, который, возможно, имел враждебные отношения с Никомахом из-за

их соперничества в продвижении по службе, якобы сказал, что «хотя Филот всегда может строить заговоры против Александра, царь не всегда сможет прощать Филота».

Другие товарищи Александра высказали мнение, что Филот не стал бы скрывать существование заговора, если бы сам не был одним из его лидеров или хотя бы соучастником; любой верный солдат должен был тотчас же явиться в царю, услышав подобные новости. По единогласному решению Филота следовало допросить под пыткой, чтобы он назвал имена соучастников преступления.

У всех входов в лагерь были поставлены всадники с приказом перекрыть дороги, чтобы никто не мог тайно ускользнуть к Пармениону, отцу Филота, который в то время был наместником Мидии и командовал сильным войском. Когда Филота в оковах привели к Александру, он якобы сказал: «О царь, ненависть моих врагов восторжествовала над твоей добротой».

СУД НАД ФИЛОТОМ

На следующий день Филота подвергли суду в присутствии 6000 солдат. В соответствии с традиционной македонской процедурой царь выступал в роли обвинителя. Тело Лимна выставили на всеобщее обозрение. Александр заочно обвинил Пармениона как главного заговорщика и выступил с обвинениями против Филота, названного сообщником, который подбил Певколая, Деметрия и Лимна на убийство царя. Молчание Филота о существовании заговора открывало его преступные намерения.

Арриан, чьим источником был Птолемей, который в то время находился во Фраде, говорит о том, что это было главным доказательством вины Филота: он признал, что слышал о существовании заговора против Александра, но ничего не сказал об этом несмотря на то, что дважды в день посещал палатку царя.

Александр также показал письмо, написанное Парменионом его сыновьям Никанору и Филоту, где тот советовал им беречь себя и своих людей, поскольку так они

могли достигнуть своей цели. По замечанию Курция, в письме не содержалось доказательств опасного заговора.

Обвинения Александра были подкреплены речами Аминты, сына Андромена, и Кена, который обвинил своего шурина Филота в предательстве царя, страны и армии.

В свою защиту Филот указал, что Лимн не упоминал его имени в числе заговорщиков. Его молчание о заговоре объяснялось тем, что он считал услышанное пустыми слухами, возникшими из-за ссоры между двумя любовниками.

Затем выступил один из младших командиров по имени Болон, который напомнил армии о высокомерных манерах Филота, его богатстве и несогласии с божественным происхождением Александра. Речь Болона взволновала собравшихся, и суд был перенесен на следующий день. Однако ночью под пытками, которыми руководил Кратер, Филот признал участие Пармениона в заговоре с целью убийства Александра. Этот заговор якобы был составлен после поражения Дария, но не имел отношения к заговору Лимна. За спиной Пармениона стоял некий Гегелох, внучатый племянник Аттала, который возражал против того, что Александр называл Зевса своим отцом.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

На следующий день признание Филота было зачитано перед собравшимися. Телохранитель Деметрий, сохранивший уверенный вид, стал энергично защищаться. Филот, больше не способный ходить, но способный говорить и обвинять других, указал на некоего Калиса, который на месте признался в том, что он с Деметрием замыслил преступление. По условному сигналу всех, названных Никомахом, побили камнями до смерти в соответствии с македонскими обычаями.

Однако со смертью Филота дело не закончилось. Примерно в это время Александра из рода Линкестидов тоже судили за предательство. Выживший, несмотря на улики против него, когда двух его братьев казнили за участие в

убийстве Филипа, он был обвинен в заговоре против царя, но в течение трех лет содержался под стражей.

Приговор по его делу был отсрочен из-за его связи с Антигоном (или Антипатром у Курция), но теперь его вывели перед македонцами и казнили, «так как он не мог оправдаться». Аминту, сына Андромена, и его братьев Полемона, Атгала и Симмия тоже привлекли к суду на основании их близости к Филоту. Большинство людей склонялись к их виновности, особенно потому, что Полемон бежал при известии об аресте Филота, но Аминта решительно защищался перед македонянами, и с него (как и с его братьев) были сняты все обвинения. В тот же день он ушел и привел Полемона. Вскоре при осаде какого-то селения Аминта был ранен стрелой и умер. По словам Арриана, «оправдание не принесло ему ничего, кроме доброго имени» (его младшие братья пережили царствование Александра).

Теперь Александру предстояло разобраться с Парменионом. Полидаму, другу Пармениона, который был одним из гонцов, отправленных полководцем к Александру во время битвы при Гавгамелах, было приказано поспешить в Экбатаны на дромадере вместе с двумя арабами-проводниками. Он вез письмо от Александра, адресованное Клеандру (командир наемников и брат Кена), Ситалку и Мениду. Кроме того, было отправлено два письма к Пармениону: одно настоящее от Александра, а второе подложное, от уже мертвого Филота. После того как Парменион прочитал письмо от Александра и обратился к фальшивому письму от своего сына, Клеандр и его товарищи закололи полководца копьями. В письме, адресованном Клеандру, Ситалку и Мениду, Александр сообщил им о заговоре и приказал убить Пармениона.

Тех, кто впоследствии выражал сожаление о гибели Пармениона или посылал домой письма с критикой в адрес царя, Александр собрал в одном отряде под названием «отряд беспорядочных» (*ataktion tagma*). Кроме того, гетайров разделили на две части, а Гефестиона и Клита назначили *гинпархами* (командирами конницы) этих двух

соединений. Фрада, где царь раскрыл заговор и казнил заговорщиков, была переименована в Профтасию (от греческого «предварять» или «упреждать»).

ГИБЕЛЬ ФИЛОТА И ПАРМЕНИОНА

История о заговоре и о казни Филота и Пармениона имела далеко идущие последствия. Некоторые историки пришли к выводу о существовании настоящего заговора с целью убийства Александра. Они считали, что Филот участвовал в заговоре и что убийство Пармениона было жестоким и несправедливым, но необходимым следствием причастности его сына к преступлению.

Другие, не сомневаясь в наличии заговора, тем не менее утверждали, что нет никаких свидетельств участия Филота в заговоре, составленном Деметрием и Калесом. Никомах и Кебалин не называли его в числе заговорщиков, а сам он под пытками оговорил себя и своего отца. Действительно, некоторые современные историки полагают, что весь этот эпизод был хитроумным заговором, составленным самим Александром для того, чтобы избавиться от Филота и особенно от Пармениона, которого царь хотел сместить, поскольку считал, что пожилой военачальник объединяет вокруг себя недовольных его склонностью перенимать персидские обычаи.

Тем не менее самоубийство Лимна (или его смерть при сопротивлении аресту) является весомым свидетельством заговора против Александра осенью 330 г. до н. э. То обстоятельство, что Деметрий, один из личных телохранителей царя, входил в число заговорщиков, указывает на большую опасность для жизни Александра. Деметрий почти постоянно находился рядом с царем и имел много возможностей убить его. Вряд ли Александр мог забыть, что его собственный отец Филип пал от руки другого телохранителя (Павсания).

Более того, согласно Курцию Руфу, Кебалин рассказал Филоту то, что он узнал о заговоре от своего брата Никомаха. Весьма вероятно, что эти сведения включали информацию о том, что Деметрий был одним из заговор-

щиков. Хотя у нас нет свидетельств прямого участия Фило-та в преступном сговоре, его нежелание сообщить о том, что один из телохранителей Александра собирается убить царя, следует рассматривать как нечто большее, чем «пассивную нелояльность». Это было предательство.

Если младший офицер в армии США сообщает о существовании заговора с целью убийства президента — заговора, к которому причастен один из членов президентской службы охраны, — представителю Объединенного комитета начальников штабов и этот высокопоставленный военный не доводит этот факт до сведения президента немедленно и в полном объеме, то он должен быть отстранен от командования и предан военно-полевому суду. Поэтому Филот был арестован, осужден и казнен согласно традиционной македонской процедуре и военному закону за предательское нежелание раскрыть Александру важные сведения, связанные с безопасностью царя.

МЕСТЬ АТТАЛА

Убийство Пармениона было ужасным и печальным следствием предательства его сына. Парменион был единственным старшим полководцем Александра, причастным к победам при Гранике, Иссе и Гавгамелах не меньше, чем сам Александр. Если бы Парменион и фессалийская конница, находившаяся под его командованием, не сражались с такой отвагой в этих трех главных битвах против лучшей персидской конницы, у Александра не было бы возможности наносить стремительные удары, решавшие исход битвы.

Александр и более молодые македонские военачальники были многим обязаны Пармениону. В определенном смысле он был вторым отцом Александра и определенно являлся «крестным отцом» его великих побед. Из всех македонян он один мог сдерживать порывистый нрав Александра и не раз делал это.

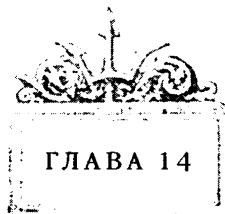
Но убийство Пармениона после казни Фило-та не доказывает, что Александр заранее строил планы против Фило-та и Пармениона, не говоря уже о предположении,

будто он сочинил всю историю о заговоре Лимна с целью погубить Филота. Даже если бы он подстроил хитроумную ловушку для командира своей конницы, он не мог знать, что Филот сразу же не расскажет ему о заговоре с целью убийства царя. В этом случае Филот стал бы героем, предупредившим царя о готовящемся покушении на его жизнь.

Александр не строил заговор против Филота или Пармениона, убийства которого нельзя было избежать после казни Филота. В Экбатанах Парменион командовал по меньшей мере 5600 греческими наемниками и имел в своем распоряжении несметные сокровища. Вероятность того, что Парменион согласился бы с решением македонского воинского собрания, обвинившего его сына в измене, была ничтожно мала. Александр не мог спокойно продолжать погоню за Бессом в Афганистане, пока живой Парменион оставался у него за спиной.

Парменион определенно не заслуживал смерти, тем более от рук старых боевых товарищей, передавших ему подложное письмо от сына, которого в тот момент уже не было в живых. Было бы гораздо более справедливо, если бы старый воин погиб в бою от ран, нанесенных противником. Единственным доказательством участия Пармениона в заговоре против Александра было признание его сына, добытое под пытками. Но прежде чем осуждать Александра за убийство Пармениона, мы должны напомнить себе, что, если бы не преданность и настойчивость Кебалина, гибель постигла бы не его, а самого Александра.

Во Фраде Александру пришлось выбирать между собственной безопасностью и жизнью Пармениона — точно так же, как Пармениону некогда пришлось делать выбор между спасением Аттала и собственной жизнью. Возможно, находясь под влиянием своих друзей и командиров, завидовавших Пармениону, Александр сделал такой же выбор, как и Парменион в 334 г. до н. э. И может быть, тень Аттала, где бы она ни находилась, испытала мстительное удовлетворение, увидев невинно пролитую кровь Пармениона.

Убийство Бранхидов

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ГИНДУКУШ

Покинув Фраду, переименованную в Профтасию, Александр двинулся на юг в богатые земли аримаспов, где армия оставалась в течение двух месяцев. Он щедро награждал аримаспов (также называемых «благодетелями») за их выдающуюся преданность Киру Великому. Убедившись в том, что они «блюдут справедливость», Александр даровал им свободу и расширил их территорию за счет соседних земель, однако это не помешало ему назначить наместника, чтобы управлять ими, а также соседними племенами гадросиев.

Александр получил тревожное известие о том, что Сатибарзан, вернувшийся в Арию из Бактрии с большим конным войском, подстрекает местное население к мятежу. Подавить бунт было приказано Артабазу, а также «товарищам царя» Эригию, Карану и Андронику; Фратаферн, сатрап Парфии, получил указание вместе с ними «ударить на ариев». Как обычно, Александр заботился об укреплении своих тылов перед достижением главной цели.

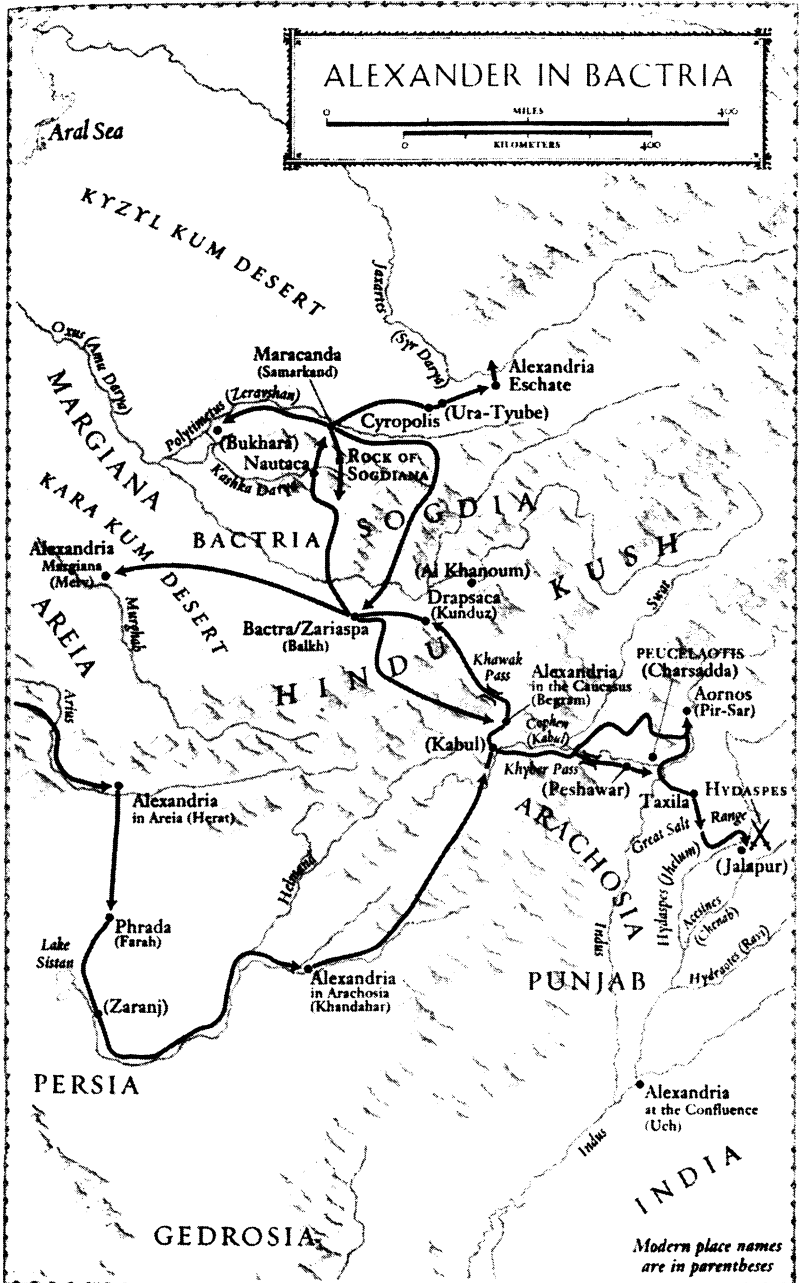
Весной 329 г. до н. э. войска под командованием Эригия и Карана дали Сатибарзану и мятежникам жестокий бой, исход которого был предрешен, когда Эригий убил

Сатибарзана копьем в рукопашной схватке. Лишь после этого мятежники разбежались в разные стороны. Убеленный сединами Эригий, старый друг Александра, впоследствии лично показал царю отрубленную голову Сатибарзана.

К тому времени Александр вторгся на территорию Арахосии — региона, расположенного на территории современного Кандагара. Там в декабре 330 г. до н. э. к нему присоединилась армия, ранее находившаяся под командованием Пармениона, состоявшая из 6000 македонян и примерно 5600 греков. Александр не встретил значительного сопротивления и, как обычно, назначил в Арахосии сатрапа и оставил там гарнизон из 4000 пехотинцев и 600 всадников.

Затем Александр со своей армией вступил в земли Паратамиса, центральная часть которых располагалась в Кабульской долине на территории современного Афганистана. Здесь, помимо общей усталости и нехватки провианта, македоняне столкнулись с крайне неблагоприятными природными условиями (в районе современного Кабула температура колеблется от — 6 до 101 градуса по Фаренгейту, а перепад температур за одни сутки может достигать 50 градусов). Как и многие, кто вторгался в Афганистан после них, македоняне не меньше страдали от стихии, чем от набегов местных племен. Они находились на грани отчаяния и смогли найти облегчение лишь после того, как достигли более плодородной местности, где наконец смогли пополнить запасы провизии.

У подножия горы, где, по преданию, был прикован Прометей, нарушивший волю Зевса (возможно, расположенной в окрестностях современного Баграма), Александр основал новый город — Александрию Кавказскую, где он поселил 7000 местных жителей и 3000 обозников, а также других добровольцев из числа наемников. Это было еще одно из основанных им поселений со смешанным этническим составом. После совершения традиционных жертвоприношений армия пересекла «Кавказские горы» (хребет Гиндукуш) за 17 дней весны 329 г. до н. э.

Переправа через Гиндукуш с большой армией в любое время года и при любых погодных условиях представляет собой сложную задачу в области логистики, но весенняя переправа через покрытые снегами горные перевалы, достигающие высоты 10 000 футов, была настоящим чудом лидерства, выносливости и решимости. По свидетельству некоторых авторов, Бесс был утрашен той скоростью, с которой Александр и македоняне преследовали его.

Несмотря на неблагоприятные погодные условия и попытки Бесса замедлить продвижение Александра, опускающаяся местность на его пути, македонская армия дошла до Драпсака (современный Кундуз в северном Афганистане) в Бактрии, где Бесс надел персидскую царскую тиару и пытался собрать армию.

Несмотря на все усилия, численность конницы Бесса не превышала 7000 — 8000 человек. В результате он был вынужден отступить через реку Окс (Амударья), где планировал продолжить сопротивление методами партизанской войны. Его сопровождали Спитамен и Оксиарт с согдийскими всадниками, а также даи с Танаиса (современный Дон). Но бактрийские всадники рассеялись, когда узнали, что Бесс решил бежать. Это позволило Александру без боя занять главные города Бактрии, и Артабаз был назначен наместником этого региона.

В погоне за Бессом Александр подошел к реке Окс после трудного сорокамильного перехода через пустыню под палящим летним солнцем. Армия переправилась через реку, которая здесь была около полумили шириной, а также глубокой и с быстрым течением, на плотках, сделанных из шкур, набитых сухой травой. Эта переправа продолжалась пять дней.

УБИЙСТВО БРАНХИДОВ

На другой стороне реки македоняне обнаружили поселение, где жили так называемые Бранхиды, потомки жрецов и служителей оракула Аполлона в окрестностях греческого города Милеты в Малой Азии. В 479 г. до н. э. Ксеркс разрушил храм и потребовал от Бранхидов выдать ему со-

кровища храма; Бранхиды подчинились, а затем последовали за Ксерксом в Персию. В конце концов они поселились в этой далекой восточной сатрапии, где могли продолжать свое существование на границе Персидской империи, не опасаясь мести со стороны греков.

Многие греки считали, что Бранхиды в 479 г. до н. э. покрыли свой род позором и совершили предательство. Жители Милет, чей город был стерт персами с лица Земли, имели особенно большие претензии к Бранхидам. Александр с самого начала оставил решение этого вопроса на усмотрение уроженцев Милет, служивших в его армии. Однако когда их мнения разделились, он вынес свой вердикт: городок должен быть разграблен, так как он послужил убежищем для изменников. Взрослых мужчин следует истребить всех до единого, а женщин и детей продать в рабство.

Решение об убийстве мужчин этого несчастного селения было принято лично Александром, и не в порыве гнева, а после дискуссии. Почему он решил истребить Бранхидов и как сопоставить это решение с поступками человека, который не раз проявлял образцовое милосердие по отношению к военнопленным?

Ответ следует искать в самой природе преступления, якобы совершенного Бранхидами. Не пытаясь оправдать решение Александра, мы должны помнить о том, что война с Персией была предпринята как возмездие за святотатство, совершенное Ксерксом в Греции. С точки зрения Александра и многих греков, Бранхиды были соучастниками этих святотатств и преступлений, более того, согласно греческой религиозной традиции преступления против богов, совершенные отцами, ложились на их детей и потомков. Именно поэтому Александр мог принять жестокое решение стереть «скверну» с лица Земли.

СМЕРТЬ БЕССА

Спустя некоторое время после истребления Бранхидов Спитамен и Датаферн направили из Согдианы послание, адресованное Александру, в котором говорилось, если он

пошлет им хотя бы небольшой отряд во главе с начальником, то они схватят Бесса и передадут его Александру. Александр немедленно отрядил к ним Птолемея во главе передового отряда. Когда отряд подошел к деревне, где удерживали Бесса, Спитамен и его люди покинули ее. Тем не менее Бесс попал в руки Птолемея, который передал его Александру. По приказу царя Бесса раздели догола, нацепили на него собачий ошейник и поставили рядом с дорогой, по которой Александр должен был пройти вместе с войском.

Увидев Бесса, Александр остановил свою колесницу и спросил его, почему он так постыдно обошелся с Дарием — своим царем, родственником и благодетелем, — которого он схватил, держал в оковах, а потом и убил. Бесс якобы ответил, что решение принимал не он один, а вся свита Дария, рассчитывая таким образом завоевать благосклонность Александра и спасти свою жизнь.

В ответ Александр приказал бичевать Бесса, а глашатай после каждого удара выкрикивал те обвинения, которые он предъявил Бессу во время допроса. После этого унижительного наказания Бесса отправили на казнь в Бактрию. В конце концов Бесса передали Оксафру, брату Дария, который распял его на кресте. Бессу отрезали уши и нос, а затем расстреляли из луков; это было традиционное персидское наказание для мятежников.

Самый деятельный и опасный из убийц Дария попал в плен и ждал ужасного наказания за цареубийство. Александру оставалось утвердить свою власть над дальними восточными окраинами Азиатской империи. В Бактрии он показал себя неустанным, быстрым и временами безжалостным охотником. Вскоре даже кочевники, обитавшие по другую сторону Окса, трепетали при звуках его имени.

ГЛАВА 15

Гнев Диониса

РАСТУЩЕЕ НЕДОВОЛЬСТВО

Все персидские вельможи, принимавшие участие в предательстве и убийстве Дария, были схвачены (Набарзан), казнены (Барсаент) или ожидали казни (Бесс), но националистический мятеж был еще не подавлен. Хотя Сатибарзан, предводитель второго мятежа в Арии, пал от руки Эригия, Спитамен и Датаферн все еще сохраняли влияние, и вскоре большинство согдиан, некоторые бактрийцы и даже скифы из неразведанных степей на севере восстали против Александра.

Ему понадобилось около двух лет, чтобы сокрушить их; при этом Александр был вынужден адаптировать свою боевую тактику к действиям противников из кочевых племен в новой и сложной обстановке. Как обычно, он был готов к тактическим вызовам и впервые в истории использовал катапульты в качестве полевой артиллерии для поддержки своих атак на кочевников. К весне 327 г. до н. э. эти гордые племена, обитавшие за пределами известного мира, были только рады иметь надежную границу между собой и сыном Зевса.

Но «умиротворение» Согдианы повлекло за собой одну тяжелую военную катастрофу. Отчасти эта катастрофа

могла быть следствием национальной политики Александра, включавшей назначение на командные посты людей из разных этнических групп. Противодействие этой политике осенью 328 г. до н. э. привело к яростному и нелепому противостоянию в Мараканде (Самарканд в современном Узбекистане) между Александром и Клитом — возможно, лучшим военачальником из оставшихся в македонской армии.

В конце этого трудного периода Александр впервые женился на юной уроженке Бактрии, чье имя Роксана по-персидски означало «звездочка». Женитьба Александра на дочери знатного бактрийца соответствовала его тенденции к восприятию восточных традиций и вполне могла рассматриваться как поступок, продиктованный государственными интересами. Однако более вероятно, что Александр решил преломить хлеб со своим бактрийским тестем (определяющий ритуал в македонской брачной церемонии), поддавшись менее расчетливому, но более сильному побуждению: страстному желанию обладать красивой молодой женщиной.

АЛЕКСАНДРИЯ ДАЛЬНЯЯ

Избавившись от Бесса, Александр пошел в бактрийскую столицу Мараканд. Во время штурма горного убежища местных жителей, убивших нескольких македонских фуражиров, Александр был ранен в ногу стрелой, отколовшей часть кости. Несмотря на это, он захватил вражеские позиции; из 30 000 горцев уцелело не более 8000.

Затем Александр двинулся к реке, которую местные жители называли Орксантом (современная Сырдарья), с другой стороны, македоняне считали, что это европейская река, которую они называли Танаисом (современный Дон). Такое любопытное отождествление было основано на представлениях греков того времени о географии Восточной Азии. Аристотель утверждал, что истоки Орксанта находятся на хребте Гиндукуш, а одна из его ветвей становится европейским Танаисом. Некоторые по-

лагали, что Танаис образует границу между Европой и Азией, степи к северу от Танаиса находились на краю обитаемого мира.

На самом деле Сырдарья, конечно, не находилась на границе между Европой и Азией, но эта ошибка имела важные последствия. Осенью 329 г. до н. э. Александр вполне мог поверить, что он подошел к границе между Европой и Азией, и рассматривать реку Орксант как северо-восточную границу своей империи.

Пока Александр лечил раненую ногу, к нему явилось посольство от абриев и европейских скифов. Он заключил пакт о дружбе с последними, но не попытался ввести эти народы в число своих подданных. Это решение подтверждает, что Александр действительно считал реку Орксант границей своей империи — во всяком случае на ближайшее время. Словно в подтверждение этого решения Александр заложил на южном берегу реки новый город, который должен был служить базой для возможного будущего вторжения в Скифию и оборонительным форпостом от набегов кочевых племен, живущих по другую сторону реки. Город назвали Александрия Эсхата, или «Александрия Дальняя». Даже его название означало, что он стоит на пограничном рубеже империи.

Это македонское поселение отождествлялось с современным Кухандом (бывший Ленинабад) в Таджикистане. После сооружения крепостной стены предполагалось заселить его греческими наемниками, представителями местных племен и македонянами, более не пригодными к военной службе.

РЕЗНЯ НА РЕКЕ ПОЛИТИМЕТ

Когда Александрия Дальняя еще находилась на этапе планирования, среди племен, обитавших по берегам Танаиса/Орксанта, главным образом среди жителей Согдианы и некоторых бактрийцев, вспыхнул крупный мятеж. Возможно, его причиной послужил страх перед Александром, так как царь приказал «всем начальникам этой страны»

встретиться с ним в городе Зариаспе (современный Балх в северном Афганистане). Этот приказ мог быть истолкован как доказательство его недобрых намерений.

Сначала Александр усмирил восстание в семи окрестных городах, но при этом сам он был ранен камнем в голову и шею, а Кратер был ранен стрелой при штурме Кирополя (современный Куркат), города, предположительно основанного Киром Великим. Только в Кирополе было истреблено не менее 8000 мятежников.

Но тем временем войско азиатских скифов собралось у Орксанта, и до Александра дошло известие, что Спитамен осадил македонский гарнизон, оставшийся в Мараканде. Александр отправил туда Андромаха, Менедема и Карана, дав им 60 гетайров, 800 конных наемников под командованием Карана и около 1500 наемников-пехотинцев. К этому войску был прикомандирован переводчик Фарнух из Ликии, хорошо знавший местный язык и умевший обращаться с «варварами».

Отрядив войско на помощь Мараканду, Александр занялся укреплением Александрии Дальней и тыловым обеспечением. Во время этих приготовлений скифы, собравшиеся на противоположном берегу реки, дразнили его и кричали, что он не посмеет схватиться с ними, иначе узнает разницу между скифами и азиатскими варварами. Александр проигнорировал два неблагоприятных знамения (которые прорицатель Аристандр истолковал как личную угрозу для его жизни) и совершил карательный рейд на скифов через Орксант. Впервые в военной истории македоняне переправлялись через реку под прикрытием снарядов, выпущенных из катапульт.

Оказавшись на суше, Александр быстро приспособился к тактике окружения, применяемой кочевыми всадниками, и бросил вперед мобильный отряд, состоявший из лучников, агриан, легковооруженных воинов и конницы. Излюбленный прием скифов — проноситься перед вражеским строем, осыпая его стрелами, — оказался бесполезным, так как они подверглись атаке остальной конницы македонян. Около 1000 скифов пало на месте и 150 были

взяты в плен, но дизентерия, вызванная питьем плохой воды во время погони, заставила Александра отказаться от преследования. Фактически его отнесли в лагерь в тяжелом состоянии. Аристандр оказался настоящим пророком, но Александру удалось положить конец нападкам скифов.

Вскоре прибыли скифские послы, возложившие вину за инцидент на «шайки разбойников и грабителей». То, что случилось, по их словам, не было волей всего скифского народа. Их правитель выразил готовность исполнить все указания Александра. В действительности Александр одержал блестящую победу над кочевниками, и их вожди теперь хотели одного: чтобы их оставили в покое.

В Мараканде дела шли гораздо хуже. Спитамен снял осаду при приближении войска, посланного Александром, но во время отступления к нему присоединились еще 600 даев-кочевников из западных сакских степей.

Получив подкрепление, Спитамен стал поджидать своих преследователей. Как только македоняне подошли на близкое расстояние, скифы развернулись и перешли в наступление. Они так сильно теснили македонскую пехоту, осыпая ее стрелами, что последняя была вынуждена перестроиться в оборонительный квадрат и отступить к реке Политимет (совр. Зеравшан).

Каран, командовавший конницей, попытался переправиться через реку, но не сообщил об этом Андромаху. Скифы и всадники Спитамена напали на них, когда они выходили из реки. Македоняне были перебиты стрелами, а немногочисленных пленников вскоре казнили.

Согласно Аристобулу, другому античному автору, македоняне попали в засаду. Скифы спрятались в зарослях и напали на противника в самый разгар схватки. Положение усугубилось тем, что переводчик Фарнух попытался передать командование македонским военачальникам, посланным вместе с ним, под тем предлогом, что «в военном деле он человек несведущий и послан больше для воздействия на варваров, чем для ведения войны».

Андромах, Каран и Менедем отказались принять командование, чтобы избежать ответственности за личное

решение, не упомянутое в приказе Александра. В случае поражения они хотели, чтобы каждый отвечал сам за себя и не мог быть обвинен в плохом командовании всем войском. В результате после скифского нападения спаслось не более 40 всадников и 300 пехотинцев.

Когда Александр узнал об этом поражении, он прошел форсированным маршем 185 миль за три дня вместе с половиной «товарищей царя», щитоносцами, агрианами, лучниками и большей частью пехоты. Прежде всего он хотел свести счеты со Спитаменом, который вернулся для новой осады Мараканда. Когда Александр появился в окрестностях города на рассвете четвертого дня, Спитамен бежал и Александру пришлось выместить свой гнев на местных жителях, присоединившихся к нападению на македонян. Все они были перебиты.

Александр провел большую часть зимы 329 — 328 г. в Зариаспе. Здесь Фратаферн и Стасанор доставили ему в цепях Арсака и Барзана, которого Бесс назначил сатрапом Парфии. Прибыли также подкрепления общей численностью 19 000 человек, включая наемную конницу и пехоту, ликийцев, сирийцев и греков, посланных Антипатром.

Таким образом Александр укрепил свое войско и, как только позволила погода, приступил к усмирению племен, живших в долине реки Окс и в предгорьях Согдианы. К северу от Окса было поставлено шесть военных гарнизонов, служивших опорными пунктами для оккупационных войск, остающихся в Согдиане. Затем Александр снова двинулся к Мараканду, но перед этим отделил от своей армии отряды под командованием Гефестиона, Птолемея, Пердикки, Кена и Артабаза. Эти командиры систематически уничтожали все очаги сопротивления в Согдиане.

СОГДИЙСКАЯ СКАЛА

Во время летней кампании 328 г. Александр захватил Согдийскую Скалу — горную цитадель, поднимавшуюся до высоты 18 000 футов. Здесь под командованием Аримаза

собрались до 30 000 согдийцев. Среди беженцев были Оксиарт, его жена и дочь Роксана. По мнению участников этой военной кампании, Роксана была прекраснейшей женщиной в Азии, за исключением жены Дария.

Александр направил Аримазу требование о капитуляции. Тот ответил вопросом: умеет ли Александр летать? Царь сильно оскорбился и сказал своим друзьям, что следующей ночью варвары поверят, что македоняне действительно умеют летать.

Он отрядил для восхождения на Согдийскую Скалу 300 опытных скалолазов и пообещал 12 талантов первому человеку, который поднимется на вершину. Хотя 30 воинов погибли при восхождении, в конце концов скалолазы поднялись на самую вершину над лагерем Аримаза и сообщили Александру о своем успехе, размахивая платками. Тогда Александр послал к Аримазу глашатая, который указал на македонских воинов, стоявших на вершине, и торжествующе объявил, что в армии Александра нашлись «крылатые люди». Аримаз счел за благо сдаться на милость победителя.

Говорят, что, когда Александр увидел Роксану среди пленников, он сразу же влюбился в нее и решил взять в жены, однако свадьбу пришлось отложить, так как у него еще оставались незаконченные дела в Мараканде.

В конце лета 328 г. Александр вернулся в Мараканд для перегруппировки войск. Здесь к царю пришли послы от европейских скифов и царь хорасмиев (хорезмийцев) по имени Фарасман с предложением дружбы и союза. Александр милостиво обошелся с ними, но предложение Фарасмана стать его проводником, если он захочет покорить различные народы, живущие между скифами и Черным морем, было отклонено; Александр сказал, что теперь его мысли заняты Индией, покорив ее, он вернется в Грецию и соберет экспедицию в Черное море через Гелеспонт и Пропонтиду и уже тогда воспользуется предложением Фарасмана. Итак, уже летом 328 г. до н. э. Александр планировал завоевать Индию.

СМЕРТЬ КЛИТА

К несчастью, Мараканд оказался злополучным городом для Александра и его друзей. После большой охоты, во время которой он убил льва одним ударом, Александр вернулся в Мараканд осенью 328 г. и передал Бактрию под управление Клита, который служил командующим конницей гетайров («товарищей царя») с 330 г. до н. э. Артабаз, ранее управлявший этой провинцией, попросил об отставке в силу преклонного возраста.

Арриан рассказывает, что в день праздника Диониса вместо того, чтобы принести обычные жертвы этому божеству, Александр совершил жертвоприношения в честь Диоскуров — Кастора и Полидевка. Клит, получивший приказ о выступлении на следующий день, был приглашен на один из пиров Александра, которые теперь начинались очень рано и часто затягивались на целый день.

Во время пиршества, сопровождавшегося обильными возлияниями, зашла речь о Диоскурах — в частности, о распространенном мнении, что их отцом следует считать Зевса, а не Тиндара.

Некоторые из присутствующих заявили, что деяния Диоскуров нельзя даже сравнивать с подвигами Александра. Другие не удержались от неблагоприятных сравнений с Гераклом: по их словам, «лишь зависть становится на пути живых и мешает современникам воздать им должный почет».

В этот момент Клит, который уже давно тяготился «растущей склонностью Александра к варварским обычаям», перебил льстивые речи. Он заявил, что не позволит кощунствовать и принижать дела древних героев, чтобы «таким недостойным образом возвеличивать достоинства Александра». Он напомнил, что Александр не совершал великих подвигов, приписываемых древним героям, а его победы в значительной мере принадлежат всем македонянам.

Некоторые из гостей в надежде вызвать благосклонность Александра вспомнили Филипа и стали называть

его дела «ничтожными и не заслуживающими удивления». Услышав это, Клит больше не мог сдерживать свои чувства. Он стал превозносить достижения Филипа, умаляя Александра, и заодно напомнил, что он сам спас жизнь молодому царю в конной битве при Гранике.

«Эта самая рука, — воскликнул он, протянув правую руку, — тогда спасла тебя, Александр!»

Плутарх расцвечивает эту безобразную сцену лести, гнева и пьяных оскорблений еще более живописными подробностями. На пиру кто-то стал петь вирши некоего Праниха (по словам других писателей, Пиериона), в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров. Вполне вероятно, что предметом насмешек певца были командиры, год назад возглавлявшие неудачную экспедицию по снятию осады с Мараканда.

Среди этих командиров был человек по имени Андроник, муж Ланики, нянчившей Александра в младенчестве, но что гораздо важнее, нам известно, что Ланика также была сестрой Клита. Иными словами, Андроник был шурином Клита, мужем его сестры. Таким образом, Клит и его друзья, принадлежавшие к старшему поколению македонских командиров, имели не только политические и культурные, но и личные причины для негодования на певца, высмеивавшего их действительные или мнимые неудачи.

Естественно, члены этой группы были оскорблены песней Праниха и прямо заявили об этом, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать.

Клит выкрикнул, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же гораздо лучше тех, кто над ними смеется. Тогда Александр заметил, что Клит «должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою». Этой язвительной репликой он ловко снял ответственность с самого себя, пославшего на выручку отряд, не имевший четкой командной структуры, и переложил ее на самих командиров. Однако Клит услышал лишь тяжкое оскорбление, ад-

ресованное ему и членам его семьи. Он вскочил с места и воскликнул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину под меч Спитридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филипа, называешь себя сыном Аммона!»

Александр пришел в ярость.

«Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?» — вскричал он.

«Мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая плоды наших трудов, — ответил Клит, — мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю».

В ответ на эту речь друзья Александра поднялись и стали бранить Клита, а люди постарше пытались уговорить спорящих. Тогда Александр обратился к двум гостям, приглашенным на пиршество, Ксенодоху Кардийскому и Артемию Колофонскому, и спросил: «Не кажется ли вам, что греки прогуливаются среди македонян, словно полубоги среди диких зверей?»

Но Клит не унимался. Он потребовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир «людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону».

При этих словах Александр бросил в Клита лежавшее на столе яблоко и стал искать свой кинжал. Один из телохранителей благоразумно спрятал оружие, а другие окружили Александра, умоляя его успокоиться, но царь вскочил и позвал свою личную стражу, воспользовавшись македонским диалектом; это был условный знак крайней опасности для его жизни. Когда никто не явился на его зов, Александр заявил, что он «находится в том же положении, в каком был Дарий, когда Бесс и его единомыш-

ленники схватили его и он оставался царем только по имени».

Потом Александр приказал трубачу подать сигнал тревоги. Когда тот отказался, царь ударил его кулаком. Друзья вытолкали Клита из комнаты, но тот вскоре вернулся через другую дверь, на ходу цитируя слова Пеллея из драмы Еврипида «Андромаха»: «Какой плохой обычай есть у эллинов...»

Эти слова имели недвусмысленный контекст. Пелей заметил, что, хотя армия одерживает победу над врагом, лишь полководец получает все почести.

Эта дерзость стоила Клиту жизни, так как Александр не хуже его знал слова Еврипида. Услышав их, он выхватил копье у одного из стражей, метнул его в Клита, когда тот откинул дверную завесу, и пронзил его насквозь.

Когда Александр увидел, что натворил, то сразу же попытался покончить с собой, поскольку считал, что «недостоин жить после того, как в пьяном буйстве убил своего друга», но стражи помешали ему это сделать. Тогда Александр «ушел к себе, рыдая, кинулся на постель и, зовя по имени Клита и его сестру Ланику, свою няньку, твердил, что, став взрослым, хорошо отплатил ей за ее заботы: она видела, как ее дети сражались и умирали за него, а ее брата он убил собственной рукой». Он снова и снова называл себя убийцей своих друзей и в течение трех дней не прикасался к еде и питью.

Александр настолько изнемог от рыданий, что на следующий день «лежал почти бездыханный, испуская лишь тихие стоны». Друзья, встревоженные его состоянием, без разрешения вошли в спальню царя. На речи большинства из них он не обратил внимания, но прорицатель Аристандр напомнил ему о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знамении при жертвоприношении и заверил Александра, что случившееся уже давно было предопределено судьбой.

По свидетельству Плутарха, за несколько дней до гибели Клита Александр отвлек его от жертвоприношения, которое тот совершал, чтобы подарить ему часть фрук-

тов, посланных царю из Греции. Три овцы, над которыми уже было совершено возлияние, побежали вслед за Кли- том. Аристандр и Аристомен, прорицатель из Спарты, объ- явили это прерванное жертвоприношение дурным зна- ком для Клита, и Александр поспешно распорядился при- нести искупительную жертву для безопасности своего друга. За два дня до этого Александр видел сон, в котором Клит сидел в черных одеждах вместе с сыновьями Парме- ниона; все они были мертвы.

Каллисфен и философ Анаксарх тоже пришли к царю в надежде смягчить его горе. Каллисфен в своих увеща- ниях якобы обошел стороной убийство Клита, чтобы по- щадить чувства Александра. С другой стороны, Анаксарх, известный своим презрительным отношением к обще- принятым взглядам, сказал, что «Зевс для того посадил рядом с собой Справедливость и Правосудие, дабы все, что ни совершается повелителем, было правым и спра- ведливым». По словам Плутарха, этими речами он успо- коил царя, но вместе с тем внушил ему еще большую над- менность и пренебрежение к законам.

Трудно сказать, насколько правдивы рассказы о том, как Аристандр, Каллисфен и Аноксарх помогли Александ- ру восстановить самообладание после такого ужасного и непростительного преступления. Вероятно, наиболее про- ницательным является наблюдение Арриана. По его сло- вам, некоторые прорицатели объявили, что бог Дионис разгневался потому, что Александр пренебрег жертвой ему. Когда друзья наконец убедили Александра принять пищу и до некоторой степени позаботиться о своих тел- есных потребностях, он все-таки совершил это жертво- приношение. Без сомнения, Александр не возражал про- тив того, чтобы его поступок был приписан мести раз- гневанного божества, но, по свидетельству Арриана, он не пытался оправдать свое преступление. Он просто при- знал, что совершил ошибку, свойственную человеку.

Признание Александра в совершенном злодеянии яв- ляется исторически редким примером, когда человек, зани- мающий высокое положение, раскаивается в тяжком по-

ступке. Это особенно примечательно с учетом того, что Александр легко мог представить случившееся как результат чрезмерно обильных возлияний и провокации со стороны Клита — которая, кстати, в действительности имела место.

К чести Александра, он не искал оправдания за свое преступление. Хотя он и не принял на себя ответственность за катастрофу на реке Политимет, но в полной мере взял вину за убийство человека, которому был обязан собственной жизнью.

Но никакая софистика и покаяние не могли скрыть глубокого разлада в македонском лагере, который в конце концов привел к преступлению. На злосчастном пиру скрытые трения между старшим поколением македонских воинов и их младшими товарищами, включая многих ближайших друзей Александра, переросли в открытую ссору, сопровождавшуюся насилием. После того как Александр восстановил пошатнувшееся чувство собственного достоинства, он, несомненно, должен был признать существование сильной оппозиции своим личным убеждениям и своей политике адаптации к восточным обычаям. Через год эта оппозиция дала начало другому заговору с целью покушения на его жизнь.

ГЛАВА 16

Конец мятежей

ПОХОРОНЫ КЛИТА

Те, кто находился в оппозиции политике Александра, могли объединиться вокруг убийства Клита, однако этого не произошло. В действительности македоняне официально заявили, что смерть Клита была оправданной, и даже отказали бы ему в похоронах, если бы сам Александр не распорядился об этом. Рядовые воины рассматривали гибель Клита как печальный итог пьяной ссоры, вполне предсказуемый результат одной из ритуальных попок, часто устраиваемых македонскими вельможами.

Аминта, сын Николая, был назначен сатрапом Бактрии вместо Клита. Тем временем армия двинулась дальше. В целом македоняне лучше воевали, чем пили; во всяком случае военные действия приводили к большим потерям среди их врагов, чем среди друзей. Александр и его воины преисполнились решимости отомстить тем, кто устроил резню на реке Политемет.

СМЕРТЬ СПИТАМЕНА

Пока Александр со своими товарищами напивался до бесчувствия в Мараканде, Спитамен вместе с кочевниками-массагетами добился некоторых успехов на севере; он за-

хватил один из гарнизонов, оставленных Александром, и осадил Зариаспы (Балх). Несколько «товарищей царя», 80 конных наемников и царские пажи, оставшиеся в Зариаспах, напали на Спитамена, отняв у него награбленную добычу, но на обратном пути попали в засаду. Семеро гетайров и 60 наемников расстались с жизнью. Там же погиб и арфист Аристоник, «сражаясь не как кифаред, а как доблестный воин».

Кратер устремился в погоню за массагетами и в жестоким бою перебил 150 скифских всадников, а уцелевшие бежали в пустыню.

Кен, получивший под свое командование два батальона македонской фаланги, 400 «товарищей царя», конных копейщиков, а также бактрийцев и согдийцев, прикрепленных к отряду Аминты, отправился зимовать в Согдиану для защиты этого региона. Ему было поручено при любой удобной возможности устроить засаду на Спитамена и захватить его в плен. Тем временем Спитамен, собравший дополнительное войско из обедневших скифских всадников, скитавшихся в окрестностях Габы (на границе Согдианы и владений массагетов), сам напал на Кена, но потерпел сокрушительное поражение и потерял более 800 человек убитыми. Большинство уцелевших согдийцев и бактрийцев во главе со Спитаменом сдались Кену.

Сам Александр двинулся на юг в Навтаки (вероятно, Карши в современном Узбекистане) — город, расположенный примерно на полпути между Маракандом и Согдийской Скалой, где армии предстояло устроиться на зимний отдых в сезоне 328 — 327 г. до н. э. Местный правитель Сисимитр занял сильную оборонительную позицию, перекрыв ущелье, ведущее на равнину. Македоняне соорудили насыпь из камней и деревьев в самом узком месте ущелья, а когда они подняли наверх свои осадные башни и катапульты, Сисимитр и его сторонники предпочли сдаться. Александр принес жертву Афине Нике (Победе) и оставил Сисимитра правителем этих мест. Пока царь занимался уничтожением оставшихся мятежников, умер Филип, брат Лисимаха, а также Эригий, старый друг

Александра. Когда царь вернулся в лагерь, обоим устроили пышные похороны. Эригий обрел последний покой в могиле далеко от своей родной Митилены.

Что касается Спитамена, его жена, уставшая от постоянного преследования, решила взять дело в свои руки. После очередного пиршества Спитамена отнесли в его комнату полусонным и сильно захмелевшим. Как только его жена увидела, что он крепко заснул, она достала меч, который прятала под одеждой, и отрубила Спитамену голову.

Вручив голову своего бывшего мужа рабу, жена Спитамена в забрызганной кровью одежде отправилась в македонский лагерь. Она послала гонца к Александру, сообщив, что у нее есть дело, о котором он должен узнать из ее собственных уст. Александр немедленно распорядился привести ее.

Увидев женщину в окровавленной одежде, Александр предположил, что она хочет пожаловаться ему на какое-то учиненное над ней насилие. Он попросил ее сказать, чего она хочет; тогда она попросила, чтобы рабу, который остался стоять у двери, позволили войти внутрь. Раб пробудил у стражников определенные подозрения, так как скрывал нечто под одеждой. Когда стражники приблизились к нему, он показал им голову Спитамена, однако черты лица Спитамена были искажены смертной судорогой, так что его было невозможно опознать с первого взгляда.

Арриан рассказывает иной, но не менее жуткий вариант этой истории. Когда до массагетов дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали Спитамену голову и послали ее царю. Таким образом они надеялись отвлечь Александра от его намерения.

НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА

Датаферн, другой лидер мятежа, был арестован даями, которые выдали его Александру и попросили прощение для себя. В середине зимы Стасанор и Фратаферн вернулись

в Навтаку, успешно подавив мятежи в Парфии и Арии. Фратаферн был отправлен к мардам и тапурам с приказом привести сатрапа Автофрадата, «за которым Александр неоднократно посылал, но тот на зов не являлся». Стасанор был отправлен сатрапом к дрангам, а к мидянам царь послал Атропата взамен Оксидата, поскольку Александр считал, что Оксидат злоумышляет против него. Стамена отправили в Вавилон, так как Александр получил известие о смерти сатрапа Мазея. Сопола, Эпокилла и Менида послали в Македонию собирать новое войско.

Эти меры достойны подробного упоминания по двум причинам. Во-первых, они свидетельствуют об убежденности Александра, что мятежи в Бактрии и Согдиане окончательно подавлены после двухлетней борьбы. Они также показывают, что уже зимой 327 г. до н. э. Александр следил за тем, чтобы его наместники делали свое дело в соответствии с его распоряжениями. После возвращения из Индии Александр сместил или казнил других сатрапов, которых он обвинил в плохом управлении; этот период даже назывался «царством террора», но фактически такого отдельного этапа, связанного с усилением карательных мер, просто не существовало. Александр никогда не мирился с нарушением субординации или административной некомпетентностью и ясно дал понять это в 327 г. до н. э.

В Бактрии Александр оставил большой гарнизон под командованием сатрапа Аминты, который получил 10 000 пехотинцев и 3500 всадников, чтобы обеспечить мир среди беспокойных бактрийцев и согдийцев. Царь также включил местных жителей в свою конницу и в 327 г. до н. э. отдал приказ отобрать 30 000 местных подростков (так называемых *этигонов*, или «преемников»), чтобы выучить их греческому языку и обращению с македонским оружием. Учреждение воинской повинности на завоеванных территориях свидетельствует о том, что Александр предполагал включать «варварские» отряды в состав своей армии для использования в будущем. Он не был обычным военным авантюристом, заинтересованным только в ази-

атских завоеваниях, как его часто изображают. Еще в 327 г. до н. э. Александр планировал будущее завоевание остальной Азии и Европы и собирался сделать это со смешанной армией, состоящей из европейцев и азиатов.

ЖЕНИТЬБА НА РОКСАНЕ

Теперь, когда военные вопросы на некоторое время были улажены, для Александра настал момент наладить свои сердечные дела перед готовящимся вторжением в Индию. Весной 327 г. до н. э. 29-летний Александр, находившийся за тысячи миль от дома, женился на Роксане, прекрасной дочери бактрийского вельможи Оксиарта. Как мы помним, Оксиарт и его дочь были захвачены в плен после падения Согдийской Скалы в 328 г. до н. э.

Брачная церемония происходила по македонскому обряду. Хлеб, священный символ помолвки у македонян, был поставлен перед новобрачными и разрублен мечом. Затем Александр и его азиатский тесть вкусили хлеба от одной буханки.

Историки справедливо указывали на политические преимущества этого брака для Александра: его тесть был влиятельным и могущественным союзником в беспокойном регионе новой империи. Насилие над его дочерью было исключено, так как оно не согласовывалось с отношением Александра к женщинам вообще. Брак с дочерью азиатского вельможи также мог быть истолкован как сигнал для македонян и азиатов после убийства Клита, что царь не намерен отступать от своей политики восприятия восточных традиций даже в личной жизни. Как всегда, Александр убеждал других собственным примером, но чисто политическое или прагматичное объяснение первого брака Александра звучит неубедительно.

Александр, безусловно, мог жениться на любой македонской, греческой или персидской женщине (или женщинах), с которой он встречался до или после 336 г. до н. э. Брак с такой женщиной укрепил бы его политическую перспективу в то время, когда виды на будущее были

гораздо менее безоблачными, однако Александр не женился ни на одной из знатных женщин, которых он встречал от Греции до Бактрии.

Нельзя утверждать и того, что Александр не женился до тех пор, пока это не было продиктовано политической необходимостью, поскольку не испытывал влечения к женщинам.

С 332 г. он содержал любовницу по имени Барсина (дочь Артабаза и бывшая жена Мемнона), от которой имел сына Геракла. Он также пользовался услугами гарема Дария после смерти персидского царя. Хотя Александр, возможно, имел сексуальные отношения с мужчинами, его равнодушие к женскому полу является выдумкой. Вопрос в том, почему с учетом всех своих бескрайних возможностей Александр выбрал именно Роксану в качестве своей первой жены.

Прежде всего Роксана была чужестранкой и принадлежала к «варварам». Такой брак не мог не вызвать скрытого недовольства, что и произошло. Впрочем, Александр рассудительно указал недовольным, что сам Ахиллес делил ложе со своей пленницей Брисеидой. Самое простое объяснение является наиболее убедительным: Роксана привлекла внимание Александра и понравилась ему, когда он увидел ее в хороводе на пиру. Нет сомнений и в том, что этот брак имел логическое завершение, поскольку у них родился сын Александр IV, чье имя указывает, что его отец видел в нем своего преемника и наследника своей империи.

Впоследствии Александр женился на других чужестранках по их собственным брачным обрядам, более того, он поощрял своих друзей делать то же самое. Истинный сын Зевса мог нарушать любые условности, даже если окружающие не могли или не хотели понять, почему он это делает. Но всему этому суждено было случиться лишь четыре года спустя, когда царь вернулся в Персию, теперь же Александр готовился взять свою молодую жену в одно из самых экзотических и опасных свадебных путешествий в истории — в поход на Индию.

ГЛАВА 17

«Одним поцелуем меньше»

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Александр провел два месяца на зимних квартирах, вероятно, наслаждаясь прелестями супружеской жизни (328 — 327 г. до н. э.). За это время он со своими командирами составил подробные планы вторжения в Индию, один из которых был осуществлен поздней весной 327 г. до н. э., когда Александр повел свою армию в регион под названием Газаба. На третий день разразилась сильнейшая гроза, сопровождавшаяся градом и ураганным ветром. В конце концов армия расстроила свои ряды и люди стали бесцельно блуждать в дикой глуши. Говорят, что эта буря унесла жизни 2000 солдат и обозников.

Сисимитр привел на помощь армии выючных животных и 2000 верблюдов, а также стада овец и крупного рогатого скота для провианта. Александр публично похвалил его за этот поступок, а затем вторгся в земли саков и отдал Сисимитру 30 000 голов скота в качестве компенсации за спасение армии.

Разгромив единственных мятежников, оставшихся в Паретаке, Александр двинулся на юг, в Бактрию. Войско под командованием Кратера тоже выступило в Бактрию

после усмирения местных мятежников. Весной 327 г. Бактрия стала сборным пунктом для македонского вторжения в Индию.

ПРОСКИНЕЗА

В Бактрии Александр попытался ввести обычай *проскинезы*, или коленопреклонения при своем дворе. В Персии ритуальный акт, который греки называли *проскинезой*, подразумевал глубокий поклон и поцелуй кончиков пальцев (как изображено на барельефе из персидской сокровищницы) или же включал prostiraniye ниц перед царем. Так или иначе, в Персии этот жест имел светский характер, являлся отражением общественного статуса и выполнялся всеми низшими гражданами по отношению к высшим вплоть до царя.

В греческой традиции человек, выполнявший *проскинезу*, обычно стоял с поднятыми к небу руками, повернув ладони вперед, впрочем, иногда этот жест выполнялся в коленопреклоненном положении, но греки понимали *проскинезу* как священный акт, исполняемый только перед богами (или их изображениями).

Не вполне ясно, в какой степени греки понимали общественное и светское значение персидского обычая коленопреклонения. Некоторые греческие авторы, такие как афинский трагик Эсхил, живший в начале V века до н. э., считали персидскую форму коленопреклонения актом культового служения. Более поздние авторы явно понимали ее как общественный обычай, противный мировоззрению греков и пробуждавший в них чувство собственного превосходства. К примеру, Аристотель, учитель Александра, считал персидскую разновидность коленопреклонения «чисто варварским актом».

В Греции существовало сильное предубеждение против выполнения *проскинезы* перед другим человеком, даже царем. К примеру, когда спартанские послы прибыли ко двору персидского царя Ксеркса в V веке до н. э., им приказали пасть ниц перед царем или поклониться ему

до земли и хотели принудить к этому силой, но они отказались, заявив, что «не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку». Такие греческие авторы, как Ксенофонт, считали, что персидская форма коленопреклонения не согласуется с представлением о свободе гражданина.

Памятуя об этом, мы можем обратиться к двум версиям событий, произошедших после того, как Александр попытался ввести *проскинезу* поздней весной 327 г. В первой версии события происходили на пиру, где, по свидетельству Харета из Митилены, описанному у Плутарха: «Александр, отпив вина, протянул чашу одному из друзей. Тот, приняв чашу, встал перед жертвенником и, выпив вино, сначала пал ниц, потом поцеловал Александра и вернулся на свое место. Так поступили все. Когда очередь дошла до Каллисфена, он взял чашу (царь в это время отвлекся на беседу с Гефестионом), выпил вино и подошел к царю для поцелуя, но тут Деметрий по прозвищу Фидон воскликнул: «О царь, не целуй его, он один из всех не пал пред тобою ниц». Александр уклонился от поцелуя, а Каллисфен сказал громким голосом: «Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше».

Арриан добавляет к этой истории одну важную подробность: Александр пустил чашу с вином вкруговую, начав с тех, с кем он договорился «относительно поклонов» еще до пиршества. Впоследствии Гефестион утверждал, что Каллисфен находился в числе тех, кто обещал исполнить *проскинезу*, но отказался от своего обещания на пиру.

Независимо от того, сдержал ли Каллисфен свое слово, церемония с земными поклонами на пиру была организована заранее, хотя, возможно, не все были осведомлены о ней. Она служила чем-то вроде пробного шара, запущенного для того, чтобы посмотреть на реакцию участников.

Согласно второму варианту истории, церемония действительно была спланирована заранее. Александр сговорился с софистами и знатными персами и мидянами, что заведет об этом разговор на пиру. Дискуссию начал Анаксарх: «Он... стал говорить, что гораздо правильнее почитать

богом Александра, а не Диониса и Геракла, не только за множество его великих деяний, но и потому что Дионис — фиванец и к македонцам не имеет отношения, а Геракл — аргивянин и с македонцами его связывает только происхождение Александра, гераклида родом. Справедливее будет, если македонцы станут оказывать своему царю божеские почести. Нет ведь никакого сомнения в том, что, когда он уйдет из этого мира, они будут чтить его как бога; гораздо правильнее возвеличить его при жизни, чем чтить умершего, которому эти почести уже ни к чему».

Соучастники этого плана выразили свое одобрение словам Анаксарха и заявили, что они готовы сразу же поклониться Александру. Большинство македонян, раздосадованных услышанным, предпочли хранить молчание.

Для понимания фактических намерений Александра в данном случае очень важно обратить внимание на то, что идея введения *проскинезы* была высказана в контексте дискуссии о божественных почестях для царя.

Ответ Каллисфена Анаксарху свидетельствует о том, что он тоже связывал введение *проскинезы* с вопросом о том, заслуживает ли Александр божественных почестей. Вот что ответил Каллисфен: «Я считаю, что Александр достоин всяческой чести, которая подобает человеку; люди, однако, провели строгую границу между почестями, которые воздаются людям, и теми, которые воздаются богам. Богам строят храмы, ставят статуи, выделяют для них священные участки, приносят жертвы и совершают возлияния, сочиняют в их честь гимны, а для людей пишут хвалебные песни. Особо важен обряд преклонения. Люди, здороваясь, целуют друг друга, но божество пребывает высоко над нами, и прикасаться к нему кощунственно».

Пристыдив Анаксарха за идею воздания божественных почестей Александру, Каллисфен затем обратился с критикой к самому царю: «Самому Гераклу при его жизни элины не воздавали божеских почестей и стали чтить его как бога не сразу после смерти, а только потом, по при-

казу Дельфийского божества. Если же человеку, который рассуждает в варварской стране, приходится иметь и варварский образ мыслей, то прошу тебя, Александр, вспомни об Элладе, ради которой ты предпринял весь этот поход, пожелав присоединить Азию к Элладе. Подумай: вернувшись туда, ты и эллинов, свободнейших людей, заставишь кланяться тебе в землю? Или ты эллинов оставишь в покое и только на македонцев наложишь это бесчестие? Или вообще почести тебе будут оказывать разные: эллины и македонцы будут чтить тебя как человека, по эллинскому обычаю, и только варвары по-варварски? О Кире, сыне Камбиза, рассказывают, что он был первым человеком, которому стали кланяться в землю, и с того времени персы и мидяне продолжают унижаться подобным образом. Следовало бы подумать, что этого Кира образумили скифы, люди бедные и независимые; Дария — опять-таки скифы; Ксеркса — афиняне и лакедемоняне; Артаксеркса — Кларх и Ксенофонт со своими 10 000 воинов, а Дария, нашего современника, Александр, которому не отдавали земных поклонов».

Длинная речь Каллисфена привела Александра в большое раздражение, но его слова пришлись по душе македонянам. Заметив это, Александр распорядился о том, чтобы для них больше не было речи о земных поклонах.

Но история на этом не закончилась.

После речи Каллисфена, когда воцарилось смутенное молчание, самые почтенные и пожилые персы поднялись со своих мест и простерлись на полу перед Александром. Решив, что один из персов поклонился не по правилам, Леоннат, один из «товарищей царя», передразнил его позу. В более позднем варианте истории в роли насмешника выступил Полиперхонт, пососоветовавший одному из персов сильнее ударить о землю подбородком. Тогда Александр стащил Полиперхонта с его ложа и бросил его лицом на пол. «Видишь, — сказал царь, — ты делаешь то же самое, над чем только что насмеялся». Затем Александр приказал арестовать Полиперхонта, и пирушка подошла к концу.

Впоследствии обычай *проскинезы* для греков и македонян был отменен и распространялся лишь на остальных подданных Александра. Взамен вплоть до мятежа в Опесе несколько лет спустя лишь персы получали поцелуй от Александра.

Этот эпизод оставляет для историков больше вопросов, чем ответов. Самый главный из них: почему Александр сделал это? Он должен был сознавать, что требование *проскинезы* подразумевало оскорбление религиозных чувств и гражданских прав греков и македонян. Дважды предпринятая попытка учредить ритуал коленопреклонения свидетельствует о том, что Александр предчувствовал разногласия, которые могли возникнуть по этому поводу, и даже открытое противодействие своим начинаниям.

Некоторые исследователи объясняли решимость Александра идти до конца потребностью в учреждении единого придворного церемониала. Будучи правителем всей Азии, Александр имел право ожидать, что его азиатские подданные будут оказывать ему те же знаки почтения, какие были оказаны персидским царям, в противном случае они могли усомниться в праве Александра называться подлинным преемником Дария. Но если требования по отношению к персам не распространялись на греков и македонян, это означало, что азиаты имеют более низкий статус при дворе. Такое решение было неприемлемым с учетом политики Александра, направленной на «ориентализацию» — то есть на адаптацию царя и его армии к восточным обычаям. Поэтому после тщательной подготовки Александр попробовал ввести обряд *проскинезы*, надеясь убедить греков и македонян в том, что коленопреклонение следует рассматривать как светский и общественный обычай.

Если Александр действительно имел такие намерения, он серьезно просчитался. Даже если бы ему удалось убедить македонян принять *проскинезу* как общественный обычай, большинство греков и македонян все равно воспринимали бы ее как оскорбление своего чувства гражданского достоинства. Коленопреклонение и простираание ниц было несовместимо с их представлением о сво-

боде. Александр, безусловно, знал, что ни один грек или македонянин не захочет кланяться ему так, как это считалось принятым у «рабов» или «варваров», поэтому гипотеза о том, что Александр надеялся преподнести *проскинезу* в качестве общественного обычая, звучит неубедительно.

Скорее нам следует помнить, что обе попытки учреждения *проскинезы* происходили в контексте дискуссии о божественных почестях. Наиболее логичное объяснение заключается не в том, что Александр хотел убедить македонян в восприятии *проскинезы* как светского обычая, не оскорбляющего их гражданское достоинство, а в том, что он действительно хотел получать почести, приличествующие божееству. Александр хотел, чтобы греки и македоняне считали его настоящим сыном Зевса, которым он провозгласил себя после визита к оракулу в оазисе Сивы.

То, что Александр отказался от этой идеи, не доказывает, что он собирался ввести *проскинезу* по «прагматическим» соображениям, отказался от своего божественного происхождения или считал себя недостойным почестей, подобающих земному воплощению божества. После возвращения из Индии Александр потребовал от греков значительно большего. Теперь царя устраивало лишь официальное провозглашение его божественности. Таким образом, неудачное введение *проскинезы* весной 327 г. было логичным шагом Александра на пути к божественным почестям, в конце которого он все-таки достиг успеха.

ЗАГОВОР «ПАЖЕЙ»

Многие античные авторы связывают нововведения Александра в 327 г. до н. э. с так называемым заговором «пажей», поскольку заговор имел место вскоре после безуспешной попытки учреждения *проскинезы*, а также потому, что Каллисфен играл центральную роль в обоих эпизодах.

Истоки заговора следует искать в происшествии, случившемся во время охоты, когда на Александра напал дикий кабан. Прежде чем царь успел нанести удар, один из его молодых прислужников, некий Гермолай, сын Сопо-

лида, поразил кабана копьем. Рассерженный упущенной возможностью, Александр приказал высечь «пажа» на глазах остальных юношей и забрал у него лошадь.

Возмущенный таким обращением Гермолай обратился к своему другу Сострату и сказал, что он не сможет жить, если не отомстит Александру за оскорбление. Он легко убедил Сострата присоединиться к нему и привлек на свою сторону нескольких других «пажей», включая Антипатра, Эпимена, Антиклея и Филота.

Было решено, что, когда Антипатру настанет время выходить в ночную стражу, они убьют Александра во сне, но из-за того, что пажи, дежурившие у ложа царя, ежедневно сменяли друг друга, такая возможность появилась лишь через 32 дня.

Согласно некоторым авторам, в ту ночь Александр пьянствовал до рассвета. Аристобул утверждает, что, когда Александр возвращался в свою палатку, некая сирийская женщина — которую одни считали одержимой, а другие просто безумной — упросила его вернуться и продолжать пир. Александр, усмотревший в этом божественное знамение, последовал ее совету и остался жить.

На следующий день Эпимен, один из заговорщиков, рассказал обо всем своему другу Хариклу, тот в свою очередь поделился сведениями с Эврилохом, братом Эпимена, а последний обратился к телохранителю Птолемею. Вполне возможно, что Птолемей, находившийся под впечатлением гибели Филота, предпочел сразу же рассказать о заговоре Александру.

Все юноши были арестованы. Допрошенные под пыткой, они признали свою вину и назвали имена соучастников. Аристобул и Птолемей утверждали, что инициатива заговора исходила от Каллисфена, но большинство современников придерживались иного мнения: Александр был готов поверить самому худшему о Каллисфене, поскольку уже ненавидел его и потому что Гермолай был очень близок к софисту.

Гермолай, представший перед судом, сознался в своих намерениях, но заявил, что «свободному человеку невозможно терпеть такое дерзостное самомнение». Затем юно-

ша перечислил преступления Александра: незаконное убийство Филота, казнь Пармениона и других командиров, убийство Клита, а также «мидийскую одежду, непрекращающееся обсуждение того, как ввести в обиход земные поклоны, и попойки Александра, сменяющиеся сном». Он был больше не в силах переносить все это и хотел освободить себя и остальных македонян.

Исход суда был предсказуемым. Гермолая и остальных заключенных забили камнями на месте или в оковах отправили к своим бывшим соратникам, которые замучили их до смерти.

Что касается Каллисфена, Плутарх, писавший во времена Римской империи, утверждает, что даже под пыткой ни один из соучастников Гермолая не указал на него. Курций тоже утверждает, что Каллисфен не был причастен к заговору с целью убийства царя.

Но Плутарх упоминает о том, что Каллисфен вольно или невольно мог побудить Гермолая к преступлению. Когда юноша спросил софиста, как стать самым знаменитым человеком, Каллисфен якобы ответил: «Для этого надо убить самого знаменитого». Говорили также, будто он подстрекал Гермолая к решительным действиям, убеждал его не бояться «золотого ложа» и помнить, что перед ним человек, столь же подверженный болезням и уязвимый, как и все остальные.

Вопрос о смерти Каллисфена не более ясен, чем вопрос о его участии в заговоре «пажей». Птолемей утверждал, что Каллисфена пытали, а затем повесили. Если ему не изменяет память, это значит, что Каллисфена сочли одним из участников заговора. С другой стороны, Аристокл Бул пишет, что Каллисфена заковали в кандалы и вели за армией, пока он в конце концов не умер от болезни. По словам Курция, Каллисфена замучили до смерти, хотя он был невиновен в заговоре против царя. У македонян пытка была обычным способом получения сведений от подозреваемых заговорщиков.

Харет, распорядитель придворных церемоний у Александра, говорит о том, что Каллисфена в течение семи месяцев держали в оковах, чтобы позднее судить его в

«большом собрании» Коринфского союза в присутствии Аристотеля, но когда Александр был ранен в Индии, Каллисфен умер «от ожирения и вшивой болезни».

Оценивая историю Харета, некоторые историки указывают на явное желание Александра доказать вину Каллисфена перед Аристотелем, наставником молодого царя. Однако если Харет прав, медленную гибель Каллисфена можно объяснить его гражданством. Согласно обычаю, македонян, осужденных в предательстве, судили перед македонской армией, а царь выступал в качестве обвинителя. Здесь не могло быть и речи ни о каком «судебном собрании».

Но Каллисфен не был македонянином и, следовательно, не обладал сомнительным конституционным преимуществом, позволявшим ему предстать перед судом войскового собрания. Он был греком из Олинта, поэтому его арест и содержание в оковах до суда перед собранием Коринфского союза имели целью не унижение Аристотеля, а осуществление греческой конституционной процедуры.

В общем и целом трудно разобраться, какая из историй о судьбе Каллисфена является наиболее близкой к истине, невозможно даже определить, что в большей степени послужило причиной его гибели: приверженность свободе слова или злой умысел против Александра. Точно так же мы не можем быть уверены в том, какие побуждения скрывались за заговором «пажей».

Нам известно, что Сополид, отец Гермолая, командовавший амфиполийским эскадром конницы «товарищей царя» с 335 г. до н. э., зимой 328 — 327 г. до н. э. был отправлен с Эпокиллом и Менидом в Македонию, чтобы привести оттуда новые войска. Неизвестно, вернулся ли он назад к Александру.

Более того, отец другого заговорщика (Антипатра), человек по имени Асклепиодор, который привел Александру подкрепление в Бактрию в 329 — 328 г. до н. э., после этого не был возвращен на свой пост наместника в Сирии.

Судя по всему, отцы двух юношей, вступивших в заго-

вор против Александра, незадолго до этого были смещены со своих постов и, возможно, понесли более тяжкое наказание. Важно отметить, что убийство было назначено на ту ночь, когда Антипатр должен был охранять спящего Александра. Антипатр стал бы не первым и не последним сыном, попытавшимся отомстить человеку, расправившемуся с его отцом.

Но какими бы побуждениями ни руководствовались юноши, решившие убить Александра, они не нашли значительной поддержки своему делу. Рядовые македоняне казнили их без всяких колебаний.

В ИНДИЮ

Александр задумывался над вторжением в Индию с лета 328 г. до н. э. Это было частью его общего плана по завоеванию всей Азии. Далее он собирался вернуться в Грецию и оттуда устроить экспедицию в Черное море через Геллеспонт и Пропонтиду со всей морской и сухопутной армией. Хотя до начала военной кампании Александр вряд ли рассчитывал расширить свою империю до такой степени, чтобы включить в нее территории, лишь формально находившиеся под властью Персии, теперь сами индийские правители подталкивали его к этому. Некоторые из них явились к нему, предлагая себя в качестве союзников для завоевания своих соседей. К примеру, в Согдиане к нему пришел некий Мофис (или Омфис), правитель Таксилы, пообещавший присоединиться к Александру в войне с его врагами.

Едва ли Александр имел четкое представление о размерах Индии и о том, какие последствия может иметь военная кампания в этой стране. Лишь после того, как он дошел до Гифаса (современный Беас), у него могло сложиться более или менее правдоподобное представление о том, на что он замахнулся. Разумеется, более точные сообщения о размерах Индии и численности вражеской армии, ожидавшей Александра, ни в коей мере не обескураживали царя, но они могли оказать отрезвляющее воздействие на его менее честолюбивых воинов.

Но весной 327 г. до н. э. представления Александра, вероятно, ограничивались легендами о подвигах его полумифических предков в этом регионе. К примеру, Семирамида из греческой легенды, которая была дочерью сирийской богини Деркетто из Аскалона, якобы покорила Бактрию, а Дионис начал свой триумфальный поход на запад с Индии. Геракл, один из предков и соперник Александра, тоже предположительно побывал в Индии.

Александр, никому не позволявший оспаривать свое первенство, был исполнен решимости превзойти достижения других сыновей Зевса. Они всего лишь прошли через Индию; он собирался основать могущественную империю.

Выступив из Бактры, Александр со своей армией за 10 дней переправился через Кавказ и достиг города, который он основал во время своей первой экспедиции в Бактрию, названного Александрией Кавказской (современный Баграм). Там он сместил местного *гипарха* за плохое управление и назначил Никанора заняться благоустройством города. Тириеспа сделали сатрапом Парапамиса и земли вплоть до реки Кофен (ныне река Кабул). Многие местные жители и все солдаты, которых сочли негодными для несения службы, поселились в городе. Выступив в Никею, где он принес жертву Афине, Александр затем двинулся к Кофену и долине Инда.

По стопам Диониса

ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

По пути к Инду Александр прошел через регион, который более 2000 лет спустя составлял северо-западную границу Британской Индии. В этой гористой и негостеприимной местности такие блестящие и эксцентричные офицеры британской армии, как Бухара, Барнс, капитан Артур Конолли и Фрэнсис Янг, часто маскируясь под торговцев лошадьми или тибетских священнослужителей, вели Большую Игру против туземных и европейских врагов Британии. За 23 века до этого Александр вел свою жестокую, но эффективную игру против местных племен.

Перед выступлением Александр разделил свою армию на две части. Гефестион и Пердикка были поставлены командовать тремя отрядами, половиной гетайров и всей наемной конницей. Это войско двинулось по главной дороге через перевал Кубер и территорию певкелаотов к реке Инд. Таким образом, воинам Гефестиона принадлежит честь быть первым сохранившимся в анналах истории отрядом, проделавшим тридцатимильный путь через знаменитый перевал в горах Сафед-Кох, которые ныне находятся на границе между Афганистаном и Пакистаном.

Александр вместе с щитоносцами, остальной конницей «товарищей царя», пехотными полками из Верхней

Македонии, лучниками, агрианами и конными копьеносцами пошел по более трудному северному маршруту, вдоль реки Хой (современный Кунар) в гористую местность через Баджаур и Сват (в современном Пакистане). Они осадили первый город, который встретили после переправы через реку Хой, и здесь Александр был легко ранен в плечо стрелой, пронзившей его панцирь. Тем не менее македоняне без труда ворвались в город и истребили всех пленных в отместку за рану Александра. Как обычно, воины проявляли особую жестокость и безжалостность к врагам, когда Александр был ранен в бою.

Город Андака капитулировал, и Кратер был оставлен там вместе с другими пехотными командирами для уничтожения других городов, не пожелавших сдаться на милость победителей. Когда Александр вторгся на территорию аспасиев, жители сожгли свой город и бежали в горы. Птолемей убил местного вождя в рукопашной схватке, и македоняне снова одержали победу.

В сожженном городе, который носил название Аригей, Александр дождался Кратера и других командиров. Город был укреплен и заселен добровольцами из местных жителей и солдат, не годных для службы.

Получив известие о том, что Птолемей увидел впереди костры варваров, более многочисленные, чем в царском лагере, Александр снова разделил армию на три части и пошел в атаку после того, как противник спустился на равнину. По свидетельству Арриана, было захвачено не менее 40 000 человек и 230 000 голов скота. Из этих животных Александр отобрал самых красивых и отправил их в Македонию. За несколько недель он усмирил мечом и огнем целый регион, за контроль над которым британцы впоследствии боролись более пятидесяти лет.

ПО СТОПАМ ДИОНИСА

Где-то в начале военной кампании жители города Ниса послали к Александру своего правителя Акуфиса с 30 знатными горожанами, чтобы просить царя оставить их го-

род «во власти Бога». Акуфис объяснил, что Дионис основал их город для своих воинов (вакхантов), которые уже не могли нести службу, на обратном пути к «Греческому морю» после покорения индов и назвал его Нисой в честь своей кормилицы.

Александр, которому понравилась история Акуфиса, даровал жителям Нисы свободу и независимость, хотя и потребовал, чтобы нисейцы прислали ему 300 всадников. Хитроумный Акуфис был назначен правителем своего региона.

Между тем Александру захотелось увидеть гору Меру, где, как утверждали нисейцы, «все напоминало о Дионисе». Гора заросла пышным плющом и лавром; Александр и македоняне уже целых семь лет не видели этих растений, столь характерных для греческого ландшафта. Здесь Александр принес жертву Дионису, а некоторые из его товарищей якобы увенчали головы плющом и стали воспевать Диониса. К сожалению, ни один из античных авторов не сообщает о том, какое впечатление на местных жителей произвели пьяные и увитые плющом македонские солдаты, бродившие по горным склонам с криками «эвоз, эвоз», как это делали вакханки в великой трагедии Еврипида.

Жители царства Ассакены, которые не могли похвалиться происхождением от греческого божества, оказались гораздо менее дружелюбными. Они готовились к войне, собрав 2000 всадников, 30 000 пехотинцев и 30 слонов. Тем не менее их крепости, включая Массагу, Ору и Базиру, были захвачены, взяты штурмом или заброшены. Жители Массаги были истреблены, но лишь после того как их наемники, которым Александр позволил выйти из города, нарушили соглашение, обязывавшее их присоединиться к македонской армии.

СКАЛА АОРН

Выжившие из этих городов бежали на Скалу Аорн, которая в наши дни отождествляется с хребтом Пир-Сар — горной цепью с плоскими вершинами, поднимающимися

на 8000 футов над уровнем моря, расположенными в долине Инда примерно в 75 милях к северу от города Атток. На вершине этой «скалы» круглый год стояла весна и было в достатке дерева и пахотной земли. По преданию сам Геракл пытался захватить Скалу Аорн, но потерпел неудачу из-за землетрясения.

Естественно, Александр был охвачен желанием превзойти Геракла. Любой подвиг, оказавшийся непосильным для полубожественного героя, был желанным вызовом для Александра. Он назначил Никанора сатрапом земель «по эту сторону Инда» и двинулся к Аорну, по пути принимая капитуляцию местных поселений и оставив гарнизон с запасом продовольствия в Эмболиме.

Несмотря на свою высоту и славную историю, Аорн оказался сравнительно легкой добычей. Некоторые из местных жителей, отдавших себя под власть Александра, провели Птолемея с агрианами и легковооруженными пехотинцами до первой седловины горы, где они устроили частокол и отбили контратаку. Вскоре подоспел Александр с остальным войском.

В течение четырех дней македоняне работали над сооружением земляного кургана от гребня холма, который они заняли, до уровня самой Скалы Аорн. Пращники и македонские осадные машины метали снаряды в индов, прикрывая работавших воинов. Использование артиллерии для прикрытия полевых операций (в противоположность осадной войне) было еще одним блестящим новшеством Александра, которому с тех пор следовали почти все выдающиеся полководцы.

Убедившись в безнадежности своего положения, когда македоняне закончили сооружение земляного холма, защитники Аорна воспользовались заминкой в ходе переговоров о капитуляции, чтобы составить план спасения и под покровом ночи вернуться в свои дома. К несчастью для них, Александр возглавил штурмовую команду, состоявшую из телохранителей и элитных стражей (гипаспистов), прежде чем они успели осуществить свой план. Царь первым поднялся на скалу. Многие защитники были уби-

ты во время бегства; некоторые ударились в панику и стали бросаться вниз с отвесных утесов. Александр превзошел Геракла и отметил это событие жертвоприношением в честь Афины Победительницы.

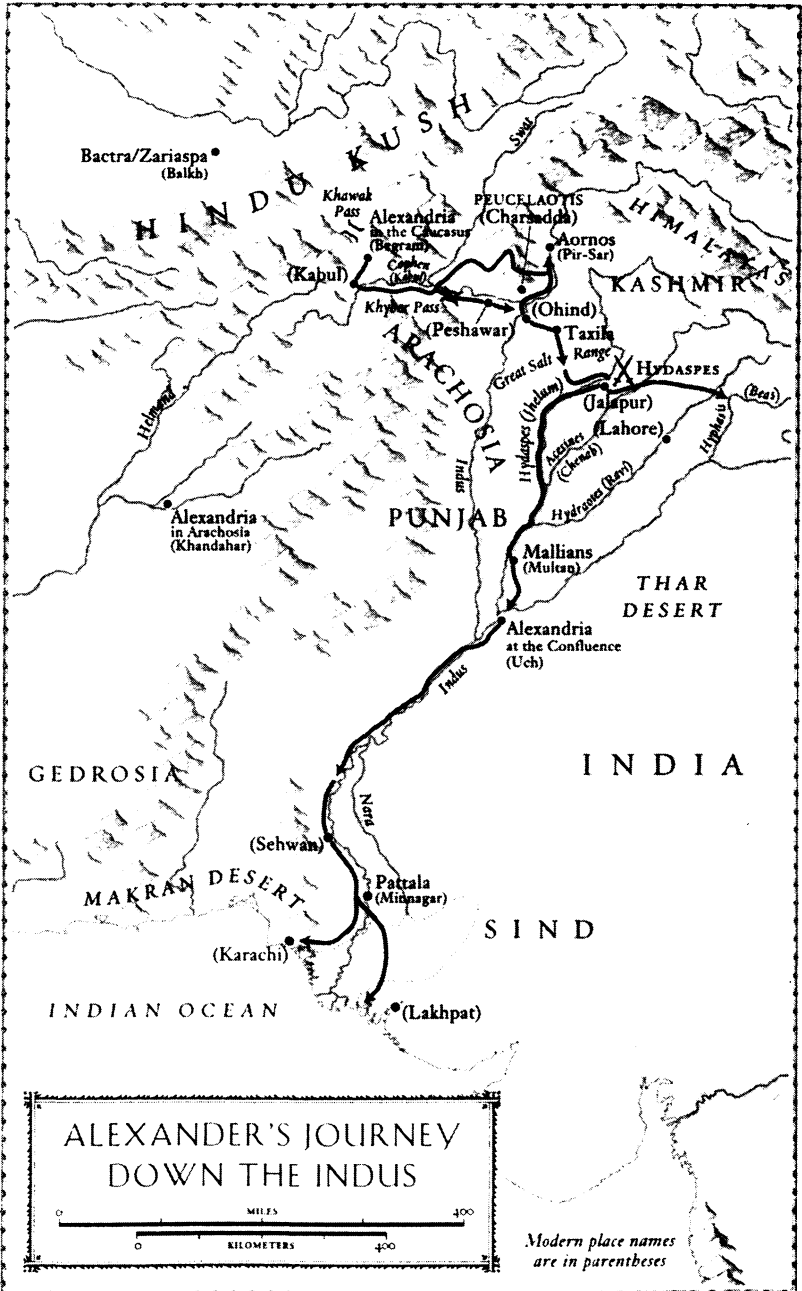
Воля ассакинов к сопротивлению была сломлена. Продвигаясь к реке Инду, Александр узнал о том, что местные жители бежали в землю Абисары (к востоку от Инда), но оставили своих слонов пастись неподалеку от реки. Уцелевшие слоны были захвачены и присоединены к армии Александра. Тем временем Гефестион и Пердикка, продвигаясь через долину реки Кофен, встретили серьезное сопротивление лишь со стороны правителя Певкелаотиды, чья столица (современная Харсадда) была взята приступом через 30 дней.

Гефестион и Пердикка, подошедшие к Инду раньше Александра, соорудили мост для переправы через великую реку, вероятно, в районе Охинда (современная Удабханапура). Было также подготовлено два тридцативесельных корабля и множество малых судов. От местного правителя Таксила прибыли дары, включая 200 талантов серебра, 3000 быков, 10 000 овец для жертвоприношений и 30 слонов. Таксил также прислал 700 конников и сдал Таксилу (современная Такшичила, примерно в 20 милях к северо-западу от Исламабада), крупнейший город в междуречье Инда и Гидаспа.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ИНД

Перед переправой Александр совершил обычное жертвоприношение и устроил у реки конные и гимнастические состязания. По словам прорицателей, жертвы оказались благоприятными.

Как именно Александр переправился через огромную реку — в наши дни ее максимальная ширина достигает двух с половиной миль, — точно неизвестно. Арриан сообщает лишь о том, что Александр перешел через Инд вместе со своей армией, а затем принес жертвы на другой стороне реки. Безусловно, он был первым (и последним)

греком или македонцем, вторгшимся в Индию во главе большой армии.

Оставив за спиной могучий Инд, Александр сначала двинулся в Таксилу, где даровал сыну местного правителя Мофису (который взял имя Таксил после смерти своего отца) все земли, граничившие с их территорией, о которых они просили. Такова была награда за дары, отправленные Таксилем Александру. В Таксиле Александр также принял послов от Абисара, правителя индийских горных племен, проживавших к востоку от Инда (современный Кашмир).

Возможно, присутствие Александра нервировало Таксила/Мофиса, поскольку он буквально осыпал царя дарами: 56 слонов, большое количество овец и еще около 3000 быков. Он также поведал царю о том, как много зерна он поставил в войска под командованием Гефестиона, и вручил золотые короны Александру и его друзьям. Как будто этого было недостаточно, он добавил 80 талантов чеканного серебра.

Александр был так доволен, что отдал назад все дары и добавил 1000 талантов из своих трофеев, золотую и серебряную посуду, персидскую одежду и 30 лошадей с полной упряжью. Мелеагр, один из македонских офицеров, выпивший слишком много на пиру, саркастически поздравил Александра с тем, что в Индии нашелся хотя бы один человек, который стоит 1000 талантов. Вспомнив о другой пирушке, закончившейся трагически, Александр сдержал свой гнев, но заметил, что «завистливые люди лишь мучают себя».

После обычных состязаний и жертвоприношений Александр назначил Филипа сатрапом местных индов и оставил в Таксиле больных и воинов, не способных для несения службы. Затем, пополнив свою армию пятитысячным войском под командованием Таксила/Мофия, он двинулся к реке Гидасп (современный Джелам). На дальнем берегу Гидаспа его ожидал Пор (индийск. Паурава), правитель богатой и густонаселенной страны в междуречье Гидаспа и Акесина (современный Ченаб). Географ

Страбон позднее утверждал, что в царстве Пора насчитывалось не менее 300 городов.

Еще будучи в Таксиле, Александр послал к Пору своего представителя Клеохарета с приказом выплатить дань и встретить Александра у границы своей территории. Пор согласился встретить Александра на границе, но при оружии. Это «оружие» включало около 2000 всадников, 20 000 пехотинцев и примерно 85 боевых слонов. Поскольку лошади боялись нападать на слонов, последние, вероятно, представляли наибольшую угрозу для македонян. Однако в целом армия Пора была гораздо менее значительной, чем персидская армия, разгромленная при Гавгамелах, и заметно уступала даже нынешней армии Александра, численность которой, вероятно, достигала 75 000 человек.

Когда Александр подошел к Гидаспу, то увидел Пора, занимавшего сильную оборонительную позицию на дальней стороне реки. Точное расположение будущего поля битвы остается неясным, но Аурел Штейн приводит убедительные аргументы в пользу района Малаквал напротив современного Харанпура. По прибытии македонян сам Пор выдвинулся вперед, чтобы защищать лучшее место для переправы. В других местах реки, где переправа была возможной, индийский царь выставил стражу. Его стратегия была ясна: помешать македонянам переправиться через реку и напасть на Александра, если его воины устанут. В общем и целом Пор занимал очень хорошую оборонительную позицию. Проблема, стоявшая перед Александром, не без основания сравнивалась с проблемой, стоявшей перед Наполеоном перед битвой при Ваграме в 1799 г., когда ему противостояла австрийская армия под командованием эрцгерцога Карла, стоявшая на другом берегу Дуная. При Гидаспе Александр столкнулся с одной из сложнейших тактических проблем в своей военной карьере.

Битва при Гидаспе

ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

С учетом позиций Пора и расположения своих войск Александр продумал свои контрмеры с огромной тщательностью и мастерством. Гидасп не был простым ручейком, как он однажды презрительно назвал Граник. Более того, Пор оказался гораздо более грозным противником, чем персидские сатрапы Малой Азии.

Флотилия, использованная для переправы через Инд, была разобрана и доставлена на повозках к берегу Гидаспа. Зерно поступало со всех территорий, подвластных Таксилу/Мофию. Александр разделил свою армию на ряд небольших подразделений и разослал их вверх и вниз по реке. Они опустошали окрестную территорию как вражескую, но при этом искали переправу.

Через некоторое время Пору стало ясно, что Александр собирается остаться в окрестностях Гидаспа до тех пор, пока уровень воды не упадет настолько, что армия сможет переправиться в любом из многих мест. Такое время должно было наступить в сентябре 326 г. до н. э.

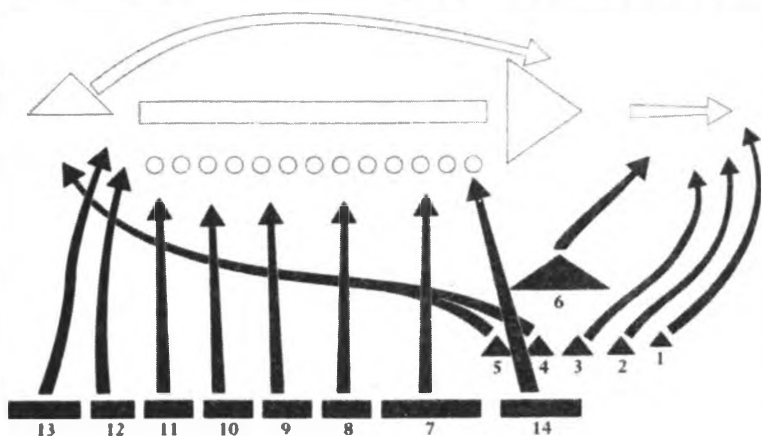
Но Пор недооценил своего противника. Александр был исполнен решимости довести дело до конца даже до того, как река достигнет своего максимума в конце июня

(когда ее воды пополнялись из-за таяния снегов в Гималаях и начала сезона муссонов).

Но поскольку через реку нельзя было переправиться открыто на виду у Пора, Александр решил достигнуть своей цели хитростью. Каждую ночь македонские конные отряды разъезжали вверх и вниз по реке; в конце концов Пор со своими слонами устал следовать за этими маневрами и счел их простым запутыванием. Затем Александр обнаружил подходящее место для переправы примерно в 17 милях вверх по реке от главного лагеря, в окрестностях современного Харанпура. Здесь, где река делала крутой изгиб, находился мыс, заросший густым лесом (вероятно, около Джалалпура. Прямо напротив леса располагался необитаемый островок (Адана).

Вечером перед переправой Кратер — пожалуй, самый надежный из оставшихся полководцев Александра — остался в главном лагере с полком своей конницы, двумя конными отрядами, двумя македонскими пехотными батальонами и пятью тысячами индийских воинов. Он получил приказ не начинать переправу, пока Пор не снимется вместе со своим войском, чтобы нанести удар по армии Александра (который тайно переправится через реку по отмели за островом), или до тех пор, пока Кратер не убедится, что Пор отступает, а македоняне одерживают победу. Если Пор выступит против Александра лишь с частью войска, Кратер должен оставаться на месте, но если индийский царь двинет всех своих боевых слонов против Александра, то Кратер должен немедленно переправиться через реку и напасть на него. Таким образом, Кратер и войска, находившиеся под его командованием, использовались в качестве «сдерживающей силы», предназначенной для того, чтобы поставить Пора перед выбором между двумя одинаково неблагоприятными тактическими возможностями, когда он поймет, что Александр уже находится на другом берегу реки. Пор мог эффективно противостоять Кратеру или Александру, но не обоим сразу.

Между Кратером и Александром была расположена

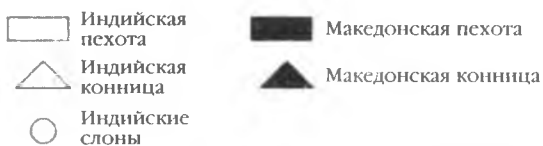

БИТВА ПРИ ГИДАСПЕ, МАЙ — ИЮНЬ 326 Г. ДО Н. Э.

Первоначальное построение и маневры войск, по Арриану 5.15.3—18.1

Македоняне

- 1 Царская агема под командованием Александра
- 2 Конная гиппархия под командованием Гепфестиона
- 3 Конная гиппархия под командованием Пердикки
- 4 Конная гиппархия под командованием Деметрия
- 5 Конная гиппархия под командованием Кена
- 6 Конные лучники даев; бактрийская, согдийская и скифская конница
- 7 *Гипастисты* под командованием Селевка
- 8 *Астгетайры*, отряд Кена
- 9 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Клита
- 10 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Горгия
- 11 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Аттала
- 12 Пехотная фаланга (*педзэтайры*) Мелеагра
- 13 Лучники — агриане и метатели дротиков под командованием Таврона
- 14 Лучники — агриане и метатели дротиков

наемная конница и пехота, которая должна была самостоятельно начать переправу, как только индийцы вступят в бой.

Сам Александр возглавил сильную «ударную группировку», состоявшую из особого эскадрона гетайров (*агема*), трех македонских конных полков, всадников из Бактрии, Согдианы и Скифии, конных лучников, щитоносцев, двух македонских пехотных отрядов под командованием Клина и Кена, лучников и своих бесценных агриан. В целом это войско насчитывало 6000 пехотинцев и 5000 всадников. Александр повел это войско к переправе далекой от берега дорогой, чтобы скрыть свой маневр от Пора. Еще раньше туда доставили защитные меха, набитые соломой, и сколотили много судов, в том числе тридцативесельные галеры. Проливной дождь с грозой вовремя скрыл звуки последних приготовлений.

БИТВА ПРИ ГИДАСПЕ

Операция началась перед рассветом, когда ветер утих, а дождь прекратился. Всадники погрузились на плоты, а пехотинцы взошли на суда. Сам Александр переправился на одной из тридцативесельных галер в сопровождении трех офицеров своей личной стражи — Птолемея, Пердикки и Лисимаха, — а также Селевка и половины щитоносцев. Льву настало время показать свои когти.

Конные разведчики индов заметили переправу и немедленно поскакали к Пору с тревожным известием, но было уже слишком поздно. Александр, первым высадившийся на берег, сразу же начал строить причаливавшую конницу в боевой порядок. Единственная проблема заключалась в том, что из-за недостаточного знания местности царь со своей армией оказался не на противоположном берегу реки, а на острове, отделенном от дальнего берега широкой протокой. «Разведка» снова подвела македонян, как это было в битве при Иссе, когда персы смогли зайти Александру в тыл и отрезать его армию от баз снабжения в Киликии. Теперь на маленьком острове по-

среди бурной реки в тысячах миль от дома наступил миг испытания для лидерских качеств Александра.

Обнаружив брод между островом и дальним берегом, войско спокойно перестроилось и вошло в реку. Вода в самых высоких местах доходила людям до груди, а у лошадей «только голова возвышались над водой».

Достигнув противоположного берега, Александр снова выстроил свою армию. Царская *агема* и остальная лучшая конница была поставлена на правом фланге с конными лучниками впереди. За ними расположились царские щитоносцы под командованием Селевка, царский полк тяжелой пехоты и другие отряды *гимастистов*. Пешие лучники — агриане и метатели дротиков расположились по флангам пехотной фаланги. Безупречное построение в таких неблагоприятных условиях было результатом четкого командования Александра и собственного профессионализма воинов.

Затем Александр двинулся вперед вместе с конницей, за которой следовали лучники и пехотинцы. Таким образом, он расположил свою конницу в качестве прикрытия для пехоты. Начиная с этого момента источники расходятся во мнениях. Согласно одному автору того времени, высадке на берег попытался воспрепятствовать сын Пора с 60 колесницами, но его отряд в спешке проскакал мимо переправы и был обращен с бегством конными лучниками. Другие авторы утверждают, что сын Пора все же сражался с Александром на берегу, ранил самого царя и нанес смертельный удар Буцефалу.

Однако Птолемей, участвовавший в этом бою, позднее вспоминал, что сын Пора действительно явился, но не с 60 колесницами (этого было явно недостаточно для атаки на Александра, но слишком много для рекогносцировки), а с 2000 всадников и 120 колесницами. Целью этого отряда было помешать высадке Александра или хотя бы не дать македонянам построиться в боевой порядок. Так или иначе, атака оказалась безуспешной. Александр ответил контратакой своей конницы и обратил противника в бегство. Инды потеряли около 400 всадников, включая сына Пора. Колесницы вместе с лошадьми были захвачены

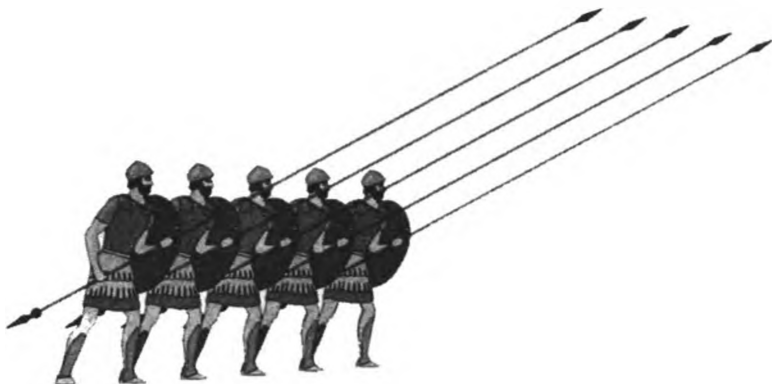
при отступлении; они были слишком тяжелыми и оказались бесполезными в бою из-за того, что колеса увязали в грязи.

Известие о поражении или гибели сына дошло до Пора, который увидел, что войско Кратера начинает переправляться через реку. Пойманный в классические военные «клещи», Пор благоразумно решил сразиться с сильнейшей частью македонской армии под руководством самого Александра. Он оставил небольшую часть своего войска с несколькими слонами, чтобы отпугнуть от берега всадников Кратера при переправе, а сам выступил навстречу Александру, имея в своем распоряжении примерно 2000 пехотинцев, 85 слонов, 240 колесниц и 20 000 пехоты.

Достигнув ровного песчаного (а не глинистого) места, пригодного для маневров конницы, Пор расположил слонов перед своим боевым строем с интервалами 50 футов. Таким образом он прикрыл свою пехоту и намеревался устроить македонскую конницу. За слонами, в промежутках между ними и на флангах за линией слонов стояли пехотинцы. Конные отряды, прикрываемые боевыми колесницами, обеспечивали дополнительную защиту с флангов.

Александр подтянул свою пехоту к коннице и позволил ей перестроиться и отдохнуть. Затем он переместил большую часть всадников на правый фланг (напротив левого фланга Пора). Кен, шурин Филота, со своим конным полком и всадниками Деметрия был направлен к правому флангу Пора с указанием зайти в тыл противнику, когда индийский царь вышлет свою конницу против Александра. Тяжелой пехоте под командованием Селевка, Антигена и Таврона было приказано воздержаться от схватки, пока они не увидят, что «конница привела в замешательство и пехоту, и конников врага».

Тем временем инды отовсюду стянули своих всадников и поскакали наперерез Александру. Таким образом, Кен и его воины действительно зашли в тыл индийской коннице, следовавшей за Александром на правый фланг. Независимо от намерений Пора, ему пришлось разделить свои силы, чтобы сразиться и с Александром, и с Кеном.

Македонские пехотинцы смыкались в тесном строю перед атакой вражеской конницы. В таком строю пики пехотинцев в первых нескольких рядах выступали перед фронтом фаланги, словно иглы дикобраза, но на разной высоте. Строй с сомкнутыми щитами (на рис. вверху) использовался главным образом для обороны, но мог применяться и в наступлении, как это произошло на заключительном этапе битвы при Гидаспе.

В тот момент когда конница противника разделилась и часть ее устремилась навстречу Кену, Александр ударил по пехотному строю, стоявшему напротив него. Инды немедленно отступили под защиту слонов.

Между тем македонская пехотная фаланга пошла в атаку, бросая дротики в возниц, управлявших слонами, и, окружив слонов, принялась осыпать их ударами со всех сторон. По словам Арриана, «слоны врывались в ряды пехоты, поворачивались, и в этом месте густого строя македонцев как не бывало. Конница индов, видя, что дело завязалось у пехоты, опять повернула и бросилась на македонскую конницу». Однако сила и опыт македонян вновь одержали верх, и конница индов была оттеснена к слонам.

Между тем слоны стеснились в узком месте, где они затаптывали насмерть как своих, так и чужих. Македоняне, имевшие больше пространства для маневра, отступали при атаке, но при первой возможности начинали преследовать слонов и метать в них копыя.

Когда слоны устали и начали отступать, «словно ко-

рабли, которые идут вспять», Александр окружил все вражеское войско своей пехотой и распорядился, чтобы она шла самым тесным строем, сомкнув щиты (*synaspismos* по-гречески). В результате большая часть конницы индов была перебита. Некоторая часть уцелевшей пехоты была встречена Кратером, успешно переправившимся через реку и устроившим погоню за индами, сменив усталых воинов Александра.

В сражении погибло не менее 12 000 индов, включая конницу и пехоту, и еще 9000 человек были взяты в плен. Из 85 слонов Пора 80 были захвачены живыми. Все боевые колесницы противника были уничтожены. Общие потери македонян составили 280 всадников и 700 пехотинцев.

Александр со своим многонациональным войском одержал победу над храбрым и упорным врагом, сражавшимся на родной земле и занимавшим превосходную оборонительную позицию. Царь прибегнул к обману, чтобы осуществить трудную переправу через реку в самых неблагоприятных условиях. Несмотря на допущенную ошибку (высадка на острове посередине реки), он безупречно выполнил операцию по отвлечению и охвату сил противника. Как обычно, Александр лично возглавил атаку конницы, решившую исход боя. Сражение при Гидаспе было настоящим триумфом оперативного планирования, отвлекающих маневров и четкого военного командования. Если бы главные битвы Александра можно было сравнивать с симфониями, то это был его «Юпитер», его шедевр, но, как и «Юпитер», это был его последний шедевр.

УЧАСТЬ ПОРА

Самого Пора не было среди погибших. Царь ростом около семи футов, сидевший на самом большом слоне, сражался до конца. Он отказался сдаться, несмотря на то что был ранен в правое плечо и видел, что его конница перебита, большая часть пехоты погибла, а слоны либо пали на поле боя, либо бродят без вожатых. Когда его наконец

убедили выслушать сообщение от Александра, переданное его старым другом Мероем, Пор спустился на землю и выпил воды. Потом рослого индийского царя привели к Александру.

«Чего ты хочешь?» — спросил Александр. «Чтобы ты, Александр, обращался со мной по-царски», — ответил Пор. Александр, которому понравились эти слова, вернул Пору его прежние владения и даже расширил границы его царства.

Затем Александр основал два новых города. Первый, расположенный на восточном берегу Джелама, где произошла битва, был назван Никеей (Победа) в честь победы над Пором. Второй город стоял на западном берегу — возможно, на том месте, где Александр начал переправу. Он был назван Букефалами в честь его любимого коня, «павшего здесь не от чьей-либо стрелы, а сломленного зномем и годами» (ему было около 30 лет).

ЭПИТАФИЯ БУЦЕФАЛА

Вот что написал Арриан об Александре и Буцефале:

«Много трудов и опасностей разделил он с Александром; только Александр мог сесть на него, потому что всех остальных седоков он не ставил ни во что. Был он рослый, благородного нрава, отличительным его признаком была голова, похожая по форме на бычью; от нее, говорят, он и получил свое имя. Другие же рассказывают, что он был вороной масти, но на лбу у него было белое пятно, очень напоминающее голову быка. Этот конь исчез у Александра в стране уксиев, и Александр велел объявить по всей стране, что он перебьет всех уксиев, если ему не приведут обратно коня. Его привели сразу же после этого объявления. Так любил Александр своего коня, и так боялись Александра варвары. И да будет ради Александра и мной воздана честь Буцефалу!»

Мятеж на реке Гифас

ПЕРЕХОД К РЕКЕ ГИФАС

Воздав почести павшим в битве при Гидаспе, Александр принес традиционные благодарственные жертвы богам за свою победу. На берегу, где он высадился на берег после переправы, были проведены гимнастические и конные состязания. Такие состязания происходили регулярно, когда Александр считал необходимым скрепить узы боевого братства и солидарности — особенно, если воины становились свидетелями гибели многих своих товарищей в бою.

Александр также пользовался памятными предметами для поддержания боевого духа и укрепления своей версии происходивших событий. Впоследствии его чеканный двор в Вавилоне выпустил серию монет в честь великой победы над индами. На реверсе одной из таких монет изображен слон, а на аверсе — индийский лучник. На значительно более крупной монете изображен сам Александр на коне и с копьем в руке, атакующий двух индийцев, восседающих на слоне.

Пока царь продвигался на территорию индов по границе царства Пора в северо-восточном направлении (в нынешнем Кашмире), он оставил Кратера с частью армии для строительства и укрепления новых городов.

Александр явно намеревался продолжать движение на восток до полного завоевания Индии, о чем он сам уже поведал Фарасману летом 328 г. до н. э. Однако завоевательный поход вскоре превратился в путешествие, которое если и не вело в самое сердце тьмы, то представлялось большинству македонян достаточно опасным и неопределенным, чтобы отказаться идти дальше еще до конца лета 326 г. до н. э.

Первое племя индов, встреченное Александром по пути, называлось главганиками или главсами. Александр захватил 37 их городов и передал Пору, который таким образом был немедленно вознагражден за свой новый союз с «царем всей Азии». Таксила, примирившегося с Пором, отправили домой.

Из стволов хвойных деревьев, покрывавших склоны ближайших гор, воины Александра построили большое количество судов, которыми он предполагал воспользоваться для плавания вниз по Нилу после завоевания Индии. В этом регионе македоняне также повстречались с самыми разнообразными змеями; некоторые достигали 8 метров в длину, другие были маленькими и разноцветными. Многие из них оказались ядовитыми, и до тех пор пока местные жители не показали македонянам корень растения, служивший противоядием от укусов, они проводили тревожные ночи в гамаках, подвешенных между деревьями.

Македоняне также дивились разнообразию обезьян, обитавших в Индии. Среди этих обезьян была одна разновидность, славившаяся своим хитроумием; поскольку их нельзя было поймать силой, местные жители прибегали к обману. Убедившись, что обезьяны могут видеть их, индийские охотники намазывали свои веки медом, застегивали сандалии на лодыжках и вешали зеркала себе на шею. Затем охотники уходили, оставляя запасные сандалии и зеркала с прикрепленными удавками, а мед заменяли птичьим клеем. Когда обезьяны имитировали действия охотников, их глаза слипались от птичьего клея, ноги оказывались скованы сандалиями, а удавки затягивались на шею. После этого их было нетрудно поймать.

Познакомившись с местной фауной, Александр обратил свое внимание на противников, принадлежавших к человеческому роду. Вскоре к нему прибыли послы от Абисара, включая брата правителя, которые привезли в дар сокровища и 40 слонов. Тем не менее Александр направил Абисару ультиматум, приказав ему явиться лично и пригрозив, что если он этого не сделает, то вскоре увидит самого Александра во главе армии, что будет для него менее приятным зрелищем.

Потом к Александру явились представители от независимых индов и от двоюродного брата Пора, которого тоже звали Пором. Этот Пор сначала выказал покорность Александру, но затем бежал за реку Гидраот (Рави) со своей армией. Александр отправился на восток в погоню за ним.

Царь дошел до реки Акесин (Ченаб), не встретив значительного сопротивления, но переправа через реку шириной немногим менее двух миль была очень трудной. Это было время летнего солнцестояния, и уровень воды в реке был еще очень высоким из-за муссонных дождей. Хотя Александр, судя по всему, переправился в самом широком месте с более медленным течением, главную опасность представляли высокие и острые камни, иногда выступавшие над водой. Для тех, кто плыл на плотках, сделанных из шкур, переправа была сравнительно легкой, но многие из переправлявшихся на лодках расстались с жизнью, когда их суда разбивались при столкновении с подводными порогами. Переправа через притоки могучего Инда была не менее опасной, чем сражение с противником.

Высадившись на противоположный берег, Александр оставил Кена и его отряд возле реки для наблюдения за переправой остальной армии, которая должна была доставить хлеб и прочие припасы из уже покоренных земель. Пора (того, кто участвовал в сражении при Гидаспе) отослал в свое царство с распоряжением привести Александру самых храбрых воинов из числа индов и боевых слонов. Пор доказал свою доблесть и благородство, и Александр теперь доверял бывшему противнику.

Поход на восток от реки Акесин до Гидраота (Рави) и наконец до Гифаса (Беас) происходил в самых худших условиях, с которыми македонянам до сих пор приходилось сталкиваться. Дождь лил 70 дней подряд; тропические ливни часто сопровождались непрерывным сверканием молний и раскатами грома, но пока что железная дисциплина македонян позволяла им двигаться вперед. Завоевав земли, принадлежащие двоюродному брату Пора, они оставили стражу в стратегических пунктах по маршруту до Гидраота, чтобы войска под командованием Кена и Кратера могли беспрепятственно заниматься фуражировкой. Гефестион с двумя пехотными фалангами, собственным конным полком, полком Деметрия и половиной лучников был отправлен завоевывать земли Пора-отступника и покорять его союзников, а сам Александр переправился через Гидраот и напал на цитадель кафеев в Сангале (вероятно, между современным Лахором и Амритсаром). Несмотря на сооружение тройного оборонительного кольца, укрепления кафеев не смогли устоять перед натиском македонян. Александр снова лично возглавил атаку пехотной фаланги, вытеснившую индов из третьего (внешнего) кольца повозок. Затем фаланга ударила по второму, более плотному кольцу. Инды даже не попытались оборонять внутреннюю линию укреплений: они отступили и закрылись за стенами Сангалы.

Александр окружил часть города двойным частоколом. Несколько попыток осажденных вырваться наружу были пресечены Птолемеем и щитоносцами, находившимися под его командованием. В это время прибыл Пор со слонами и 5000 воинов-индов. Александр подвел к городским стенам осадные машины, но раньше чем была сделана хотя бы одна пробоина, македоняне устроили подкоп под кирпичной стеной, поставили множество лестниц и взяли город приступом. По меньшей мере 17 000 горожан были убиты и 70 000 попали в плен. У Александра 100 человек были убиты в бою и 1200 получили ранения, включая Лисимаха, одного из личных телохранителей царя.

Александр отправил своего письмоводителя Эвмена из Кардии к двум городам, восставшим вместе с Сангалой, и велел передать, что им не будет ничего плохого, если они «останутся на месте и дружелюбно его примут». Но жители этих городов бежали при известии о падении Сангалы. За ними устроили погоню, но большинству удалось уйти. Из тех, кто отстал по слабости или болезни, были захвачены и казнены около 500 человек. Эта жестокость напоминала глумление Дария над ранеными воинами Александра перед битвой при Иссе, несмотря на то, что жители этих городов считались мятежниками. Сангала была разрушена до основания, а землю Александр отдал независимым индам, добровольно покорившимся ему. Пор со своим войском отправился в эти города, чтобы поставить там военные гарнизоны.

Александр со своей армией выступил к реке Гифасу с намерением покорить индов, живущих на другом берегу. Он считал, что «война не может окончиться, пока еще есть люди, способные с ним воевать». Жажда битвы, всегда присущая Александру, казалось, лишь возрастала со временем, но среди македонян распространились другие настроения. После переправы через Гидасп два месяца назад и почти четырехсотмильного похода на запад им пришлось сражаться в ужасных условиях, в буквальном смысле уничтожая все на своем пути. В отличие от Александра, македоняне наконец устали от резни — по крайней мере так далеко от родины.

МЯТЕЖ НА РЕКЕ ГИФАС

Когда Александр подошел к Гифасу, местный правитель Фегей рассказал ему о расстоянии до Ганга и описал врагов, с которыми он встретится на другой стороне реки. Ганг находился в 12 днях пути через пустыню; ширина реки достигала четырех миль, и она была самой глубокой из всех индийских рек. На восточном берегу Ганга, по словам Фегея, живут прасии и гандары, которые могут выставить 80 000 всадников, 200 000 пехотинцев, 8000 колесниц и 6000 боевых слонов.

Александр усомнился в этих сведениях, но Пор подтвердил их, однако добавил, что царь гандаров — «человек совершенно ничтожный и обесславленный; его даже считают сыном цирюльника». Его отец, по слухам, был красивым человеком, и царица влюбилась в него, погубила своего мужа и передала царство любовнику.

Естественно, Александра не утратили сведения о численности вражеского войска. Он верил в мужество македонян и в предсказания оракула. Он помнил, что пифия назвала его «неуязвимым» и что Амон дал ему власть над всем миром.

Но простые македонские солдаты придерживались иного мнения. Они провели около восьми лет в лишениях, трудах и опасностях, потери были многочисленными, а сражениям не видно конца. У лошадей истерлись копыта от постоянного пребывания в пути, оружие и доспехи большей частью тоже пришли в негодность, а греческая одежда изорвалась, и воинам приходилось носить индийские плащи, которые они укорачивали на свой манер. Муссоны беспощадно поливали македонскую армию дождем, а «молнии били без промаха».

Александр, чувствовавший настроения, царившие в его лагере, благоразумно разрешил людям грабить округу, надеясь таким образом повысить их боевой дух. Солдатским женам он велел выдать хлебный паек на месяц, а мальчикам выплатить суммы, соответствующие жалованью их отцов.

Тем не менее солдаты роптали на свою участь. Некоторые утверждали, что не пойдут дальше, даже если сам Александр возглавит их.

Услышав о всеобщем недовольстве, Александр созвал войсковое собрание и объявил свой великий план: он собирался идти до Ганга и до Восточного моря, а оттуда через Персидский залив — в Ливию, до Столпов Геракла. Таким образом, вся Ливия и восточные земли, а также вся Азия будут находиться под единой властью, а «границами нашего государства будут границы, которые Зевс назначил земле». Таким образом, Александр подтвердил то, что

уже давно подозревали многие из его приближенных. В то время как Зевс правил богами на Олимпе, его сын намеревался править всей Землей. Война не закончится до тех пор, пока Александр не покорит весь мир.

Речь Александра завершилась гробовым молчанием. Наконец заговорил Кен, один из командиров фаланги, очень уважаемый полководец, сражавшийся в каждой из крупных битв. Он попросил Александра положить предел его нынешней кампании. По его словам, Александр должен был вернуться в Грецию и привести в порядок свои дела. Если он захочет предпринять другую экспедицию против индов на востоке, в Черное море или в Карфаген и на территорию Ливии, за ним пойдут другие греки и македоняне.

Затем Кен сделал важное замечание: «Царь, если что хорошо, так это смирение в счастье. Тебе, такому вождю, ведущему такое войско, нечего бояться врагов, но божество может послать нечто неожиданное, и человеку тут остеречься невозможно». Иными словами, Александр должен был понять, когда следует остановиться.

Речь Кена была встречена аплодисментами, некоторые воины прослезились. Судя по всему, никто из них не внял призыву Александра к господству над миром.

На следующий день Александр созвал другое собрание и объявил, что хотя он не будет силой побуждать македонцев следовать за ним, он сам полон решимости идти дальше.

«Будут другие люди, которые пойдут добровольно за своим царем, — сказал он. — Те, кто желает уходить домой, пусть уходят и пусть сообщат домашним, что они оставили своего царя, окруженного врагами».

После этого решительного заявления Александр удалился в свою палатку. Он никого не принимал в течение трех дней и ждал, окажется ли этот эмоциональный шантаж более удачным, чем призыв к чувству долга. Но молчание длилось, и никто не собирался нарушать его. Вероятно, осознав, что он зашел слишком далеко и теперь нужно найти какой-то способ, чтобы сохранить лицо,

Александр приказал совершить жертвоприношение для переправы через реку и узнать волю богов.

По удачному стечению обстоятельств знамения оказались неблагоприятными для переправы. Боги, а не македоняне встали на пути у Александра. Услышав это известие, солдаты возликовали и окружили палатку Александра, осыпая его благодарностями. Это было единственное поражение, которое он когда-либо потерпел. Долгий поход на восток закончился.

Когда мы рассматриваем «мятеж» на реке Гифас в ретроспективе, важное значение имеет не сам факт случившегося, так как во многих армиях вспыхивали бунты, когда они несли слишком большие потери, слишком долго голодали или находились в невыносимых условиях. Изумление вызывает то обстоятельство, что бунт вызревал так долго. Македоняне следовали за Александром в течение восьми лет, преодолевая тысячи миль, в любое время года, по любой местности, против бесчисленных врагов, одерживая одну победу за другой. Лишь когда они наконец поняли, что Александр не остановится до тех пор, пока не достигнет края света, они отказались сделать хотя бы один шаг дальше от своей родины. Однако не было ни насилия, ни даже угрозы насилием в адрес Александра или любого из его полководцев, скорее македонцы через посредничество Кена наконец упростили Александра остановиться ради своего же блага, что тот и сделал, хотя и неохотно. Так прочны были узы между македонскими воинами и их царем.

Без сомнения, Александр был глубоко разочарован утратой возможностей дойти до Ганга и покорить всю Индию. Он мог совершить и это; сам Дракотта, правитель индийского региона, который Александр намеревался присоединить к своим владениям, заметил, что Александр находился в одном шаге от покорения всей страны, поскольку царь, правивший ей в то время, был ненавидим и презираем в народе из-за своего распущенного нрава и низменного происхождения.

Нет никаких свидетельств, что после мятежа Александр

затаил обиду на своих воинов, как предполагали некоторые историки, и решил наказать македонцев, бросая их в смертоносные битвы или заставляя отправляться в путь без должной подготовки. И до этого события, и впоследствии Александр и македоняне отчаянно сражались против грозных врагов, и хотя условия, с которыми они столкнулись на обратном пути, отличались от первоначальных, но были не более опасными. Как мы убедимся, Александр делал все возможное, чтобы позаботиться о своих воинах даже в наихудших обстоятельствах. Его неудачи нельзя рассматривать как доказательство его намерений, которые на самом деле остаются неизвестными.

Поразмыслив о том, как будет лучше отметить пределы его царства на реке Гифас, Александр приказал солдатам соорудить алтари в честь 12 олимпийских богов, каждый высотой 75 футов. На них он начертил следующие слова: «Отцу Амону, его брату Гераклу, Афине-Воительнице и Зевсу-Олимпийцу, Кабирам Самофракийским, Индийскому Солнцу и Дельфийскому Аполлону».

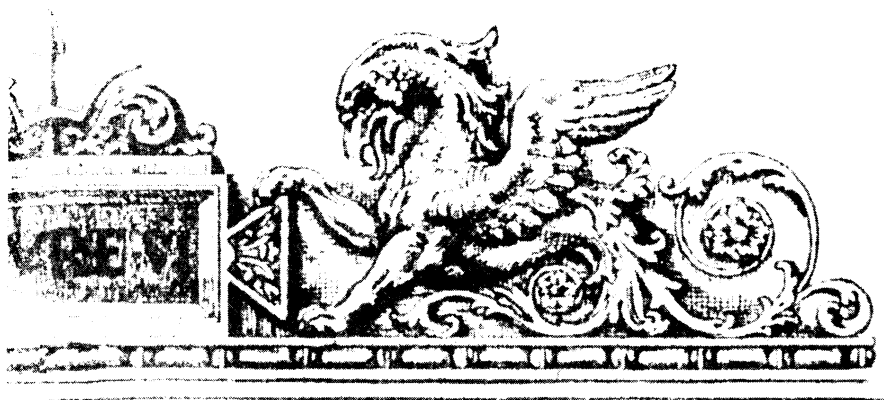
Эти алтари были воздвигнуты в знак благодарности богам и богиням, обеспечившим Александру беспрецедентный ряд побед и военных успехов. Ни алтари, ни надписи впоследствии так и не были найдены.

Потом Александр совершил обычные жертвы на алтарях и провел гимнастические и конные состязания. Он также устроил огромный лагерь, в три раза больше обычного размера. Каждому пехотинцу было велено устроить палатку с огромной кроватью, а всадники должны были кроме этого сколотить по паре ясель, вдвое больших чем обычные, чтобы создать впечатление, что здесь «находились люди огромного роста, обладавшие сверхъестественной силой».

Теперь Александр стал готовиться к долгому пути на запад, в Македонию. Всю территорию до Гифаса он отдал в управление Пору, Абисар был поставлен сатрапом над его страной, а Арсак назначен в подчинение Абисару. Был также определен размер и сроки выплаты дани. Это указывает, что Александр собирался не просто покинуть Индию, а получать прибыль от вассалов своей империи.

СМЕРТЬ КЕНА

Александр двинулся обратно к реке Гидасп и достиг ее, вероятно, в конце лета 326 г. до н. э. Здесь Кен, огласивший недовольство солдат возле Гифаса, умер от болезни. Время его смерти сподвигло некоторых комментаторов на предположение, что Александр был каким-то образом причастен к этому событию, но у нас нет конкретных доказательств этого. Правда, устроив Кену пышные похороны, Александр якобы заметил, что «Кен произнес свою долгую речь ради каких-то нескольких дней, словно он был единственным, кто снова увидит Македонию». В лучшем случае своевременная смерть Кена может указывать, что Александр действительно пользовался благосклонностью богов.

ЧАСТЬ III

Когда они были счастливы

Награда за великие деяния

НА ЮГ

Воспользовавшись своими новыми городами — Букефалами и Никеей — как базами снабжения, Александр возглавил свое войско в длинном и трудном путешествии на юг. Включая недавно прибывшие подкрепления из Греции, Фракии и Азии, Александр теперь имел под началом около 120 000 человек. Примерно 13 000 из них были конниками, а 55 000 — тяжеловооруженными пехотинцами. Это, безусловно, была одна из самых больших и мощных когда либо существовавших греко-македонских армий.

Для транспортировки лошадей и провианта этой огромной армии вниз по течению Инда Александр соорудил не менее внушительный флот. Он состоял из 80 тридцативесельных галер, а общее количество всевозможных судов могло достигать 2000. Речная армада значительно уступала флоту союзных держав из 5333 судов, доставивших 175 000 человек к берегам Нормандии 6 июня 1944 г., но значительно превышала любой другой греческий флот.

Судами управляли команды, укомплектованные финикийцами, киприотами и египтянами, следовавшими за экспедицией. Ионийцы и люди с берегов Геллеспонта тоже обладали морским опытом. Командиры трирем (это

был почетный титул) назначались из числа македонских, греческих и персидских офицеров и друзей Александра. Общее командование было поручено критянину Неарху, другу детства Александра. Онесикрит из Астипалеи был выбран кормчим царского флагмана.

Перед отплытием флота были проведены драматические и гимнастические состязания. Погрузка началась на рассвете, вероятно, в начале ноября 326 г. до н. э. Александр принес обычные жертвы богам и сделал особое подношение реке Гидасп в соответствии с указаниями, полученными от прорицателей. Потом, стоя на носу флагманского корабля, он совершил возлияние в воду из золотой чаши, обратившись к реке и объединив ее название с названием Акесина, самого крупного из ее притоков, и самого Инда. Он также совершил возлияния в честь своего предка Геракла, Амона и других богов, которым обычно оказывались такие почести. Начался новый великий труд; его завершение еще могло стать исполнением пророчества Амона.

Александр велел трубачу подать сигнал к отплытию. Когда звук боевой трубы пронзил тишину раннего утра, суда двинулись в установленном порядке и весла трирем ритмически поднимались и опускались в бурные воды огромной реки.

В ближайшее сопровождение Александра входили щитоносцы, лучники, агриане и личный конный эскадрон «товарищей царя». Пока огромная армада двигалась вниз по течению Гидаспа, Кратер с частью пехоты маршировал по правому берегу, а Гефестион шел по левому берегу с лучшими боевыми отрядами, включая 200 слонов.

Гефестион получил приказ как можно скорее прийти до царства Сопифа. Филипу, оставленному сатрапом земель от Инда до Бактрии, было велено подождать три дня, а затем двинуться со своим войском, уничтожая любое сопротивление, которое могло остаться после объединенного наступления Кратера, Александра и Гефестиона.

На пятый день флот достиг узкого и опасного места слияния Гидаспа и Акесина. Хотя некоторые суда получи-

ли повреждения, они были быстро отремонтированы, и вскоре Александр воссоединился с войсками Гефестиона, Кратера и Филипа. Эта встреча, которая произошла в заранее назначенном месте, указывает на тщательное планирование операции. На первом этапе путешествия македоняне понесли лишь незначительные потери, однако теперь им предстояло столкнуться с энергичным сопротивлением, а они в свою очередь несли гибель или порабощение всем, кто противостоял им. Если эта часть кампании была обычным «набегом», как утверждают некоторые индийские историки, то это был один из самых опустошительных набегов в человеческой истории.

МАЛЛЫ

Неарху было поручено вести флот на юг от Акесина до территории маллов (малавы), а Кратер и Филип (под общим командованием Кратера) получили приказ возглавить движение войсковой колонны по правому берегу реки. Оставшееся войско Александр разделил на три части: Гефестиона он отправил пятью днями раньше, «чтобы те из его солдат, которые сбегут, желая скорее уйти подальше, наткнулись бы на отряды Гефестиона и были задержаны». Птолемею, сыну Лага, он оставил другую часть войска и велел выступить через три дня, «чтобы беглецы из его солдат, повернувшие обратно, опять-таки наткнулись на отряды Птолемея». Сам Александр повел мощное войско, состоявшее из щитоносцев, лучников, агриан, тяжелой пехоты, конных лучников и половины гетайров, в пустыню против маллов. Последующая кампания была такой же жестокой, как и любая другая в этой войне, и едва не оказалась смертельной для Александра.

Продвигаясь к Гидраоту по почти бесплодной местности, Александр застиг врасплох первых маллов, попавшихся на пути, а затем обрушился на их города. Местные жители, бежавшие из города, который было поручено захватить Пердикке, были схвачены и истреблены за исключением тех, кто успел убежать в болота.

Переправившись через Гидраот, Александр преследовал беженцев на другом берегу реки и убил многих из них. Тем временем Пифон захватил «неприступное и укрепленное место», где укрылось большинство остальных маллов. Те, кто не погиб при первом штурме Пифона, были обращены в рабство.

Затем сам Александр возглавил атаку на город брахманов, где нашли убежище некоторые из уцелевших маллов. Эти брахманы были членами аскетической религиозной секты. Александр первым поднялся на стену, расположенную за рухнувшей башней, и удерживал ее. Остальные македоняне, пристыженные его примером, последовали за царем и наконец ворвались в город. Там пали до 5000 индов, храбро защищавших свои дома, и лишь немногие были захвачены в плен живыми.

Маллы, жившие в нескольких самых крупных городах, покинули свои дома и заняли позицию на берегу Гидраота, намереваясь воспрепятствовать переправе Александра, но их войско, насчитывавшее около 50 000 человек, в конце концов было оттеснено от берега и скрылось за стенами самого укрепленного из ближайших городов.

На следующий день Александр разделил свою армию; одну половину он отдал под командование Пердикке, а другую возглавил лично и приступил к штурму города, где скрылись уцелевшие маллы. После того как маллы покинули внешнюю стену и бежали в цитадель, Александр с лучшими воинами проник в город значительно раньше других. Отряд под командованием Пердикки запоздал, так как лишь немногие его люди несли с собой лестницы, очевидно, поверив, что город уже захвачен. Когда стало ясно, что многие враги до сих пор оказывают сопротивление в цитадели, некоторые македонцы начали вести подкоп под стену, другие стали приставлять лестницы в тех местах, откуда можно было ворваться в цитадель.

Александру показалось, что македоняне, несшие лестницы, не торопятся; он выхватил у одного из них лестницу, сам приставил ее к стене и полез наверх, прикрываясь щитом. Один из щитоносцев по имени Певкест, подни-

мавшийся за ним, нес священный щит, полученный Александром в троянском храме Афины. За Певкестом следовал Леоннат, один из семи личных телохранителей Александра. По другой лестнице поднимался Абрей, солдат «двудольник» (ветеран, получавший двойное жалованье за примерную службу).

Когда царь добрался до зубцов стены, то уперся в них своим щитом и начал сталкивать одних индов за стену и убивать других мечом, таким образом очистив часть стены. Щитonosцы, опасавшиеся за безопасность своего царя, полезли вместе по одной лестнице и сломали ее; уже добравшиеся наверх попадали вниз и преградили дорогу остальным. Александр остался почти один.

Инды, находившиеся в соседних башнях, и защитники города (расположенные на каком-то возвышении поблизости), узнав Александра, стоявшего на стене в роскошных доспехах, осыпали его дождем стрел и дротиков, однако никто из них не осмелился приблизиться к царю.

В этот момент, по свидетельству Арриана, «Александр понял, что, оставаясь на этом месте, напрасно подвергает себя опасности, так как сделать что-нибудь стоящее он здесь не сможет; если же он спрыгнет вниз, то, может быть, этим испугает индов, а если нет и он окажется в опасности, то погибнет не напрасно, совершив дела великие, достойные того, чтобы о них узнали потомки». В один миг Александр принял решение и прыгнул со стены крепости.

Если малы и были поражены отвагой Александра, то быстро оправались от изумления. Почти мгновенно они набросились на него со всех сторон и со всевозможным оружием. Прислонившись спиной к стене с левой стороны и находясь под некоторой защитой дерева, ограждавшего его с правой стороны, Александр отразил эти атаки и убил нескольких человек, включая одного командира индов. Двое других были повержены метко брошенными камнями. Увидев это, остальные инды уже не решались подходить к нему. Окружив царя со всех сторон на безопасном расстоянии, они стали метать в него оружие, «какое у кого оказалось в руках или подвернулось под руку».

К счастью для Александра, в этот момент Пердикка, Абрей и Леоннат, добравшиеся до вершины стены, тоже прыгнули вниз и встали на защиту царя. Однако Абрей почти мгновенно был поражен стрелой в лицо и погиб. Вслед за этим был ранен сам Александр; стрела прошла через доспехи и вонзилась в грудь над правым соском. В пожилом возрасте Птолемей вспоминал, что вместе с кровью из раны вышел воздух. Некоторое время Александр еще отбивался, но от большой потери крови у него закружилась голова, он потерял сознание и упал на свой щит.

Певкест встал над Александром, прикрывая его священным щитом из Трои. Леоннат отбивал атаки с другой стороны, стоя под градом стрел. Александр истекал кровью и умер бы на месте, если бы не его защитники.

Тем временем остальные македоняне, видевшие, как Александр прыгнул в крепость, стали придумывать всяческие средства, чтобы подняться на стену. Некоторые вбивали костыли в глиняную поверхность стены, другие вставали на плечи товарищей. В конце концов некоторым удалось подняться наверх и прийти на помощь Певкесту и Леоннату, по-прежнему защищавшим Александра. При виде павшего царя все «плакали и кричали»; македонцы один за другим становились перед Александром, закрывая его своими щитами.

Вскоре удалось взломать засов ворот между городскими башнями и открыть дорогу в крепость. Македоняне, уверовавшие в то, что Александр умирает или уже умер, убивали всех без разбора, включая женщин и детей. Никому не было пощады.

Когда македоняне овладели цитаделью, Александра унесли на щите. Некоторые авторы пишут, что Критобул, врач с острова Кос, вырезал стрелу, ранившую Александра, сначала отрубив древко, а потом расширив рану и удалив зазубренный наконечник. Другие утверждают, что, поскольку врача рядом не оказалось, телохранитель Пердикка по приказу самого Александра рассек рану мечом и достал стрелу. Длина этой стрелы якобы достигала трех

футов, а толщина составляла три дюйма. Никто не думал, что Александр выживет.

В македонском лагере быстро распространились слухи о смерти царя, вызвавшие неподдельное горе среди солдат, однако сетования вскоре сменились страхом: без своего царя македоняне не надеялись попасть домой целыми и невредимыми. Их окружали воинственные народы, отчасти еще не покоренные, другие могли восстать в любой момент, избавившись от страха перед именем Александра.

Когда пришло известие, что Александр жив, лишь немногие поверили этому. Даже после того как солдатам зачитали письмо от самого Александра с утверждением, что он вскоре прибудет в лагерь, многие из них продолжали сомневаться и считали письмо подделкой, составленной телохранителями и полководцами Александра.

Понимая, что если слухи о его смерти не прекратятся, то среди солдат могут начаться волнения, Александр приказал доставить себя на берег Гидраота. Войсковой лагерь находился у слияния Гидраота и Акесина. Когда судно, где находился царь, приблизилось к лагерю, Александр велел убрать навес с кормы, чтобы все, стоявшие на берегу, могли видеть его. Тем не менее многие продолжали считать, что им показывают лишь мертвое тело Александра.

Когда судно пристало к берегу, Александр медленно поднял руку, приветствуя своих солдат. При виде этого многие воины расплакались от облегчения. Когда Александра вынесли на берег, щитonosцы принесли его кровать, но Александр приказал привести своего коня. После того как его увидели верхом на коне, «по всему войску пошел такой шум, что откликнулись эхом и берега, и соседние леса». Подъехав к палатке, Александр сошел с коня, чтобы все увидели, что он держится на ногах. Люди обступили его со всех сторон, касались его рук, обнимали колени и трогали за одежду. Другие только смотрели с близкого расстояния. Его осыпали цветами, которые в изобилии росли вокруг.

Позднее, когда Александр немного оправился от своей

раны, друзья упрекали его за такой риск. Они утверждали, что сражаться — это дело солдат, а не полководцев. По свидетельству Арриана, «Александр сердился на эти речи, сознавая их справедливость; он понимал, что заслуживает порицания», но он не мог совладать с собой: «Как некоторые уступают зову наслаждений, так и он бросался в гущу боя: до того разгоралось у него сердце и так хотелось ему прославиться». Александру не хватало выдержки, чтобы воздерживаться от опасности.

Неарх также утверждал, что какой-то пожилой беотиец, узнав, что Александра рассердили упреки его друзей, подошел к царю и сказал: «О Александр, действовать — дело мужей». Затем он привел стих, сложенный ямбом, смысл которого сводился к следующему: кто действует, тот должен и терпеть. В дальнейшем этот человек приобрел доверие и дружбу Александра.

И Арриан, и пожилой беотиец были правы. Хотя Александр был царем и нес всю ответственность, налагаемую этим титулом, в его груди билось сердце воина. Судя по его поступкам, Александр принадлежал к очень редкой категории воинов, которые являются не только чрезвычайно одаренными профессионалами, но и получают удовольствие от самой схватки. Как человек, наслаждавшийся битвой и готовый рискнуть всем, Александр имел огромное преимущество перед своими противниками, чьей главной целью было выживание. В боксе мастера обороны и контрударов часто выигрывают поединки в последних раундах, в гоPLITской войне обычно не бывало «последних раундов»: преимущество принадлежало агрессору, и Александр всегда был на стороне нападающих. Не случайно, что из восьми ран, полученных им за все военные кампании, большинство происходило от стрел, копий или камней, брошенных с безопасного расстояния. Ни одному из вступавших с Александром в ближний бой не удавалось выжить отчасти потому, что царь всегда первым вступал в бой.

Для многих отвратительна сама мысль о таких воинах, которые получают удовольствие от своего ремесла, но та-

кие люди всегда были и еще будут. Определение принадлежности Александра к элите «исторических виртуозов насилия» не обязательно следует понимать как восхваление этого факта. Но прежде чем осуждать Александра за его склонность к темной стороне человеческих способностей, следует помнить о том, что мы часто презираем таких людей до того времени, когда они понадобятся в следующий раз. По крайней мере Александр был готов платить неизбежную цену за свои боевые подвиги. Он никогда не посылал людей на то, чего сам бы не осмелился предпринять. Это гораздо больше, чем можно сказать о современных тиранах, с которыми его стало модно сравнивать.

БРАХМАНЫ

Пока Александр выздоравливал, к нему явились послы от уцелевших маллов и представители другого местного племени оксидраков (кшудрака) с просьбой о помиловании. Последние преподнесли ему в дар 500 колесниц; это было явным признанием капитуляции. Оксидраки научились на горьком опыте маллов. Александр назначил Филипа сатрапом над ними и над маллами. Были построены новые суда, на которых разместились 1700 гетайров, легкая пехота и до 10 000 тяжелых пехотинцев. Все еще оправляясь от раны, он спустился по Гидраоту до впадения этой реки в Акесин, а потом поплыл вниз по Акесину и дошел до слияния с Индом.

Здесь к Александру присоединился со своим войском Пердикка, покоривший по дороге независимое племя абастанов. Филип, остающийся со всеми фракийцами и достаточным количеством войск «для охраны страны», получил приказ основать город при слиянии рек. Александр также приказал соорудить судостроительные верфи, чтобы река могла стать прибыльной торговой артерией. В то же время к нему прибыл Оксиарт, отец Роксаны, к владениям которого были добавлены Парапамисады (Афганистан). Прежнего сатрапа Тириеспа царь отрешил от должности,

так как он неэффективно исполнял свои обязанности. Александр снова продемонстрировал свою нетерпимость к плохому управлению.

Кратера со всеми слонами и большей частью войска послали вперед по левому берегу Инда, а Александр поплыл вниз по реке к царскому дворцу в Согдах. Там был построен и укреплен новый город вместе с корабельными мастерскими, где занялись починкой пострадавших судов. Пифона и Оксиарта назначили управлять страной от слияния Акесина и Инда до самого моря, включая береговую полосу. Размер этой территории свидетельствует о доверии Александра к своему тестю.

Затем Александр поплыл вниз по реке в царство Мусикана, которое якобы было самым богатым в Индии. До тех пор Мусикан игнорировал Александра, но при внезапном появлении македонян он благоразумно изъявил ему свою покорность и предложил дружбу. Александр оставил ему власть над страной, хотя Кратеру было приказано укрепить крепость в его столице (вероятно, Алор — столица Синда в Средние века), где также был поставлен гарнизон.

Быстро покорив несколько соседних городов под управлением некоего Оксикана, Александр пошел на Самба, которого он сам раньше поставил сатрапом горных индов. Когда царь приблизился к его столице Синдимане, родственники Самба открыли ему ворота, вынесли сокровищницу и отдали всех своих слонов. Правитель бежал в горы, а его родственники объяснили это не проявлением личной неприязни, но тревогой Самба по поводу милосердия, оказанного Александром его заклятому врагу Мусикану. По-видимому, Александр принял это объяснение.

Потом Александр захватил другие восставшие города и обратил в рабство их жителей. Он казнил большое число местных брахманов, якобы подстрекавших народ к мятежу. Во время этой кампании по меньшей мере 80 000 индов были убиты, а многие захвачены в плен и обращены в рабство. Тем временем, несмотря на свои прежние

заверения, Мусикан тоже взбунтовался, но почти сразу же был схвачен Пифоном. Александр приказал повесить Мусикана и брахманов, совету которых он внял с трагическими последствиями для себя.

Армателия, последний независимый город брахманов, сначала сопротивлялся Александру; его защитники отбивались стрелами, наконечники которых были смазаны змеиным ядом. Все пораженные отравленными стрелами умирали ужасной смертью: раненые сразу впадали в оцепенение, но вскоре начинались жестокие боли и судороги, сопровождавшиеся рвотой и затем гангреной. Птолемей, по-видимому, был ранен одной из таких отравленных стрел, но его жизнь была спасена отваром из растения, которое Александр увидел во сне в пасти дракона, объяснившего его целебные свойства. Это лекарство помогло и другим раненым. Армия подготовилась к осаде Армателии, но брахманы, утратившие свое секретное оружие, вышли из города «с ветвями умоляющих», и Александр пощадил их. Если бы Птолемей погиб, дело могло бы обернуться совсем по-другому.

Во время этого похода, губительного для многих брахманов, Онесикрит, кормчий Александра, встретился с индийским философом Дандамидом. Согласно некоторым источникам, единственными словами Дандамида, обращенными к Александру, был вопрос: «Чего ради Александр явился сюда, проделав такой огромный путь?» Вопрос звучал несколько странно с учетом того, что македоняне недавно сделали с Мусиканом и брахманами. Александр определенно не пришел в Индию с миром.

КАЛАН

Сам Александр, по словам Плутарха, принял индийского философа Сфина, которого греки называли Каланом, потому что он приветствовал всех, с кем встречался, не греческим словом *Chairete*, а индийским словом *кале*.

Индийский мудрец попытался научить македонского царя доктрине государственного управления. Бросив на

землю высохшую и затвердевшую шкуру, Калан наступил на ее край, и вся она поднялась вверх. Обходя вокруг шкуры, он наступал на нее с краю в разных местах, и всякий раз повторялось то же самое. Когда же он встал на середину и крепко прижал шкуру к земле, вся она осталась неподвижной. Этим Калан хотел показать, что Александр должен утвердиться в середине своего царства и не слишком от нее удаляться. Большинство македонских воинов были полностью согласны с такой идеей. Интересно, что сам Калан решил сопровождать Александра на обратном пути к «центру» его владений. К сожалению, индийский мудрец так и не попал в Македонию, но его смерть, случившаяся при довольно живописных обстоятельствах, произвела глубокое впечатление на Александра, македонян и западную литературу.

Исполнение пророчества

ПАТАЛА

Правитель Паталы (Бахманабад, примерно в 40 милях к северо-востоку от Хайдарабада), расположенной в дельте Инда, явился к Александру и отдал под его власть себя и свою землю. В то же время Александр решил разделить свою армию и послал Кратера в Карманию через земли арахотов и зарангов с тремя полками пехоты, частью лучников, слонами и отрядами македонцев, сочтенных не годными для воинской службы, включая некоторых «товарищей царя». Ему было поручено укрепить власть македонян в тех регионах, через которые они будут проходить. Гефестион получил командование над остальной армией, за исключением тех отрядов, которые собирались плыть к морю вместе с Александром. Царь пожелал лично возглавить этих людей в походе на юг к Великому морю, а затем на запад вдоль побережья.

Пифона с конными копьейметателями и агрианами Александр переправил на другой берег Инда и велел заселить построенные города, навести порядок среди местных жителей и вернуться к нему в Паталу.

На третий день плавания Александру сообщили, что предводитель паталов бежал и увел с собой большинство своих сородичей, оставив страну в запустении. Действи-

тельно, по прибытии Александра в середине июля 325 г. до н. э. македоняне обнаружили, что страна обезлюдела. Видимо, к этому времени одно имя Александра уже внушало ужас.

Царь послал в погоню самых быстроногих воинов в надежде убедить беженцев, что им нечего опасаться. Гонцы сообщали, что они могут, как и раньше, жить в своем городе и обрабатывать свою землю. Многие из них действительно вернулись обратно.

Тем временем Александр начал готовиться к переходу армии по побережью Макрана (юго-западное побережье Пакистана). Как обычно, царь тщательно составлял свои планы. Гефестион укрепил цитадель Паталы, а в окрестной пустыне были вырыты колодцы. На реке также была сооружена гавань с причалами для судов.

У Паталы Инд разделяется на два больших рукава, которые в конце концов впадают в Великое море (Индийский океан). Александр дал Леоннату 1000 всадников и 800 гоплитов и легковооруженных пехотинцев для перехода вдоль берега реки, а сам отправился в плавание по западному рукаву Инда. Перед тем как вести свою армию на юг и на запад, Александр решил найти самый легкий и безопасный маршрут вниз по течению Инда к Внешнему морю.

К ВНЕШНЕМУ МОРЮ

Эта задача оказалась удивительно трудной. Через день после того, как флот поднял якоря, буря разметала и повредила большую часть судов, поэтому морякам пришлось пристать к берегу и построить новые.

Заручившись поддержкой местных лоцманов, флот Александра снова отправился в путь, но с Внешнего моря подул сильный ветер и волны так разбушевались, что пришлось искать укрытия в боковом канале. Пока они стояли на якоре, на Великом море начался отлив, и суда остались на суше. Это поразило спутников Александра. Выросшие на побережье спокойного Средиземного моря, они никогда не видели настоящих приливов.

В конце концов македоняне причалили к острову под названием Киллута. Александр с лучшими моряками поплыл к дальнему берегу острова, чтобы посмотреть, есть ли там безопасный проход к морю. Отплыв от Киллуты на расстояние около 200 стадиев, они увидели другой остров, уже находящийся в море. Тогда они вернулись к острову на реке и пристали возле мыса, где Александр принес жертву богам, которым, по его словам, приказал отдать почести сам Амон. Что бы ни узнал царь от оракула в оазисе Сива, теперь, по его мнению, пророчество исполнилось.

На следующий день Александр отплыл ко второму острову, сошел на берег и снова принес жертвы, но уже другим богам и по другому обряду, хотя, по его словам, опять таки в соответствии с пророчеством оракула Амона.

ВНЕШНЕЕ МОРЕ

Оставив за собой устье Инда, Александр вышел в открытое море, по его словам, чтобы увидеть, нет ли поблизости другой земли. Прямо в море он принес быков в жертву Посейдону и опустил их в волны. После этого он совершил возлияние, а чашу и золотые кубки тоже бросил в море как благодарственную жертву, молясь о том, чтобы Посейдон в целости и сохранности провел его флот, который он решил отправить с Неархом в Персидский залив, к устьям Евфрата и Тигра.

Сын Зевса достиг Великого моря — возможно, именно это ему обещал оракул Зевса/Амона в Сиве. Хотя Александр остановился на рубеже Гифаса, до сих пор он не проиграл ни одной битвы. Пока что он оставался неуязвимым.

Но Посейдон, брат Зевса, в конце концов отверг молитвы Александра или по крайней мере решил превратить плавание Неарха в настоящую Одиссею, а не в благополучный круиз, как его о том попросили.

Александр вернулся в Паталу, где велел Гефестиону укрепить гавань и построить судостроительную верфь. Патала готовилась к блестящему будущему. Потом Александр

предпринял второе плавание в океан, на этот раз по восточному рукаву реки с целью узнать, какой путь является наиболее надежным. Здесь Александр достиг большого лимана, похожего на морской залив, и убедился, что по этому рукаву плыть легче, хотя и медленнее. Высадившись на берегу, он приказал вырыть колодцы для снабжения флота пресной водой.

После возвращения в Паталу он еще раз спустился по восточному рукаву до лимана и приказал построить здесь новую пристань и судостроительную верфь. Оставив там гарнизон с четырехмесячным запасом провианта, он подготовил все необходимое для прибрежного плавания. Теперь македонская армия и флот были готовы выступить на запад впервые с 335 г. до н. э.

ПОКОРЕНИЕ ИНДИИ

Военная кампания по присоединению земель в нижнем течении Инда, продолжавшаяся немногим более полугода, представляла собой настоящий шедевр планирования, скоординированных действий и удачно проведенных боевых операций. Александр лично руководил кампанией, несмотря на рану, едва не погубившую его. Где-то глубоко в его сердце жила твердая вера в себя, которая просто не позволила его духу покинуть тело из-за стрелы индийского лучника. Его история не должна была закончиться за стеной безымянной крепости, сложенной из глиняных кирпичей.

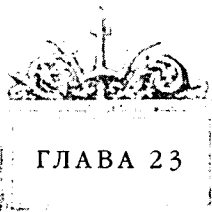
В то же время мы не должны упускать из виду жестокость, проявленную при завоевании этого региона, а также стойкое сопротивление, которое продолжалось еще долго после того, как Александр покинул дельту Инда. Хотя тех индусов, которые сразу же сдались в плен, обычно оставляли в живых, все остальные подвергались методичному истреблению, где часто не делалось различия между воинами и мирным населением. Десятки тысяч людей были обращены в рабство, как всегда бывало после сражений в Древнем мире. Возможно, Александр принес им «мир и надежду на экономическое развитие», но цена бы-

ла чрезвычайно высокой. Завоевание нижнего региона долины Инда не было геноцидом по любым современным меркам, но Александр имел твердое намерение подчинить местных жителей своей власти. Если они не желали принять эту власть, он убивал их тысячами, без каких-либо сожалений.

Некоторые авторы утверждали, что поскольку Александр впоследствии отозвал своего наместника Пифона из дельты Инда и направил его вместе с войсками в Северо-Западную сатрапию (где прямая власть Македонии поддерживалась от центрального Гиндукуша до долины Инда), то военная кампания в самой Индии была неудачей. Но после этого перевода македонские интересы в регионе между Индом и Гидаспом обеспечивал местный правитель (Евдам) при поддержке армии под командованием македонского полководца, а Пор, верный союзник Александра, властвовал над огромной территорией от Гималаев до Индийского океана. С помощью этих мер Александр приспособил управление своей империей к внешним обстоятельствам. Если это называть неудачей, то в истории империализма едва ли можно найти завоевателя, чьи неудачи оборачивались подобным успехом.

НА ЗАПАД

Если сам Зевс/Амон поведал Александру, что он достигнет края света непобежденным, то его пророчество сбылось. Однако вскоре Александр приступил к другому завоеванию — теперь уже не народов, а ландшафта. Он держал путь в легендарную пустыню Гадросия (современный Макран, образующий юго-западный прибрежный регион Пакистана). Гадросия издавна славилась тем, что без следа поглощала людей, пытавшихся пересечь ее безводные дюны. Хотя Александр с большинством своей армии пережил долгий путь через пустыню, многим из тех, кто следовал за армией, это не удалось, поэтому переход Александра через Гадросию сравнивали с русским походом Наполеона, катастрофически закончившимся для него. Но можно спорить о том, несет ли Александр полную ответственность за эту катастрофу.

ГЛАВА 23

Смерть в пустыне

ОРИТЫ

Александр выступил из Паталы в конце августа 325 г. до н. э. Он взял с собой половину гетайров, лучников, отряды щитоносцев, особый эскадрон «товарищей царя» (царская *агема*), по одному эскадрону из каждого конного полка и конных лучников. Гефестион пока что оставался на месте с остальной армией, общая численность которой составляла по меньшей мере 30 000 солдат и гражданских лиц (жены, наложницы, дети).

Флот тоже должен был оставаться на месте в течение некоторого времени; в соответствии с планом он оставался в Патале до окончания сезона южных муссонных ветров где-то в начале ноября.

Но враждебность местных жителей оказалась такой непримиримой, что Неарху пришлось сняться с якоря до окончания оговоренного срока — вероятно, в начале октября. Более того, он поплыл не по восточному рукаву Инда, как задумал Александр, а по западному рукаву, возможно, потому что инды разрушили судоремонтные мастерские, сооруженные по приказу Александра на берегу приморского лимана.

Тем временем армия прошла по предгорьям Киртарского хребта к устью реки Арабии (возможно, современ-

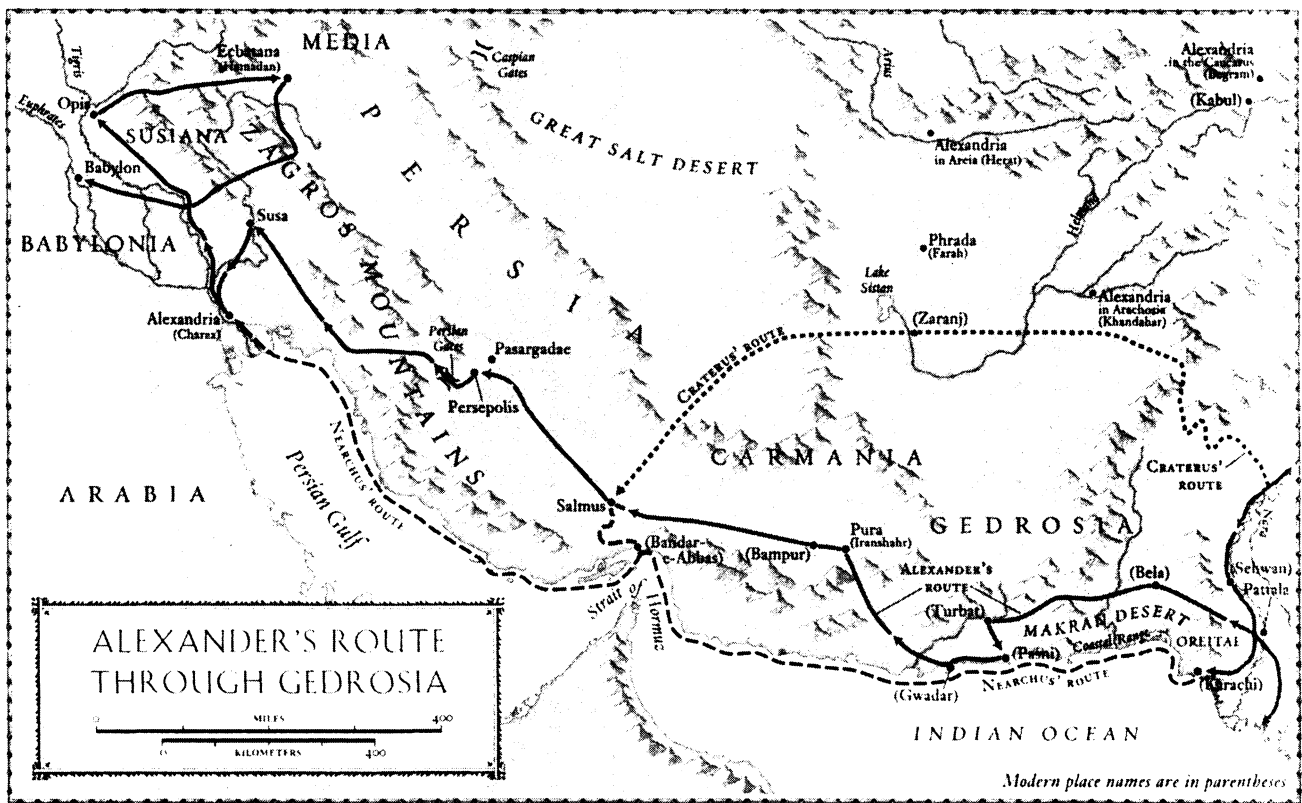
ная река Хаб к западу от Карачи). Оттуда Александр повернул налево, к океану. Он собирался вырыть на берегу колодцы для армии, которая поплывет на кораблях, а также неожиданно напасть на независимое и враждебное племя ористов, обитавшее в этих местах.

Атака была успешной. Конные отряды подавили сопротивление, но многие сдались на месте. Уцелевшие ористы и гадросы, пытавшиеся воспрепятствовать продвижению Александра в Гадросию, либо бежали, либо капитулировали. Александр назначил Аполлофана сатрапом над ористами. Леоннат, один из личных телохранителей Александра, сражавшийся рядом с царем в крепости маллов, тоже остался вместе с агрианами, лучниками, конницей и наемниками. Ему было приказано «ждать на месте, пока подойдет флот, выстроить город и привести в порядок дела ористов». В начале октября после прибытия Гефестиона с его войском Александр выступил на территорию гадросов.

ПЛАН

Для того чтобы достигнуть Пуры (современный Ираншахр в Иране), столицы гадросов, Александр сначала должен был пересечь пустынный регион (Макран), хорошо известный в древности иссушающим зноем, отсутствием воды и пищи. Но Александр выбрал этот путь не потому, что не знал о связанных с ним тяготах. Он сделал такой выбор потому, что кроме Семирамиды, возвратившейся после завоевательной кампании в Индии, ни одному человеку не удавалось успешно провести здесь целую армию. В действительности «успех» Семирамиды заключался в том, что при переходе через пустыню выжили только 20 человек, а персидский царь Кир Великий предположительно потерял все свое войско, кроме семи человек. Александр знал эти истории, вдохновлявшие его повторить, а может быть, и превзойти деяния Кира и Семирамиды.

Итак, Александр знал, что предстоит его армии и флоту по пути на запад; на основе этого знания он, как обыч-

ALEXANDER'S ROUTE THROUGH GEDROSIA

MILES 400
KILOMETERS 400

Modern place names are in parentheses

но, провел тщательную подготовку. Как нам известно, для удобства флота на лимане в устье восточного рукава Инда была сооружена дополнительная гавань, кроме того там был оставлен четырехмесячный запас провианта для Неарха, которого должно было хватить до отплытия.

Во время перехода через Макран в соответствии с планом Александра сухопутная армия должна была вырыть колодцы для снабжения флота водой во время прибрежного плавания, а также «устроить стоянки и места для торго». Параллельный план, вероятно, заключался в том, чтобы транспортные суда снабжали армию провиантом, который сухопутное войско Александра не могло нести с собой, направляясь в глубь континента. Эти поставки дополняли собственные запасы армии, выступающей в Гадросию, и фуражировку на местности, поскольку Александр спланировал свое вступление в Гадросию (в начале октября) таким образом, чтобы оно совпало с местным сезоном урожая. Царь не собирался вести македонскую армию через Макран, на позаботившись о ее снабжении.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ГАДРОСИЮ

В начале похода армия избегала особенно негостеприимного побережья, избрав маршрут через долины между горами, которые теперь называются Центральным и Прибрежным Макранским хребтом. Но здесь тоже не было никаких припасов, и войску часто не хватало даже воды. Люди были вынуждены делать большие переходы по ночам, избегая дневной жары. Как известно, Александр хотел пройти вдоль побережья, чтобы вырыть колодцы и найти места для якорных стоянок, но в данных обстоятельствах это было бы слишком рискованно.

Тем не менее конный отряд под командованием некоего Фоанта был отправлен на побережье «посмотреть, не встретится ли где стоянка для судов, колодезь поблизости от моря и вообще что-нибудь, что необходимо путешественникам». По возвращении Фоант доложил, что нашел нескольких рыбаков, живущих в крохотных лачугах, сложенных из раковин и крытых рыбьими хребтами.

В поисках воды эти несчастные разрывали прибрежный песок с галькой, и вода в этих ямах была не совсем пресной. Эти рыбаки впоследствии стали известны грекам как *ихтиофаги*, или «рыбоеды», поскольку их пропитанием была рыба, остававшаяся на берегу во время отлива. Греки также отметили, что «рыбоеды» от рождения до старости не обрезают ногтей и оставляют волосы сбиваться как войлок, а одеваются в звериные шкуры. Такие люди определенно не могли помочь со снабжением армии и не стоили того, чтобы их покорять.

Когда Александр наконец вступил в несколько более плодородную местность (возможно, оазис Турбат в юго-западном Пакистане), он собрал столько припасов, сколько мог, и отослал их на побережье (возможно, в район современного Пашни), но охранники, доставившие припасы, сами находились на грани истощения, поэтому они сняли с вьюков царские печати и стали есть вместе с солдатами.

Хотя Александр нетерпимо относился к нарушениям военной дисциплины, он понимал, что наказание солдат за спасение собственной жизни окажет разрушительное воздействие на боевой дух войск. Приняв во внимание суровую необходимость, Александр простил тех, кто без его разрешения притронулся к запасам провизии.

Настоящие лишения начались лишь после того, как армия вступила в земли, почти не затронутые муссонными дождями. Глубокий песок, иссушающий зной и нехватка воды во время переходов причинили огромные страдания и привели к множеству жертв среди солдат и вьючных животных. Лошади и мулы едва тащились, увязая в раскаленном песке. По мере истощения запасов провианта люди постепенно стали убивать и есть даже здоровых животных, а командирам говорили, что лошади и мулы умерли от жажды или от усталости. Командиры предпочитали закрывать на это глаза. Больных и тех, кто не мог поспеть за войском, оставляли умирать в песчаных могилах.

Александр, еще не вполне оправившийся от раны, тем не менее вел людей пешком по раскаленному песку. Рассказывают, что несколько вооруженных солдат, ушедших

в поисках воды в сторону от войска, нашли в неглубоком овраге лужу с застоявшейся водой. Набрав этой воды в шлем, они преподнесли ее царю как настоящее сокровище. Александр поблагодарил их, а потом вылил воду в песок на виду у солдат. По свидетельству Арриана, «это придало всему войску столько сил, словно вода, вылитая Александром, оказалась питьем для всех».

Вскоре на людей обрушилось новое несчастье. Когда солдаты встали лагерем у мелководного ручья (вода и заставила их остановиться), он посреди ночи вдруг вышел из берегов из-за внезапного ливня, случившегося выше по течению. Вода затопила лагерь, погубив большинство женщин и детей, следовавших за армией, и даже снесла царскую палатку.

Несмотря ни на что, македонская армия, прошедшая вдоль побережья от Пашни до Гвадара, а оттуда в глубь суши до Пуры, столицы Гадросии, наконец смогла отдохнуть после двухмесячного перехода через пустыню. Здесь люди смогли отчасти утешиться едой, прибывшей с караваном верблюдов от Стасанора, сатрапа Дрангены. Тем не менее Александр пошел дальше, в Карманию (уже на территории современного Ирана), где получил новые запасы провизии из Дрангены и других мест.

ПРИСКОРБНОЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ?

Александр превзошел подвиги Семирамиды и Кира, но ужасающей ценой. Почти все, кто следовал за армией, погибли от жары, нехватки пищи и воды или от внезапного наводнения. Некоторые римские авторы утверждают, что царь был охвачен скорбью и стыдом из-за того, что навлек такое несчастье на своих людей.

Следуя этому примеру, современные историки дошли до утверждения, будто Александр заставил свою армию претерпеть адские муки в пустыне Гадросии за попытку мятежа на реке Гидасп, другие сочли, что он не располагал достаточными сведениями о предстоящем маршруте и проявил неуместный эгоизм и честолюбие.

Но если Александр задумал этот переход как наказа-

ние, трудно понять, почему он шел ночью через пустыню и старался заготовить все необходимое для флота, включая рытье колодцев, заготовку провизии, торговые места и якорные стоянки. Зачем тогда он послал Фоанта с конным отрядом на побережье? И самое главное, почему он не воспользовался возможностью наказать солдат, вскрывших сумы с провизией, и предпочел оставить эту провинность без внимания? Все эти поступки просто не согласуются со спекулятивной гипотезой о мстительных замыслах Александра, которые в любом случае не находят подтверждения. О мотивах Александра можно судить лишь по его поступкам, а они показывают, что он делал все возможное, чтобы ослабить тяготы, выпавшие на долю армии.

Нельзя упрекнуть Александра и в недостаточном знании местности. Он понимал, что побережье представляет собой бесплодную пустыню; именно поэтому он повел армию в глубь суши между Центральным и Прибрежным Макранским хребтом, где природные условия были немного менее суровыми.

Что касается «неумеренной гордыни» Александра, заставившей его углубиться в пустыню, нет никаких сомнений, что сухопутная армия понесла значительные потери, хотя сведения Плутарха о том, что она сократилась на три четверти от первоначального размера (начиная с невероятных цифр в 120 000 человек пехоты и 15 000 кавалерии), нельзя принимать всерьез.

Несмотря на тяжкие потери, Александра нельзя винить в плохом знании местности или недостаточной подготовке. Даже царь, называвший себя сыном Зевса, не имел власти над ветром, дождем, солнцем или наводнениями.

Как и в прошлом, Александр тщательно готовился к совместному морскому и сухопутному переходу вдоль южного побережья Гадросии, опираясь в основном на точные сведения. К сожалению, внешние факторы, которые он не мог предусмотреть, нарушили его планы и привели к значительным потерям в армии и войсковом обозе. Впервые боги, которым Александр принес жертвы, не приняли его дар.

ГЛАВА 24

Царство террора?

ВАКХАНАЛИЯ В КАРМАНИИ

Независимо от того, признавал ли Александр свою вину за случившееся в Гадросии, вести из Пуры об управлении империей едва ли улучшили его настроение. Но частности необходимо рассматривать в общем контексте, если мы хотим решить, была ли его реакция на полученные доклады началом «царства террора», как утверждали некоторые историки.

Поскольку Александр считал, что Аполлофан, сатрап оритов, недобросовестно исполняет свои обязанности, на его должность сначала назначили Фоанта (на самом деле к тому времени Аполлофан уже погиб в бою с мятежными оритами). Когда Фоант заболел и умер, вместо него был назначен Сибиртий. Незадолго до этого Сибиртий стал сатрапом Кармании, но теперь ему было поручено управлять арахотами и гадросами.

По пути в Карманию Александр также узнал, что Филип, сатрап Индии (от территории к западу от Инда до страны парапамисадов), был убит собственными наемниками. Сами убийцы пали от рук македонских телохранителей Филипа. До назначения нового сатрапа Александр послал письмо Эвдаму и Таксилу с приказом «присмотреть за страной».

В Кармании к Александру присоединился Кратер с остальным войском и слонами. Кратер, проделавший путь на запад по более легкому северному маршруту, привел с собой схваченного мятежника Ордана. Тем временем прибыли большие запасы провизии и скота из северных сатрапий. Жители Кармании выставляли на порогах домов чаши и кувшины с вином для возвращающейся армии.

По некоторым сведениям, Александр со своими воинами закатил семидневную попойку в подражание вакхическим пиршествам свиты Диониса. Царь и его собутыльники якобы ехали в повозке, нагруженной золотыми кубками и огромными чашами, а солдаты присоединились к пирушке в телегах, украшенных венками. Таким образом «они провели семь дней в пьяном походе и могли стать легкой добычей покоренных народов, если бы у тех хватило мужества восстать против пирующих».

У Птолемея и Аристобула (которые тогда находились рядом с Александром) нет никаких упоминаний об этой попойке, но это не означает, что ничего подобного в действительности не произошло. Птолемей мог не придать важного значения этому эпизоду, а Аристобул старался обходить молчанием пьяные выходки Александра. Но будь то настоящая дионисийская вакханалия или просто долгое пиршество, во время которого солдаты пытались смыть вином горькие воспоминания о Гадросии, вскоре отдых пришлось прервать ради более серьезных дел. Александр приступил к разбору обвинений, выдвинутых против различных наместников и войсковых командиров.

«ЦАРСТВО УЖАСА»?

Перед судом Александра предстали Клеандр, Ситакл и Геракон — командиры, оставленные вместе с Парменионом при войске в Экбатанах. Клеандр, брат Кена, и Ситакл, командовавший фракийскими копейщиками, участвовали в убийстве Пармениона. Они привели к Александру большую часть своих войск. И местные жители, и солдаты вы-

двигали против них обвинения, включая разграбление храмов, осквернение старых могил, несправедливое и пренебрежительное отношение к подданным и подчиненным. Даже Курций признает, что они нападали на знатных женщин, а Клеандр якобы изнасиловал девственницу, а потом отдал ее в наложницы своему рабу.

Ситакл и Клеандр были признаны виновными в этих преступлениях и казнены для устрашения других сатрапов и наместников, которые знали, что их может постигнуть такая же судьба. Эти казни помогали держать в подчинении народы, покорившиеся воле Александра, так как доказывали, что царь не терпит злоупотреблений от своих приближенных.

Сообщается также, что 600 обычных воинов из Экбатан были казнены за выполнение приказов своих командиров. Если бы командиры были не виновны в преступлениях, в которых их обвиняли, и если бы их солдат не сочли виновными в пособничестве, трудно понять, каким образом Александр мог бы объяснить своим воинам такие массовые казни их товарищей. Следует признать, что доказательства их вины были убедительными.

Александр не занимался проведением «показательных судов», на которых обвиняемые зачитывают тщательно подготовленные признания своей вины. Геракон, еще один командир, оставшийся в Экбатанах, сначала был оправдан; лишь впоследствии, когда его обвинили в другом преступлении (грабеж храма в Сузах), он был казнен.

Таким образом, в Кармании не было невинных жертв подозрительности Александра, не говоря уже о «царстве террора», также нельзя сказать, что Александр воспользовался обвинениями против Ситакла и Клеандра как удобным средством, позволявшим избавиться от командиров, участвовавших в убийстве Пармениона. Ситакл, Клеандр и их подручные были казнены за преступления, совершенные против подданных Александра после смерти Пармениона. Ни один из античных источников не отрицает их вины.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ НАЕМНИКОВ

Многие ученые проводят связь между судами в Кармании и приказом Александра о немедленном роспуске всех наемников, который он направил всем своим сатрапам и стратегам в Азии. Некоторые ученые интерпретировали этот приказ как попытку Александра лишить своих полководцев и наместников войсковой поддержки для защиты от возможного гнева царя. Действительно, если некоторые командиры или наместники были обеспокоены состоянием дел в своих войсках или провинциях, пока Александр был в Индии, у них имелись основания страшиться такого приказа, но их беспокойство не объясняет, почему Александр решил отпустить наемников, состоявших у них на службе.

Нам известно, что речь шла не о полной демобилизации наемников, а скорее об их переводе на службу в армию Александра. Поскольку Александр оставил множество наемников из собственного войска в азиатских городах и гарнизонах, этот приказ следует рассматривать главным образом как повторный призыв наемных солдат в действующую армию.

В то же время Александр не собирался лишать своих сатрапов в Азии войсковой поддержки. Они нуждались в войсках для сохранения порядка. Им было поручено набрать новых рекрутов, как это сделал Певкест, когда его назначили сатрапом Персии в начале 324 г. до н. э.

Тем не менее приказ Александра имел непредвиденные последствия. Вместо того чтобы собраться в дальний путь и присоединиться к царской армии, многие наемники просто сбежали и примкнули к бандам разбойников. Другие в конце концов добрались до афинского стратега Леосфена, который переправил их на мыс Тенар на территории Спарты, где издавна находили прибежище беглые наемники.

Более того, хотя приказ Александра не имел целью обескровить его наместников, он встревожил по крайней мере некоторых сатрапов и стратегов. Некоторые из тех,

кто командовал наемными войсками, взбунтовались против власти царя; другие собрали столько денег, сколько могли, и бежали от его гнева.

Наиболее известный показательный случай произошел с Гарпалом, старым другом и казначеем Александра. Гарпал во второй раз бежал из Вавилона, но теперь забрал с собой 5000 талантов серебра и 6000 наемников.

ВТОРОЕ БЕГСТВО ГАРПАЛА

Вероятно, решив, что Александр не вернется из Индии живым, его друг детства стал вести роскошную жизнь в Вавилоне — городе, открывавшем широкие возможности для человека с взыскательным вкусом и большими аппетитами. Сначала он удовлетворялся «преступными любовными связями» с местными женщинами, но потом стал тратить деньги из сокровищницы на более дорогие удовольствия. К примеру, ему доставляли огромное количество деликатесной рыбы с Красного моря.

Гарпал выписал к себе из Афин тамошнюю знаменитую гетеру Пифонику, при жизни он осыпал ее царскими дарами, а после смерти устроил ей роскошные похороны и соорудил в Аттике дорогой памятник.

После смерти Пифоники вторая афинская гетера по имени Гликера (по-гречески это имя значит «мед») тоже была доставлена из Афин, чтобы составить Гарпалу приятное общество в висячих садах Вавилона. Он содержал ее в чрезвычайной роскоши и обеспечивал ей невероятно расточительный образ жизни. Между тем он регулярно оказывал Афинам «денежные благодеяния»; независимо от своих предположений о судьбе Александра, Гарпал обладал врожденной предусмотрительностью и готовил себе запасной плацдарм на крайний случай.

Тучи начали сгущаться, когда Александр, подобно Дионису задолго до него, неожиданно вернулся с Востока и решил продемонстрировать свою власть. Долгая игра закончилась, и настало время платить по счетам. Гарпал, хорошо знавший, что случалось с теми, кого Александр

подозревал в неверности или в претензиях на царскую власть, бежал из города с деньгами и верными наемниками — сначала в Афины (где он надеялся поднять мятеж), потом на мыс Тенар (после бегства из Афин с помощью оратора Демосфена) и наконец на Крит. Там на самом прекрасном из всех греческих островов хитроумный казначей Александра бесславно погиб от руки некоего Фиброна, оставив за собой длинный грязный след политических интриг, обвинений во взяточничестве, даже судебных исков.

Гарпал был одним из немногих людей, когда-либо перечивших Александру, причем не один раз, а дважды, и живших достаточно долго, чтобы рассказать об этом. Хотя Александр проявлял чрезвычайную проницательность и редко обманывался в людях, он оставался безмерно преданным друзьям своего детства и до конца жизни отказывался поверить, что его преданность иногда была безответной. С другой стороны, Гарпал явно предпочитал чары Гликеры и Пифоники узам дружбы.

Дар Набарзана

ЕВНУХ БАГОЙ

В середине зимы 325 — 324 г. до н. э. Александр достиг Салмунта, столицы Кармании. Здесь он принес благодарственные жертвы за победу над индами и «за спасение своего войска в земле гадросов»; возможно, это было своеобразным признанием недооценки трудностей, связанных с походом. Он также провел драматические и гимнастические состязания. Певкест, прикрывавший Александра своим щитом в городе маллов, стал восьмым телохранителем Александра и был назначен будущим сатрапом Персии.

Во время общих празднеств Александр посетил состязания хоров, одним из которых управлял его «фаворит» Багой, взявший первый приз. Этот Багой был молодым и миловидным персидским евнухом, привезенным Александру Набарзаном в Гирканию в качестве подарка; его мольбы убедили Александра простить Набарзана за участие в предательстве и убийстве Дария.

Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македонцы принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал победителя. Они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его.

Некоторые историки отрицали, что этот эпизод вообще имел место, но у нас нет веских оснований сомневаться в его историчности. Александр действительно поцеловал евнуха Багоя в театре на виду у зрителей, но не вполне ясно, что означал этот поцелуй в контексте их отношений.

Плутарх в своей биографии Александра для описания Багоя воспользовался греческим словом *eromen*, ранее использовавшимся афинскими авторами V и IV века до н. э. для описания молодого человека, состоящего в тесных взаимоотношениях с более пожилым человеком (*erastes*). Отчасти такие отношения имели образовательный и культурный характер, но в них часто присутствовал элемент секса или эротики. Они были популярными и даже модными, особенно среди обеспеченных граждан. В античных Афинах было принято считать, что эротический аспект взаимоотношений исчезал, когда юноше исполнялось немногим более двадцати лет, иначе оба мужчины становились объектом сплетен или подвергались критике. Такая связь была лишь одной из разновидностей более или менее формальных отношений между людьми одного пола, описанных в древних текстах и отраженных в произведениях искусства античного и эллинистического периода.

Если Плутарх пользовался словом *eromen* в том же смысле, что и более ранние античные авторы, значит, он считал, что Александр и Багой состояли в неких интимных отношениях. Историк Курций Руф определенно верил в существование сексуальной связи между двумя мужчинами, но независимо от природы их отношений это не вызывало у македонян никакой тревоги. По свидетельству Плутарха, когда Александр поцеловал Багоя, зрители встретили этот жест рукоплесканиями. Это не должно удивлять нас. Условности, существовавшие в отношениях между взрослыми и молодыми мужчинами в Афинах, не действовали в Македонии. Следует помнить, что Филип, отец Александра, имевший нескольких жен и детей, состоял в интимной связи по меньшей мере с двумя муж-

чинами, одним из которых был его стражник Павсаний. Смерть второго любовника Филипа была непосредственной причиной убийства македонского царя. До того, согласно одному историку IV века до н. э., при дворе Филипа собирались «товарищи царя», которые брили волосы на всем теле (хотя оставляли бороды), устраивали попойки и оседлывали друг друга. То, что Александр поцеловал красивого персидского юношу в театре Салмунта после того, как молодой человек взял приз на состязании, едва ли могло шокировать людей, видевших, как в другом театре царя Филипа заколол кинжалом его бывший любовник.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

На основании рассказа Плутарха об этом случае в Салмуне, а также редких и двусмысленных намеков на связь Александра с Гефестионом, многие исследователи пришли к выводу, что Александр Великий был гомосексуалистом. Другие ученые, указывавшие на то, что Александр трижды женился, имел по меньшей мере двоих детей, а также содержал гарем из 365 женщин, утверждали, что Александр, по сути дела, был гетеросексуальным человеком.

Но современные категории, такие как «гомосексуальный» и «гетеросексуальный», нельзя с успехом применять для описания сексуальности Александра. Он принадлежал к культуре, в которой эротический импульс (*эрос*) не обязательно ограничивался чувствами или поступками в отношении мужчин или женщин, которые позволяли бы однозначно отнести человека к той или иной категории по сексуальной ориентации. Вместо того, чтобы пытаться оперировать современными терминами для описания сексуальности Александра, будет гораздо полезнее изучить траекторию эротических побуждений, стоявших за его поступками.

Если посмотреть на сексуальность Александра в исторической перспективе, нельзя не обратить внимание на

тот факт, что чем больше он отдалялся от Македонии, тем более сильными и разнообразными были его позывы к сексуальному самовыражению. В то же время можно выделить определенную закономерность. Александра привлекала физическая красота безотносительно к современным категориям половой ориентации или к древним предрассудкам, связанным с этнической принадлежностью.

Мы можем доверять или не доверять словам Атенея, что, поскольку в юности Александр не выказывал интереса к сексу, Олимпиада и Филип устроили так, чтобы он провел ночь с красивой гетерой Калликсеной, подтвердив таким образом свою мужественность. Точно так же мы можем доверять или не доверять утверждению Элиана, что некая Панкаста была первой женщиной, с которой Александр имел сексуальные отношения. Но его первым интимным партнером, судя по всему, все же был высокий и миловидный Гефестион. Тем не менее у нас нет никаких доказательств, что секс играл важную роль в их последующих отношениях.

После победы при Иссе Александр взял в наложницы Барсину, бывшую жену Мемнона Родосского. У них родился сын, которого называли Гераклом. После битвы при Гавгамелах Александр унаследовал обширный гарем Дария, где содержались красивейшие женщины со всей Азии. В Бактрии Александр влюбился в Роксану, о которой говорили, что после жены Дария она была первой красавицей в Азии. Багой, по-видимому, был придворным фаворитом Дария, потом Артабаза и наконец самого Александра — но не из-за сексуальной удали последнего. Вступив в Сузы по возвращении из Индии, Александр взял в жены другую Барсину, старшую дочь Дария, и Парисатиду, младшую дочь Артаксеркса III Оха. Как мы убедимся в дальнейшем, он ожидал наследников от брака с каждой из этих женщин.

В отличие от последних султанов Османской империи, чьи гаремы увеличивались по мере уменьшения количества подвластных им провинций, для Александра секс

не являлся разновидностью компенсации за некомпетентность в военных делах. Скорее, чем больше стран Александр покорял, тем чаще он оказывался покоренным мужчинами и женщинами, которых боги одарили физической красотой. По свидетельству Плутарха, бросив взгляд на персиянок, захваченных после битвы при Иссе, Александр в шутку заметил, что вид персидских женщин мучителен для глаз. Простота и посредственность не возбуждали в нем эротических чувств. Если, как утверждается, секс и сон позволяли Александру ощущать себя смертным человеком, то его ощущение собственной смертности должно было значительно усилиться по пути от Галиакмона до реки Инд.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕАРХА

Когда Александр устраивал празднества в Салмунте, он получил радостное известие, что Неарх со своим флотом наконец прибыл в Гармосию, главный порт Кармании. Неарх смог лично доставить эту новость царю, хотя Александр, по-видимому, едва узнал его из-за его истощенного состояния. Рассказ Неарха о трудностях морского похода, обильно цитируемый Аррианом в его коротком труде под названием «Индика», помог объяснить Александру то, что на первый взгляд казалось безответственностью или неповиновением со стороны некоторых его сатрапов и командиров.

Неарх рассказал следующее: как только Александр выступил из Паталы, жители города и окрестностей взбунтовались против оставшихся войск. Вполне вероятно, что они разрушили портовые сооружения, построенные по приказу Александра на лимане в конце восточного рукава Инда, поэтому Неарх был вынужден плыть вниз по западному рукаву, причем раньше, чем было запланировано, возможно, в начале октября, а не в ноябре, после окончания сезона муссонов.

Спустившись к океану по западному рукаву Инда, Неарх был вынужден прорыть канал через прибрежную пес-

чаную отмель. После этого он пристал к прибрежному острову, где оставался в течение 24 дней, пока сезон ветров наконец не закончился.

К тому времени, когда Нearch достиг территории оригов, Леоннат со своим войском уничтожил 6000 воинов противника, но Аполлофан, сатрап Гадросии, пал в бою. Именно поэтому он не смог выполнить распоряжения Александра, а не из-за пренебрежения своими обязанностями. Рассказ Нearchа восстановил репутацию Аполлофана для потомков. Несмотря на победу, которая сделала прибрежный регион более безопасным, Нearch не смог возобновить плавание до конца октября или начала ноября 325 г. до н. э.

Как известно, сам Александр покинул территорию оригов в начале октября — возможно, за месяц до прибытия Нearchа и его флота. Продвигаясь на запад, Александр слишком опередил Нearchа, чтобы флот мог поравняться с ним у заранее вырытых колодцев и запасов провианта вдоль побережья. Когда Александр оценил ситуацию, он понял, что не может ждать, в противном случае армия начала бы голодать.

Таким образом, Александр был вынужден принять рассказ Нearchа о его путешествии, несмотря на обилие фантастических историй о встречах с «рыбоедами» и со стадом китов, выбрасывавших струи воды на огромную высоту, что привело в ужас македонян. Для того чтобы отпугнуть китов, моряки кричали во всю мощь, трубили в трубы и били веслами по воде.

Несмотря на все невзгоды, флот потерял лишь одно судно, египетскую галеру, подошедшую слишком близко к острову под названием Носала. По преданию, каждый, кто приставал к этому острову, посвященному богу Солнца, мгновенно исчезал. Сам Нearch высадился на Носале в поисках моряков с пропавшей галеры, но никого не нашел.

Об этом острове также рассказывали, что там живет Нереида, привлекающая всех моряков, проплывавших мимо. Если они были достаточно безрассудны, чтобы отве-

тить на ее призыв, она превращала их в рыб и бросала в море. Бог Солнца в конце концов рассердился на эти выходы и заставил Нереиду убраться с острова; пожалев соблазненных ею моряков, он превратил их в «рыбоедов», которых Александр встретил по пути вдоль южного побережья.

Что бы ни думал Александр об этих историях, он был искренне рад возвращению Неарха. После отплытия от устья Инда флот провел в пути два месяца и преодолел около 1000 миль по неизведанным водам. Теперь Александр послал моряков дальше: он приказал Неарху продолжить плавание из Гармосии в Сузы, а оттуда к устью Тигра, где он должен был встретиться с армией.

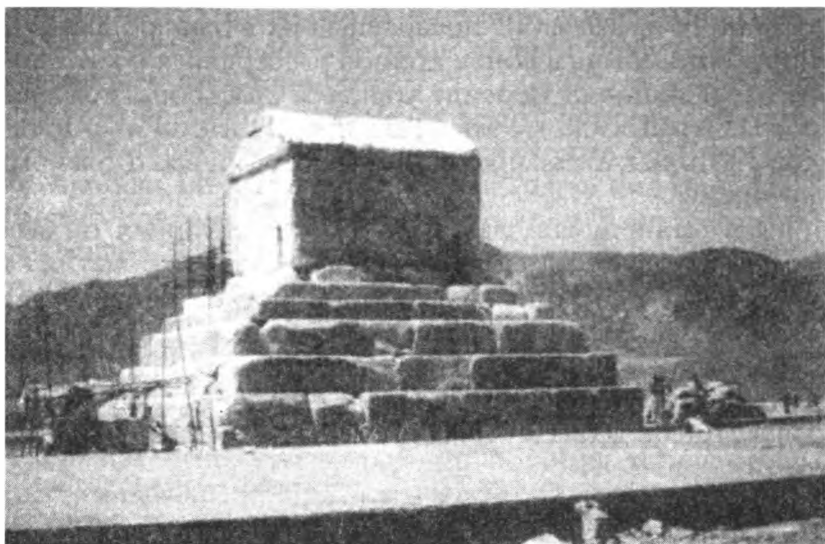
ГРОБНИЦА КИРА

В декабре 325 г. до н. э. Александр приказал Гефестиону идти в Персию прибрежным путем вместе со слонами, обозом и большей частью армии. Сам царь в сопровождении наиболее мобильных пехотных отрядов, гетайров и части лучников пошел прямо на Пасарагды.

Когда Александр достиг границы Персии, он узнал, что сатрап Фрасаорт умер и его место было занято или узурпировано Орксином, потомком Кира Великого. Богатство Орксина отчасти было унаследованным, но возросло за время его управления делами сатрапии.

Понимая опасность своего положения, Орксин выслал навстречу Александру стада лошадей, повозки, груженные серебром и золотом, дорогую мебель, ювелирные украшения, золотые сосуды, пурпурные одежды и 3000 талантов серебряных монет. Александр уже назначил своего телохранителя Певкеста сатрапом Персии, но щедрые дары Орксина помогли сохранить его жизнь. Другим повезло меньше.

В Пасарагдах Александр также обнаружил Атропата, сатрапа Мидии, который привел с собой мидянина по имени Бариакс, который был взят под стражу за то, что «носил свой головной убор прямо» и называл себя царем ми-

Гробница Кира Великого в Пасарагдах (Персия). Из коллекции объединенной библиотеки Эллинистического и Римского общества.

дийцев и персов. Он и его сообщники были казнены, как и некий Автофрадат, которого заподозрили в притязаниях на трон.

В Пасарагдах Александра ждало огорчение: гробница Кира Великого оказалась разграбленной, и даже знаменитая надпись не смогла защитить ее. Эта надпись гласила: «Я Кир, сын Камбиза, основатель Персидского царства и владыка Азии. О человек! Не завидуй тому, что у меня этот памятник».

Из всех сокровищ гробницы уцелел лишь гроб и ложе Кира. Грабители даже вскрыли саркофаг и выбросили останки великого царя.

Александр велел схватить персидских жрецов (магов), стороживших могилу, и пытаться их, чтобы они назвали имена преступников, но даже под пыткой они не признали свою вину и не назвали имен сообщников. В конце концов Александру пришлось отпустить магов, так и не узнав, кто нес ответственность за святотатство, совершенное в гробнице.

Аристобул получил личное поручение привести гробницу в надлежащий порядок, вернуть останки Кира в саркофаг и заменить украденные предметы их точными копиями. Будучи преемником Кира Великого, Александр имел веские политические основания для ремонта его гробницы. В то же время как завоеватель великой империи Александр не мог не возмущаться дурным отношением к останкам другого великого царя.

В конце концов за преступление повесили Орксина, после того как Багой намекнул Александру, что сатрап был виновен в святотатстве. Когда Орксина вели на казнь, бывший сатрап посмотрел на Багоя и якобы заметил, что слышал о женщинах, которые были правительницами Азии, но евнух, выступающий в роли царицы, — это что-то новое.

Но многие другие персы тоже возвели обвинения на Орксина; его приговорили к смерти не только за разграбление храмов и царских гробниц, но и за несправедливые казни персидских подданных.

После смерти Орксина Певкест стал полноправным сатрапом Персии. Как только он вступил в должность, то стал носить мидийскую одежду и выучил персидский язык. По свидетельству Арриана, персы были рады, что хотя бы один македонянин предпочел обычаи их страны собственным обычаям. Проблема для Александра заключалась в том, что Певкест был скорее исключением из правила.

ГЛАВА 26

Брак в персидском стиле

САМОУБИЙСТВО КАЛАНА

Либо в Пасарагдах, либо на границе Персии и Сузианы индийский философ Калан, в полном здравии доживший до 73 лет, тяжело захворал от какого-то желудочного расстройства и решил покончить с жизнью. Александр безуспешно пытался отговорить своего друга от этого решения. Птолемею было приказано соорудить погребальный костер.

Когда костер был сложен, Калан слишком ослабел и не мог взойти на него. Ему подвели лошадь, но Калан не смог сесть на нее, и его понесли на носилках. Индийского мудреца сопровождала процессия из лошадей, солдат в полном вооружении и людей, несущих благовония для костра.

Перед тем, как возлечь на костер, Калан подарил своего коня царской нисейской породы Лисимаху, одному из своих учеников. Другим ученикам и друзьям он преподнес в дар кубки и ковры, которые Александр приказал сжечь на костре в его честь. Калан был увенчан венком по индийскому обычаю и по пути он пел гимны по-индийски, вознося славословия богам своей страны.

Когда разожгли костер, Александр приказал трубить в трубы. Солдаты грянули боевой клич и даже слоны затру-

били в честь Калана. Вся армия наблюдала, как философ медленно возлег на костер. По свидетельству Арриана, Александру было невыносимо это зрелище, «где центральным лицом был его друг». Другим казалось чудом, что тело Калана в огне оставалось совершенно неподвижным. Некоторые считали его сумасшедшим, другие хвастуном, желающим прославиться своей выдержкой, а третьи восхищались его мужеством и презрением к смерти. Гибель Калана произвела глубокое впечатление на всех, кто был ее свидетелем, а его имя стало синонимом спокойного бесстрашия пред лицом смерти.

ВЕНОК ПРОМАХА

Вскоре произошло менее достойное событие. После самосожжения Калана Александр пригласил на пир многих своих друзей и полководцев и предложил им потягаться в умении пить вино — без сомнения, намереваясь помочь присутствующим забыть о недавнем событии. Призом был золотой венок. Победитель по имени Промох выпил четыре кувшина (примерно 12 кварт) крепленого вина. К сожалению, он смог радоваться своей победе лишь в течение трех дней. Согласно Харету, который был распорядителем церемоний при дворе Александра, он, как и 40 других участников состязания, скоропостижно скончался после попойки, «охваченный сильным ознобом». Этот эпизод должен был послужить предупреждением для Александра, но путь излишеств обычно не приводит к мудрости; гораздо чаще путешественники оказываются в полях Элизима.

ПОЧЕСТИ ЗА ХРАБРОСТЬ

Александр повел армию по царской дороге в Сузы, куда он прибыл в марте 324 г. до н. э. Незадолго до вступления в город к нему присоединился Неарх, который без происшествий доставил свой флот от Гармосии.

Александр принес жертвы богам за сохранность сво-

их судов и людей, а также устроил состязания. Особо отличившимся во время индийской кампании были вручены золотые венки: Певкесту за спасение жизни царя; Леоннату также за спасение Александра, службу в Индии, победу над оритами и их соседями; Неарху за плавание из Индии. Кормчий королевской галеры Онесикрит, друг Александра Гефестион и другие члены царской стражи тоже получили награды.

БОЛЬШАЯ СВАДЬБА В СУЗАХ

Вскоре состоялась другая, более важная и торжественная церемония. Еще после битвы при Иссе Александр обещал Сисигамбии, матери Дария, что он позаботится о ее дочерях и «выберет для них мужей лучших, чем выбрал бы сам Дарий». Теперь Александр выполнил это обещание, хотя, возможно, не так, как ожидала царица-мать, ее дочери и особенно сами македоняне.

В Сузах дочери персидского царя и многие другие знатные дамы были обручены с Александром и 80 «товарищами царя». Сам Александр женился на Барсине (Статире), старшей дочери Дария, а также, согласно Аристобулу, на Парисатиде, младшей дочери Артаксеркса III Оха.

Таким образом, Александр связал себя брачными узам с обеими ветвями персидского царского дома. Гефестиону он дал в жены Дрипетиду, другую дочь Дария и сестру его собственной жены Барсины, чтобы дети Гефестиона стали племянниками Александра. Амастрина, дочь Оксиарта (брата Дария), была выдана замуж за Кратера, Пердикка получил в жены дочь Атропата, сатрапа Мидии, Птолемей женился на Артакаме, дочери Артабаза, а Эвмен — на ее сестре Артомиде. Неарх взял в жены дочь Барсины и Ментора, а Селевк женился на дочери бактрийца Спитамена.

Важно отметить, что браки были совершены по персидскому обычаю. Для женихов установили ряд кресел; каждая невеста, отпив из свадебной чаши, садилась рядом со своим женихом, который брал ее за руку и целовал в щеку. Царь первым исполнил свадебный обряд.

Если персидский ритуал выделялся своей простотой и достоинством, то связанные с ним организационные мероприятия Александра отличались восточной пышностью. В специально построенном павильоне имелись отдельные чертоги для всех новобрачных. Каждое ложе было украшено свадебным покрывалом из серебра, а ложе Александра имело золотые опоры. Павильон был убран роскошной парчой и тонкими тканями, а на полу лежали алые и багряные ковры с вплетенными золотыми нитями.

Свадебные празднества продолжались пять дней и сопровождались выступлениями индийских жонглеров, рапсодов, арфистов, певцов, флейтистов, танцовщиков и самых знаменитых актеров того времени. Послам и гостям раздали подарки стоимостью 15 000 талантов. Сам Александр обеспечил приданое для каждой четы новобрачных. Он приказал составить списки 10 000 других македонцев, женившихся на азиатских женщинах, и теперь каждый из них получил свадебный подарок от Александра.

Большая свадьба в Сузах породила много противоречивых толкований. Австралийский историк Босуорт, не согласный с мнением о том, что Александр хотел объединить македонскую и персидскую аристократию, предположил, что после казни Орксина и других претендентов на престол Александр решил примириться с персидской властью, породнившись с ней. Кроме того, он не хотел, чтобы знатные персы женились на дочерях Сисигамбии или других представительницах персидского царского дома из-за страха перед возможным мятежом. В поддержку этой гипотезы было отмечено, что за двумя исключениями все женихи были греками или македонянами, а все невесты персиянками или мидийками. Насколько известно, ни один персидский вельможа не женился на женщине из Греции или Македонии во время этой церемонии. Таким образом, она была не равномерным «сплавом» двух аристократий, но скорее поглощением персидской аристократии и ее включением в состав македонского правящего класса.

С другой стороны, брачную церемонию следует рас-

сма­три­вать в ее антич­ном кон­тек­сте. Прак­ти­че­ски не­воз­мож­но на­йти дру­гой при­мер столь мас­со­во­го бра­ко­со­че­та­ния гре­че­ских или ма­ке­дон­ских ко­ман­ди­ров и цар­ст­вую­щих особ на же­н­щи­нах из дру­гих эт­ни­че­ских груп­п. Ран­нее Алек­сандр уже соз­дал пре­це­дент сво­ей пер­вой же­нить­бой на Рок­сане, знат­ной бак­трий­ской же­н­щи­не, од­на­ко та сва­дь­ба была про­ве­де­на по ма­ке­дон­ско­му обы­чаю. В Сузах царь восполь­зо­вал­ся брач­ной цер­е­мо­нией по­ко­рен­но­го на­ро­да. Та­кое вос­при­я­тие пер­сид­ских обы­чаев было бы немыс­ли­мым еще не­сколь­ко лет на­зад. Вы­бор брач­ной цер­е­мо­нии имел ре­шаю­щее зна­че­ние. Боль­шая сва­дь­ба в Сузах была не объ­еди­не­нием куль­тур на рав­но­прав­ной ос­но­ве, но обо­зна­ча­ла кон­ту­ры ны­неш­не­го и бу­ду­ще­го по­ли­ти­че­ско­го по­ря­дка. Хотя почти все же­ни­хи были гре­ка­ми или ма­ке­дон­я­на­ми, а все не­весты пер­сиян­ка­ми или ми­дий­ка­ми, бу­ду­щий пра­вя­щий класс им­пе­рии Алек­сандра дол­жен был со­сто­ять из от­прыс­ков сме­шан­ной кро­ви. Ины­ми сло­ва­ми, Алек­сандр не оста­влял ни­ка­ких сом­не­ний в том, что пер­сид­ско-ма­ке­дон­ский пра­вя­щий класс, по его м­не­нию, дол­жен был со­став­лять ос­но­ву управ­ле­ния его все­ми­р­ной им­пе­рии. Боль­шин­ство ма­ке­дон­ских вои­нов очень хо­ро­шо по­ни­ма­ли это и были со­всем не в востор­ге от про­ис­хо­дя­ще­го.

ВЫПЛАТА ДОЛГОВ

Не­до­воль­ство ма­ке­дон­ских сол­дат боль­шой сва­дь­бой в Сузах по­мо­гает по­нять их по­доз­ри­тель­ную ре­ак­цию на чрез­вы­чай­но ще­дрый жест. По­сколь­ку мно­гие вои­ны по­из­дер­жа­лись во время дол­гой кам­па­нии, Алек­сандр ре­шил вы­пла­тить все их дол­ги. Сна­ча­ла лишь немно­гие ре­ши­лись даже на­звать свои и­ме­на, опасаясь, «что Алек­сандр устраивает про­вер­ку, ко­му из сол­дат не хва­та­ет жа­ло­ван­ья и кто слиш­ком ро­ско­ше­ст­ву­ет». У­знав об этих опасе­ни­ях, Алек­сандр при­ка­зал по­ста­вить сто­лы и раз­ло­жить на них де­нь­ги; тем, кто ве­дал раз­да­чей, он велел уп­ла­чи­вать дол­ги каж­до­го сол­да­та, предъ­я­вив­ше­го дол­го­вое обя­затель­ство, не за­пи­сы­вая его и­ме­ни. По раз­ным ис­точ­ни­

кам, общая сумма денег, выплаченных Александром, варьировала от 9870 до 20 000 талантов. Значительная часть средств, очевидно, была ссужена воинам азиатскими торговцами. Выплатив эти огромные долги, Александр совершил доброе дело как для должников, так и для кредиторов.

Этот инцидент указывает не только на огромные долги, накопленные солдатами за время военных кампаний, несмотря на щедрое жалование и денежные вознаграждения, но и о подозрительности по отношению к Александру, существовавшей среди рядового состава. Как это часто бывает, щедрость породила не благодарность, а негодование.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕЕМНИКОВ

Растущее недовольство македонских солдат усилилось из-за внезапного прибытия сатрапов новых городов, основанных Александром, и захваченных им провинций. Эти люди привезли с собой 30 000 «эпигонов», или приемников — персидских юношей из восточных сатрапий, выбранных за силу и красоту еще до мятежа на реке Гифас. С тех пор они учили греческий язык, проходили македонскую военную подготовку и носили македонское вооружение. По прибытии в Сузы они устроили блестящую демонстрацию своих боевых навыков и воинской дисциплины, удостоившись теплой похвалы от Александра. Не трудно было предугадать реакцию седых македонских ветеранов, покрытых боевыми шрамами: они решили, что «царь признает бесполезными всех македонян... раз у него есть эти молокососы-плясуны, с которыми он намерен покорить мир». Но настоящей мишенью закипающего гнева и ожесточения македонян были не «эпигоны», а сам царь.

С точки зрения македонских воинов, появление «эпигонов» было лишь новым примером многочисленных усилий Александра по уменьшению какой-либо зависимости от своих соотечественников. Мидийская одежда Алексан-

дра тоже была для них «великой печалью», а свадьба по персидскому обычаю пришлось им не по душе. Македонян огорчало и то, что Певкест, сатрап Персии, перенял персидскую речь и наряд, а чужеземные всадники, включая бактрийцев, согдийцев, арахотов, зарангов, ариев, парфян и персов, были включены в конные отряды «товарищей царя». Более того, был сформирован пятый кавалерийский полк (гиппархия), хотя и не полностью «варварский», но с участием азиатов. Некоторые чужеземцы также получили назначение в царский эскадрон (агема), а их командиром был назначен бактриец Гистасп. Всем им выдали македонские копья вместо коротких метательных копий, которыми они пользовались раньше. Это вызывало сильнейшее раздражение у македонцев, считавших, что Александр в душе склоняется к «варварам» и больше не ценит македонские обычаи и самих македонян.

Вскоре негодование вылилось во второй мятеж. Однако на этот раз царь подготовил почву и снова вышел победителем. Случившееся на берегах Гифаса могло быть прощено после того, что пришлось вытерпеть царю и его воинам в Гадросии... прощено, но не забыто. Как и герой Гомера, послуживший ему образцом для подражания, Александр во всем стремился быть первым даже перед собственными воинами.

ГЛАВА 27

Мятеж в Опиде

НОВАЯ АЛЕКСАНДРИЯ

Македоняне выступили из Суз весной 324 г. до н. э. Гефестион, возглавлявший большинство пехотных отрядов, направился к Персидскому морю (Персидский залив) по суше. Александр проплыл вниз по реке Эвлею (современный Карун) до побережья вместе с гипаспистами, царской агемой и небольшим конным отрядом «товарищей царя», а потом самыми быстроходными судами поплыл вдоль побережья к устью Тигра. Остальные суда были отведены вверх по реке до канала, соединявшего Эвлей с Тигром, и прошли по этому каналу.

Потом Александр поднялся по Тигру до условленного места встречи, где расположился Гефестион со своим войском. У слияния Эвлея и Тигра царь основал еще одну Александрию, частично заселенную жителями из близлежащего городка (Дурин). Ветераны из элиты македонской армии тоже поселились здесь в особом квартале, известном как Пелеум, названном в честь Пеллы, столицы Македонии.

От нового города Александр поднялся по Тигру до Опиды вместе со всей армией. По пути он разрушил шлюзы и плотины, сооруженные персами на реке, чтобы сделать

ее непроходимой при угрозе вторжения вражеского флота. Это показывает, что Александр не пал духом и не утратил стремления к новым завоеваниям, напротив, как и перед экспедицией к Внешнему морю из Паталы, Александр тщательно готовил тыловое обеспечение для следующего этапа своего плана покорения всего мира.

МЯТЕЖ В ОПИДЕ

В середине лета 324 г. до н. э. Александр со своей армией достиг Опиды. Этот город имел важное значение в истории Персии и Вавилона; здесь в сентябре 539 г. до н. э. Кир Великий покорил вавилонского царя Набонида и стал правителем его огромной империи.

По прибытии в Опиду Александр собрал македонян и объявил, что все солдаты, не годные к военной службе по старости или увечью, будут уволены из армии и отправлены домой. Он пообещал дать каждому из них «столько, что дома земляки будут им завидовать, а другие загорятся желанием взять на себя их труды и опасности». Вопреки ожиданиям Александра его объявление не обрадовало ни ветеранов, которых он отпускал со службы, ни солдат, которые продолжали служить дальше. Македоняне энергично запротестовали. Он использовал их на всевозможной службе и теперь с позором отсылает их прочь, словно это уже и не те люди, которых он брал с собой. Почему бы не прогнать всех и не списать их со счетов как бесполезный балласт, если у него есть молодые солдаты-плясуны, с которыми он может и дальше покорять мир?

Остающиеся солдаты подхватили призыв к всеобщей демобилизации. Они потребовали освобождения и для себя. Они настаивали, что нужно учитывать годы их воинской службы, а не только возраст; будет справедливо, говорили они, что те, кто вместе пришел в армию, будут отпущены одновременно. Потом мятежники насмешливо посоветовали Александру отправляться на войну вместе

со своим отцом (намек на Амона), раз он не уважает своих солдат.

Реакция Александра была мгновенной и жестокой. Македоняне впервые увидели разъяренного Александра, того самого царя, которого страшились азиаты от Геллеспонта до Инда. Александр спрыгнул с помоста, на котором он стоял. Указав на зачинщиков мятежа, он приказал щитоносцам арестовать их. По другим сведениям, Александр собственноручно схватил зачинщиков. Тридцать солдат были арестованы на месте и казнены без промедления.

К остальным македонянам Александр обратился со страстной речью и сначала сказал им, что они могут идти, куда пожелают. На берегу Гифаса он выслушал долгую речь Кена; теперь македоняне должны выслушать его слова. Александр напомнил им, что его отец застал их нищими бродягами, одетыми в шкуры, которые «пасли в горах по несколько штук овец и с трудом отстаивали их от иллирийцев, трибаллов и соседей фракийцев». Филип приучил македонян к городской жизни, присоединил Фракию, поставил Фессалию под власть Македонии и смирил фокейцев.

Жители Фив и Афин, некогда взимавшие дань с македонян, теперь смотрели на них как на спасителей. Филип навел порядок в Пелопоннесе, его объявили полновластным вождем Греции в походе на Персию, и это принесло ему славу не меньше, чем всему македонскому народу.

Однако заслуги его отца были ничтожны по сравнению с его собственными заслугами. Он унаследовал несколько золотых и серебряных кубков, а в сокровищнице оставалось менее 60 талантов при долге в 500 талантов. Ему пришлось взять в долг еще 800 талантов. Тем не менее его конница разбила сатрапов Дария в битве при Гранике и сделала македонян хозяевами лидийского золота, персидских сокровищ и индийских богатств. Из всего этого Александру не досталось ничего, «кроме порфиры и диадемы».

Затем Александр предложил каждому из присутствующих раздеться и показать свои раны, а он покажет свои. Все его тело, кроме спины, покрыто шрамами, и «нет оружия, которым сражаются врукопашную или издали и которое не оставило бы на мне своих следов». Он вел победоносную армию по суше и по морю, через реки, горы и равнины.

Он женился по тому же обряду, что и простые солдаты. Он выплатил все их долги.

Погибшим устраивали пышные похороны. Их родители жили в почете и были освобождены от всех повинностей и налогов. Теперь Александр собирался отпустить людей, более не годных для службы.

Они хотят оставить *его*? Пусть уходят. Но когда они вернутся домой, то должны сказать всем, что они оставили своего царя, сокрушившего всех врагов, бросили его на милость варваров, которых они сами победили. Такое известие принесет им «славу среди людей и милость от богов». С этими словами Александр приказал солдатам разойтись, сошел с трибуны и стремительно ушел в царский дворец, где провел два дня, не желая есть, умываться или принимать посетителей.

Однако воины не дрогнули.

На третий день Александр вызвал к себе избранных персидских командиров и распределил между ними начальство над отрядами. Лишь те, кому он дал титул «родственников», получили право на ритуальный поцелуй.

На первый взгляд, положение, сложившееся на третий день мятежа в Опиде, напоминало состояние дел на берегу Гифаса. Александр объявил свою волю, а солдаты отвергли ее. Как и раньше, Александр уединился в своих покоях и стал ждать, но в 324 г. до н. э. ситуация решительно изменилась. Теперь у Александра была целая армия подготовленных и обученных «эпигонов», он действительно мог найти замену македонским ветеранам. Кроме того, теперь у них не было Кена — уважаемого командира, который мог бы огласить жалобы и требования рядовых воинов.

Александр хорошо понимал это. На этот раз он не блефовал. Он мог покорить Аравию без помощи большинства македонцев. Ему не нужно было приносить жертвы богам для оправдания своих компромиссов. Царь принял решение, и оно было окончательным.

Когда македоняне узнали, что командование поручается персидским военачальникам, что иностранные войска будут разделены по македонскому образцу, персидская пехота получит звание «пеших товарищей царя» (*педзэ-тайры*), что будет отряд персидских «серебряных щитов» и конных «товарищей царя» и даже персидская царская агема, их мужество было сломлено. Сбежавшись к дворцу, они побросали свое оружие, выдали предводителей мятежа и поклялись, что не уйдут от дверей ни ночью ни днем, пока царь не сжалится над ними.

Александр вышел им навстречу со слезами на глазах, собираясь что-то сказать, но некий Каллин из конницы «товарищей царя», почтенный по своему возрасту и положению, опередил его.

«Царь, македонцев огорчает то, что ты уже породнился с некоторыми персами, — сказал он. — Персы зовутся «родственниками» Александра и целуют тебя; из македонцев же никто не вкусил этой чести».

Царь прервал его и сказал: «Всех вас я считаю своими «родственниками» и отныне так и буду вас называть».

Тогда пожилой ветеран Каллин подошел и поцеловал царя, и каждый желающий сделал то же самое. После этого македоняне подняли свое оружие и вернулись в лагерь, крича и распевая пэаны.

Но, разумеется, лавры победителя достались Александру. Поцелуй царя, как и говорил Каллин, был персидским обычаем. Более того, поцелуй царя после коленопреклонения был частью персидского придворного церемониала, от которого Александр был вынужден отказаться несколько лет назад в Бактрии. Теперь македоняне были только рады получить поцелуй от Александра. В отличие от Каллифена, ни один не стал «на один поцелуй беднее», но все остались довольны, как и хотел царь.

ПИР В ОПИДЕ

В честь восстановления порядка — или моральной победы над своими воинами — Александр принес жертвы богам и дал большой пир, на котором он сидел вместе с македонянами, персами и «прочими иноплеменниками, чтимыми за свой сан или какие-либо заслуги». На пиру присутствовали не менее 9000 человек.

Александр и его сотрапезники пили из одной чаши и совершали одинаковые возлияния по обряду греческих прорицателей и персидских магов. Они молились о ниспослании разных благ и о «согласии и единении царств Македонского и Персидского». По окончании пира они совершили одно большое возлияние и запели победный пэан.

Отдельные авторы пытались представить этот пир как некий международный «праздник любви», организованный Александром в знак единения всего человечества. На самом деле ничего подобного не было. Это было тщательно обдуманное мероприятие, главная цель которого заключалась в примирении Александра и македонян. Они сидели вокруг Александра, пили вино из одной чаши и совершали возлияния под руководством греческих и персидских жрецов.

За столом Александр не возносил молитвы о единстве или братстве всего человечества. Он молился о гармонии и совместном правлении персов и македонян, иными словами, это была молитва о совместной имперской гегемонии. Александр не был Вудро Вильсоном, а пир в Опиде ничем не напоминал церемонию основания античной Лиги Наций.

Ни одно из сохранившихся описаний этого пира не поддерживает идею о том, что Александр верил в единство или равенство всех людей. Как известно, он верил, что Зевс является отцом людей, но приближает к себе лучших из них. Подобно Зевсу, Александр в Опиде четко обозначил свое предпочтение по отношению к персам перед остальным человечеством (разумеется, после македонян). Персы

были лучшими среди варваров, и теперь Александр приблизил их к себе. Что касается остальных детей Зевса, они годились лишь для того, чтобы ими совместно правили персы и македоняне. Именно такое «единство» имел в виду Александр.

В то же время молитва о совместном имперском правлении персов и македонян поражает своей необычностью. В мире, где жил Александр, мысль о том, что победитель может разделить власть с побежденным или вести с ним дела на равноправной основе, была беспрецедентной. К сожалению, именно готовность Александра перенимать обычаи побежденных народов, а затем делить с ними власть над империей привела к отчуждению со стороны многих македонских солдат и полководцев.

«ПЛАТА ЗА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ»

После пира и примирения 10 000 македонцев, не годных для воинской службы, были отпущены по их собственной просьбе. Им выдали жалованье не только за истекшее время, но и за время на дорогу до дома. Сверх того каждый из них получил по одному таланту.

Детей, прижитых уходящими солдатами от азиатских женщин, Александр велел оставить в Азии, чтобы «не пришел с ними в Македонию раздор». В то время как персы могли принять детей греков и македонян, родившихся от женщин из Персии и Мидии, в Македонии новые члены семей явно не могли рассчитывать на теплый прием. Александр обещал, что позаботится об этих детях и со временем лично приведет их в Македонию к своим отцам.

Кратер, самый преданный сторонник Александра, получил приказ доставить ветеранов домой, где он должен был взять на себя управление Македонией, Фракией и Фессалией и «охрану эллинской свободы». Антипатру было велено привести молодых македонян на смену отосланным домой.

Этот приказ имел разные интерпретации. С одной стороны, Александр явно накапливал силы для следующей

кампании, и новые войска, которые Антипатр должен был привести в Азию, имели жизненно важное значение для этих планов, но поскольку в Македонии отношения между Антипатром и Олимпиадой значительно ухудшились в отсутствие Александра, его приказ дал повод для слухов, будто он, поддавшись наветам матери, пожелал удалить Антипатра из Македонии.

В сущности, Антипатр и Олимпиада годами писали Александру письма, в которых они жаловались друг на друга. Антипатр осуждал высокомерие и резкость Олимпиады и ее вмешательство во все дела. О сочувственном отношении Александра к этой точке зрения можно судить по его знаменитому высказыванию о своей матери, что она «взыскивает непомерную квартирную плату за девять месяцев» пребывания в ее утробе.

Со своей стороны Олимпиада писала, что уважение и почет, оказываемые Антипатру, вскружили ему голову, что он забыл, кому он этим обязан, и считает себя вправе занять первое место в Македонии и Греции.

Какого бы мнения ни придерживался сам Александр об этой словесной баталии, в его словах и поступках ничто не свидетельствовало об изменившемся отношении к Антипатру. Арриан предполагает, что «удаление Антипатра отнюдь не означало опалу, а имело целью предотвратить превращение простого разногласия во вражду, уже неисцелимую».

Впрочем, Антипатр не сразу выступил к Александру с войском из Македонии, как ему было приказано. Вместо этого он послал в Вавилон своего сына Кассандра, с которым Александр обошелся без всякой жалости. Даже через много лет после смерти Александра, когда Кассандр увидел изображение царя, он «почувствовал головокружение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя».

Трудно сказать, была ли задержка Антипатра признаком его страха или нелояльности, однако о ненадежности его положения можно судить по одной истории, распространившейся после смерти Александра. Согласно этой истории, Антипатр и его сын Иолай, виночерпий Алексан-

дра, вступили в заговор с целью отравить царя. История могла быть выдумана по политическим причинам спустя годы после смерти Александра врагами Антипатра и его семьи, но она не смогла бы послужить эффективным средством политической пропаганды, если бы не имела никаких реальных оснований, а именно — убежденности в том, что в 324 г. до н. э. отношения между Александром и Антипатром были далеко не такими теплыми, как раньше. После долгого отсутствия Александра они опасались друг друга.

Не получив известий от Антипатра, Александр со своей армией подготовился к переходу из жаркой Опиды на возвышенности Загрота, чтобы провести осень в Экбатанах (Хамадан), летней столице персидских царей.

Планы на будущее

СМЕРТЬ ГЕФЕСТИОНА

В Экбатанах Александр, как обычно, принес жертвы и устроил празднество, состоявшее из гимнастических состязаний и драматических представлений, а также попок в кругу друзей. Для драматических состязаний из Греции к нему явились 3000 «артистов Диониса». Это были странствующие греческие актеры и музыканты, организованные в гильдии, ходившие по городам Греции и исполнявшие древнегреческие драмы для знатных и состоятельных людей.

Во время этих празднеств (вероятно, в октябре) Гефестион слег с сильной лихорадкой. Будучи молодым человеком, привычным к солдатской жизни, он не подчинился строгим предписаниям своего врача Главка. Когда Главк ушел в театр, Гефестион съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо. Александр, в то время присутствовавший на скачках, поспешил к нему, но уже не застал Гефестиона в живых.

Горе Александра не знало границ. Когда кто-то из его друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше,

чем Гефестион, Александр воскликнул: «Кратер любит царя, а Гефестион Александра». Гефестион был ближайшим другом царя, возможно, его любовником — иными словами, «тоже Александром».

Царь приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов и снять зубцы с крепостных стен близлежащих городов. По некоторым сведениям, он также распял врача Главка — либо за то, что несчастный дал Гефестиону неправильное лекарство, либо за то, что он ничего не сделал, когда Гефестион продолжал пьянствовать во время болезни, — и запретил играть на музыкальных инструментах, пока от оракула Амона «не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою». Многие из «товарищей царя» в угоду Александру посвятили себя и свое оружие умершему Гефестиону. Эвмен из Кардии, незадолго до того поссорившийся с Гефестионом, осмотрительно предложил сделать это в знак скорби по умершему.

Александр велел приготовить Гефестиону в Вавилоне погребальный костер стоимостью не менее 10 000 талантов и объявил траур по всему Востоку. Погребальный костер представлял собой чудовищное сооружение с архитектурной и художественной точки зрения: он был задуман как огромный кирпичный куб со стороной в 1 стадий и высотой более 200 футов. Его основание было окружено золотыми носами пентер (галер с пятью рядами гребцов), а стены были увенчаны пятью лепными фризами.

Возможно, к счастью для нашей оценки архитектурных вкусов Александра — не говоря уже о репутации его архитектора, — строительство этого гигантского сооружения, очевидно, так и не началось и во всяком случае не завершилось. После смерти самого Александра планы погребального костра Гефестиона и других проектов сходного масштаба были открыты македонянином Пердиккой — вероятно, для того чтобы разубедить любого, кто задумывался об их осуществлении.

«ПОСЛЕДНИЕ ПЛАНЫ» АЛЕКСАНДРА

Некоторые ученые отвергали существование «последних планов» Александра, считая их подделками или в лучшем случае преувеличенными слухами о его будущих проектах. Действительно ли он намеревался построить 1000 боевых судов размером больше чем триремы для морской кампании против Карфагена, Ливии и прибрежных регионов вплоть до Сицилии? Или проложить военную дорогу по этому побережью до Столпов Геракла? Или воздвигнуть шесть храмов, каждый стоимостью 1500 талантов в Делосе, Дельфах, Додоне, Дии, Амфиполисе и Кирне? Основать новые города и переместить большое количество населения из Азии в Европу и из Европы в Азию? Построить в Илионе (Троя) храм в честь Афины, который не будет превзойден никаким другим храмом? Воздвигнуть пирамиду в честь своего отца Филипа под стать величайшим пирамидам Египта?

Было бы наивно игнорировать эти проекты на основании их стоимости и масштаба работ. Александр никогда ничего не делал наполовину, а в 324 г. до н. э. он располагал достаточными финансовыми и человеческими ресурсами для исполнения любых своих желаний. Он был самым богатым и могущественным человеком в мировой истории до того времени. Десятки тысяч мужчин и женщин в Азии и Европе прислушивались к каждому его слову. Он уже жил с беспрецедентным размахом. Его личная «палатка» (на самом деле огромный павильон) вмещала 100 лож и опиралась на 50 золотых столбов, балдахин, растянутый над павильоном, был искусно вышит золотом. Внутри Александра охраняли 500 персидских «носителей айвы», одетых в пурпурные и желтые кафтаны. Вдоль стен павильона было расставлено до 1000 лучников в алых и темно-синих плащах, а вход сторожили 500 «серебряных щитов», элитных македонских пехотинцев. В центре павильона возвышался трон из чистого золота, на котором Александр восседал во время придворных церемоний, со всех сторон окруженный охраной. Современные

профессиональные спортсмены и звезды эстрады могут лишь мечтать о таком образе жизни, который Александр вел в последние несколько лет своей жизни.

До того как Александр завоевал Персидскую империю и прошел до Инда, никто не верил, что молодой македонский царь со своей армией сможет за несколько лет низвергнуть самое большое царство из когда-либо существовавших до тех пор, однако он сделал это. Поэтому не имеет смысла сразу же отвергать его планы, какими бы грандиозными они ни казались. Мы даже не знаем, были ли они «последними»; нам лишь известно, что Александр умер вскоре после того, как составил их.

Александр совершил то, что раньше не удавалось ни одному человеку, и собирался продолжить свои завоевания до тех пор, пока его империя не распространится на всю землю, над которой властвовал его отец Зевс. Он хорошо понимал свою исключительность. Выжив вопреки всему, подвергаясь смертельной опасности в отчаянных битвах, он не сомневался в том, что является любимцем божества, а может быть, и всех богов. Осуществление его проектов задумывалось как вещественное доказательство его великих свершений и уникального положения в истории Европы и Азии. Нет причин сомневаться, что в том возрасте — а ему еще не исполнилось тридцати трех лет — и с учетом уже достигнутого, Александр стремился к этим и другим, не менее фантастическим целям.

ПОСОЛЬСТВО И УКАЗ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗГНАННИКОВ

Каковы бы ни были планы Александра, зимой 324—323 г. до н. э. после смерти своего ближайшего друга он вернулся к тому, что ему удавалось лучше, чем любому другому человеку в истории: к завоевательным походам. По словам Плутарха, «утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие, и это называли заупокойной жертвой в честь Гефе-

стиона». Более вероятно, что Александр сделал это, так как не желал мириться с полунезависимым положением этих племен, державших под контролем прямой маршрут между Сузами и Экбатанами, стратегически важную дорогу в центре его империи. Так или иначе, царь показал, что он не изменил своей испытанной тактике нанесения быстрых ударов, проведения военных кампаний в сжатые сроки (в данном случае в течение 40 дней) и основания городов в стратегических точках недавно покоренных территорий.

После этого Александр собрался переехать в Вавилон вместе со своим двором. По пути его встретили посольства из Ливии, а также от брутиев, луканов и этрусков из Италии. Карфаген тоже прислал делегацию. Другие посольства пришли от эфиопов, европейских скифов, кельтов и иберов.

Народы западного Средиземноморья имели особенно веские причины искать благосклонности Александра. Помощь, обещанная Тиру карфагенянами во время осады этого города несколько лет назад, в ретроспективе могла показаться досадной, а возможно, и фатальной ошибкой. Индия лежала в руинах, Александр вернулся, а Карфаген был расположен на пути его планируемых завоеваний в западном Средиземноморье. Царь никогда не прощал тех, кто перечил ему, его милосердие распространялось лишь на старых друзей и, подобно большинству даров, могло быть востребовано лишь один раз, в дальнейшем реакция Александра неизменно оказывалась смертельной для обидчиков. У карфагенян имелись все основания для беспокойства.

Позднее, когда Александр вступил в Вавилон, к нему явились греческие делегации, чтобы увенчать его как героя и поздравить с многочисленными победами, особенно в Индии. Фактически этих делегаций было так много, что Александру пришлось составить список и установить порядок своих аудиенций.

Первыми царь принял тех послов, которые явились по вопросам, связанным с религией и религиозными святы-

нями, что свидетельствует о его приоритетах. Александр поговорил с элейцами, амонитами, дельфийцами, коринфянами и эпидаврами.

Во-вторых, он принял тех, кто принес дары, в третьих — тех, кто имел разногласия с соседями, а в четвертых — пришедших к нему по личным делам, и наконец он выслушал тех, кто представил ему свои аргументы против возвращения изгнанников.

Лишь эта последняя группа делегаций представляла серьезные политические или потенциальные военные проблемы. От Диодора Сицилийского мы знаем, что Александр в своем письме, оглашенном на Олимпийских играх в начале августа 324 г. до н. э., объявил о возвращении изгнанников по всему греческому миру (кроме фиванцев) и о возмещении их конфискованного имущества. Им двигало желание славы наряду с соображениями политической выгоды, так как вернувшиеся изгнанники естественным образом становились его союзниками в своих городах. Единственное исключение, кроме фиванцев, было сделано для изгнанников, которых сочли виновными в убийстве и святотатстве. Антипатру было велено проследить за исполнением этого указа.

Тем не менее начало возвращения изгнанников привело к беспорядкам во многих городах. Дело едва не дошло до войны с Афинами, чьи поселенцы на острове Самос во исполнение указа должны были вернуться обратно и оставить свое имущество местным жителям.

Однако посольства, явившиеся к Александру в Вавилоне, пришли лишь для того, чтобы обсудить, каким образом его указ повлиял на их жизнь, а не для того, чтобы оспаривать конституционность самого указа. Издание этого указа несомненно свидетельствует, что Александр больше не считал себя обычным лидером (гегемоном) Коринфского союза, который теоретически представлял собой альянс между равными и самоуправляемыми членами, созданный при его отце Филиппе. Эта идея умерла уже давно, после убийства Дария. Теперь Александр был царем не только всей Азии, но и Эллады, хотя это не утверждалось открыто.

Всем принятым послам царь отдал подобающие почести. Он также вернул грекам статуи, изображения богов и различные предметы, посвященные божествам, которые Ксеркс вывез из Греции, включая бронзовые статуи «убийц тиранов» Гармония и Аристокритона, а также статую Артемиды Келкеи, которая вернулась в Афины. Как известно, многие афиняне ошибочно считали, что Гармония и Аристокритон убили последнего из афинских тиранов в конце VI века до н. э. и таким образом заложили основы для развития афинской демократии. Ирония ситуации заключалась в том, что статуи двух героев Афин были возвращены македонским царем, который теперь был правителем не только Персии, но и самой Греции.

По утверждению Ариста и Асклепиада, некий небольшой город в центральной Италии также прислал послов к Александру. Встретившись с ними, Александр осмотрел парадную одежду послов, обратил внимание на их усердие и благородную манеру держать себя, расспросил об их государственном строе и предсказал Риму его будущее величие.

«ТОТ ПРОРИЦАТЕЛЬ ЛУЧШЕ...»

Еще до того, как Александр принял все эти посольства, существовали опасения, что царь должен позаботиться о собственном благополучии. После того как Александр переправился через Тигр, но до вступления в Вавилон, к нему подошли жрецы Бела и посоветовали подождать. По их словам, они получили предсказание от своего бога о том, что его вступление в Вавилон в это время может привести к несчастью. Александр ответил жрецам строкой из ныне утраченной драмы Еврипида: «Тот прорицатель лучше, кто сулит добро».

Услышав это, халдейские жрецы попросили его по крайней мере не входить в город с западной стороны и «не вести свое войско, глядя на закат, а обойти городскую стену с востока».

Однако Александр заподозрил, что жрецы меньше озабочены его здоровьем, чем собственной выгодой. Посколь-

ку Ксеркс уничтожил храм Бела, Александр собирался заново отстроить его с еще большим размахом, но вавилонские «подрядчики» работали слишком лениво, и он собирался поручить строительство своему войску. Жрецы же, по-видимому, были обеспокоены, что он может заставить их субсидировать восстановление храма из собственных дополнительных доходов.

Несмотря на подозрения, связанные с мотивами жрецов, Александр попытался войти в город с восточной стороны, но это оказалось слишком трудной задачей для армии. Из-за болотистой местности и бездорожья Александр в конце концов был вынужден вступить в город с запада.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ В ВАВИЛОНЕ

В Вавилоне самым важным пунктом, стоящим на повестке дня у Александра, была тщательная подготовка к следующей военной кампании. Неарх со своим флотом уже получил приказ подняться по Евфрату до Вавилона. Две финикийских пентеры (в которых на веслах в верхнем и среднем ряду сидели по два гребца, а на нижнем ряду по одному гребцу), три тетремы, двенадцать трирем и тридцать тридцативесельных судов были разобраны на побережье Финикии, доставлены по суше в Фапсак, а оттуда тоже спустились вниз по Евфрату до Вавилона.

Но Александр строил и новую флотилию, для которой он велел нарубить кипарисов, в изобилии произраставших в окрестностях Вавилона. Для этого огромного флота из тысячи боевых судов была вырыта новая гавань. В то же время некий Миккал из города Клазомены был отправлен в Финикию и Сирию с 500 талантами золота и поручением набрать людей, знакомых с морским делом.

Александр готовил флот, «чтобы напасть на арабов под тем предлогом, что они единственные из здешних варваров, которые не прислали к нему посольства и ничем не выказали ему ни доброжелательства, ни уважения». Но он не упускал из виду и богатство Аравии, особенно кассию, ладан, мирру, нард и корицу. Александр также слышал, что в Аравии повсюду есть гавани, пригодные для

размещения его флота, возле которых можно основать новые города, «в будущем цветущие и богатые».

Наконец, Александру говорили, что арабы чтут только двух богов: Урана (небо) и Диониса. Поскольку царь превзошел Диониса своими подвигами, ему показалось уместным вписать в скудный арабский пантеон третьего бога: самого себя. Но на самом деле, по справедливому замечанию Арриана, Александр был просто ненасытен в своих завоеваниях.

В своей оценке планов по завоеванию Аравии некоторые историки предположили, что после перехода через Гадросию и смерти Гефестиона у Александра просто не осталось никакой жизненной цели, достойной его трудов, — во всяком случае с точки зрения самого Александра.

Но подготовка к вторжению в Аравию была не похожа на действия человека, охваченного отчаянием. Нет никаких признаков того, что зимой 324/323 г. до н. э. Александр помешался, что его умственные способности как-то ухудшились или что он утратил желание двигаться дальше.

Невероятно, но неоспоримо, что после всех битв, в которых он уже сражался, после всех дорог, по которым он прошел вместе с македонянами, после пьяных ссор, ранений, смерти Филота, Пармениона, Клита, Буцефала, после мятежей, перехода через Гадросию и утраты лучшего друга завоевательный порыв Александра остался неизменным. Но он всегда воевал, чтобы жить дальше, а жизни не было видно конца.

Если этот план был безумием, то же самое можно сказать про все предыдущие. Александр подходил к следующему этапу своего великого замысла с такой же основательностью, как к завоеванию Персидской империи и Индии.

ПОСЛЕДНИЕ ШТРИХИ

Огромный флот наконец собрался, и к островам Икар (Фалайка) и Тива (Бахрейн) отправились разведывательные экспедиции под руководством знаменитых штурманов

Архия и Андросфена. Андросфен проплыл вдоль значительной части Аравийского полуострова. Третьему кормчему, Гиерону, было велено проплыть еще дальше — вдоль всего Аравийского полуострова до Египта и Героополя на Красном море, но он повернул обратно и сообщил, «что полуостров этот поражает своей величиной: он лишь немного меньше земли индов и глубоко вдается в Великое море».

Но даже завоевание Аравии было лишь промежуточным этапом более масштабного предприятия. Александр также отправил Гераклида из Ардоса для исследования побережий Каспийского моря, чтобы найти новые проходы, соединяющие восточные и западные части его империи.

Пока заканчивалось строительство флота и сооружение гавани возле Вавилона, Александр занялся расчисткой каналов на Евфрате и основал последнюю Александрию, спустившись по Паллакопе (канал, ответвлявшийся от Евфрата) к Аравийским озерам. Этот город располагался на месте современного Кувейта и был населен греческими наемниками, добровольцами и ветеранами, не годными для несения службы. В Вавилоне продолжалась подготовка флота с учебными сражениями и состязаниями гребцов и кормчих. Постепенно собиралась и сухопутная армия. Певкест привел из Персии 20 000 солдат, включая коссеев (побежденных год назад) и тапуров. Филоксен привел войско из Карики. Явился Менандр с войском из Лидии и Менид со своей конницей.

Персы, с помощью которых Александр намеревался править своей империей в мире и содружестве, зачислялись в различные македонские отряды, так что македонский пехотный строй теперь состоял из командира-македонянина и двух его соотечественников, двенадцати персов и еще одного македонянина. Таким образом, первый, второй и последний человек в строю был македонянином, а между ними располагались 12 персов. Эти пехотные шеренги обеспечивали импульс движения за тремя рядами копейщиков (сариссоносцев) на переднем крае

фаланги. Александр успешно включил персов в традиционный строй македонской пехоты.

Все было готово. Прибыли новые посольства из Греции; «послы эти сами в венках, подойдя к Александру, надели на него золотые венки, словно он был богом, а они *теорами*, пришедшими почтить бога». Вопрос о том, верили ли сами послы, что Александр является божеством (хотя его явно считали богом в некоторых греческих городах к 323 г. до н. э.), остается открытым, и ответ на него, вероятно, так и не будет получен. В Спарте — очевидно, после собственного указа Александра о том, что греки должны голосовать относительно его божественности, был издан указ со следующими словами: «Поскольку Александр желает быть богом, пусть будет богом». Нам известно, что в Афинах политик Демодест действительно предложил издать указ о божественности Александра. Но независимо от того, что думали афинские послы или что сам царь думал о себе, конец был уже недалеко.

ГЛАВА 29

Смерть в Вавилоне

В ПРЕДДВЕРИИ КОНЦА

В конце весны 323 г. Александр вернулся в Вавилон и принял делегации от ливийцев и карфагенян. Строительство мощной армады для аравийской кампании уже завершилось, а у стен города стояла грозная армия, состоявшая главным образом из персидско-македонских пехотных частей.

После завоевания Аравии Александр собирался обратить свой взор на Западное Средиземноморье, было также намечено исследование побережий Каспийского и Черного морей. Разведывательные экспедиции должны были заложить основы для будущих военных кампаний, ведущих к окончательному объединению Азиатской и Европейской империй Александра.

Хотя Александр был восемь раз ранен в бою, потерял лучшего друга и много пил, его захватнические аппетиты лишь подогревались уже беспрецедентными победами.

Лоуренс Аравийский некогда был потрясен открытием, что ему нравится причинять и терпеть боль. Внутренняя цитадель самолюбия Александра никогда не страдала от ран, которые он сам наносил или получал. Весной 323 г. Александр оставался не сломленным человеком.

Единственный вопрос заключался в том, является ли он всего лишь человеком в собственных глазах или с точки зрения окружающих.

Бог умер всего лишь за несколько дней до начала завоевания остального известного мира.

Смерть Александра как раз в то время, когда некоторые греческие города были готовы воздать ему божественные почести, не менее противоречива, чем его жизнь. Вероятно, этого следовало ожидать. Пока Александр был жив, он не давал покоя ни себе, ни всем остальным. К чему было надеяться, что он тихо и мирно уйдет из жизни или оставит нам ясное представление о том, кто в конце концов победил человека, который не смог погибнуть ни в одном сражении? Разумеется, смерть Александра, как и смерть Моцарта, окутана тайной, и античные источники бесповоротно расходятся в определении ее причин. Более того, почти неизбежно возникает предположение, что Александр был отравлен, и не каким-нибудь завистливым македонским Сальери, а величайшим философом в истории Запада, своим старым наставником Аристотелем. Испытание детективной истории, в которой великий завоеватель оказывается побежденным великим философом, для многих оказалось непреодолимым. Но имеет ли оно какое-то подтверждение в действительности?

ИСТОРИЯ ЛИХОРАДКИ

Одна из историй о смерти Александра основана на так называемых «царских дневниках», в которых его секретарь Евмен из Кардии и Диодот из Эритреи предположительно записывали ежедневные дела Александра. После смерти царя «царские дневники» были преданы огласке, чтобы у окружающих не оставалось сомнений в причинах его гибели.

История начинается следующим образом. Александр устроил роскошный пир в честь своего друга Неарха, адмирала флота и критянина по происхождению. После пира Александр вымылся с намерением поскорее лечь спать,

но человек по имени Медий из Лариссы пригласил царя в свой дом на другую пирушку, где они пьянствовали весь следующий день. Первые признаки лихорадки появились, когда Александр еще находился в доме Медия.

На 18-й день македонского месяца *десия* (конец мая), согласно «царским дневникам», Александр спал в купальне из-за лихорадки. Вымывшись, царь перешел в свою спальню, где провел день, играя в кости с Медием. Вечером Александр еще раз искупался, принес жертвы богам и немного поел, но лихорадка «целую ночь не оставляла его». 20-го числа он снова искупался, принес обычные жертвы и, лежа на полу в купальне, слушал Непарха, рассказывавшего о своем путешествии по Великому морю.

21-го числа Александр провел день сходным образом, но чувствовал себя хуже, а ночью лихорадка усилилась, на следующий день температура тоже была очень высокой. Тем не менее он призвал к себе военачальников, приказал им, чтобы все было готово к отплытию, и побеседовал с ними «о назначении достойных людей на освобожденные должности в войске».

На 24-й день у Александра был очень сильный приступ лихорадки, и его пришлось отнести к жертвеннику, чтобы он смог совершить жертвоприношение. Он приказал высшим полководцам остаться во дворце (возможно, дворец Навуходоносора), а остальным командирам провести ночь снаружи. На следующий день его перенесли в другую часть дворца, где он немного поспал, но лихорадка не унималась. Когда к нему пришли военачальники, он не мог произнести ни слова, и то же самое повторилось на 26-й день.

Поскольку македоняне заподозрили, что царь умер, они с криками подошли к дверям дворца, желая видеть его. В конце концов «товарищам царя» пришлось уступить перед их угрозами. Когда двери были открыты, македоняне без доспехов в одних хитонах медленно окружили ложе царя. В тот же день Пифона и Селевка послали в храм Сераписа, чтобы спросить, следует ли перенести туда Александра. Бог ответил, что они должны оставить

царя на месте. На 28-й день месяца десья (10 июня) Александр скончался.

Рассказ Арриана о болезни и кончине Александра тоже основан на «царских дневниках», но он дает важные дополнительные подробности. Уже больной, Александр велел своим полководцам подготовиться к выступлению через три дня, а еще через день снарядить флот к отплытию. Иными словами, вторжение в Аравию готовилось со дня на день.

От Арриана мы также узнаем, что когда македоняне пришли посмотреть на Александра, царь, хотя и не мог говорить, «но пожал руку каждому из проходивших мимо него солдат, с трудом приподнимая голову и приветствуя их глазами». Таким образом, Александр практически до конца находился в сознании.

И наконец, Арриан дает более подробное описание эпизода в храме Сераписа: семь командиров Александра провели все ночные бдения, вопрошая бога, не будет ли лучше перенести царя в храм, и умолять перед алтарем о его исцелении. Раздался голос оракула, объявившего, что не надо приносить Александра и ему будет лучше, если он останется на месте. Вскоре после этого Александр испустил последний вздох. Таким образом «лучше» для Александра (согласно варианту истории, представленному у Арриана) оказалось смертью. Далее Арриан утверждает, что повествование Аритобула и Птолемея заканчивается последними словами царя.

Когда Александр был близок к смерти, друзья спросили его, кому он хочет оставить свое царство. Александр ответил одним словом по-гречески: *kratisto*. Живым оставалось лишь гадать, что он имел в виду — «наилучшему» или «сильнейшему». Перевод этой короткой греческой фразы допускает неоднозначное толкование.

Александр также добавил, что видит «великое состязание над его могилой». Иными словами, Кратер, Пердикка и другие великие полководцы будут бороться друг с другом за возможность стать преемником Александра и править его империей. Наконец Пердикка спросил, хочет ли

Александр, чтобы ему воздали божественные почести. Царь ответил, что хотел этого лишь тогда, «когда они были счастливы». Это были последние слова Александра.

Такова история смерти Александра в изложении Плутарха и Арриана, основанная, по их собственному утверждению, на дневниковых записях о последних неделях его жизни. Александр умер от лихорадки, которой он поддался не сразу, но постепенно.

ИСТОРИЯ УБИЙСТВА

Но Плутарх и Арриан также упоминают другую историю о смерти Александра, согласно которой царь был убит группой своих командиров и бывших друзей. Диодор и Юстин естественным образом следуют этому, более зловещему варианту. С учетом общей картины, нарисованной Юстином, едва ли удивительно, что он поверил в историю об убийстве; разве мог тиран вроде Александра умереть естественной смертью?

На самом деле история об убийстве в определенной степени согласуется с повествованием, изложенным в «царских дневниках». Здесь Александр тоже отправился на пирушку в дом Медия, но дальше события развивались совсем по-другому. Сначала царь выпил много неразбавленного вина в память о смерти Геракла. Вероятно, вдохновленный вином, Александр решил воссоздать сцену из драмы Еврипида «Андромеда». Он выпил за здоровье всех двадцати гостей и принял в ответ такое же количество тостов в свою честь. Наконец, подняв большую чашу вина, Александр осушил ее одним глотком и громко вскрикнул, словно стрела пронзила его печень. Друзья отнесли его в царские апартаменты.

Александр крикнул потому, что он был отравлен. Согласно этому преданию, Аристотель посоветовал Антипатру, царскому регенту в Македонии, организовать убийство, и яд был получен с помощью самого Аристотеля. Наиболее очевидным мотивом была гибель Каллисфена, родственника Аристотеля, по наущению царя, не говоря о

других тиранических поступках Александра. Разумеется, Антипатр пришел в ужас, получив приказ предстать перед Александром.

Отравой послужила «вода», стекавшая со скалы возле города Нонакрида в северной Аркадии; она была такой холодной и едкой, что ее можно было хранить только в ослином копыте. Когда отраву доставили в Вавилон, ее подмешал Александру царский виночерпий Иолай, один из сыновей Антипатра и любовник Медия.

После этого (согласно памфлету, который впоследствии был включен в средневековый «Роман об Александре», но основанному на каком-то сочинении, написанном через десять лет после смерти царя) Александр вернулся домой и попросил перо, чтобы пощекотать им горло и извергнуть выпитое вино. Иолай смочил перо ядом и подал его Александру. Всю ночь царь провел в ужасных муках и на следующий день отослал от себя приближенных в надежде обрести покой.

Когда наступила ночь, Александр, уже знавший о том, что обречен, попытался утопиться в Евфрате, но был остановлен своей женой Роксаной. На следующий день македонцы взбунтовались и настояли на том, чтобы увидеть Александра, который составлял завещание. После того как царь изложил свою последнюю волю и написал письмо Олимпиаде, его утешал некий юноша по имени Хармид.

Вечером земля была окутана мглой, но на небе появилась яркая звезда, сопровождаемая летящим орлом. Когда звезда начала опускаться, статуя Зевса в Вавилоне задрожала, но когда звезда снова поднялась, по-прежнему сопровождаемая орлом, и исчезла в вышине, Александр заснул вечным сном.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ

Хотя история, представленная в «царских дневниках», выглядит убедительной из-за подробного описания смертельной болезни и поступков Александра, в ней содержится

один явный анахронизм, заставляющий усомниться в достоверности дневниковых записей.

Бог Серапис, к которому обратились с просьбой об исцелении, на самом деле появился во времена царствования бывшего телохранителя и военачальника царя Птолемея I в Египте уже после смерти Александра. Таким образом, в 323 г. до н. э. в Вавилоне не могло быть храма Сераписа. Значит, рассказ о ночном бдении в храме был позднейшим дополнением, внесенным Евменом и его соавтором Диодотом, чтобы избавиться от подозрений в «грязной игре». Целью этой истории было показать, что люди обратились за советом к исцеляющему божеству и повиновались его наставлениям. Если Александр и умер впоследствии, то это было «лучшее», что могло с ним произойти, так как сам бог пожелал этого, люди же были невиновны.

Действительно, очень подробное описание развития болезни Александра в «дневниковых записях» привело некоторых историков к предположению, что настоящей целью их публикации было доказательство прогрессирующей лихорадки Александра. Иными словами, авторы стремились доказать, что царь не был убит. Дневники полностью оправдывали тех, кто заботился об Александре во время его болезни.

Но историю об отравлении тоже нельзя принять на веру. Большинство ядов, использовавшихся в восточном Средиземноморье в эпоху Александра, таких как болиголов, действовали быстро и приводили к мгновенной или почти мгновенной смерти, но обе истории сходятся в том, что Александр умер не сразу. Главный элемент истории об отравлении — а именно, что Александр был отравлен сильным ядом, но умер почти через неделю, — содержит внутреннее противоречие.

Вторая проблема заключается в том, что история об отравлении получила огласку лишь примерно через пять лет после смерти Александра. Таким образом, она появилась в контексте острого соперничества за его наследство, предсказанного самим царем на смертном одре. Те,

кто окружал Александра в последние дни его жизни в Вавилоне, постарались, чтобы история болезни сняла с них любые подозрения: с другой стороны, история об отравлении могла распространяться некоторыми ближайшими родственниками Александра (особенно Олимпиадой) с целью очернения их политических противников: Аристотеля, Антипатра, Кассандра, Иолая и других. Возложение на отдельных людей вины за гибель Александра было очень эффективным средством политической пропаганды во время войн, последовавших за его смертью.

Таким образом, ни один из имеющихся источников не заслуживает безоговорочного доверия. Огласка и распространение каждой истории были связаны с достижением политической цели. Антипатр и члены его семьи, хорошо понимавшие, что подозрение может пасть на них, позаботились о том, чтобы история о лихорадке была опубликована как можно скорее. С другой стороны, история об отравлении была распространена через несколько лет с целью обвинить Аристотеля, некоторых людей, присутствовавших на пирушке у Медия, и членов семьи Антипатра.

Однако обе истории сходятся в том, что, независимо от причины смерти Александра, он умер не сразу. Принимая во внимание, что большинство ядов, использовавшихся в эпоху Александра, действовало мгновенно и что история об отравлении появилась лишь через пять лет после его смерти, история о лихорадке — или во всяком случае о смерти от естественных причин — выглядит более правдоподобной.

АУТОПСИЯ

Гадание о «естественных причинах» гибели Александра тоже превратилось в некое соревнование среди историков. Некоторые говорили о малярии. Действительно, поскольку Вавилон был расположен в болотистой местности, малярия была и остается распространенной болезнью в этом регионе. Другие связывали причину гибели Алек-

сандра с острым алкогольным отравлением, усугубленным многолетним пьянством. Александр со своими друзьями действительно употреблял спиртное в больших количествах и, согласно «царским дневникам», часто отсыпался в течение двух дней после очередной попойки. Вместе с тем острое алкогольное отравление не согласуется с историей о длительной болезни. Если бы Александр умер от алкогольного отравления, события разворачивались бы гораздо быстрее, но этого не произошло. Дионис не погубил своего соперника.

Также выдвигалась теория, связывавшая гибель Александра с раной в груди, полученной в Индии, и с его безутешным горем после смерти Гефестиона. Сторонники этой теории утверждают, что «двойная рана», нанесенная в грудь Александру, ослабила его иммунную систему до такой степени, что любая вторичная инфекция могла погубить его. Иными словами, Александр умер от разбитого сердца.

Это привлекательная идея, но энергичная подготовка Александра к вторжению в Аравию свидетельствует о том, что хотя его сердце могло быть разбито, его разум и дух оставались в целости и сохранности. Александр любил войну даже больше, чем Гефестиона.

Ученые и энтузиасты-любители прилагали огромные усилия для доказательства своих теорий, цитируя подробности развития болезни Александра, обнаруженные в античных источниках, и опровергая параллельные теории. Недавно в качестве причины смерти Александра был предложен вирус лихорадки Западного Нила, поскольку в одном источнике сообщается, что, когда Александр стоял перед воротами Вавилона, к его ногам упали мертвые вороны. Однако вороны, как и люди, умирают от разных болезней. Несомненно, что эта игра в «угадайку», своеобразное продолжение погребальных игр над телом царя, будет продолжаться до тех пор, пока у людей сохраняется интерес к личности Александра.

Но в отсутствие останков Александра и без проведения всеобъемлющей патолого-анатомической экспертизы

у нас просто нет способа раз и навсегда ответить на этот вопрос. Едва ли такая возможность появится и в будущем: после смерти Александра его тело отвезли в Египет (сначала в Мемфис, а затем в Александрию), где его забальзамировали и поместили в мавзолей, который впоследствии бесследно исчез.

В XX веке было проведено не менее 150 археологических раскопок в поисках места последнего упокоения Александра, а с начала XIX века насчитывается семь широко разрекламированных сообщений о «находке» его гробницы. Все они оказались фальшивыми. Александр унес тайну своей смерти в затерянную могилу.

Александр: массовый убийца или мессия?

СТАЛИН, ГИТЛЕР, КОРТЕС?

Личность Александра Великого должна быть предметом такого же тщательного исследования, какое проводилось историками для Сталина, Гитлера и Кортеса. Косвенные или прямые аналогии, проводившиеся между этими историческими персонажами, интересны, но в корне ошибочны.

Александр не был предшественником Сталина или Гитлера. После его возвращения из Индии не было «царства террора», сравнимого с тем, которое установил Сталин в Советском Союзе. Он смещал и наказывал некомпетентных заместителей за реальные проступки. Люди, обвиняемые в плохом управлении или неподчинении приказам, подвергались суду по традиционной македонской процедуре; в случае доказательства вины их казнили при содействии и полном одобрении македонской армии. Не может быть никакой речи о том, что Александр согласился бы отправить десятки миллионов своих соотечественников в «трудовые лагеря», аналогичные сталинским зонам.

Будучи лидером общегреческой кампании по наказанию персов за их предполагаемые преступления и свято-

татства, Александр несет ответственность за гибель сотен тысяч греков, македонян, персов, бактрийцев, индусов и других народов. Военная кампания в Индии велась с особой жестокостью. Александр лично убил в бою многих людей и заколол в пьяной ссоре Клита, одного из своих лучших командиров, хотя это убийство не было преднамеренным.

Александр также виновен в убийстве Пармениона, несмотря на смягчающие обстоятельства. После казни Филота за измену царь не мог оставить Пармениона безнаказанным в Экбатанах, нельзя и утверждать, что руки Пармениона были совершенно чисты. В другой ситуации Парменион мог бы подослать одного из друзей Александра, чтобы убить его. Македонская политика была кровавым спортом.

Александр со своей армией действительно в нескольких случаях участвовал в массовом убийстве и порабощении греческого и азиатского гражданского населения — обычно после того как жертвы были признаны изменниками греческого дела или виновными в другом преступлении. Часто эти «преступления» были связаны с религиозным святотатством, имевшим место в прошлом. Такое оправдание звучит не слишком привлекательно или убедительно для современных читателей, но в отличие от Чингисхана или его полководцев, Александр никогда не проводил политику систематического истребления гражданского населения городов или территорий, которые он завоевывал, как это делали монголы в Нишапуре и других городах, где они стирали с лица земли все живое, включая кошек и собак. Александр не насыпал курганы из черепов своих жертв, как это делал Тамерлан.

Более десяти лет Александр сражался в передних рядах македонской армии. По меньшей мере трижды он лично возглавлял атаку на лучшие конные отряды противника. В битве при Гранике он выдержал натиск отборных всадников персидской армии и сумел выжить. В битве при Иссе он возглавил кавалерийскую атаку через реку, отделявшую персов от македонян. Он первым поднялся на

Аорнскую Скалу и был первым человеком, взобравшимся по лестнице на стену во время последнего штурма крепости маллов. Александр не был ипохондриком, одержимым мыслями о собственной смерти, наподобие Гитлера.

Не удивительно, что он был восемь раз ранен в бою; скорее можно считать чудом, что он выжил. Разумеется, Александр сражался в окружении личной стражи, состоящей из семи-восьми самых храбрых и опытных солдат в мире, но когда противники скрещивали оружие, Александр вел бой один на один. Вероятно, никто не сражался лучше него.

Александр никогда не обдумывал «окончательное решение вопроса» по отношению к любой этнической группе, с которой ему приходилось иметь дело. Цель его военных кампаний не заключалась в том, чтобы согнать беззащитное гражданское население в концентрационные лагеря, где людей морили голодом, пытали, травили газом или отправляли в печи крематориев. Александр никогда не совершал геноцид против своих врагов, как военных, так и гражданских. Он не был этническим фундаменталистом и тем более сторонником этнических чисток. Вместо этого он назначал своих бывших противников на высокие командные посты в своей армии.

Не существует и убедительной аналогии между военными кампаниями Александра и завоевательными походами Кортеса. Хотя сами ацтеки были имперской нацией и располагали мощной профессиональной армией для завоевания своих соседей и захвата пленников (чьи сердца часто вырезали из груди в знак благодарности ацтекским богам), они никогда не вторгались в Испанию. Они не поработали испанцев и не сжигали дотла испанские религиозные святыни. Кортес со своими конкистадорами напал на империю, расположенную на другом конце света, которая никогда не делала Испании ничего плохого или хорошего.

Александр со своей армией напал на персов на том основании, что в прошлом они дважды вторгались в Грецию и дотла сожгли храмы на афинском акрополе в 480 г. до

н. э. Это исторические факты. На вопрос о том, оправдывают ли они запоздалое греко-македонское вторжение, нельзя ответить объективно.

Когда Александр переправился через Геллеспонт в 334 г. до н. э., он бросил вызов армии самой большой и могущественной империи в долгой истории великих царств Древнего Ближнего Востока. Персидские цари (Кир, Камбиз, Дарий, Ксеркс) строили свою империю с помощью насилия, и она, как и любая другая империя в истории, существовала за счет подневольного труда своих подданных, включая множество греков. Мы можем изучать политические, административные и культурные достижения древней Персии и даже восхищаться ими, но не следует романтизировать эти достижения.

Александр оказался гораздо лучшим мастером применения силы, чем его персидские современники. Мы следовали бы двойным стандартам, если бы критиковали Александра за насильственное создание его империи без учета того, как сами персы создавали свою империю и сохраняли ее в течение двухсот лет. Как ни странно, единственным историческим деятелем Древнего мира, выдерживающим сравнение с Александром, является персидский царь Кир Великий: оба создали огромную империю, оба сочетали проницательность с беспощадностью, и оба превратились в легенду. Вероятно, именно поэтому Александр с таким вниманием отнесся к восстановлению гробницы Кира после того, как она была разорена грабителями. Александр понимал чужое величие и уважал его.

Подводя итог, можно сказать, что Александр не имел склонности к геноциду, как Сталин или Гитлер. Он не был и древним конкистадором. Даже Юстин, относившийся к Александру с неизменной враждебностью, упоминает о том, что царь не давал своим войнам опустошать Азию по мере их продвижения и говорил им, что они должны беречь свою собственность и не разрушать свои будущие владения. Движущей силой его милосердия мог быть личный интерес, но результатом было сохранение жизни и имущества его подданных.

ЧУДО ВОЙНЫ

Действительно, Александр был чудом войны. Как подлинный виртуоз насилия, он неустанно подвергал себя величайшей опасности и выказывал мужество, которое может показаться безрассудным, но все-таки имеет объяснение. Александр принадлежал к очень узкому кругу людей, которые наслаждаются самим процессом битвы точно так же, как некоторые великие композиторы находили высшее удовлетворение в исполнении собственных шедевров.

Александр также обладал удачей подлинного любимца богов. Он мог погибнуть в битве в при Гранике в 334 г. до н. э. во время своего первого столкновения с персидской армией или же умереть за кирпичной стеной в безымянной крепости маллов, но Александру не было суждено пасть в бою — возможно, потому, что он был настоящим воплощением античной войны, «гневом Ахиллеса», направленным на врагов. Предсказание Дельфийского оракула оказалось верным: по крайней мере в бою Александр III из Македонии действительно был «неуязвимым».

Более того, боевая ярость Александра была острым лезвием превосходно подготовленной опытной и смертоносной силы: несравненной македонской армии. Пока Александр возглавлял их, македоняне не проиграли ни одной битвы, даже когда противник имел огромное численное превосходство.

Управляя этим тонко отлаженным инструментом организованного насилия, Александр показал себя великолепным тактиком, мастером тылового обеспечения и дальновидным стратегом. Хотя некоторые военные аналитики сомневались в благоразумии общей стратегии Александра при завоевании Персидской империи, у нас не может быть серьезных сомнений в оригинальности его замыслов, не говоря уже о продуманном и блестящем исполнении. До тех пор пока Александр не завоевал Персидскую империю, лишь немногие верили, что это вообще можно сделать. Предполагать сейчас, что Александр

мог совершить невозможное каким-то иным образом — все равно что рассуждать о другом маршруте покорения Эвереста для Эдмунда Хиллари и Тенцинга Нургея.

Привлекая внимание к единственному неудачному этапу военной кампании — страшному переходу через Гадросию, — многие историки забывают о самом очевидном факте, связанном с завоеваниями Александра. В мире, полностью лишенном моторизованного транспорта, он лично провел относительно хорошо снабжаемую и неизменно победоносную армию, насчитывавшую десятки тысяч солдат, с вьючными животными и большим обозом из Македонии в Индию и обратно в Вавилон. Этот поход длиной 10 000 миль продолжался более десяти лет. Достижения Александра в области материально-технического обеспечения являются образцом, по которому следует оценивать действия всех полководцев, вплоть до современности.

Тактические действия Александра во время отдельных сражений и осад заключались в способности мгновенно и четко оценивать сильные и слабые стороны своей позиции и позиции противника по отношению к местной топографии. За сутки после прибытия на поле боя при Гранике, Иссе и Гавгамелах Александр придумывал новое войсковое построение (тактический квадрат в Гавгамелах) и тактические операции (отвлекающий маневр в битве при Гранике и «клещи» во время операции при Гидаспе), в точности соответствовавшие особенностям местности и расположению сил противника. Он как будто мог представить ход битвы еще до ее начала, а затем в точности осуществить свой замысел. Это был дар богов, развитый и отточенный до совершенства благодаря многократному применению. С ранней юности Александр мог видеть то, чего не видели другие, и делал правильные выводы. Если битва начинала разворачиваться не по его сценарию, как это случилось при Гавгамелах, он быстро приспосабливался к новой обстановке. Задолго до того как Наполеон учил европейских военных министров просчитывать варианты действий на полях сражений, Алек-

сандр показал Дарию и персидской армии, что перед каждой битвой у него имеется в запасе целый ряд вторичных тактических уловок.

Лишь Наполеон мог сравниться с необыкновенной способностью Александра «читать» топографию поля боя и вносить тактические изменения, необходимые для победы, но Александр так и не встретился с Персидским герцогом Веллингтоном и не испытал горечь азиатского Ватерлоо. Он остается величайшим гением тактики в военной истории. Подобно Веллингтону, который был олицетворением злого рока для Наполеона, Александр всегда оказывался в нужном месте, всегда использовал топографию с выгодой для себя и делал все остальное, включая личное руководство своими войсками в бою.

Для победы в генеральных сражениях независимо от особенностей местности и первоначального соприкосновения двух армий, Александр в конечном счете пользовался одним и тем же тактическим приемом. В главных битвах (при Гранике, Иссе, Гавгамелах и Гидаспе), в отличие от всех современных полководцев, Александр *лично* возглавлял решающую конную атаку на ряды противника в нужное время и в нужном месте. Он был мастером сосредоточения сил для достижения наиболее разрушительного эффекта. Он умел выполнять тщательно спланированные атаки или импровизировать на месте. Его осады стали образцом для подражания. Он первым использовал катапульты в качестве полевой артиллерии. Более того, он разрушил границы общепринятой военной практики, пользуясь такими сочетаниями различных родов войск, которые раньше никто не мог представить.

Военные кампании по завоеванию целых континентов были тщательно спланированы задолго до осуществления и вплоть до мельчайших подробностей. Если бы фон Клаузевиц мог попасть в IV век до н. э. со списком своих стратегических принципов, то Александр преподавал бы немецкому теоретику некоторые полезные уроки.

И наконец, почувствовав вкус победы, Александр преследовал своих противников с неустанной скоростью и

ненасытным аппетитом прирожденного хищника. Эта скорость позволяла ему удвоить собственное оперативное время и наполовину уменьшить время, остающееся в распоряжении неприятеля. Благодаря своей поразительной мобильности он часто обрушивался на врагов еще до того, как они успевали осознать его присутствие. Даже в античные времена Александр славился своей способностью застигать врага врасплох, если не шокировать врага, своим неожиданным появлением.

Александр проявлял щедрость и даже великодушие по отношению к тем, кто сдавался на его милость и признавал его превосходство, но был неумолим и беспощаден по отношению к упорствующим. Картины жестоких расправ выглядят устрашающе, но в то же время невольно зачаровывают нас.

Александр был военным гением, настоящим художником войны и величайшим завоевателем в истории западной цивилизации, а может быть, и всего мира. Его тактические приемы, стратегическое видение, организация материально-технического обеспечения и лидерские качества будут представлять интерес, пока люди занимаются военным делом. Но был ли Александр Великий чем-то большим, нежели гением войны и насилия?

МАКЕДОНСКИЙ МЕССИЯ?

Некоторые считали, что Александр был своеобразным мессией или предтечей Иисуса, но он не являлся мессианской фигурой, не был искупителем для всего человечества и определенно не следовал шестой христианской заповеди. Судя по всему, Александр получил от своих богов совсем другие заповеди: бить быстро, бить первым, наносить удар с максимальной силой и стремительно подавлять любое сопротивление. Но хотя Александр не был македонским мессией, можно ли считать его неким царем-философом, наделенным божественной миссией ради блага и примирения человечества?

ИМПЕРИЯ «ЛУЧШИХ»

Александр верил, что Зевс является отцом всех людей, как учил Гомер, его первый и самый влиятельный наставник. Греки, македоняне, персы, бактрийцы и индусы были сыновьями Зевса, если не любящими братьями, но Александр также верил, что Зевс особо приближает к себе лучших представителей человечества. Это он считал само собой разумеющимся. Всю свою жизнь он стремился доказать великими и беспрецедентными деяниями, что принадлежит к числу избранников Зевса.

Перед каждым важным мероприятием и после него Александр молился или приносил жертвы богам и богиням Греции и Азии, обращаясь к ним за помощью или благодаря за покровительство. Результаты этих обращений подтверждали, что его цели и поступки совершаются с божественного одобрения. Каждая новая победа служила очередным подтверждением того, что Александр действительно принадлежит к числу любимых сыновей Зевса.

Именно на этой основе — на вере в то, что величайший из олимпийских богов особенно любит Александра и «лучших» из остальных, — он собирался объединить весь мир. У него не было намерения учредить всеобщее братство среди людей. В Опиде Александр молился о том, чтобы любимейшие сыновья Зевса, македоняне и персы, могли править совместно в дружбе и гармонии.

Не следует забывать, что сам Александр имел смешанное происхождение, на что с губительными для себя последствиями намекнул Аттал на свадьбе Филипа II и Клеопатры. Олимпиада, мать Александра, была молосской царевной из Эпира, сам Александр с ранней юности окружал себя людьми разных народностей. Первый основанный им город, Александрия Египетская, был населен не только этническими греками. Его первая жена была бактрийкой, а две другие — персиянками. Отец Александра тоже женился на уроженках других стран по политическим соображениям, но Александр сочетался браком со своими персидскими невестами по обычаю их страны.

Он также назначил Аду наместницей Карики, великодушно и почтительно относился к персидским знатым дамам, захваченным после битвы при Иссе, устроил роскошные похороны Статире, жене Дария, казнил собственных полководцев за надругательство над женщинами, обещал Сисгамбии устроить ее дочерям хорошие супружеские партии и сдержал слово. Его отношение к женщинам было совершенно необычным не только для той эпохи, но и для большей части истории человечества. В недавно опубликованном сборнике эссе на тему об изнасиловании в древности его имя не встречается в алфавитном списке, что вполне справедливо, так как Александр презирал насилие над женщинами.

Безусловно, в основе мировоззрения Александра лежали взгляды македонского аристократа, выросшего в среде греческой литературы (особенно Гомера и Еврипида), культуры и религии. На всем протяжении своих военных походов Александр регулярно приносил жертвы богам и организовывал греческие музыкальные, драматические и гимнастические празднества. Этим он показывал, что смотрит на мир подобно большинству греков. Тем не менее в ходе контактов с народами Ближнего Востока Александр постепенно приобрел более непредвзятое мнение о так называемых варварах и их обычаях, чем многие из окружающих его греков или македонян, и желал включить в состав своей империи все лучшее, что он нашел в Персии, в соответствии со своим основополагающим принципом. В любой области своей деятельности Александр выходил за границы, очерчивавшие и упорядочивавшие тот мир, который многие его современники хотели построить: границы между Западом и Востоком, границы нравов и обычаев между старинными врагами, границы эротических побуждений, направленных на других людей, и наконец, последний барьер — границы, разделявшие людей и богов.

Решительно и бесстрашно пересекая эти границы, Александр далеко опередил многих своих товарищей, не способных или не захотевших поспеть за человеком, ко-

торый не останавливался, пока не достигал краев Земли, и твердо верил в свое предназначение: покорять новые страны и властвовать над всей Азией и Европой, стать живым богом и пребывать в содружестве и гармонии с лучшими из людей.

Управление мировой империей Александра предназначалось не для обычных людей, а для лучших из них. Он не был сторонником эгалитарных идеалов, так как не верил, что все люди созданы равными или обладают неотчуждаемыми правами. Александр не был македонским Локком или Монтескье; скорее он был античным интернационалистом в очень ограниченном смысле, допускавшим возможность, что некоторые из особо приближенных к Зевсу не являются гражданами его собственной страны.

Таков был мир, к созданию которого стремился Александр, когда смерть настигла его в Вавилоне в июне 323 г. до н. э. Смерть помешала ему достигнуть цели: покорить весь мир и установить мировую империю под управлением лучших людей. Но уничтожила ли она все, что ему удалось совершить?

Александр и неоднозначность величия

ВСЕГО ЛИШЬ КОМЕТА?

Среди историков вошло в моду отрицать, что Александр вообще имел какое-либо историческое наследие. Подобно огненной комете, Александр прочертил небосклон в конце IV века до нашей эры, взорвался и исчез в облаке мифического пара.

Такой нелепый взгляд является классическим примером влияния современных тенденций на исторические исследования. Поскольку в XX веке войны и империи становились все более непопулярными, лучшие полководцы и строители империй тоже утрачивали популярность. Завоевания Александра стали источником замешательства или даже чувства вины среди западных историков, как справедливо указывают другие историки, не принадлежащие к западному направлению. Без сомнения, война — это зло, но люди всегда воевали друг с другом. Войны на тысячи лет предшествовали появлению самой истории, если понимать под «историей» формальные письменные исследования прошлого. Но в мире Александра многие философы считали войну нормальным и даже естественным состоянием человеческих дел; более того, никто не

сомневался в глубине ее последствий. Война, как заметил ионийский философ Гераклит в VI веке до н. э., была «отцом всего». Мир, увы, был лишь бездетной девой.

Те, кто отрицает историческое наследие Александра, дают лучшее представление о собственных ценностях и взглядах на мир, чем об Александре и его мире. Составление исторических трудов в соответствии с современными ценностями, возможно, снимает с ученых чувство вины за историю собственного народа, но такой подход изобилует анахронизмами и не может быть объективным. Он даже вреден, поскольку мешает нам понять, каким образом личность Александра и его завоевания продолжают оказывать влияние на современный мир.

КРАТКОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Если мы попробуем отступить от собственных ценностей и склонности судить о прошлом в соответствии с нашими нравственными представлениями, легко понять, что завоевания Александра имели более и менее очевидные краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия, изменившие ход мировой истории.

В первую очередь, Александр устранил главную политическую и военную силу на Ближнем и Среднем Востоке — персидскую династию Ахеменидов. После Александра греки и македоняне в первый и последний раз стали властителями земель от западной Малой Азии до Инда.

Во-вторых, хотя система управления империей Александра была основана главным образом на персидской административной системе, его завоевания привели к значительным переменам в этой области. Благодаря ему греческий язык пришел на смену арамейскому в качестве общегосударственного на обширных территориях от Малой Азии до Индии. Не менее важным было основание городов-государств греческого типа от Александрии Египетской до Александрии Дальней в современном Таджикистане. Хотя некоторые из этих поселений существовали недолго после смерти своего основателя, другие дос-

тигли расцвета и величия. Александр распространил идею *полиса* — главной политико-административной единицы греческой цивилизации — от Египта до Средней Азии.

До Александра основные элементы греческого гражданского общества (*этнос* и *полис*) и греческий язык не пользовались широким распространением к югу и востоку от реки Галис в Малой Азии, за исключением отдельных торговых аванпостов, таких как Аль-Мина в устье реки Оронт в северной Сирии и Навкратис в дельте Нила. После Александра военные и политические аспекты греческого государственного строя преобладали на Ближнем и Среднем Востоке, а греческий язык стал языком государственной и общественной жизни. Таким образом, в сжатые сроки Александр преобразил военный, политический и культурный ландшафт Азии и Европы.

СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В среднесрочной перспективе последствия завоеваний Александра имели не менее важное значение. Он был прав, говоря о «великом состязании» над своей могилой. Его полководцы десятилетиями боролись друг с другом за право наследования. Хотя многие из друзей и командиров Александра были превосходными воинами и администраторами, никому из них не удалось объединить его огромную империю.

Но лучшим из них достались почетные трофеи: Птолемей I и его наследники правили в Египте до 30 года до н. э.; Селевк и его преемники правили Сирией и ближневосточными провинциями империи Александра; Антигон со своими потомками правил в Греции и Македонии. В конце концов все эти династии одна за другой пали под неудержимым натиском римлян.

Мы лишь недавно смогли оценить, насколько динамичной была культура и политика царств—преемников империи Александра. Период после его смерти не был периодом стагнации и замедления политических процессов. Напротив, так называемая эллинистическая эпоха,

продолжавшаяся примерно с 323 по 30 год до н. э., была эпохой огромной политической, религиозной и творческой энергии. Благодаря контакту с эллинистической культурой, сама римская культура внутренне преобразилась, что открыто признавали сами римляне. Все это привел в движение Александр. Можно лишь гадать, как много новых исторических процессов он мог бы запустить, если бы прожил еще несколько лет и покорил Аравию и западное Средиземноморье.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Если посмотреть на долгосрочные последствия деятельности Александра, мы получаем еще более поразительную, хотя и не вполне оцененную картину. Как известно, Александр заложил основы греко-македонской, а впоследствии и римской цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке. Греко-римская цивилизация преобладала в восточном Средиземноморье до арабского вторжения в VII веке нашей эры, но Восточная Римская империя сохранилась в форме Византии до середины XV века, когда Константинополь пал под натиском Османской империи.

Таким образом, Александр был первым архитектором смешанной греко-римской цивилизации на Ближнем Востоке, политическое существование которой продолжалось более 1700 лет. Он оставил длинный исторический хвост для «обычной кометы».

Но наследие Александра является еще более всеобъемлющим и долговечным. В границах греко-римской цивилизации он способствовал основанию трех великих «книжных религий»: раввинского иудаизма, раннего христианства и раннего ислама. Эти религии развились на основе иудаизма в тесном контакте с греко-римской цивилизацией и ее религиозными традициями, часто вступая в противостояние с ними. Возьмем хотя бы один пример, свидетельствующий об исторической важности этих контактов и конфликтов. Лишь немногие люди задумывают-

ся над тем, почему все основополагающие тексты христианства были написаны на греческом языке. Выражаясь по-иному, мы можем задать вопрос, какими были бы последствия для истории христианства, если бы все его канонические тексты были написаны по-еврейски или по-арамейски, на повседневном языке Иисуса и его ближайших спутников.

В результате завоеваний Александра греческий язык стал лингвистической средой, в которой христианство распространилось по всему Средиземноморью. Более того, на острове Фарос возле Александрии Египетской — первого и величайшего из городов, основанных Александром, — еврейское Пятикнижие (Тора) было переведено на греческий язык, предположительно, семьюдесятью двумя учеными евреями из Иерусалима в период царствования Птолемея II Филадельфа (308 — 246 г. до н. э.). В этом городе, план которого Александр сам намечал ячменной мукой на развернутом македонском военном плаще, еврейская Библия стала Септуагинтой — первой ветхозаветной книгой, написанной на греческом языке.

Завоевания Александра заложили физические, лингвистические и культурные основы для контактов и конфликтов между греко-римскими политеистами и «народами Книги». Судя по степени воздействия этих контактов и конфликтов на религиозные убеждения «народов Книги», мы можем сказать, что три мировые религии, которые в наши дни исповедуют более трех миллиардов верующих по всему миру, многим обязаны честолюбивым устремлениям македонского царя.

Покоряя Ближний и Средний Восток, Александр верил, что он строит мировую империю для лучших людей; вместо этого он построил гражданскую структуру будущего мирового сообщества, где искупление стало возможным для всех. История полна иронии и непреднамеренных совпадений. Превращение «империи лучших» в общество верующих в спасение через искупление грехов является одним из наиболее ярких примеров.

Пророчество Зевса-Амона исполнилось, хотя и не так,

как ожидали. Если оракул сказал Александру, что он останется неуязвимым, пока не достигнет края света, так и случилось. Имя Александра, его жизнь и историческое наследие завоевали весь мир. Амон не обещал Александру, что царь будет жить и увидит тот день, когда покорит весь мир; бог не открыл ему и то, каким образом это произойдет. Но предсказания оракулов можно толковать по-разному. Мы никогда не узнаем, смогло ли исполнение пророчества Амона удовлетворить страстное желание честолюбивого гения, чьи дела описаны в этой книге.

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВЕЛИЧИЯ

Мы, простые смертные, знаем, что Александр заложил основы греко-римской цивилизации, из которой впоследствии выросла западная цивилизация. Возможно, именно поэтому нас так интересует, был ли Александр мессией или массовым убийцей. Будучи наследниками цивилизации, которую он помог создать, мы хотим видеть его злодеем или спасителем. Надеюсь, мне удалось показать, что Александр был неоднозначной личностью, сочетавшей великие и достойные восхищения дела и человеческие качества с ужасными ошибками, преступлениями и заблуждениями. Подобно Моцарту, Александр нарушает наш душевный покой и напоминает нам, что индивидуальное величие часто имеет огромную цену, что жизнь хрупка и неопределенна и что конец жизненной драмы может иметь много разных толкований. Но такое часто случилось в истории.

В 1915 году, когда Уинстон Черчилль занимал пост первого лорда Адмиралтейства, он нес ответственность за стратегические ошибки, которые привели к гибели тысяч солдат британского и австралийско-новозеландского экспедиционного корпуса при Галлиполи. В межвоенный период Черчилль делал все возможное, чтобы воспрепятствовать самоуправлению в Индии, лишая таким образом политической свободы сотни миллионов индийцев. Его план по пресечению немецких поставок железной руды из Скандинавии в 1940 году тоже привел к катастрофе.

С другой стороны, Черчилль просто не мог уступить Гитлеру, и поэтому, возможно, спас западную цивилизацию в то время, когда люди были готовы «заплатить любую цену за ее спасение». В конце недавно изданной биографии Черчилля, написанной историком и бывшим известным политиком от лейбористской партии, Черчилль был назван не только лучшим британским премьер-министром XX века, но и величайшим человеком, когда-либо занимавшим кабинет в доме по адресу Даунинг-стрит, 10.

В 7 часов 48 минут утра, во вторник 31 июля 1945 года, в записке из одиннадцати слов, написанной свинцовым карандашом, президент Гарри С. Трумэн подписал смертный приговор примерно 130 000 граждан Японии, которые погибли мгновенно или спустя несколько месяцев после взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой 5 августа 1945 года. Однако автор масштабной биографии Трумэна, завоевавшей престижную литературную премию, пришел к выводу, что «он был таким президентом, какого хотели бы видеть отцы-основатели нашей страны. Он вышел прямо из народа. Он *был* Америкой».

Эти примеры были приведены не с целью принизить достоинства двух великих лидеров XX века или усомниться в исторической оценке их личности, вынесенной двумя уважаемыми биографами. Скорее это было сделано с целью показать, что историческое «величие» само по себе часто является более неоднозначным и субъективным понятием, чем принято считать, и что многие великие исторические персонажи совершали ошибки и причиняли огромные страдания, не становясь чудовищами в глазах потомков. Мужчины и женщины, обладавшие выдающимися способностями, часто имели не менее выдающиеся изъяны и совершали ужасные ошибки, потому что в конце концов они были такими же людьми, как и все остальные. Мы должны признать неоднозначность и двойственную природу великих людей. Если мы сделаем это, то, возможно, научимся лучше жить с собственными изъянами и ошибками.

Эпилог

ЭПИТАФИЯ АРРИАНА

Спустя более двух тысяч лет, когда мы задумываемся о двойственной природе величия, это взвешенное суждение Арриана по-прежнему сохраняет актуальность.

«Александр скончался в 114-ю олимпиаду при Гегесии, архонте афинском. Жил он 32 года и 8 месяцев, как говорит Аристокбул, царствовал же 12 лет и 8 месяцев. Был он очень красив, очень деятелен, стремителен и ловок; по характеру своему очень мужествен и честолюбив; великий любитель опасности и усерднейший почитатель богов. Физическими удобствами он почти пренебрегал, что же касается душевных, то желание похвалы было у него ненасытное. Он обладал исключительной способностью в обстоятельствах темных увидеть то, что нужно: с редкой удачливостью заключал по имеющимся данным, какой исход вероятен; прекрасно знал, как построить, вооружить и снабдить всем необходимым войско. Как никто умел он поднять дух у солдат, обнадежить их, уничтожить страх перед опасностью собственным бесстрашием. С решимостью непоколебимой действовал он в тех случаях, когда действовать приходилось на глазах у всех; ему не было равного в умении обойти врага и предупредить его действия раньше, чем мог возникнуть страх перед ним. Он нерушимо соблюдал договоры и соглашения; его не-

возможно было провести и обмануть. На деньги для собственных удовольствий был он очень скуп; щедрой рукой сыпал благодеяния.

Если Александр и совершал проступки по вспыльчивости, если он и зашел слишком далеко в восхищении варварскими обычаями, то я этому не придаю большого значения. К снисхождению склоняют и его молодость, и его постоянное счастье, и то обстоятельство, что его окружали люди, которые стремились только угодить ему, а не направить к лучшему; такие есть, и всегда, к несчастью, будут в свите царей. Но я знаю, что из древних царей раскаивался в своих поступках лишь один Александр — по благородству своей души. Большинство же, создавая свой проступок, оправдывают его как нечто прекрасное, думая таким образом прикрыть свою вину. Они ошибаются. Единственное исправление вины, по-моему, заключается в том, что виновный признает ее за собой и раскаивается в ней; тогда и обиженным обида не кажется такой тяжелой. Если сделавший злое признает, что дело его нехорошо, то остается добрая надежда на будущее; если он сокрушается о прошлых проступках, то не допустит впредь подобной вины. А если он возводил свой род к богам, то это не кажется мне большим проступком: возможно, что этой выдумкой он хотел возвысить себя в глазах подданных. Я, во всяком случае, считаю, что он был не менее знаменитым царем, чем Минос, Эак или Радаманф, чей род древние возводили к Зевсу, не вменяя им этого в дерзость и самомнение. То же самое можно сказать о Тесее, сыне Посейдона, или об Ионе, сыне Аполлона. И персидскую одежду он надел, по-моему, обдуманно: ради варваров, чтобы явиться для них не вовсе чуждым царем, и ради македонян — для умаления македонской резкости и заносчивости. Для того же, думается мне, он и зачислил в их ряды персов «носителей айвы», а в агему людей, равных ее членам по достинству. И частые пирушки устраивал он, по словам Аристобула, не ради вина — Александр пил мало, — а из расположения к друзьям.

Те, кто бранит Александра, пусть не только бранит дос-

тойное брани, но охватит все его деяния и даст себе отчет в том, кто он сам и в какой доле живет. Он ничтожное существо, утружденное ничтожными делами, с которыми, однако, он не в силах справиться; он бранит царя, ставшего таким великим, взошедшего на вершину человеческого счастья, бесспорно повелителя обоих материков, наполнившего мир славой своего имени. Я думаю, что в то время не было ни народа, ни города, ни человека, до которого не дошло бы имя Александра. И я полагаю, что не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было. На это, говорят, указывали и предсказания при смерти Александра, и различные видения и сны, которые видели люди; почести, воздаваемые ему до сих пор людьми; память, которую он оставил о себе как о существе вышнем; предсказания, которые и теперь, столько времени спустя, даются из уважения к нему македонскому народу. Я сам в этом труде с порицанием отозвался о некоторых поступках Александра, но не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением. А дела его я бранил потому, что люблю правду, и потому, что хочу принести пользу людям: поэтому не без божьего изволения и взялся я за эту работу».

Приложение

Источники: историки и литературные поденщики

УТРАЧЕННАЯ БИБЛИОТЕКА АЛЕКСАНДРА

До создания Александрийской библиотеки существовала целая библиотека книг об Александре. Первоначальная коллекция состояла из трудов, написанных во время жизни Александра и сразу же после его смерти. К сожалению, все оригинальные тома «библиотеки Александра» исчезли бесследно либо были вывезены (но не сохранены) авторами римской эпохи, которые вставляли цитаты и общие сведения из оригиналов в собственные книги об Александре, заставляя нас гадать, что в действительности говорили ранние античные авторы. Это трудная, но крайне важная задача.

Для того чтобы понять, почему оракул Зевса-Амона в Сиве поведал двадцатипятилетнему македонскому царю, что он достигнет края света, нам нужно определить главные античные источники, повествующие о жизни Александра. Нам нужно знать, кем были эти авторы, когда они жили, что они писали, для кого они создавали свои произведения и почему они это делали. Лишь после того как мы поймем их точку зрения, то сможем определить ценность информации, которую они предоставляют.

Это относится не только к информации из литературных источников, но и к материальным свидетельствам той эпохи: надписям, монетам и археологическим артефактам. Личность подлинного Александра Великого мо-

жет быть реконструирована только по тому, что его современники сочли нужным написать о нем и его деяниях. Без этих источников у нас просто не будет никакого Александра, реального или вымышленного.

Античные жизнеописания Александра можно разделить на три широких категории: несколько литературных сочинений и памятников материальной культуры, созданных при его жизни; около десятка литературных работ, принадлежащих к периоду примерно с 323 г. до н. э. до конца II века до н. э.; и наконец пять-шесть повествований, написанных от середины I века до н. э. до IV века н. э.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Наиболее важным современным литературным источником деяний Александра является Каллисфен. По всей вероятности, он был родственником великого философа Аристотеля. Он был избран, чтобы сопровождать Александра в персидской военной кампании и написать отчет о ней под названием «Деяния Александра». Хотя этот труд не сохранился, судя по его фрагментам, использованным более поздними авторами, нам известно, что книга Каллисфена была хвалебной по содержанию и прославляла военные подвиги Александра и его притязания на божественное происхождение. Важно помнить, что Каллисфен дает не «только факты», а описывает события в благоприятном для Александра контексте, умалчивая о том, что сам царь не хотел бы слышать о себе. Каллисфен был официальным рупором Александра во время военной кампании, поэтому его взгляд имеет для нас неоценимое значение.

Другие труды, написанные во время завоевательных походов Александра в Персидской империи, содержат разрозненную информацию. Некий Анаксимен написал две книги под названием «Об Александре», где повествуется о событиях вплоть до битвы при Иссе (333 г. до н. э.), но от этого сочинения сохранилось лишь несколько коротких фрагментов. Более существенными по объему являются

фрагменты, оставленные землемерами Александра, которые шли вместе с армией и отмеряли «стадии» (расстояния), пройденные македонянами.

Трудно оценить историческую важность другого исторического документа, так называемых «Эфемерид», или «Царских дневников». Предположительно, это дневниковые записи царствования Александра, составленные его секретарем Евменом из Кардии и Диодотом из Эритреи. Сохранившиеся фрагменты этих дневников, цитируемые более поздними авторами, относятся главным образом к последним дням жизни Александра и подтверждают его смерть от лихорадки. Однако к сведениям из «Царских дневников» следует относиться с осторожностью.

В нашем распоряжении также имеются надписи, папирусы, монеты, статуи и археологические объекты, проливающие свет на личность Александра и особенности его царствования. Однако их нельзя принимать как должное. «Объект» не значит «объективный», хотя эти два слова происходят от одного корня. К примеру, надписи следует подвергать тщательному анализу с учетом их формы и содержания, прежде чем пользоваться ими как доказательством тех или иных событий.

ИСТОЧНИКИ, БЛИЗКИЕ К СОВРЕМЕННЫМ

После смерти Александра некоторые участники военной кампании оставили воспоминания о разных этапах похода или попытались написать историю его царствования. Среди них был Онесикрит из Астипалеи, кормчий царской галеры. Название утраченного сочинения Онесикрита остается неопределенным; согласно разным источникам, он назывался «Образование Александра» или «История Александра». В античную эпоху Онесикрит имел репутацию фантазера, но он тем не менее оставил любопытные воспоминания о встречах македонян с так называемыми гимнософистами и о завоеваниях Александра в Индии.

Неарх, сын Андротима с острова Крит, был одним из друзей Александра, изгнанного из Македонии Филипом II

после неудачного «сватовства Пиксодача». Вернувшись ко двору после смерти Филипа, Нearch принял командование флотом Александра. Он проплыл вниз по Инду и от устья этой реки вдоль побережья до устья Евфрата.

Воспоминания Нearchа не сохранились. Из фрагментов, включенных в более поздние сочинения, нам известно, что он уделял особое внимание трудностям морского похода — вероятно, с целью укрепить собственную репутацию за счет своего соперника Онесикрита.

Другим важным источником информации этого периода является Птолемей I, сын Лага (около 367 — 283 до н. э.). Птолемей стал одним из личных телохранителей Александра осенью 330 года и впоследствии получал назначения на разные важные должности. После смерти Александра он увез тело царя в Египет и провозгласил себя сатрапом этой страны. Впоследствии он принял титул царя и фараона и основал династию Птолемеев, правившую в Египте до кончины Клеопатры VII в 30 году до н. э.

Птолемей написал ныне утраченную историю царствования Александра. Наряду с другими, более поздними авторами Арриан обильно пользовался этим источником. Нам известно, что воспоминания Птолемея охватывали период как минимум с 335 г. до н. э. до смерти Александра. Его повествование, судя по всему, было сосредоточено главным образом на военных делах.

Но Птолемей тоже не просто «излагал факты». Он преследовал собственные цели, преувеличивая свой вклад в успехи Александра и принижая и игнорируя достижения своих соперников. Таким образом он оправдывал собственную политическую деятельность после смерти Александра.

Другим очень важным источником является Аристокбул из Кассандрии, принимавший участие в экспедиции Александра — судя по всему, в какой-то незначительной должности. Аристокбул написал историю царствования Александра примерно в 301 году до н. э., когда автору было 84 года. От нее тоже остались лишь фрагменты.

В античные времена Аристокбула считали льстецом,

заявлявшим, к примеру, что Александр часто устраивал попойки не ради вина, а из расположения к друзьям. Тем не менее история Аристобула является ценным источником информации об индийском походе Александра и содержит интересные подробности, связанные с географией, ботаникой и местными обычаями.

Харет из Митилены, распорядитель придворных церемоний у Александра, тоже написал «Историю Александра» (ныне утраченную). В его сочинении содержатся ценнейшие сведения о попытке Александра ввести церемонию *проскинезы* и о массовом бракосочетании его командиров со знатными персиянками в Сузах в 324 году до н. э.

Клитарх из Александрии, не сопровождавший Александра в азиатском походе, написал историю его царствования как минимум в двенадцати книгах, датированных примерно 310 г. до н. э. Утраченное сочинение Клитарха обширно использовалось римскими авторами позднего республиканского и имперского периода. Клитарха критиковали за неточности и склонность к приукрашиванию. В то же время, поскольку он не участвовал в походе Александра, его история не была подвержена политическим влияниям, существовавшим при македонском дворе, и его сведения следует рассматривать как важный независимый источник информации.

Существовали также различные памфлеты, написанные современниками Александра, такими как Никобула и Эфипп из Олинта. То, что нам известно о памфлете Эфиппа «О смерти [или похоронах] Александра и Гефестиона», основано на пяти отрывках, включенных в текст *Deipnosophistae* («Пир софистов») Атенея. Даже принимая во внимание вероятность того, что выбор Атенея был обусловлен его личными литературными интересами, можно прийти к выводу, что Эфипп представил Александра как пьяницу, склонного к роскошествованию, необузданного и падкого на лесть человека. Его отношение к Александру было явно враждебным.

Пьянство Александра вплоть до его последнего пира послужило темой памфлета другого автора, женщины по

имени Никобула, если это имя, означающее «Победоносная в совете» или «Советница победы», не является псевдонимом.

Склонность Александра к пьянству также обсуждалась в «Истории» Поликлита, фессалийца из города Лариссы. Поликлит, вероятно, сопровождавший поход Александра, оставил важные географические сведения о его кампании, особенно о реках в Азии. Судя по одному из фрагментов, цитируемому Страбоном, ясно, что Поликлит сыграл роль в создании мифа о том, будто Александр достиг границы Азии.

Среди авторов, причисляемых к льстецам Александра, был некий Медий из Лариссы. Медий сопровождал Александра в азиатском походе и служил одним из *триерархов* (командиров трирем) царского флота на реке Инд. Именно Медий прославился тем, что был хозяином пирушки, на которой Александр либо заболел лихорадкой, либо был отравлен.

Гиерон из Кардии не принимал участия в азиатском походе Александра. Его длинная история начинается со смерти Александра и заканчивается смертью царя Пирра из Эпира (272 г. до н. э.). Это сочинение имело особенно важное значение для Диодора Сицилийского, который, очевидно, воспроизвел дословные цитаты Гиерона из так называемого «Указа об изгнанниках», изданного Александром в 324 году до н. э.

Наконец следует упомянуть о двух авторах III или II века до нашей эры, Гегесии из Магнесия и Аристе из Саламина. Цицерон и Дионисий из Галикарнаса резко критиковали Гегесия за дурной вкус в стихосложении, а также за содержание его трудов, которые Цицерон считал такими же нелепыми, как и его манеру речи. Его сочинения были причислены к книгам, наполненным «неслыханными и невероятными выдумками».

Сочинения Ариста относятся к середине II века до нашей эры. Он интересовался пирами и попойками македонян и привычкой Александра одеваться наподобие бога Гермеса.

ПОЗДНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

XVII и XVIII книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, всеобщей истории от мифологической эпохи до 60 г. до н. э., были составлены ближе всего по времени к современным и почти современным источникам. Работа над «Исторической библиотекой», по всей вероятности, завершилась около 30 г. до н. э. Клитарх определенно был одним из основных источников информации об Александре для Диодора.

Диодор особенно интересовался вопросами индивидуальной и общественной нравственности; в своем огромном труде он судит о людях и народах по их доброжелательности к окружающим, в особенности когда им сопутствует удача. Потрет Александра, нарисованный Диодором, следует оценивать в контексте его представлений о нравственной жизни.

Ближайший современник Диодора, Страбон из Амасии (род. ок. 64 г. до н. э. — ум. ок. 21 г. н. э.), написал «Географию» в 17 книгах, пользуясь сочинениями Аристубула и Нearchа в качестве источников для повествования о жизни Александра. Пятнадцатая книга «Географии» Страбона основана на сочинениях историографов Александра, посетивших западные регионы Индии.

Страбон интерпретировал деяния Александра с точки зрения стоических философов; он также подвергал критике историографов Александра за неприкрытую лесть и искажение фактов, выражавшихся в «перенесении» целых регионов, таких как Кавказ, на край света с целью создать впечатление, будто Александр достиг пределов известного мира.

Квинт Курций Руф писал в конце I или в начале II века нашей эры (вероятно, при римском императоре Клавдии, 41—54 г. н. э.). Первые две книги его десятитомной «Истории Александра» (*Historiae Alexandri Magni*), где описывались события до раздела сатрапий после смерти Александра, считаются утраченными. Курций Руф обильно пользовался сочинениями Клитарха и Птолемея. Его история,

довольно точная во многих отношениях, изобилует риторическими высказываниями действующих лиц, которые он не мог слышать, и бездоказательными суждениями о мотивах их поступков.

Далее мы имеем Л. Местрия Плутарха из греческой Херонеи, родившегося, вероятно, до 50 г. н. э. и умершего после 120 г. н. э. Наряду с другими сочинениями, Плутарх написал 23 сравнительных жизнеописания знаменитых греков и римлян. В начале биографии Александра (сопоставленной с биографией Юлия Цезаря) Плутарх сообщает, что его цель заключается не в составлении политической истории, а в создании примеров добродетели или порока в карьерах великих людей. Его жизнеописание Александра следует читать не как фактологическое повествование, а как своеобразную нравственную биографию, написанную с точки зрения хорошо образованного космополита времен Римской империи, находившегося под влиянием стоических идеалов. Биография Александра в его изложении изобилует сплетнями и непристойными анекдотами; наибольший интерес представляют разделы о детстве и юности будущего царя.

Луций Флавий Арриан из Никомерии в Вифинии жил с 86 по 160 год н. э. и стал римским консулом (ок. 129), а затем наместником (легатом) Каппадокии (131 — 137). Он был автором многих важных, но, к сожалению, утраченных исторических сочинений. Его «Анабасис», или «Поход Александра», в семи книгах начинается с восхождения Александра на престол и заканчивается смертью царя в Вавилоне в 323 году до н. э. В небольшом сопутствующем сочинении под названием «Индика» повествуется о плавании Нearchа от устья Инда в Сузы. Оно основано на воспоминаниях Эратосфена, Мегасфена и самого Нearchа. При создании «Анабасиса» главными литературными источниками Арриана были Птолемей и Аристобул, современники и друзья Александра, очень благожелательно относившиеся к царю. В результате Арриан уделяет внимание главным образом военным аспектам царствования Александра и во многом сочувственно относится к нему.

Автором последнего из наиболее поздних повествовательных сочинений является Марк Юстин, живший в III или IV веке нашей эры и составивший латинскую *эпитуму* (конспект или резюме) в остальном утраченной «Филиппической истории» (*Historiae Philippicae*) Помпея Трога, жившего в конце I века до н. э. и написавшего о Македонии в 7—12-й книгах своего исторического труда. Юстин иногда сообщает факты из жизни Александра, отсутствующие в других источниках. К примеру, он упоминает о том, что Александр унаследовал пристрастие к крепкому неразбавленному вину от отца, но свою кровожадность он унаследовал от матери.

Важные сведения также содержатся в сочинении Атеней из Навкратиса под названием «Пир софистов» (*Deipnosophistae*). Это живописное сочинение было составлено вскоре после смерти римского императора Коммода (ок. 192 г. н. э.). В нем повествуется о многодневном пире ученых гостей с беседами о философии, литературе, законодательстве, медицине и многих других предметах, с упоминанием некоторых важных событий из жизни Александра. Атеней дает ценную информацию о дворцовых церемониях и роскоши, царившей при македонском дворе.

ИСТОРИКИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОДЕНЩИКИ

Таковы главные античные литературные и материальные свидетельства жизни и деяний Александра. Вполне вероятно, что среди авторов, писавших свои сочинения при жизни Александра или в течение ста лет после его смерти, не было откровенных мошенников. Однако впоследствии появились разнообразные литературные поденщики, фантазеры, льстецы и любители скандалов, напыщенные критики и пуританские памфлетисты, а также несколько серьезных ученых и независимых историков. В современном книжном магазине труды этих авторов можно найти на книжных полках во многих отделах, от биографий до журнального стенда.

Насколько мы можем судить, в качестве общего прави-

ла, чем ближе (во времени и пространстве) к жизни Александра были написаны эти сочинения, тем более сочувственно авторы относились к главному герою. Но ни один из самых ранних трудов не сохранился в первоначальном виде. Практически все, что нам известно о содержании этих утраченных сочинений — доброжелательных или враждебных, — получено из цитат или фрагментов, включенных в последующие работы. Мы не можем точно знать, почему более поздние авторы включали именно эти фрагменты из ранних источников или ссылались на них в своих произведениях.

Из сохранившихся томов некогда обширного собрания сочинений о жизни, свершениях Александра трудно составить точную, взвешенную и убедительную биографию великого царя. Современная биография неизбежно будет опираться на разрозненные фрагменты утраченных или частично утраченных сочинений, написанных авторами, преследовавшими собственные цели, на остатки материальной культуры, сохранившиеся со времен Александра, и на более поздние повествовательные сочинения, составленные римскими авторами имперского периода, которые часто видели в Александре отражение личности собственных правителей, обладавших сложным и часто жестоким характером. Совершенно очевидно, что историки и биографы Александра, жившие в римскую эпоху, находились под большим влиянием собственной культурной среды, образования, современных литературных традиций и исторических обстоятельств.

Искусство создания объективного и убедительного образа Александра из такой головоломки — задача не для слабонервных. Реконструкция его намерений, решений и поступков может быть правдоподобной лишь после тщательного отсеивания и анализа всех свидетельств, предоставленных в античных источниках.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение. Настоящий Александр</i>	13
<i>Главные действующие лица</i>	18
<i>Правители Персии и Македонии</i>	32
<i>Хронология</i>	34

ЧАСТЬ I

«Александр, сын Филипа, и греки»

ГЛАВА 1	Кровь героев	39
ГЛАВА 2	План Ахурамазды	47
ГЛАВА 3	Возникновение сверхдержавы	53
ГЛАВА 4	Убийство Филипа II	68
ГЛАВА 5	Бросок копья и азиатский приз	84
ГЛАВА 6	Греческие города в Малой Азии	99
ГЛАВА 7	Битва при Иссе	112
ГЛАВА 8	Мастер осадного дела	127
ГЛАВА 9	Дар реки	138
ГЛАВА 10	Битва при Гавгамелах	153
ГЛАВА 11	Разграбление Персеполя	176

ЧАСТЬ II

Царь всей Азии

ГЛАВА 12	Смерть Дария	189
ГЛАВА 13	Упреждающий удар	201

ГЛАВА 14	Убийство Бранхидов	209
ГЛАВА 15	Гнев Диониса	215
ГЛАВА 16	Конец мятежей	228
ГЛАВА 17	«Одним поцелуем меньше»	234
ГЛАВА 18	По стопам Диониса	246
ГЛАВА 19	Битва при Гидаспе	254
ГЛАВА 20	Мятеж на реке Гифас	263

ЧАСТЬ III

Когда они были счастливы

ГЛАВА 21	Награда за великие деяния.	275
ГЛАВА 22	Исполнение пророчества	287
ГЛАВА 23	Смерть в пустыне	292
ГЛАВА 24	Царство террора?	299
ГЛАВА 25	Дар Набарзана	305
ГЛАВА 26	Брак в персидском стиле.	314
ГЛАВА 27	Мятеж в Опиде	321
ГЛАВА 28	Планы на будущее	330
ГЛАВА 29	Смерть в Вавилоне.	341
ГЛАВА 30	Александр: массовый убийца или мессия?	351
ГЛАВА 31	Александр и неоднозначность величия.	362
<i>Эпиграмм.</i>	Эпитафия Арриана	369
<i>Приложение.</i>	Источники: историки и литературные поденщики	372

Литературно-художественное издание

Гай Маклин Роджерс

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *Н. Семенова*

OCR - Давид Титивеский, май 2017 г., Хајфа

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бужкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 25.11.2005

Формат 60x90¹/₁₆. Гарнитура «Гарамонд»
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 24,0.
Тираж 5000 экз. Заказ 6765

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

...Хотя попытка Александра основать всемирную империю закончилась неудачей, я покажу, что он тем не менее заложил основы западной цивилизации и продолжает оказывать влияние на религиозные убеждения бесчисленного количества людей в современном мире, иногда самым неожиданным образом. Мы знаем Александра в основном как великого завоевателя, но, возможно, именно благодаря ему, а не Сыну плотника из Назарета «величайшая история из всех» стала господствующим мифом в нашем мире.

...Хотя Александр рисовал в своем воображении мировую империю совершенно иного рода, он в итоге заложил основы западной цивилизации, выросшей из греко-римской античной культуры.

...Личность Александра по-прежнему имеет значение, поскольку он, в определенном смысле, является собирательным образом для многих наших устремлений и опасений. Возможно, по этой причине ученые создали такой противоречивый исторический портрет Александра. Этот портрет - неотъемлемая часть представления западного общества о самом себе. Мы создаем «Александров» по образу и подобию цивилизации, к которой мы стремимся или которой хотим избежать.

Гай Маклин Роджерс

ISBN 5-699-14478-1

9 785699 144785 >

5767

69-00